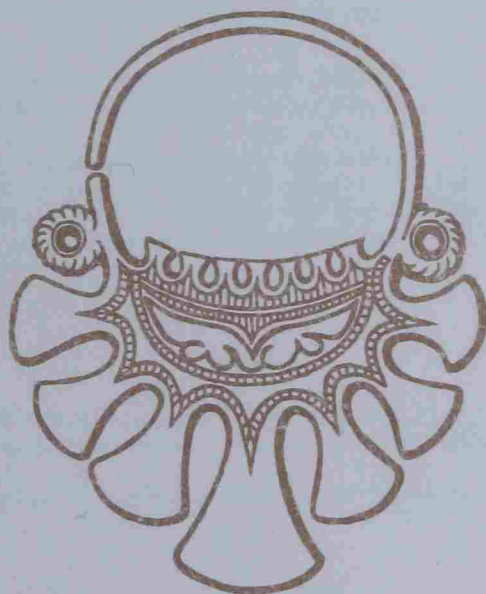

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 2

- 34 жс -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

**А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин**

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 2

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите	5
Дубовская О. Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений)	15
Нерсесов Я. Н. О хронологии культуры рекуай в Северном Перу	30
Журко А. И. Типология и соотношение жилых сооружений племен черняховской культуры	37
Обломский А. М. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I—V вв. н. э.	42
Седов В. В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э.	56

Дискуссии

Гудим-Левкович А. Н. Методологические проблемы типологического метода в археологии	71
Щапова Ю. Л. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей	81
Никитина Г. Ф. Классификация и типология с позиций практики	93

Публикации

Артюхова О. А. Кошкурбан — мустьерский памятник	98
Кравцов А. Е., Луньков В. Ю. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности	112
Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш II-a	118
Вальчак С. Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана	131
Эрлих В. Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа новочеркасского клада	134
Бокий Н. М., Ольховский В. С. Раннескифский курган на днепровском Правобережье	151
Емец И. А., Петерс Б. Г. Граффити из поселения у с. Михайловка	164
Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону	179
Васильев Б. Г. Фрески ц. Успения Богородицы XII в. в Старой Ладге (по материалам раскопок)	191
Артемьев А. Р., Лопатин Н. В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище	199

История науки

Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение	202
Мерперт Н. Я. В. А. Городцов об энеолите Болгарии	207

Критика и библиография

Дмитриева Т. Н. Проблемы интерпретации палеолитического искусства в трудах зарубежных ученых	216
Уткин А. В. Никитин В. В. Медно-каменный век Марийского края: середина III — начало II тыс. до н. э. Йошкар-Ола, 1991	226
Петрухин В. Я. Frühgeschichte der europäischen Stadt//Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. В. 44. В., 1991	229
Усачева О. Н. Greek colonists and native populations//Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A. D. Trendall/Ed. by J.-P. Discoeurdres. Oxford, 1990	232

Хроника

Волокитин А. В., Сериков Ю. Б. Рабочие совещания по палеолиту и мезолиту Урала и Поволжья в 1990—1992 гг.	240
Прошкин О. Л. Пятая конференция «Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья» (Калуга, 1993)	241
Арсеньева Т. М. Памяти Дмитрия Борисовича Шелова (1919—1993)	243
Давидан О. И., Мазуркевич А. Н., Короткевич Б. С. Памяти Александра Михайловича Микляева (1934—1993)	250
Бунятян Е. П., Скорый С. А. Памяти Бориса Николаевича Мозолева (1936—1993)	252

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1994 **2**

**Founded in 1957
Published quarterly**

**Editor-in-Chief
S. A. Pletneva**

CONTENTS

Lyubin V. P. The man adaptation at the Caucasus mountains during the Upper Palaeolithic and the Mesolithic periods	5
Dubovskaya O. R. Local zones of Chernogorovka culture	15
Nersesov Ya. N. Concerning the Northern-Peruvian Recuay culture chronology	30
Zhurko A. I. The typology and correlation of Chernyakhovo culture tribes inhabitable dwellings	37
Oblomsky A. M. Ethnic processes in the region between the Sula and Vorskla rivers in the 1st — 5th centuries A. D.	42
Sedov V. V. From the ethnic history of the Middle East Europe population in the second half of the 1st millenium A. D.	56

Discussions

Gudim-Levkovich A. N. Methodological problems of typological method in archaeology	71
Shchapova Yu. L. Description, classification and evolution appropriates in ancient subjects development	81
Nikitina G. F. Classification and typology in practice	93

Publications

Artyukhova O. A. A Mousterian site of Koshkurgan	98
Kravtsov A. Ye., Lunkov V. Yu. The new Mesolithic site in the Moscow-river basin	112
Krajnov D. A., Kostyleva Ye. L., Utkin A. V. A cemetery and a "shrine" on the site Sakhtysh IIA	118
Valchak S. B. On the Chernogorovka kurgan assemblage date	131
Erlikh V. R. Concerning the interpretation of some assemblages like the Novocherkask hoard	134
Boky N. M., Olkhovsky V. S. An early scythian kurgan on the right bank of Dnieper	151
Yemets I. A., Peters B. G. The graffiti from the settlement near Mihailovka village in the Crimea	164
Myskov Ye. P., Sergatskov I. V. Late sarmatian assemblages at the Lower Don	179
Vasiljev B. G. The frescoes from the Virgin Assumption church of the 12th century in Staraya Ladoga (by the excavation materials)	191
Artemjev A. R., Lopatin N. V. Arming artefacts from the excavations of the Izborsk hillfort approach	198

History of science

Vasiljev S. A. G. A. Bonch-Osmolovsky and modern studies of the Palaeolithic	202
Merpert N. Ya. V. A. Gorodtsov about the Bulgarian Eneolithic	207

Critics and bibliography

Dmitriyeva T. N. Problems of the Palaeolithic art interpretation in the foreign scholars works . . .	216
Utkin A. V. Nikitin V. V. Copper-Stone Age of Mari region: the middle of the 3rd — the beginning of the 2nd millenium B. C. Yoshkar-Ola, 1991	226
Petrukhin V. Ya. Frühgeschichte der europäischen Stadt//Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 44. B., 1991	229
Usacheva O. N. Greek colonists and native populations//Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A. D. Trendall/Ed. by J.-P. Discoeurdes. Oxford, 1990	232

Chronicle

Volokitin A. V., Serikov Yu. B. Working meetings on the Palaeolithic and Mesolithic Age of the Ural and the Volga region in 1990—1992	240
Proshkin O. L. The Fifth conference "The questions of the Upper Oka region archaeology and history" (Kaluga, 1993)	241
Arsenjeva T. M. In Memory of D. B. Shelov (1919—1993)	243
Davidan O. I., Mazurkevich A. N., Korotkevich B. S. In Memory of A. M. Miklyaev (1934—1993)	250
Bunyatyan Ye. P., Skory S. A. In Memory of B. N. Mozolevsky (1936—1993)	252

АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГОРАХ КАВКАЗА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

Расположение Кавказа на границе умеренного и субтропического климатических поясов, огромная амплитуда высот, высотная зональность ландшафтов в горах, обширные степные просторы на севере и континентальные нагорья на юге обусловили исключительное разнообразие природных условий в этой области, многообразие и богатство ее пищевых и сырьевых ресурсов. Количество растительных видов превышает здесь 6 тыс., видов животных — 130. Ассортимент осадочных и вулканических пород охватывает почти все известные в палеолите виды сырья (кремнь разных достоинств, кварцит, песчаник, кремнистый известняк, сланец, обсидиан, андезит, базальт и др.). Немаловажное значение имело также обилие в этой области скальных убежищ.

Важной константой преистории Кавказского перешейка являлся высокогорный Большой Кавказ, расчленявший регион на две половины. В периоды оледенений этот барьер становился труднопреодолимым, отделяя население Северного Кавказа от Закавказья. Особенно значительным было последнее оледенение (рис. 1). Северный склон Большого Кавказа подвергался воздействию как местного оледенения, так и основного равнинного. Общая площадь ледников на этом склоне была в 2—3 раза больше, чем на южном; длина ледников достигала 20—30, 60 км, мощность 400 м [1, с. 41].

Оледенение южного склона было заметно меньшим, но похолодание было значительным: снижение границы вечных снегов и ландшафтных зон достигало 800—1400 м. Гляциально-климатический фактор оказывал существенное влияние на возможности расселения палеолитических людей в горах. В периоды максимальных похолоданий (последнего пленигляциала в особенности) люди отступали в предгорья, переживая наиболее суровые времена в пещерах таких рефугиумов, как Колхида (Западная Грузия) в Закавказье и в меньшей мере Прикубанье на Северном Кавказе. Проблема адаптации верхнепалеолитического человека в горах Кавказа рассматривается поэтому почти исключительно на материалах Колхиды. Наличные данные позволяют затронуть такие аспекты этой адаптации, как изменения в схеме расселения, в использовании пещер, в хозяйственной деятельности. Интересы более отчетливого показа специфики приспособления верхнепалеолитического и мезолитического человека к условиям среды, раскрытия масштабов и динамики этого процесса оправдывают, на наш взгляд, привлечение порой и материалов более ранних эпох каменного века.

1. Изменения в схеме расселения

В доашельскую [2; 3] и ашельскую эпохи, когда природная обстановка, по всем данным, была весьма благоприятной [4; 5, с. 88], человек широко расселялся по всем регионам Кавказа, включая Закавказское нагорье и Малый Кавказ, проник в глубину гор, преодолел горный барьер Большого Кавказа, жил под открытым небом. С похолоданием климата в мустьерскую эпоху в глубине гор существовали лишь охотничьи лагеря. Наиболее крупные пространственные пе-

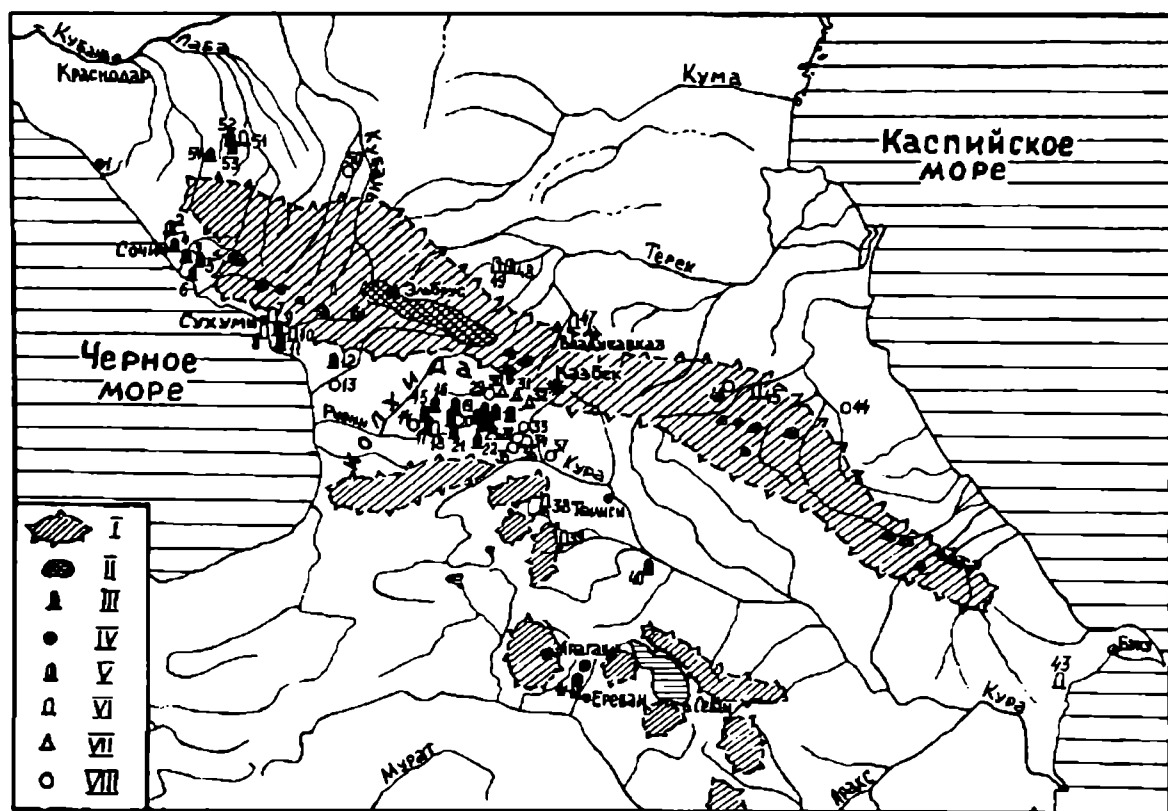

Рис. 1. Кавказ. Палеогеографическая схема позднеплейстоценового оледенения (по Н. В. Думитрашко) и размещение верхнепалеолитических и мезолитических стоянок.

I — области позднеплейстоценового оледенения; II — современное оледенение; III — верхнепалеолитические пещерные стоянки; IV — верхнепалеолитические памятники под открытым небом; V — пещерные стоянки с верхнепалеолитическими и мезолитическими слоями; VI — мезолитические пещерные стоянки; VII — мезолитические биваки (кратковременные лагеря) в пещерах; VIII — мезолитические памятники под открытым небом. Памятники: 1 — Широкий Мыс; 2 — Ац; 3 — Ахштырская; 4 — Малая Воронцовская; 5 — Навалишенская; 6 — Хостинская; 7 — Яштхва; 8 — Квачара; 9 — Свантасаване; 10 — Джампала; 11 — Апианча, Холодный грот; 12 — Окуми; 13 — Энцери; 14 — Дарквети; 15 — Сакажиа; 16 — Уварова; 17 — Ортвала-кде; 18 — Чахати; 19 — Гварджилас-кде; 20 — Бнеле-кде; 21 — Мгвимеви; 22 — Сагварджиле; 23—28 — Самерцхле-кде, Самгле-кде, Сареки, Тогон-кде, Дзудзуана, Таро-кде; 29 — Багнетури; 30, 31 — Кударо I, III; 32 — Цона; 33 — Джермух; 34 — Село; 35 — Пичиджин; 36 — Нагутни; 37 — Гудалети; 38 — Эдзани; 39 — Зуртакети; 40 — Дамджили; 41, 42 — Нурнус, Джаткрин; 43 — Гобыстан; 44 — Мекеги; 45 — Чох; 46 — Козьма-Нохо; 47 — Черный грот; 48 — Сосруко; 49 — Алебастровый навес; 50 — Явора; 51 — Сатанай; 52 — Губский навес № 1; 53 — Русланова; 54 — Каменномостская

ремещения стоянок произошли в верхнем палеолите: суровые климатические условия вынуждали людей полностью покинуть горные районы и укрыться в естественных убежищах предгорий. Главным районом концентрации стоянок в это время являлся, как отмечено, Колхидский рефугиум: замкнутый район, прикрытый амфитеатром гор Большого и Малого Кавказа и связующей их среднегорной перемычкой Дзирульского массива. В этом рефугиуме сосредоточено около 90% всех ныне известных на Кавказе верхнепалеолитических стоянок. При этом, по данным А. Н. Каландадзе [6], стоянки ранней и средней поры верхнего палеолита известны здесь лишь на высотах не более 800—900 м над уровнем моря.

В период последнего пленигляциала горноледниковый барьер Большого Кавказа затруднял связи населения севера и юга кавказского перешейка, что обусловило известную специфику верхнепалеолитических индустрий этих районов. Скупление населения в горных убежищах колхидских предгорий способствовало усилению контактов различных групп населения, взаимному обогащению опытом,

усвоению «иноплеменных» достижений, становлению здесь «единой имеретинской верхнепалеолитической культуры». На базе ее сформировались затем генетически родственные мезолитические культуры Колхиды [7].

Коренная перестройка природы в позднем ледниковье — начале голоцена, т. е. на финальном этапе верхнего палеолита и в мезолите, приводит к постепенной ломке и замене верхнепалеолитической схемы расселения. Начиная с конца XIV тыс. тому назад известны три хронологических уровня этой перестройки, соответствующие трем резким потеплениям климата — бёллингу, аллерёду и пребореалу (10 000 — 8000). Потепления эти перемежались с похолоданиями (дриас II, III), когда в горах частично восстанавливались перигляциальные условия. Но в целом нарастающая перестройка вызывала необратимые изменения природной среды [8].

На Большом Кавказе происходит таяние и сокращение обширных ледников и деградация перигляциальных ландшафтов. Граница вечных снегов поднимается на сотни метров (в конечном итоге на 800—1400 м). Распадается гиперзональный растительный комплекс, и начинает формироваться современная высотная зональность горных ландшафтов. В расширяющейся горно-лесной зоне доминируют теплолюбивые и темнохвойные компоненты. Широко распространяются животные лесных и влажных биотопов. Сходные процессы происходят и в других регионах Кавказа [9].

Восстановление благоприятных природных условий в горах привело к «реконкисте» — повторному заселению их человеком. Только теперь он смог преодолеть «высотный рубикон» в 800—900 м над уровнем моря и снова понемногу продвинуться в глубину гор вплоть до высот в 1600—2150 м (следы кратковременных биваков в пещерах Кударо I, III и Цона).

Исчезновение ледникового барьера в осевой полосе Большого Кавказа способствовало, по всей видимости, возобновлению контактов между населением севера и юга перешейка (на поздних верхнепалеолитических стоянках Явора и Баранаха на Северном Кавказе встречены такие характерные для синхронных колхидских индустрий изделия, как прямоугольные геометрические орудия и острия типа «гварджилас-клде» и типа «зарзи») [10; 11, с. 57, 100; 12]. Возвратное продвижение людей в глубину гор отмечено и в других районах Кавказа.

2. Человеческое жильё как показатель адаптации

Человеческое жильё весьма чутко отражало адаптивную реакцию человека на изменение условий существования. Процесс приспособления к условиям среды был здесь наиболее активным, деятельным. Заметное ухудшение климата в начале верхнего палеолита на Русской равнине вызвало к жизни сооружение прочных, утепленных, нередко углубленных костно-земляных жилищ. Наибольшего расцвета это строительство достигло в среднюю пору верхнего палеолита, особенно в период максимума похолодания [13; 14, с. 43].

На Кавказе, изобилующем пещерами, не было необходимости возводить искусственные сооружения. Но в зависимости от климатических ритмов изменялась пригодность этих пещер для обитания. Соответственно этому имело место селективное использование их людьми в тот или иной период времени. Происходили перемены и в организации жилого пространства в этих естественных убежищах.

2.1. Естественные убежища Кавказа. В горах Кавказа известны многие тысячи естественных убежищ. Они чрезвычайно разнообразны по своему типу (галерейные пещеры, гроты, навесы; пещеры сквозные и мешкообразные; узкие, тесные и обширные, многокамерные), происхождению (карстовые, дефляционные, эрозионные, поствулканические), древности, экспозиции и т. д. Большая часть их связана с карстующимися (главным образом юрскими и меловыми) известняковыми породами Большого и Малого Кавказа. Известняково-карстовый ландшафт опоясывает Большой Кавказ почти на всем протяжении его северного

склона и западной, колхидской части южного склона. На Малом Кавказе он распространен лишь на хребтах его восточной части. Вне известняковых районов известно еще множество так называемых «пещер под лавами». Они приурочены к речным каньонам Закавказского вулканического нагорья.

Карстовые естественные убежища представлены всеми указанными выше типами. При этом галерейные пещеры встречаются чаще всего в Колхиде (Сочинско-Абхазское Причерноморье, Имеретия, северо-запад Юго-Осетии). Пещеры же «под лавами» имеют вид небольших гротов и навесов.

2.2. О пригодности пещер для обитания. В разные периоды плейстоцена степень пригодности пещер сильно варьировала. Весьма показательны в этом отношении галерейные пещеры. Они были пригодны для жизни во времена сухого климата или климата сурового, когда вода в скалах была скована морозом, карстовые водотоки угасали. В верхнем палеолите оставались доступными и пригодными для обитания лишь пещеры предгорий, особенно галерейные, с их стабильным микроклиматом в глубине полостей. Во времена влажного климата, напротив, многие галерейные пещеры переувлажнялись (обильная капель, водотоки) и становились непригодными для проживания. Водные потоки нередко выносили из них рыхлые (в том числе и культурные) отложения. Практически во всех кавказских галерейных пещерах эти явления обусловили несогласие напластований, наличие эрозионных карманов, линз, переотложений, сталагмитовых корок. В пещерах Кударо I и III, в частности, эрозия последовательно срезала верхи ашельских, мустьерских и более поздних осадков. В Малой Воронцовской пещере водные потоки полностью вынесли все домустьерские осадки (на стенах прослеживаются уровни более древних полов и медвежьих шлифовок) и частично размывли мустьерские и более поздние отложения [15; 16].

2.3. Избирательное использование пещер. В зависимости от пригодности отмечаются изменения в выборе людьми тех или иных типов пещер, прерывистость обитания в них или оставление на многие тысячи лет. В среднюю пору верхнего палеолита, в пик вюрмских холодов, даже в пределах Колхидского рефугиума человек укрывался главным образом в галерейных пещерах предгорий, расположенных в каньонах рек Мзымты, Кудепсты, Чхеримелы, Джручулы, Никриси, Черулы и др. (пещеры Ахштырская, Навалишенская, Девис-Хврели, Самерцхле-кде, Дзудзуана, Гварджилас-кде и др.). В этой избирательности можно видеть свидетельство оптимальной адаптации человека к условиям холодного климата. На раннем и позднем этапе позднего палеолита, при более благоприятном климате, напротив, люди чаще селились в небольших скальных убежищах (Окуми, Ортвала-кде, Свантасаване, Тогон-кде, Самгле-кде и др.).

Но особенно очевидна эта выборочность в финальном палеолите — мезолите. Наиболее показательны в этом отношении материалы Колхиды, где располагается 2/3 ныне известных на Кавказе мезолитических стоянок. Интенсивное таяние обширных вюрмских ледников в бёллинге и аллерёде вызвало сильное увлажнение и обводнение карстовых пещер, особенно глубоких, галерейных. Финальнопалеолитические — мезолитические обитатели Колхиды предпочитали поэтому селиться главным образом в небольших более сухих гротах и навесах колхидских предгорий (Ац, Яштхва, Апианча, Джампала, Холодный грот, Сагварджиле и др.). В то же время люди снова продвигаются в глубину гор, разбивая подчас свои биваки еще в устьях галерейных пещер (Цона, Кударо), и снова, после промежутка по крайней мере в 10—15 тыс. лет, начинают селиться под открытым небом (стоянки Энцери, Багнетури, Джермух, Пичиджин, Село и др. в Грузии, Явора и Баранаха в Прикубанье). Повторное освоение гор отмечается и на Закавказском вулканическом нагорье (навесы и гроты Эдзани, Зуртакети, Барма).

2.4. Перемещение «бытовых центров» в галерейных пещерах. Вопрос этот мало разработан, так как планиграфическая фиксация культурных остатков во многих случаях (особенно в прежние годы) не велась. Тем не менее имеющиеся свидетельства позволяют говорить о том, что в период верхнего палеолита, особенно в его среднюю пору, «бытовые центры» (очаги со скоплениями куль-

турных остатков вокруг них) сдвигались в глубь пещерных полостей. Если, например, главные бытовые объекты в мустьерских уровнях Ахштырской пещеры располагались на ее просторной привходовой площадке, то с наступлением холодов главного вюрма, когда пещера находилась в окружении сосновых лесов и открытых пространств (радиоуглеродная дата $19\,000 \pm 500$ л.н.), эти объекты резко смещались в главный коридор. Угольные прослойки, очажные линзы при этом становились более мощными [5, с. 72; 17, с. 88; 18, с. 44, 45]. Расположение подобных объектов в глубине галерей отмечено также в верхнепалеолитических слоях пещер Гварджилас-кде, Свантасаване, Самерцхле и др. [19—21]. В многослойных пещерных стоянках в целом верхнепалеолитические культурные слои содержат больше очажных горизонтов и линз (пещеры Ац, Апианча, Ахштырская, Навалишенская).

Холода загоняли человека в глубь галерейных пещер и в более ранние времена. Весьма характерно в этом отношении большое скопление очагов в датированных риссом ашельских уровнях пещеры Азых в Азербайджане [2; 5, с. 16, 19, 21, рис. 3; 22].

2.5. Позиции и типы костров как элемент адаптации. «Огонь был огромной технической и социальной силой. Он дал человечеству постоянную защиту от холода и от диких зверей. С появлением огня и очага возникло совершенно новое пространство, строго предназначенное для людей» [23, с. 88]. Касательно верхнепалеолитических жилищ под открытым небом можно утверждать, что «очаг являлся главным объектом, позволяющим судить об обитаемом пространстве, определять интерьер жилища, рассматривать различные ... деятельности» [24, с. 405].

Организация жилого пространства в пещерных жилищах также была тесно связана с очагами. В зависимости от функции очага эти различались по типам и местоположению. Существенные типологические отличия были отмечены еще Ф. Бордом при рассмотрении очагов в ашельских культурных уровнях рисских слоев пещеры Pech de l'Azé II. Бордин выделил там по крайней мере три типа очагов: элементарные или аморфные (*elementary or amorphous hearths*), очаги с вымосткой (*paved hearths*) и очаги с вытяжными желобами ("tailed" *hearths*). Большая часть первых, являющихся, по существу, следами кратковременных костров, располагалась ближе ко входу в пещеру. Вторые и третьи были долговременными, находились глубже и служили для приготовления пищи [25, с. 60—62; 26, с. 73].

Кавказские материалы свидетельствуют, что расположение очагов в пещерах зависело также от типа пещеры, высоты свода, размеров входного отверстия. Кратковременные (ночные, защитные) костры в галерейных пещерах должны были ограждать людей от внешней опасности. Так, в различных мустьерских уровнях восточной галереи пещеры Кударо I защитные костры располагались в 2—3 м от капельной линии, посередине галереи, в одном и том же месте. Место это, по всей видимости, было оптимально удобной позицией: помимо прикрытия спящих, костры эти обеспечивали прогрев воздуха, поступающего снаружи, и выход дыма.

Нами проведены опытные ночевки с целью смоделировать ночевки древних в горных галерейных пещерах. Защитные ночные костры делались нами сильными и жаркими. Вначале в них горел хворост, затем ветки потолще, а перед сном, когда жар набирал силу, — несколько бревен. Они укладывались поперек костра таким образом, чтобы сперва выгорала их средняя часть, затем пододвинутые концевые части. Такие костры горели долго и медленно. Ночью их нужно было лишь подправить два-три раза и слегка оживить запасенным впрок хворостом.

Немаловажное значение имел и выбор топлива для таких костров. Предпочтение отдавалось сухим дубовым, буковым и сосновым дровам, имеющим высокую теплоту сгорания. Хворост ломали, жерди разламывали ударами об острые выступы скалы, бревна клали в костер целыми.

К сожалению, приведенные примеры связаны либо с ашельскими и мусть-

ерскими пещерными стоянками, либо с нашим опытом. Получение не менее ярких данных можно ожидать и при более полной публикации материалов (планиграфических в первую очередь) кавказских стоянок эпохи верхнего палеолита и мезолита. Чрезвычайно существенно в этом отношении и усиление антропологических исследований (определение древесных углей из слоев и структур), позволяющих судить о древесной растительности близ самих стоянок, особенностях выбора топлива и характере его в очагах разного типа.

3. Перемены в охотничьей деятельности

В верхнем палеолите с похолоданием климата происходит резкое смещение вертикальной зональности, перераспределение природных пищевых ресурсов. Наиболее критическим периодом явилась средняя пора верхнего палеолита (24—16 тыс. л.н.): человек вынужден был адаптироваться к условиям редколесья и открытых пространств, осваивать способы охоты на крупных травоядных животных (бизон, лошадь, кавказский козел), ставших наиболее массовым промысловым объектом. Остатки именно этих животных преобладают на стоянках, относимых к периоду, совпадающему или граничащему с последним холодным максимумом вюрма (пещеры Дзудзуана, Мгвимеви, Самерцхле-клде, Губский навес № 1, нижний слой Гварджилас-клде). Нередко, однако, в составе охотничьей фауны наблюдается сочетание субальпийских, лесных и степных видов: результат «сжатия» (в полосе предгорий) различных ландшафтных зон — пещеры Сакажиа, Окуми I, Девис-Хврели и др.

В процессе адаптации к новой природной обстановке происходит известная эволюция охотничьего промысла и вооружения. Охота на быстроногих копытных животных в условиях открытой местности потребовала выработки новых тактических приемов, создания более легкого и дальнобойного метательного оружия. Одним из главных средств охоты становятся дротики с костяными наконечниками, которые оснащались иногда кремневыми вкладышами. Выступающие вкладыши улучшали режущую способность наконечника и, кроме того, «удерживали копьё в теле, усиливали кровотечение при убегании раненого зверя и ударах торчащего древка о землю, дерева» [27, с. 209].

Костяные наконечники были более прочными и долговечными, чем кремневые. Охота с легкими дротиками становилась продуктивной и при ее индивидуальном ведении. «Легкое метательное копьё-дротик, обладавшее большим пробивным эффектом, создало неограниченные возможности добывания самых крупных ... зверей одним или несколькими охотниками близ переправ, из засады и при преследовании вдогон. Коллективный загон зверей ... становился необязательным. Брошенное за 20—30 м умелой и сильной рукой копьё пробивало между ребер грудную стенку. Еще проще было пробить копьём и разорвать брюшную стенку в области паха... Что дело обстояло именно так, доказывается широкоизвестным рисунком на стене пещеры Ляско ... где изображен бизон с вывалившимися из пробитой копьём стенки брюха кишками» [27, с. 210].

По свидетельству Н. О. Бадера [28, с. 280], стержневые костяные наконечники появляются на раннем этапе верхнего палеолита Кавказа, но особенно широкое распространение получают на среднем (пещеры Сакажиа, Девис-Хврели, Мгвимеви, Самерцхле-клде, Гварджилас-клде) (рис. 2). Исчезают они на позднем этапе. В конце последнего, как отмечает Я. Козловский [29], происходит принципиальное изменение изделий из кости и рога: появляются гарпуны и мотыги.

В мезолитических слоях пещеры Квачара в Абхазии отмечен, впрочем, рецидив (?) изготовления костяных наконечников [7, с. 96; 30, табл. XI—XIII]. Там найдены наконечники с пазами для кремневых вкладышей, без пазов и плоский наконечник листовидной формы (рис. 2). Мезолитический возраст всех этих находок, на наш взгляд, неоспорен, так как в коллекции представлены нерасчлененные материалы трех литологически различных слоев общей мощностью в 1,05—1,35 м.

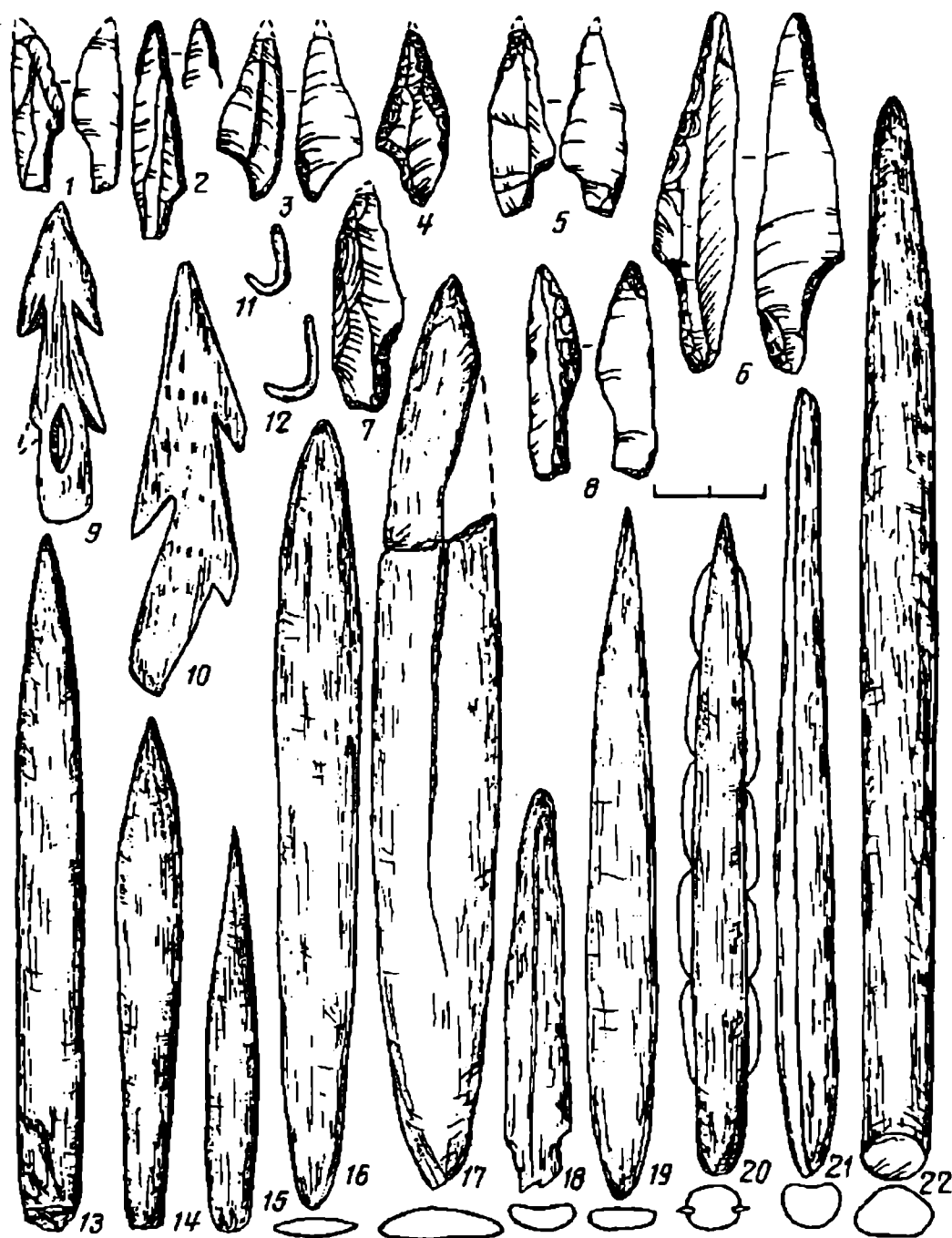

Рис. 2. Кремневые наконечники типа «зарзи» из колхидских пещер: Кударо I (1); Апианча (2, 3); Квачара (4, 7); Гварджилас-клде (5, 8); Чакати (6). Гарпуны и рыболовные крючки из пещеры Холодный грот (9—12). Костяные наконечники копий и дротиков из пещер: Сакажиа (13—15); Сатанай (16, 17); Апианча (18); Самерцхле-клде (19); Квачара (20—22)

В целом, таким образом, пик бытования дротиков с костяными наконечниками совпадает со временем распространения ландшафтов перигляциального типа, фиксируя адаптацию человека к новым условиям среды.

В позднеледниковье, особенно с XI тыс. до н. э., в верхнем палеолите Кавказа господствуют индустрии с богато развитыми обушковыми формами и геометрическими микролитами [29].

Микролитизация инвентаря и совершенствование вкладышевых орудий углубляют тот же процесс развития легкого метательного оружия (в том числе лука и стрел). Наиболее интересны в этом отношении наконечники с асиммет-

ричным черенком «зарзийского типа» (Гварджилас-кде, Квачара, Ац, Чахати, Сагварджиле, Кударо I, Баранаха), а также, по всей видимости, низкие асимметричные треугольники, мелкие узкие острия с притупленным краем (*micro-gravette*) и острия типа гварджилас-кде, напоминающие *pointes de Vachons* (острия с подправкой обоих концов плоской ретушью со стороны брюшка) (рис. 2).

4. Адаптационные аспекты рыболовства

Кавказские материалы представляют значительный интерес при рассмотрении проблемы зарождения и развития рыбного промысла в каменном веке. В настоящее время на Кавказе прослеживаются три «эпизода» наличия этого промысла, имевших место в ашеле (пещера Кударо I), в мустье (Кударо I, Малая Воронцовская пещера) и в позднеледниковье — начале голоцена (пещеры Апианча, Холодный грот и др.).

В ашельских слоях пещеры Кударо I найдены многие сотни костей черногоморского лосося (*Salmo trutta labrax* Pallas) и его пресноводной формы — форели. Наибольшее число этих находок происходит из среднего ашельского слоя 5б, который датируется миндель-риссом (условия влажных субтропиков; радиотермолюминесцентная дата — 350 ± 70 тыс. л.н.). Примерно столько же рыбных костей встречено в залегающих выше мустьерских горизонтах. Особняком стоит лишь мустьерский уровень 3в (брёруп или первый межстадиал среднего вюрма): количество костей лосося в нем достигает нескольких десятков тысяч [31]. Десятки костей лосося обнаружены также в верхнем мустьерском уровне (межстадиал Хенгело?) Малой Воронцовской пещеры в Причерноморье [5, с. 81, 82]. В верхнем палеолите — мезолите Кавказа находки костей рыб известны лишь на стоянках позднеледниковья — раннего голоцена. То же самое, кстати сказать, наблюдается и в пещерных стоянках Крыма [32, с. 133].

Допустимо, таким образом, говорить о том, что «эпизоды» проявления рыбного промысла в хозяйственной деятельности древних людей были связаны с периодами климатических оптимумов (межледниковья, межстадиалы), т. е. с периодами благоприятного климатического режима кавказских рек, когда реки эти становились, видимо, наиболее полноводными и биологически продуктивными.

Первоначально (ашель, мустье) рыбный промысел был крайне примитивным и по существу не отличался от охотничьего: древнейшие обитатели Кударо и Воронцовской пещеры, по всей видимости, кололи лососей копьями и дротиками в местах их скопления на нерестилищах или просто били камнями и дубинами на мелководьях. Способ охоты на наземных животных переносился здесь в другую сферу. Рыбный промысел заключался не в ловле, а в убое рыб и не требовал изготовления каких-либо специализированных принадлежностей. Примитивные гарпуны (наконечники с боковыми зубцами), появившиеся в конце верхнего палеолита — мезолита, все еще являлись дериватом метательного охотничьего оружия, но изобретение в это же время наживных (с приманкой) крючковых орудий было принципиально новым техническим достижением, подлинным орудием лова. Изобретение таких рыбозадерживающих приспособлений, как гарпуны и рыболовные крючки, явилось результатом освоения человеком технологии обработки кости и рога на протяжении предшествующих этапов верхнего палеолита.

Свидетельства такого рода выявлены в мезолитических уровнях колхидских пещер, расположенных на реках Квирила, Дзеврула (бассейн р. Риони) и Кодори. Таковы находки гарпунов в мезолитических слоях пещер Сагварджиле, Холодный грот, Гварджилас-кде и рыболовных крючков в Холодном гроте. В пещерах Дарквети и Апианча, кроме того, найдены грузила из речных галек, в Холодном гроте и Апианче — кости лосося и других рыб.

Предпосылкой возрождения рыбного промысла в конце верхнего палеолита — мезолите могло быть вероятное увеличение биологических запасов Черного моря и впадающих в него рек в связи с трансгрессией моря, начавшейся около 14

тыс. л.н. Основным фактором этой трансгрессии был резко усилившийся сток с суши в результате таяния ледников Русской равнины [33, с. 57, 61] и Кавказа.

Таков первый эскиз региональной модели адаптации человека в условиях кавказской горной страны, и прежде всего Колхидского рефугиума — территории с многочисленными пещерными убежищами, обильными пищевыми и сырьевыми ресурсами. Модель эта, на наш взгляд, демонстрирует достаточно сбалансированный ход процессов в природе и обществе, достаточно выразительную реакцию социальных систем на резкие пертурбации экологической обстановки во времена последнего пленигляциала и конца плейстоцена — начала голоцена. Предложенный эскиз, при всей его, по мнению автора, правомерности и цельности, нуждается, безусловно, в дополнительных свидетельствах, так как среднегорья и высокогорья Большого Кавказа обследованы в настоящее время еще слабо, палеогеографические реконструкции недостаточны, абсолютные датировки единичны, методика и документация раскопок в ряде случаев ущербны. Элемент гипотетичности в преистории, впрочем, неизбежен при любом состоянии источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Думитрашко Н. В. Проблемы палеогеографических реконструкций позднеплейстоценового горного оледенения (на примере горной зоны юга СССР) // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982.
2. Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М. и др. Палеогеография стоянки Азых — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3.
3. Džaparidze V., Bosinski G., Bugianišvili T. et al. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jahrb. Römisch-Germanischen Zentral-Museums Mainz. 1989. 36 Jahrg.
4. Lubine V. P., Tcherniachowski A. G., Barychnikov G. P. et al. La grotte de Koudaro I (résultats de recherches pluridisciplinaires) // Anthropologie. 1985. T. 89. № 2.
5. Любин В. П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. М., 1989.
6. Каландадзе А. Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Тбилиси, 1969.
7. Бадер Н. О., Церетели Л. Д. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М., 1989.
8. Долуханов П. М. Мезолит: экологический подход // КСИА. 1977. № 149.
9. Бендукидзе О. Г. Голоценовая фауна позвоночных Грузии. Тбилиси, 1979.
10. Амирханов Х. А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1977.
11. Амирханов Х. А. Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
12. Дороничев В. Б. Доклад на заседании отдела палеолита Института истории материальной культуры Российской Академии наук в Санкт-Петербурге 30.11.1992.
13. Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.
14. Сергин В. Я. Палеолитические поселения европейской части СССР (памятники с жильем обустройством): Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1992.
15. Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа // МИА. 1971. № 173.
16. Любин В. П. Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // КСИА. 1990. Вып. 202.
17. Паничкина М. З., Векилова Е. А. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. // КСИА. 1962. Вып. 92.
18. Векилова Е. А., Грищенко М. Н. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. // МИА. 1972. № 185.
19. Круковский С. Пещера Гварджилас-кде в Ргани // Изв. Кавказ. музея. 1916. Т. 10.
20. Бердзенишвили Н. З., Григолия Г. К. Итоги полевых работ Причерноморской палеолитической экспедиции за 1966 г. // Тез. докл. XVI науч. сес., посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1966 г. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
21. Ниорадзе М. Г. Пещера Самерцхле-кде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси, 1975 (на груз. яз. с русск. резюме).
22. Гусейнов М. М. Очаги азыхантропов баку-хазарского (миндель — рисс) возраста // Уч. зап. Азерб. гос. ун-та. 1974. № 1.
23. Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
24. Leclerc J., Tarrête J. Foyer // Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Préhistoire. P., 1988.
25. Bordes F. A tale of two caves. N. Y., 1972.
26. Perlès C. Préhistoire du feu. P., 1977.
27. Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. Л., 1971.

28. Бадер Н. О. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа. М., 1984.
29. Kozłowski J. K. Górny paleolit w krajach zakaukaskich i na Bliskim Wschodzie. Cz. II. Periodyzacja gornego paleolitu zachodnich krajow zakaukaskich // Swiatowit. 1972. T. 33.
30. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморского Кавказа. Тбилиси, 1973.
31. Цепкин Е. А. Остатки рыб из пещеры Кударо I // Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. Л., 1980.
32. Векилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА. 1971. № 173.
33. Щербаков Ф. А., Куприн П. Н., Забелина Э. К и др. Палеогеография Азово-Черноморья в позднем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

V. P. LYUBIN

THE MAN ADAPTATION AT THE CAUCASUS MOUNTAINS DURING THE UPPER PALAEOLITHIC AND THE MESOLITHIC PERIODS

S u m m a r y

In the article there is a sketch of an adaptation pattern of a man at the conditions of the Caucasus mountains during the Palaeolithic and Mesolithic. The pattern is based in the main on the materials of the Kolhida refugium, where there are near 90% of all known at the Caucasus Upper Palaeolithic and Mesolithic sites. Glacial-climatic factor predetermined the main aspects of this adaptation: changes of the settling scheme, using the caves of various types, economy. The main features of this adaptation are the changes of living space organization; of positions and types of fires and hearthes, and also changes of hunting and fishery. The author also analyses the materials belonging to the earlier periods of the Stone Age, which show an adaptation process of the Upper Palaeolithic and Mesolithic man.

ЛОКАЛЬНЫЕ ЗОНЫ ЧЕРНОГОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СКОРЧЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ)

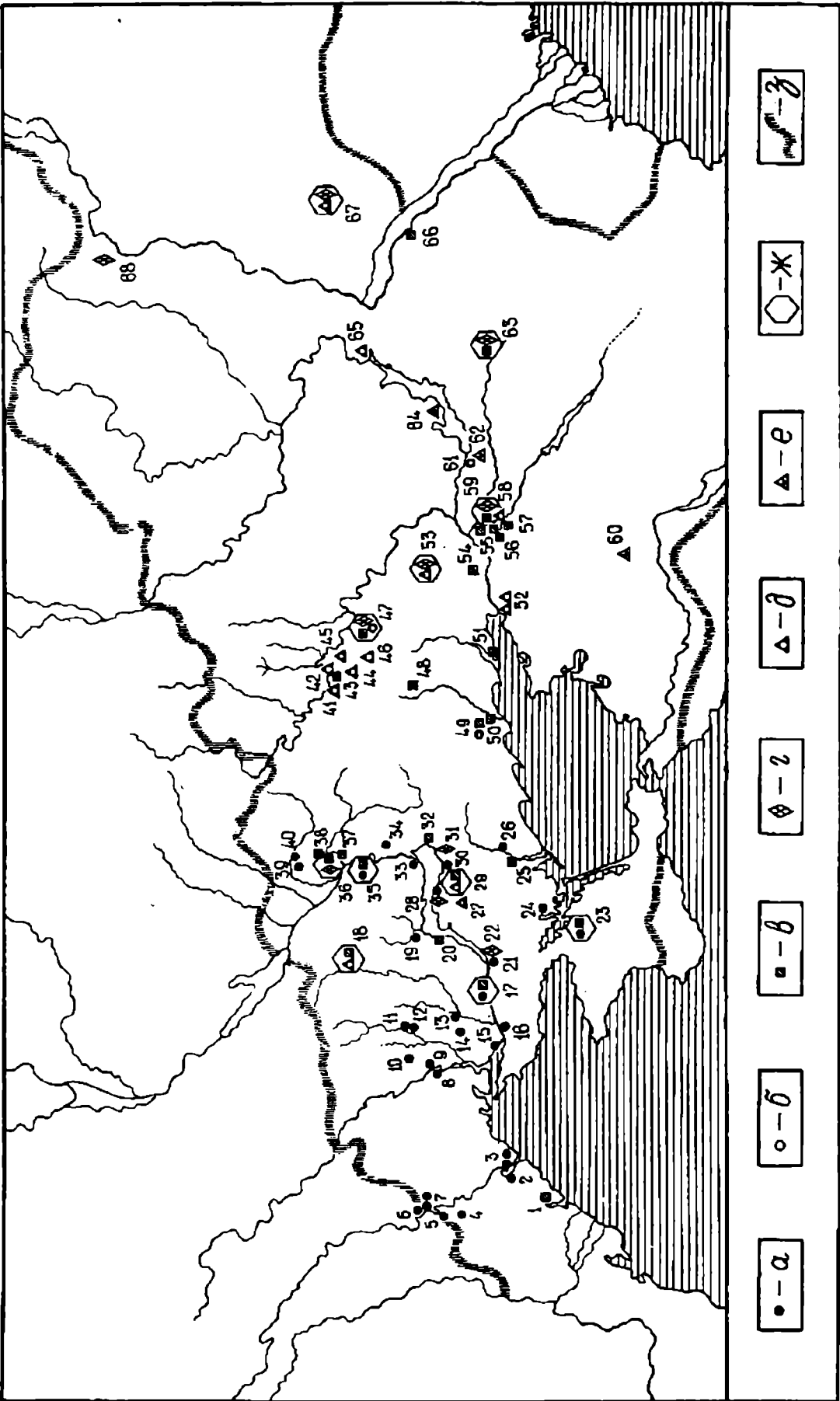
В настоящее время можно считать установленным, что погребения предскифского периода, выделенные А. И. Тереножкиным в группу памятников типа Черногоровки, представляют собой значительное культурное явление степной зоны Северного Причерноморья. Благодаря исследованиям последних лет, достаточно четко определившим критерии их отбора [1, с. 87, 88; 2, с. 198 сл.; 3, с. 101; 4, с. 87 сл.; 5, с. 129—132; 6, с. 59, 60; 7, с. 67; 8, с. 168—171; 9, с. 174—176; 10, с. 75; 11, с. 30—38; 12, с. 16; 13, с. 111], количество скорченных погребений черногоровского типа достигло 150 [13, с. 112] и, безусловно, будет увеличиваться. Ареал их охватывает зону степей от Дуная до левобережья Волги. Концентрация погребений зависит от степени изученности отдельных регионов, но в целом отмечается их относительно равномерное распространение по указанной территории и значительное единообразие. Последнее проявляется как в погребальном обряде (характер впуска, ориентировка, положение скелета, характерная позиция рук, наличие напутственной пищи и др.), так и в сопровождающем инвентаре (деревянная посуда, металлические накладки, ножи, очелья, оселки, кремни и пр.), что хорошо видно из данных, приведенных В. В. Отрошенко [13, с. 111, 112].

Вместе с тем «монолитность» скорченных черногоровских погребений не может не подвергаться сомнению при наличии существующей диспропорции между количеством памятников и размером территории, на которой они размещаются. Впервые вопрос об определенной локальности в степи в предскифский период был поставлен В. В. Дворниченко, обратившим внимание на различия в погребальном обряде двух больших регионов: господство восточной ориентировки скорченных погребений к востоку от Днепра и большая распространенность южной к западу от него [14, с. 96; 15, с. 64]. Он же указал на отличие керамических комплексов разных районов степи друг от друга, приведя в качестве примера комплексы правобережья и низовий Днепра и Волго-Донского междуречья [15, с. 63, 64].

Современный уровень накопления источников позволяет, на наш взгляд, несколько углубить и конкретизировать территориальное деление, намеченное В. В. Дворниченко, путем выделения локальных зон для скорченных погребений типа Черногоровки.

К рассмотрению нами привлечено 150 погребений с инвентарем и инвентарными комплексами. Проведенный анализ показал, что характерные особенности погребального обряда, в силу его устойчивости и повторяемости во всем ареале Степного Причерноморья (о чем было сказано выше), в качестве критериев при выделении территориальных групп черногоровских погребений использоваться не могут. То же относится и к подавляющей массе сопровождающего инвентаря. Перспективными в этом плане оказались лишь некоторые категории инвентаря, такие как уздечные принадлежности, украшения и лощеная посуда, давшие при картографировании пространственную дискретность (рис. 1).

Рассмотрим подробнее механизм выделения локальных зон. Скорченных погребений с уздой, относимых к черногоровским, сейчас насчитывается 14: Черногоровка, Камышеваха, Веселая Долина, Луганское, Балабинский, Красногоровка III, кург. 12 (два погребения), Красная Деревня (Эльтон), Жирноклеевский,

Бирюково, Николаевка¹. Высокая Могила (погр. 5), Малая Цимбалка и Чечелиевка [2, с. 31—33, рис. 6, 7, с. 36—38, рис. 10, 9, 11, с. 41, 43, 44, рис. 14, 9—13, с. 48, 49, рис. 19, 1—7, 20, 4—8, с. 50, 54, рис. 24, 1—14, с. 67, 68, рис. 35, 3—8; 17, с. 147; 18, с. 138, 139; 19, с. 157—161; 20, с. 156, 157; 21, с. 224—228, рис. 1, 2]. Кроме последнего, фиксируемого к западу от Днепра (рис. 1, 18), все погребения с уздечными принадлежностями локализуются в степной части Северо-Восточного Причерноморья — территории Днепр — Волга (рис. 1, 27, 29, 41, 42, 44—46, 52, 53, 58, 65, 67).

К сожалению, уздечные комплексы из Ростова-на-Дону и Сергеевки в Пришивашье [2, с. 58, 59, рис. 26, 9], хотя и располагаются здесь же, где и основной массив погребений с черногоровской уздой, и тем самым как бы дополняют картину, достаточно достоверно черногоровскими считаться не могут как из-за отсутствия данных о погребальном обряде, так и потому, что псалии, подобные ростовским, неизвестны пока в погребениях, черногоровская принадлежность которых сомнений не вызывает. В то же время псалии из станиц Соленовской, Нижнекурмоярской и Ильинской [2, с. 53, 60, рис. 24, 16, 17, с. 150, рис. 87, 3], относящиеся к той категории случайных находок, местонахождение которых относительно точно определено (в отличие от двух беспаспортных псалиев из Новочеркасского музея [22, табл. 16, 14, 17]), могут быть привлечены в качестве дополнительного свидетельства бытования узды черногоровского облика на территории Северо-Восточного Причерноморья (рис. 1, 60, 62, 64).

Западнее Чечелиевки — степная зона Южного Буга, Днестра, Прута, Дуная — погребения с уздечными принадлежностями черногоровского типа, а также случайные находки последних пока не встречены.

Аналогичная картина наблюдается и при картографировании украшений. Для погребений Северо-Восточного Причерноморья наиболее устойчивым типом украшений являются височные подвески или серьги из круглой, уплощенной или квадратной в сечении проволоки, согнутой в один-два оборота (всего 26 комплексов). Погребения с данным типом украшений тяготеют к востоку от Днепра (рис. 1, 17, 18, 20, 23, 25, 29, 32, 35—38, 43, 47—51, 54—57, 59, 63, 66).

¹ Разрушенное погребение (?) с обломком псалия черногоровского типа открыто в 1983 г. экспедицией Донецкого госуниверситета в кургане у с. Николаевка Славянского р-на Донецкой обл. [16, с. 44, табл. 28].

Рис. 1. Пространственная дискретность некоторых категорий инвентаря скорченных черногоровских погребений: а — керамика галыштатоидного облика; б — биконические корчаги; в — серьги (височные подвески); г — восьмерковидные бляшки; д — погребения с уздечными принадлежностями; е — случайные находки псалиев черногоровского типа; ж — погребальный комплекс; з — граница степи с другими ландшафтными зонами.

1 — Траповка 1/9; 2 — Семеновка 2/1; 3 — Великодолинское 1/5 и 1/11; 4 — Опачи 7/20; 5 — Рошканы 3/4; 6 — Красное 5/3; 7 — Бутор 14/2 и 14/5; 8 — Ковалевка VII, 6/4; 9 — Новая Одесса III, 2/1; 10 — Калиновка 1/2; 11 — Соколовка 2/3; 12 — Отрадное 9/5; 13 — Галагановка 1/4; 14 — Широованка 4/1; 15 — Широкая балка 2/13; 16 — Облои 3/1; 17 — Львово 14/2; 18 — Чечелиевка 2/8; 19 — Грушевка, к. 1/3, п. 2; 20 — Золотая балка, п. 3 (поселение); 21 — Любимовка 56/2; 22 — Софиевка, п. 3; 23 — Целинное 16/3; 24 — Золотая балка 14/3; 25 — Высокое Запорожской обл.; 26 — Аккермень I, 11/9; 27 — Малая Цимбалка; 28 — Благовещенка 1/4 и 2/5; 29 — Высокая Могила, п. 5; 30 — Днепрорудное 7/1; 31 — Бурчак 9/1; 32 — Каменское 1/12; 33 — Миролюбовка III/1; 34 — Петрово-Свиутново; 35 — Волошское; 36 — Соколово II, 3/4; 37 — Александровка II, 2/1; 38 — Песчанка 1/5; 39 — Заплавка I, 5/8; 40 — Колпаковка XXVI, 4/1; 41 — Николаевка; 42 — Черногоровка 1/3; 43 — Новоалександровка 3/2; 44 — Веселая Долина; 45 — Камышеваха; 46 — Луганское; 47 — Зимогорье 2/5; 48 — Высокое 5/1 Донецкой обл.; 49 — Кременевка 2/3 и 2/4; 50 — Приморское I, 2/5; 51 — Беглица 3/10; 52 — Красногоровка III, 12/1 и 12/1а; 53 — Бирюково 8/2; 54 — Грушевский 11/3 Ростовской обл.; 55 — Веселовская группа 2/4; 56 — Крепинский II, 28/3; 57 — Колдыри 20/1; 58 — Балабинский I, 10/13; 59 — Шахавская I, 7/5 и II, 6/4; 60 — ст-ца Ильинская; 61 — Ясырев I, 9/27; 62 — ст-ца Соленовская; 63 — Спорный IV, 14/6; 64 — ст-ца Нижнекурмоярская; 65 — Жирноклеевский 6/9; 66 — Кривая Лука V, 5/9; 67 — Эльтон (Красная Деревня) 7/5; 68 — Курдюм 1/6

Западная граница основного массива погребений с серьгами проходит по линии Чечелиевка — Львово — Целинное (рис. 1, 17, 18, 23) [21, с. 226, рис. 2, 1; 23, с. 74, 75, рис. 1, 2; 24, с. 240, рис. 3, 1]. Единственное погребение с серьгой в полтора оборота на территории Северо-Западного Причерноморья у с. Траповка² выпадает из массива (рис. 1, 1). Соотношение 25 : 1 позволяет, на наш взгляд, рассматривать его как исключение, не оказывающее существенного влияния на отмеченную закономерность в распространении этого типа украшений.

Еще один тип украшений — бронзовая восьмерковидная бляшка — отмечается в погребениях восточного от Днепра региона (рис. 1, 22, 28, 31, 36, 47, 53, 59, 63, 67, 68). Западную точку нахождения такой бляшки дает грунтовое погребение у с. Софиевка Херсонской обл. (рис. 1, 22) [26, с. 12]. На правобережье Днепра и далее к западу, в степных погребениях, восьмерковидная бляшка пока не встречена.

Таким образом, западная граница распространения в степном Причерноморье скорченных черногоровских погребений с уздой, серьгами и восьмерковидными бляшками фиксируется памятниками Чечелиевка — Львово — Софиевка — Целинное (рис. 1, 17, 18, 22, 23; рис. 2, в).

Обратимся к керамическому комплексу черногоровских погребений. Локальное своеобразие его проявляется прежде всего в различных типах лощеной посуды. Относительно кухонной керамики на данном этапе можно говорить лишь об определенных тенденциях в количественном преобладании того или иного типа в различных регионах, например о заметной концентрации сосудов со сливом в Волго-Донье — Бородаевка, Максютово, Дубенцовский, Ливенцовка (рис. 3, 74, 83, 98, 100), хотя подобные формы известны и в других районах степи (Заплавка, Марьянское, Царичанка) [27, с. 109, рис. 1, 5; 28, с. 18, рис. 2, 36; 29, с. 18, 19, табл. 14, 2—6, 8] (рис. 3, 23, 28, 54).

Картографирование погребений с кубками и сосудами гальштатоидного облика показывает их сосредоточение на территории Северо-Западного Причерноморья (рис. 1, 2—17, 19, 21, 23, 24, 26, 28, 30, 33—35, 39, 40) (ср. с картой А. И. Мелюковой [30, с. 72, рис. 24]). Ареал кубков и сосудов со следами фракийского влияния [30, с. 62—66] ограничивается с востока памятниками Орельско-Самарского междуречья [31, с. 85—87, рис. 6—8] — Днепровского надпорожья — р. Молочной — Северного Крыма (рис. 1, 23, 26, 34, 40; рис. 2, б).

Таким образом, территория, заключенная как бы внутри намеченных границ, является своеобразной контактной зоной (рис. 2). С севера она оконтуривается естественной границей степи и лесостепи и границей чернолесской культуры [32, с. 668, карта-вкладыш; 33, карта 1]; южную точку дает погребение у с. Целинное в Северном Крыму (рис. 2, 22). В погребениях контактной зоны присутствует инвентарь как восточного (узды, украшения), так и западного (кубки) регионов (рис. 1, 17—40). Вместе с тем отдельные категории инвентаря здесь отличаются местной спецификой, что и придает зоне её своеобразие.

Так, в погребениях северной части, занимающей в основном междуречье Орели и Самары и прилегающие к ним районы (в дальнейшем — Орельско-Самарская зона), отмечается наличие корчаг, типологически близких к чернолесским (рис. 2, 2, 4, 13, 18, 20; рис. 4, 14—18). Из 14 учтенных погребений (рис. 3, 26—34) керамика встречена в 10, т. е. составляет 71% (рис. 5). Какие-либо детали конской сбруи отсутствуют, зато погребения сопровождаются зернотерками, курантами, кремневым серпом, пряслами [31, с. 85, 87; 34, с. 71, 76, табл. 1, 11—13; 35, с. 367; 36, с. 106, 107, рис. 1, 1—6; 37, с. 48, 49, рис. 1], что, возможно, отражает тенденцию к оседлому образу жизни и земледельческому характеру хозяйственной деятельности проживавшего здесь населения.

Следует отметить, что перечисленные особенности, в частности керамического комплекса, послужили основанием для В. А. Ромашко отнести рассматриваемые

² Благодарю В. В. Отрощенко, обратившего мое внимание на этот комплекс и на его возможную черногоровскую принадлежность, хотя авторами, исследовавшими курган, он интерпретируется как ямный [25, с. 219, 220, рис. 3, 7].

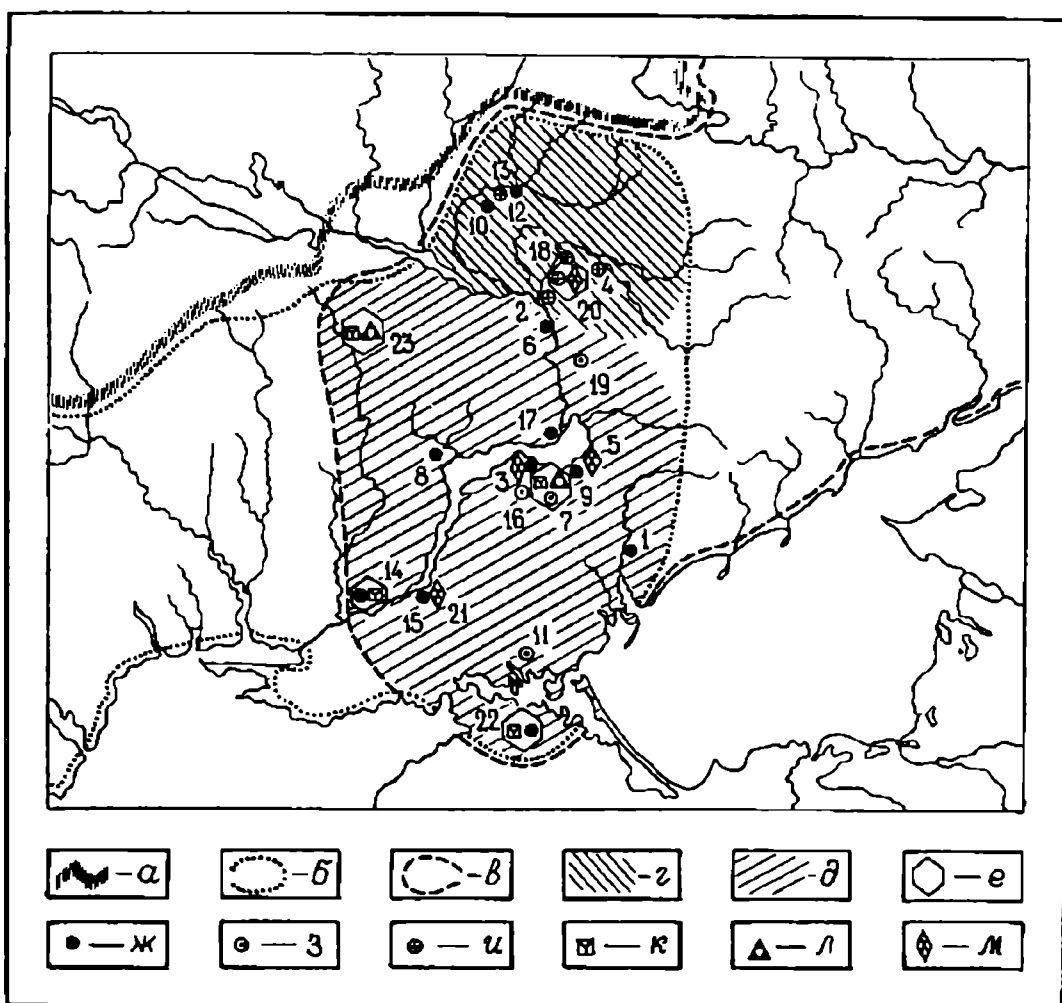
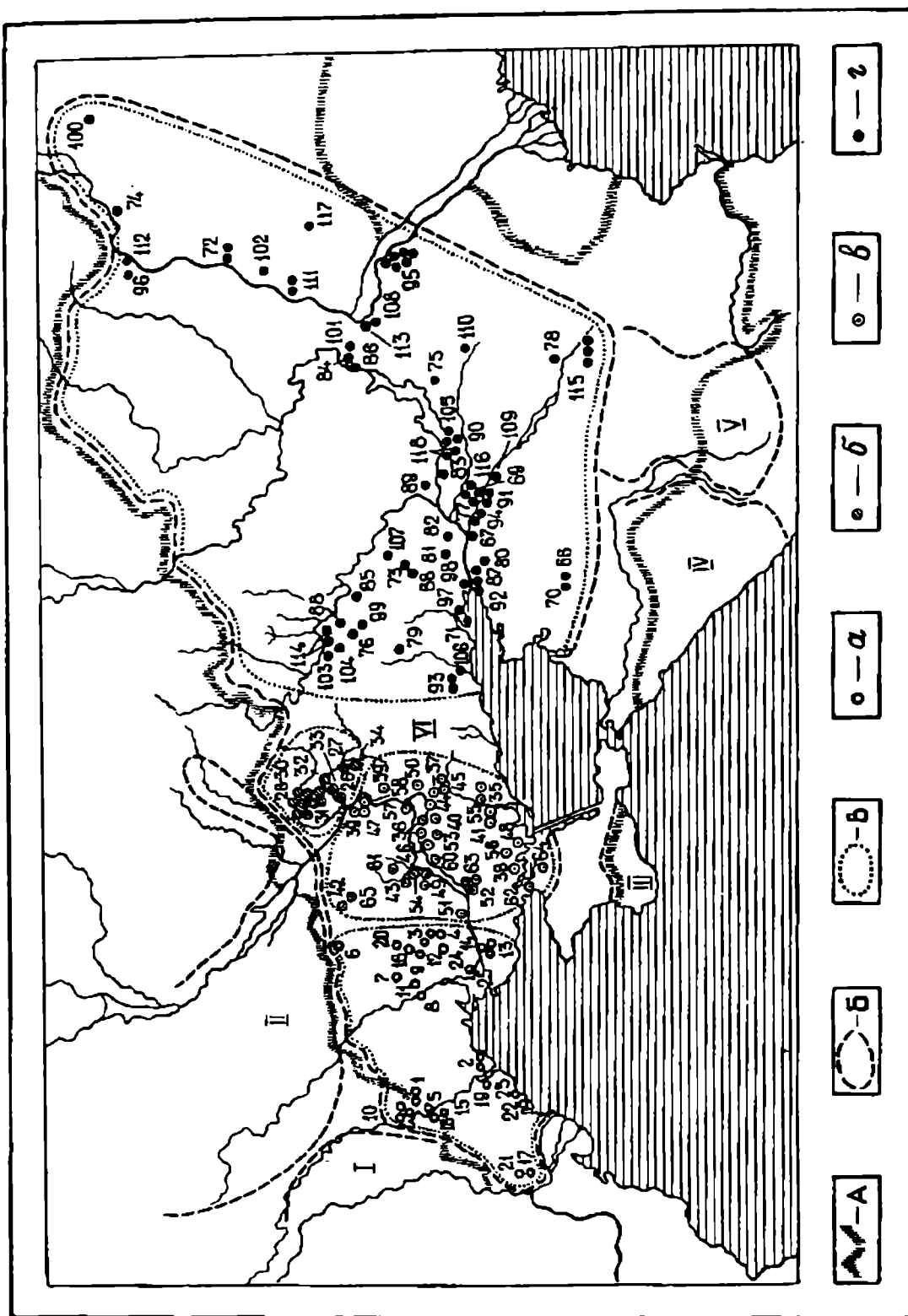

Рис. 2. Механизм выделения локальных зон черногоровской культуры: а — граница степи и лесостепи; б — восточная граница распространения скорченных черногоровских погребений с кубками и сосудами гальштатского облика; в — западная граница распространения скорченных черногоровских погребений с уздой, серьгами и вссьмерковидными бляшками; г — Орельско-Самарская локальная зона; д — Нижнеднепровская локальная зона; е — погребальный комплекс; ж — кубки и кубковидные сосуды; з — грушевидные корчаги; и — корчаги черногоровского типа; к — улиткообразные серьги; л — псалы; м — восьмерковидные бляшки.

1 — Аккермень I, 11/9; 2 — Александровка II, 2/1; 3 — Благовещенка 1/4 и 2/5 (раскопки В. Ф. Пешанова 1958 г.); 4 — Булаховка 1/2; 5 — Бурчак 9/1 (раскопки В. В. Отрошенко 1986 г.); 6 — Волошское; 7 — Высокая Могила, п. 5; 8 — Грушевка, к. 1/3, п. 2; 9 — Днепрорудное 7/1; 10 — Заплавка I, 5/8; 11 — Золотая балка 14/3; 12 — Колпаковка XXVI, 4/1; 13 — Котовка I, 2/1; 14 — Львово 14/2; 15 — Любимовка 56/2; 16 — Малая Цимбалка; 17 — Миролубовка 111/1 (раскопки Н. Н. Чердынченко 1975 г.); 18 — Песчанка 1/5; 19 — Петрово-Свистуново; 20 — Соколово II, 3/4; 21 — Софиевка, п. 3; 22 — Целинное 16/3; 23 — Чечелиевка 2/8

погребения к чернолесской культуре [36, с. 108, 109]. С этим трудно согласиться. Во-первых, территориально они расположены в степи, что подтверждается физико-географическим районированием, согласно которому Орельско-Самарское междуречье относится к степной области Приднепровской низменности [32, с. 410, рис. 13]. Во-вторых, погребальный обряд их во многом идентичен обряду скорченных черногоровских погребений (рис. 6), что не отрицает и В. А. Ромашко, объясняя «воздействием степных племен на культуру чернолессцев» [36, с. 110, 111]. К тому же для погребений чернолесской культуры более характерен обряд кремации, а среди немногочисленных труположений преобладают вытянутые [33, с. 19; 38, с. 42—46; 39, с. 69]. В-третьих, существен удельный вес тех категорий инвентаря, которые являются общими для всего ареала черногоровских погребений, что отражено на рис. 5. Поэтому правомерней атрибутировать

скорченные погребения Орельско-Самарского междуречья как черногоровские, но с учетом особенностей выделить их в локальную группу.

Своеобразие южной части контактной зоны (далее — Нижнеднепровской) проявляется в уздечном наборе, украшениях и некоторых формах керамики. Из 36 погребений, включенных в данную группу (рис. 3, 35—65), керамика встречена в 21, что составляет около 58%. Редкими экземплярами представлен особый тип ложенной корчаги — узкогорлой, с раздутым в нижней части грушевидным туловом: Высокая Могила, погр. 5, Малая Цимбалка, Золотая балка 14/3 (рис. 2, 7, 11, 16; рис. 4, 26, 27, 29). К корчаге из Золотой балки [40, с. 141, 142, рис. 1, 7] близок сосуд из Петрово-Свистуново, с обломанной, к сожалению, горловиной (рис. 2, 19; рис. 4, 28), что позволяет относить его к данному типу корчаг лишь предположительно.

Уздечные принадлежности найдены в трех погребениях — Малой Цимбалке, Высокой Могила 5 и Чечелиевке (рис. 1, 18, 27, 29). В первом из них обнаружены псалии цимбальского, по А. И. Тереножкину, типа³ [2, с. 151, рис. 88]. В

³ Так как при выделении локально-типологических особенностей в инвентаре мы исходили из условия, что вещь определенного типа должна быть встречена на ограниченной территории не менее двух раз, псалии из Малой Цимбалки, как не отвечающие этому требованию, в рис. 4 не включены.

Рис. 3. Локальные зоны черногоровской культуры.

А — граница степи с другими ландшафтными зонами; Б — границы культур: I — молдавская группа фракийского гальштата (по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину); II — чернолесская культура (по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину); III — кизил-кобинская культура (по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину); IV — предполагаемая граница протомеотской культуры; V — западный вариант кобанской культуры (по В. И. Козенковой); VI — черногоровская культура.

В — границы локальных зон черногоровской культуры:

а — погребения Северо-Западной зоны:

1 — Бутор 14/2 и 14/5; 2 — Великодолинское 1/5 и 1/11; 3 — Висунск 1/2; 4 — Галагановка 1/4; 5 — Гура-Быкулуй 5/1; 6 — Долино-Каменка 2/1; 7 — Калиновка 1/2; 8 — Ковалевка VII, 6/4; 9 — Константиновка 12/11; 10 — Красное 1/7, 2/7 и 5/3; 11 — Новая Одесса III, 2/1; 12 — Новоивановка; 13 — Новочерноморье 4/9 и 4/19; 14 — Облон 3/1; 15 — Опачи 7/20; 16 — Отрадное 9/5; 17 — Плавни 1/3; 18 — Рошканы 3/4; 19 — Семеновка 2/1; 20 — Соколовка 2/3; 21 — Суворово 5/2; 22 — Траповка 1/9; 23 — Царичанка 2/12; 24 — Широанка 4/1; 25 — Широкая балка 2/13;

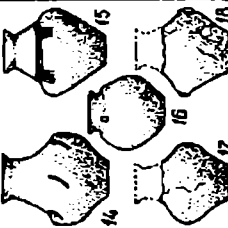
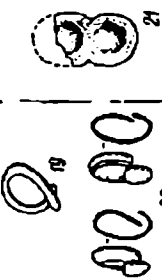
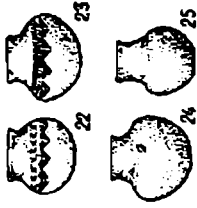
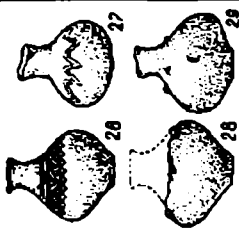
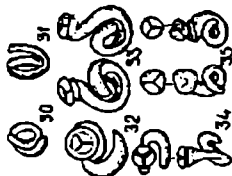
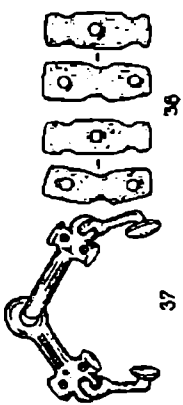
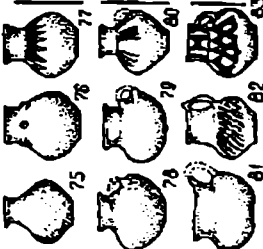
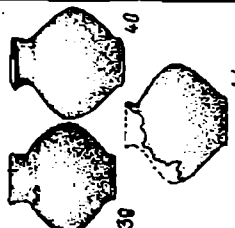
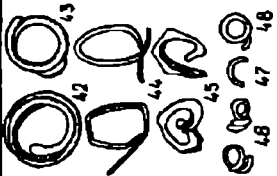
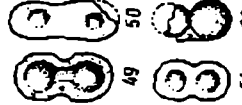
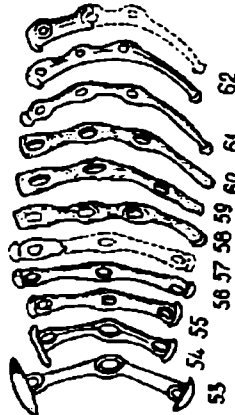
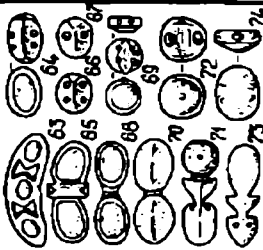
б — погребения Орельско-Самарской зоны:

26 — Александровка II, 2/1; 27 — Булаховка 1/2; 28 — Заплавка I, 5/8 и 7/2; 29 — Колпаковка II, 3/4, XXVI, 4/1; 30 — Котовка I, 2/1 и II, 1/8; 31 — Николаевка I, 1/4, 1/18 и 3/4 Днепропетровской обл.; 32 — Песчанка 1/5; 33 — Соколово II, 3/4; 34 — Троицкое 13/5;

в — погребения Нижнеднепровской зоны: 35 — Аккермень I, 11/9 и 17/11; 36 — Благовещенка 1/4 и 2/5; 37 — Бурчак 9/1; 38 — Васильевка 1/3; 39 — Волошское; 40 — Высокая Могила, п. 5; 41 — Высокое 5/3 Запорожской обл.; 42 — Голововка 6/3; 43 — Грушевка, к. 1/3, п. 2 (8); 44 — Днепрорудное 7/1; 45 — Жовтневое III, 7/1 и 7/3; 46 — Заповитное 9/2; 47 — Званецкое II, 15/2; 48 — Золотая балка Новотроицкого р-на Херсонской обл., 14/3; 49 — Золотая балка Нововоронцовского р-на Херсонской обл., поселение, п. 3 и к. 11, п. 4; 50 — Каменское 1/12; 51 — Львово 14/2; 52 — Любимовка 23/2 и 56/2; 53 — Малая Цимбалка; 54 — Марьянское 7/1; 55 — Мелитополь 2/3; 56 — Метрополь 1/3; 57 — Миролюбовка 111/1; 58 — Орехово 3/3; 59 — Петрово-Свистуново; 60 — Первомаевка 3/5; 61 — Поддубное 2/2; 62 — Рясное 5/9; 63 — Суфиевка, п. 3; 64 — Целинное 16/3; 65 — Чечелиевка 2/8;

г — погребения Северо-Восточной зоны:

66 — Анапский I, 2/3; 67 — Арпачин 9/1; 68 — Астахово III, 14/3; 69 — Балабинский I, 10/13; 70 — Батуриновка I, 9/10; 71 — Беглица 3/10; 72 — Бережновский II, 63/6 и 94/1; 73 — Бирюково 8/2; 74 — Бородавка 7/3; 75 — Верхнеяблочный 1/4; 76 — Веселая Долина; 77 — Веселовская группа 2/4; 78 — Восточный Маныч 2/8; 79 — Высокое 5/1 Донецкой обл.; 80 — Высочино 6/1; 81 — Грушевский 11/3; 82 — Донской 6/9; 83 — Дубенцовский III, 2/5; 84 — Жирноклеевский 6/9; 85 — Зимогорье 2/5; 86 — Ильевка 1/3; 87 — Кагальник 1/2; 88 — Камышеваха; 89 — Кастырский V, 5/1; 90 — Кировский I, 8/3; 91 — Колдыри 12/1 и 20/1; 92 — Красногоровка III, 12/1 и 12/1а; 93 — Кременевка 2/3 и 2/4; 94 — Крепинский II, 1/9 и 28/3; 95 — Кривая Лука I, 1/3; II, 1/7; V, 5/9; VIII, 2/12; IX, 2/16; XXXIV, 5/9; 96 — Курдюм 1/6; 97 — Лакедемоновка 1/1, п. 3; 98 — Ливенцовка I, п. 71; 99 — Луганское; 100 — Максютново 2/6; 101 — Мариновка 1/17; 102 — Могута 10/1; 103 — Николаевка Донецкой обл., к. 3; 104 — Новоалександровка 3/2; 105 — хут. Попов (Саркельская группа), к. 51/19, п. 2 и к. 58/26, п. 8; 106 — Приморское I, 2/5; 107 — Провалье 8/1; 108 — Сарепта, п. 3; 109 — «Соленка I», 6/1; 110 — Спорный IV, 14/6; 111 — хут. Ст. Разина 1/14 и 1/15; 112 — Усть-Курдюм 1/2; 113 — Химкомбинат А, 1/1; 114 — Черногоровка 1/2 и 1/3; 115 — Чограй III, 8/3, 9/12 и 10/5; 116 — Шахаевская I, 7/5 и II, 6/4; 117 — Эльтон (Красная Деревня), 7/5; 118 — Ясырев I, 5/15 и 9/27

УЧЕТНО-ИНВЕНТАРНЫЙ №	ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА		УКРАШЕНИЯ		УЗДЕЧНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	
	КУБКИ	КОРЧАГИ	СЕРЬГИ	БЛЯШКИ	ПСАЛИИ	БЛЯХИ
Северо-Западная						
Оренбургско-Самарская						
Нижне-Днепровская						
Северо-Восточная						

Чечелиевке и Высокой Могиле 5 находились псалии в виде цилиндрических столбиков с тремя отверстиями в двух плоскостях (рис. 4, 37, 38). Поскольку в погребении 5 Высокой Могилы они отлиты вместе с удилами, на что обратил внимание Н. Н. Чередниченко [21, с. 226, 227], целесообразно называть их псалиями чечелиевского типа, где они обнаружены в «чистом» виде. Подобный тип псалиев занимает достаточно ограниченную территорию: в погребениях и случайных находках за пределами Нижнего Поднепровья он пока неизвестен, что позволяет выделять чечелиевский вариант псалиев в качестве специфической детали уздечного набора именно этого региона (рис. 2, 7, 23).

Для Нижнеднепровской локальной зоны характерно бытование наряду с обычной (рис. 1, 20, 25, 32, 35; рис. 4, 30, 31) особого типа височной подвески или серьги — улиткообразной, с нанесенным на шляпку знаком в виде трех радиально расходящихся лучей — Высокая Могила 5, Львово, Целинное и Чечелиевка (рис. 2, 7, 14, 22, 23; рис. 4, 32—35).

Итак, с помощью дискретного картографирования можно наметить четыре локальные зоны распространения скорченных черногоровских погребений, различающихся между собой как наличием или отсутствием отдельных категорий инвентаря, так и их типологическими особенностями: Северо-Западную, Орельско-Самарскую, Нижнеднепровскую и Северо-Восточную (рис. 3).

Северо-Западная зона оконтуривается достаточно четко благодаря морю и Дунаю с юга, границе степи и лесостепи с севера, дополняемой границами культур молдавской группы фракийского гальштата и чернолесской [33, с. 32, 33, карта 1], при этом небольшой «выплеск» черногоровцев в Днестровскую лесостепь (Красное) располагается как раз между границами названных культур (рис. 3, 10). С востока граница проходит в районе междуречья Ингула и Ингульца, фиксируемая памятниками Чечелиевка и Львово, относящимися уже к Нижнеднепровской группе (рис. 2, 14, 23). Из 30 локализованных в очерченном регионе памятников⁴ (рис. 3, 1—25) керамика найдена в 24, т. е. составляет около 80%. Как уже говорилось, в основном это кубки и сосуды гальштатоидных форм (рис. 4, 1—10). Уздечные принадлежности и восьмерковидные бляшки отсутствуют, значителен процент подбойных сооружений, сравнительно чаще, чем в других зонах, отмечаются редкие случаи южной ориентировки погребенных (рис. 6).

Намеченные контуры Северо-Восточной зоны во многом условны (рис. 3). Если западная граница фиксируется довольно точно благодаря памятникам Орельско-Самарского междуречья и р. Молочной (хотя отмечается некоторый разрыв между ними и погребениями Подонцовья — Приазовья), то северная граница дана по современному пограничью степи и лесостепи, а южная и восточная

⁴ К сожалению, ряд погребений этой территории, которые могли бы дополнить картину, еще не опубликован.

Рис. 4. Локально-типологические особенности в инвентаре скорченных черногоровских погребений. 1 — Семеновка 2/1; 2, 3 — Великодолинское 1/11 и 1/5; 4 — Красное 5/3; 5 — Ковалевка VII, 4/6; 6 — Новая Одесса III, 2/1; 7 — Соколовка 2/3; 8 — Отрадное 9/5; 9 — Рошканы 3/4; 10 — Калиновка 1/2; 11 — Траповка 1/9; 12 — Колпаковка XXVI, 4/1; 13 — Заплавка I, 5/8; 14, 20 — Песчанка 1/5; 15, 21 — Соколово II, 3/4; 16, 19 — Александровка II, 2/1; 17 — Котовка I, 2/1; 18 — Булаховка 1/2; 22 — Днепрорудное 7/1; 23, 30 — Волошское; 24 — Аккермень I, 11/9; 25, 33 — Львово 14/2; 26, 34, 37 — Высокая Могила, п. 5; 27 — Малая Цимбалка; 28 — Петрово-Свистуново; 29 — Золотая балка 14/3; 31 — Золотая балка, п. 3 (поселение); 32, 38 — Чечелиевка 2/8; 35 — Целинное 16/3; 36 — Софиевка, п. 3; 39, 42, 49 — Зимогорье 2/5; 40 — Ясырев I, 9/27; 41, 45 — Кременевка 2/3 и 2/4; 43 — Шахаевская I, 7/5; 44 — Беглица 3/10; 46 — Колдыри 20/1; 47, 50 — Шахаевская II, 6/4; 48, 83 — Грушевский 11/3; 51 — Спорный IV, 14/6; 52, 61, 70—72 — Эльтон (Красная Деревня), 7/5; 53 — Камышеваха; 54 — Ил.инская; 55 — Балабинский I, 10/13; 56 — Черногоровка 1/3; 57 — Николаевка; 58, 63, 64 — Веселая Долина; 59 — Соленовская; 60, 73, 74 — Жирноклеевский 6/9; 62 — Нижнекурморская; 65—67 — Луганское; 68, 69 — Красногоровка III, 12/1; 75 — Ильевка 1/3; 76 — Кривая Лука II, 1/7; 77 — Анапский I, 2/3; 78 — Бережновский II, 63/6; 79 — хут. Попов (Саркельская группа), к. 51/19, п. 2; 80 — Провалье 8/1; 81 — Батуринская I, 9/10; 82 — Чограй III, 9/12

получены путем простого соединения окраинных погребений. Обращает на себя внимание большая лакуна между Донцом и Волгой. Отсутствие здесь черноморовских погребений объясняется, возможно, субъективными причинами: слабой изученностью этой территории либо недостатком информации по ней у автора. Южная граница фиксируется погребениями по черноморовскому обряду у станиц Батуринской, Анапской и Чограя [7, с. 64—70; 41; 42]. Дополнительную точку дает случайная находка — псалий из станицы Ильинской (рис. 1, 60; рис. 3, 66, 70, 115). Открытие новых памятников в этом районе позволит, вероятно, ее уточнить, но ненамного, так как южнее располагаются памятники западного варианта кобанской культуры, по В. И. Козенковой [43, с. 33, рис. 2], и культуры протомеотов.

Отметим, что полученная нами восточная граница захватывает часть ареала нурской группы памятников, выделенных Н. К. Качаловой [44, с. 33—47], не совпадая с ним полностью. Однако если обратиться к карте Н. К. Качаловой [44, рис. 2], то погребальные памятники на ней также не совпадают с концентрацией нурских поселений, располагаясь рядом, но не смешиваясь друг с другом. Возможно, открытие новых погребений и стоянок на этой территории даст иную картину, но пока единого ареала погребений (относимых нами к черноморовским, а Н. К. Качаловой к погребениям переходного типа) и нурских поселений не получается. Вместе с тем не исключено, что с дальнейшим накоплением материала абрисно оконтуренная Северо-Восточная зона распадется на определенные локальные области, или подзоны. Пока же общие черты в имеющихся в нашем распоряжении комплексах этой территории превалируют над индивидуальными (рис. 5, 6).

В погребениях Северо-Восточной зоны из 70 помещенных на карту памятников (рис. 3, 66—118) керамика сопровождала 29 захоронений, что составляет около 42%; 16 сосудов можно с уверенностью отнести к лощеным. Из них восемь имеют (или имели в древности) ручку (ручки), что позволяет считать их кувшинами или чарками (рис. 3, 70, 72, 81, 86, 89, 105, 107, 115; рис. 4, 78—83) [2, с. 36, рис. 10, 7; 7, с. 66, рис. 2, 1; 11, с. 35, рис. 2, 8; 45, с. 125; 46; 47, с. 160, рис. 6, 2; 48, с. 259, 49; 50, с. 62]. Близки по форме и пропорциям только круглодонные одноручные чарки из хут. Попова и Бережновки (рис. 4, 78, 79), остальные самобытны и серии не составляют. Еще три лощеных кубковидных сосуда из Ильевки, Кривой Луки и хут. Анапский, различаясь способом орнаментации, близки друг другу по размерам, форме и пропорциям (рис. 4, 75—77) [6, с. 62, рис. 2, 2; 50, с. 62]. На кувшинах, чарках и кубках явно прослеживается влияние северокавказского керамического центра (рис. 4, 75—83). Пять оставшихся лощеных сосудов представляют собой корчаги — Высочино, Лакедемоновка, Зимогорье, Кременевка, Ясырев [8, с. 167, рис. 1, 2, с. 170, рис. 4, 2; 47, с. 177, рис. 23, 16; 51, с. 68, рис. 18, 2; 52, табл. XXII, 6]. Три последних дают относительно устойчивый тип корчаги с цилиндрическим горлом, биконическим туловом и слегка выступающим дном, где наибольшие параметры сосуда — высота и диаметр, а также диаметры венчика и дна — примерно равны (рис. 4, 39—41). Возможно, данный тип корчаги, концентрирующейся к востоку от Днепра, является местным — собственно степной формой.

Уздечный набор Северо-Восточной зоны представлен двумя разновидностями удил — стремечковидными (Камышеваха, Черноморовка) и однокольчатыми (Эльтон, Балабинский, Красногоровка) — и тремя вариантами псалиев [2, с. 49, рис. 19, 6, с. 67, рис. 35, 4; 19, рис. на с. 158, 8; 53, с. 99—100]. Два из них выделены А. И. Тереножкиным — камышевахский и черноморовский [2, с. 150—152, рис. 86, 87]. Первый вариант представлен псалиями из Камышевахского погребения и случайной находкой у ст-цы Ильинской (рис. 4, 53, 54). Второй встречен в Черноморовке, Балабинском, Бирюково [20, с. 157] и Николаевке (рис. 4, 55—57). Третий вариант (назовем его эльтонским) отличается от черноморовского типа наличием одного удлиненного конца — «рукояти». Представлен псалиями из погребений у хуторов Жирноклеевский, Эльтон (Красная Деревня),

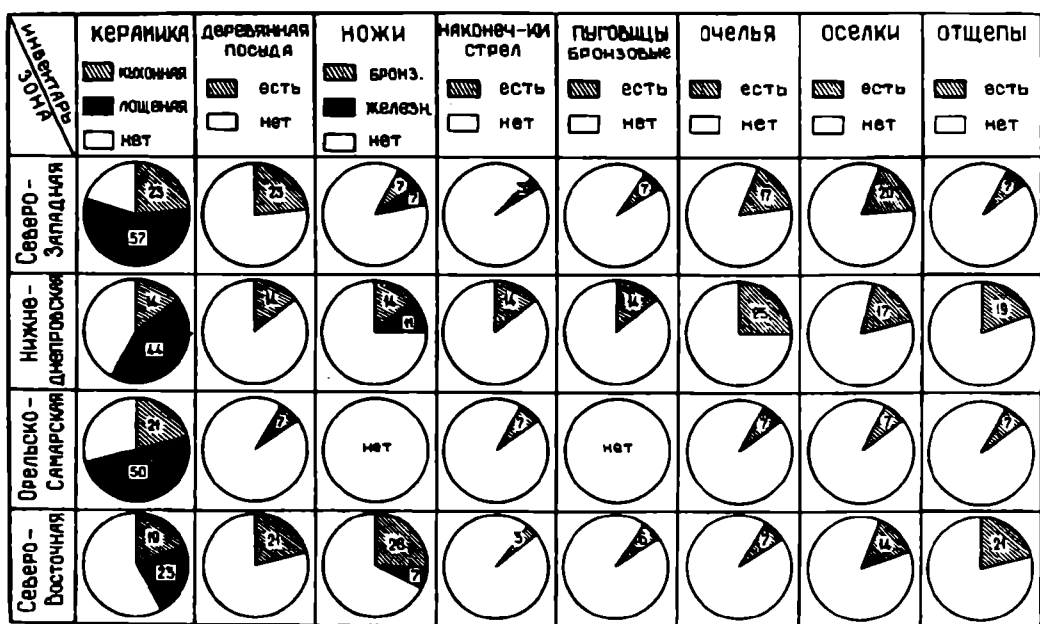

Рис. 5. Удельный вес наиболее общих категорий инвентаря скорченных погребений черноговорской культуры по локальным зонам (в %)

Веселая Долина и случайными находками из станиц Соленовской и Нижнекур-моярской (рис. 4, 58—62).

Интересно, что в комплекте с данным вариантом псалиев (Жирноклеевский, Эльтон, Веселая Долина [2, с. 41, рис. 14, 9—13; 19, с. 158, рис. 3, а—д; 54, с. 228, рис. 2, 2—11]) либо без него (Луганское, Красногоровка [17, с. 138, 139; 55, с. 191—193]), но ни разу в сопровождении других вариантов, в уздечном наборе Северо-Восточной зоны присутствуют различные виды костяных блях (рис. 4, 63—73), подробно рассмотренные в работе И. Г. Бабешко, В. В. Потапова [56]. Авторы считают, что такие комплекты блях могут выступать в качестве одной из характерных культурных особенностей восточного региона черноговорских древностей [56]. Отсутствие подобных блях в уздечном наборе Нижнеднепровской зоны — второго региона, дающего всаднические комплексы, — делает такое предположение вполне правомочным. Обращает на себя внимание и тот факт, что из пяти погребений с рассматриваемыми комплектами два содержали металлические звенья однокольчатых удилов — Эльтон, Красногоровка [17, 19]. Возможно, это сочетание случайно, но не исключено, что псалии эльтонского типа, костяные бляхи и однокольчатые удила являются составными частями одного варианта уздечного набора, маркирующего локальное своеобразие всаднического комплекса Северо-Восточной зоны черноговорских памятников.

Вернемся к погребальному обряду выделенных территориальных групп. Как показано на рис. 6, такой обрядовый признак, как ориентировка погребенного, казавшийся первоначально, на небольшом материале, перспективным для территориального деления [14, с. 96; 15, с. 64], себя не оправдал. Ориентация скелета в восточном направлении явно преобладает во всех регионах степи. Редкие случаи южной (Северо-Западная, Нижнеднепровская, Орельско-Самарская зоны), северной или северо-западной (Северо-Восточная зона) ориентировок выступают в качестве дополнительного признака, обозначающего ту или иную тенденцию на определенной территории, возможно, и обусловленную, как это предположил В. В. Дворниченко, традициями, восходящими к предшествующему времени [15, с. 63]. Левостороннее положение скелета и наличие напутственной пищи также проявляют устойчивость во всех зонах. Единственным пока признаком, косвенно «играющим» на локальность, является тип могильного сооружения. Различный процент погребений в насыпи, где могильное сооружение не

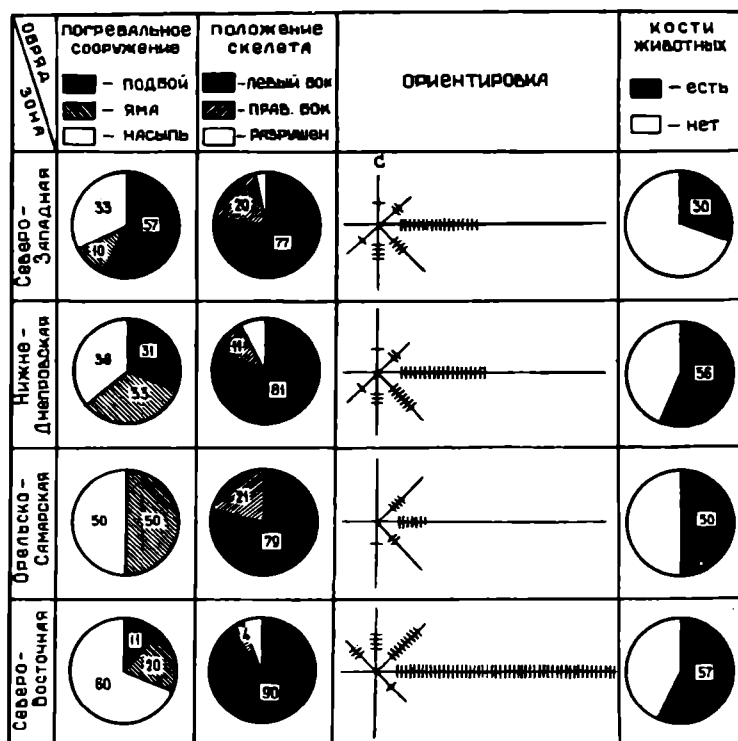

Рис. 6. Удельный вес ведущих обрядовых признаков скорченных погребений черноговской культуры по локальным зонам (в %)

прослеживается (а значит, в принципе может быть любой конструкции), во внимание можно не принимать. Погребения в ямах отмечаются во всех зонах, с некоторым преобладанием в Орельско-Самарской и Нижнеднепровской (соответственно 50 и 33%). Что же касается подбоев и катакомб, то они явно превалируют в Северо-Западной зоне — 57%, значителен их процент и для Нижнеднепровской зоны — 31, в Северо-Восточной зоне их количество сокращается до 11%, а в Орельско-Самарской они отсутствуют вовсе. Впрочем, для последней это обстоятельство может объясняться и малой выборкой, тем более что для позднейшего предскифского периода — на «новочеркасском» этапе — одна катакомба в этом регионе, у с. Спасское Новомосковского р-на, все же зафиксирована [34, с. 73, 77, табл. 2, 10, 11]. Таким образом, вывод В. В. Отрошенко о том, что «ведущим типом погребального сооружения у черногоровцев является небольшая катакомба или подбой» [13, с. 111], верен лишь частично — только для территории Северо-Западного Причерноморья (рис. 6).

Подобный количественный анализ сопровождающего инвентаря, проведенный по каждой территориальной группе отдельно (рис. 5), показал устойчивость таких категорий, как деревянная посуда с металлическими накладками, наконечники стрел, очелья, оселки, кремневые отщепы для всех зон. Бронзовые и железные ножи с горбатой спинкой и бронзовые пуговицы с петлей на обороте в скорченных черногоровских погребениях пока не зафиксированы только в Орельско-Самарской зоне, что опять-таки может быть результатом малой выборки (14 погребений).

Что касается керамики, то она присутствует везде, но частота встречаемости ее в погребениях разных зон различна. Так, если для Северо-Западной и Орельско-Самарской зон удельный вес ее соответственно равен 80 и 71%, то для Нижнеднепровской и особенно Северо-Восточной он существенно ниже — 58 и 42% (рис. 5). В этой связи интересен факт сосредоточения всаднических погребений и случайных находок уздечных принадлежностей именно в двух последних зонах и отсутствия таковых в Северо-Западной и Орельско-Самарской. Если исходить из постулата, что для кочевого населения керамика играла

второстепенную роль, то, возможно, между этими двумя наблюдениями существует прямая зависимость. Доводя мысль до логического конца, можно прийти к заключению: хозяйственный уклад априорно кочевнического населения степного Причерноморья в предскифский период неоднозначен — для Северо-Восточной и Нижнеднепровской зон отмечается преобладание кочевого образа жизни, для двух других — оседлости. Понимая всю умозрительность полученного вывода и разделяя возможные возражения (отсутствие черногоровских поселений, необязательная адекватность хозяйственного уклада погребальному инвентарю и пр.), рискуем все же высказать это предположение, поскольку наблюдаемое различие требует своего объяснения⁵.

В целом же данные таблиц (рис. 5 и 6)⁶ отражают значительную устойчивость погребального обряда, а также постоянство и повторяемость большей части инвентарного комплекса скорченных черногоровских погребений, занимающих единую ландшафтную зону — степи Причерноморья. Другими словами, памятникам типа Черногоровки присущи все элементы, являющиеся составными любой археологической культуры [57, с. 7; 58, с. 51; 59, с. 29], что позволяет, на наш взгляд, говорить о них как о памятниках черногоровской культуры. Выделенные локальные зоны подтверждают этот статус, наполняя его конкретным содержанием и придавая новый облик археологической карте Северного Причерноморья этого периода (ср. [33, с. 32, 33, карта 1 и рис. 3]). Наличие на территории черногоровской культуры вытянутых погребений с черногоровским и постчерногоровским инвентарем, рассмотренных нами в специальной работе и атрибутированных как позднечерногоровские [60], с одной стороны, также подтверждает правомочность придания черногоровской группе памятников статуса культуры (поскольку любая археологическая культура в своем развитии предполагает периодизацию), с другой — уточняет хронологическую позицию рассмотренных в настоящей статье скорченных погребений, позволяя относить их к первому (раннему) этапу черногоровской культуры степного Причерноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
2. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
3. Дубовская О. Р. К вопросу о роли позднерубного этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы. Донецк, 1979.
4. Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.
5. Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р. Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы. Ереван, 1982.
6. Дворниченко В. В. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 1982. Вып. 170.
7. Коренько В. А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // КСИА. 1982. Вып. 170.
8. Дубовская О. Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. 1985. № 2.
9. Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.
10. Дубовская О. Р. О локальных особенностях в инвентаре черногоровских погребений // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы. Донецк, 1987.
11. Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
12. Ключко В. И., Мурзин В. Д. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

⁵ Косвенным подтверждением оказанному могут служить отмеченные выше признаки земледельческого уклада в хозяйстве населения Орельско-Самарского междуречья (зернотерки, куранты, пест).

⁶ Все проценты просчитаны без доверительного интервала. В данном случае считаем это допустимым, так как не ставили своей целью проведение детального статистического анализа признаков, а хотели лишь проиллюстрировать повторяемость того или иного признака, что наиболее просто и достаточно наглядно позволяют сделать процентные диаграммы.

13. *Отрощенко В. В.* Особенности погребений черноговорской группы//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы. Запорожье, 1989.
14. *Дворниченко В. В.* Некоторые вопросы развития культуры предскифского периода//Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
15. *Дворниченко В. В.* Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
16. *Моруженко А. А., Зарайская Н. П. и др.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Донецкой области в 1983 г.//НА ИА АН УССР. № 1983/50.
17. *Узянов А. А.* Нижнесальские курганы//АО — 1975. М., 1976.
18. *Бабешко И. Г., Потанов В. В.* Погребение предскифского времени на окраине г. Азов//Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы. Донецк, 1989.
19. *Лукашов А. В.* Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
20. *Пиоро И. С.* Новые погребения предскифского периода на юге Луганщины//Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы. Луганск, 1990.
21. *Бокий Н. М., Горбул Г. П.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области//СА. 1985. № 4.
22. Каталог археологических коллекций/Сост. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1979.
23. *Мурзин В. Ю.* Похоронения VIII — початку VII ст. до н. е. на Херсонщині//Археологія. 1977. Вип. 22.
24. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джанкоя, в Крыму//СА. 1980. № 3.
25. *Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Тоцев Г. Н.* Охранные раскопки кургана у с. Траповка Одесской области//Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев; Одесса, 1976.
26. *Отрощенко В. В.* Разведки левого берега Каховского водохранилища//Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971.
27. *Ромашко В. А.* Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ//Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
28. *Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Никулкин И. В., Яремака В. Н.* Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье//Древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1983.
29. *Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н., Чернов С. И.* Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1981 г.//НА ИА АН УССР. № 1981/7.
30. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
31. *Ромашко В. А.* Памятники финальной бронзы — раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ//Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
32. Физико-географическое районирование Украинской ССР. Киев: Изд-во КГУ, 1968.
33. Археологія Української РСР. Т. II. Київ, 1971.
34. *Ромашко В. А.* Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье//Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1978.
35. *Марина З. П., Ромашко В. А.* Работы в Западном Донбассе//АО-1985. М., 1987.
36. *Ромашко В. А.* Некоторые особенности погребального обряда черноморской культуры левобережья Днепра//Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.
37. *Ромашко В. А.* Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья//Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.
38. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
39. *Беляев О. С.* Похоронения зрубної культури I раннього залізного віку Йосипівського могильника//Археологія. 1981. Вип. 36.
40. *Шевченко Н. П.* Новые памятники раннего железного века на юге Украины//Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
41. *Бочкарев В. С., Дубовская О. Р. и др.* Отчет за 1979 г.//Архив ИА РАН. Р-1.
42. *Бочкарев В. С., Трифионов В. А. и др.* Отчет о работах Кубанской археологической экспедиции за 1982 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1.
43. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры//СА. 1981. № 3.
44. *Качалова Н. К.* О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы)//СА. 1989. № 1.
45. *Житников В. Г.* Работы Константиновского отряда//АО-1986. М., 1988.
46. *Прохорова Т. А.* Погребение предскифского времени у станицы Грушевской//СА. 1983. № 3.
47. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983.
48. *Гладких М. И., Писларий И. А., Кротова А. А. и др.* Работы Северскодонецкой экспедиции//АО-1973. М., 1974.
49. *Столяр А. Д.* Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.//МИА. 1958. № 62. Т. 1.
50. *Мамонтов В. И.* Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника//КСИА. 1985. Вып. 186.
51. *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986.
52. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции. 1970 года//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М., 1974.

53. *Поталов В. В.* Некоторые вопросы хронологии предскифского периода//Изв. Рост. обл. музея краеведения. 1989. Вып. 6.
54. *Татаринев С. А.* Раннескифское погребение из Приазовья//СА. 1982. № 1.
55. *Шоповалов Т. А.* Погребение предскифского времени в кургане Стрижена Могила//Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971.
56. *Бабешко И. Г., Поталов В. В.* Всадническое погребение черноговоровского времени в могильнике Красногоровка III//Изв. Рост. обл. музея краеведения. Вып. 7. Ростов-на-Дону (в печати).
57. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре//СА. 1964. № 4.
58. *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры//СА. 1970. № 2.
59. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация//СА. 1970. № 2.
60. *Дубовская О. Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья//Кочевники Северного Причерноморья. Киев (в печати).

Донецкий областной краеведческий
музей

O. R. DUBOVSKAYA

LOCAL ZONES OF CHERNOGOROVKA CULTURE

S u m m a r y

The article analyses the burial custom and grave goods from 150 flexed burials of Chernogorovka type. By means of drawing a discrete map (fig. 1) the author marks four local zones of flexed Chernogorovka burials expansion: North-West, Orel-Samara, Low Dnieper and North-East zones (fig. 3). They differ by presence or absence and typological peculiarities of such artefacts as bridle elements, ornaments and pottery (fig. 4). But the analysis of the main burial custom indications and the other grave goods shows their significant stability and reiteration on the all territory of the Black Sea region steppes (fig. 5, 6). The author comes to a conclusion that the sites of Chernogorovka type have all archaeological culture's characteristic features and can be named Chernogorovka culture sites.

О ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ РЕКУАЙ В СЕВЕРНОМ ПЕРУ

Одной из древних и интересных культур Северного Перу была малоизученная культура рекуай, условно относимая к концу I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Хронология ее подъемных материалов (многочисленной керамики и каменных изваяний), происходящих преимущественно из грабительских раскопок в горной долине Кальехон-де-Уайлас (Катак, Рекуай, Уарас, Каруас, Карас и другие местонахождения) является одной из серьезных проблем перуанской археологии. Большую роль здесь может сыграть попытка перекрестной датировки сильно геометризированных изображений мифического зооморфного существа с отростком-гребнем на голове и обычно симметричным ему хвостом («Зверь Рекуай»)¹ с недатированных материалов из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1) с подобными, но не всегда столь схематизированными изображениями на датированных материалах из единственного научно исследованного Т. Гридером памятника культуры рекуай — городища Пашаш (рис. 2) и культуры мочика, существовавшей на севере перуанского побережья примерно с I по VII в. н. э. (рис. 3).

Стилистическая классификация сильно геометризированных изображений, чаще сидящего, чем стоящего, Зверя Рекуай и, вероятно, его боковой эволюционной ветви в виде С- или S-образного знака с недатированных материалов из горной долины Кальехон-де-Уайлас построена мной на изменении формы окончания их ведущего сверхъестественного элемента — отростка-гребня от головы.

По этому признаку я выделил четыре «простых» (ранних?) разновидности иконографии Зверя Рекуай (с подковообразным окончанием отростка-гребня, с кружком внутри «подковы», с черточкой внутри «подковы» и с кольцом) (рис. 1, 1—4) и его боковую ветвь — в виде С-образного знака с головами Зверя Рекуай на концах (рис. 1, 5).

Не исключено, что у них всех происходит сначала «удвоение» (рис. 1, 7—11), а затем и «утроение» окончаний отростков-гребней (рис. 1, 12—14). На этом этапе их язык может оканчиваться стилизованным изображением головы хищника или змеи (рис. 1, 12). До сравнений на более широкой основе мне представляется преждевременным выделять этот стилистический ряд в отдельную хронологическую группу. Возможно, что они играли переходную роль от простого образа к более сложному.

Венцом развития образа Зверя Рекуай и его варианта в виде С- или S-образного знака в Кальехон-де-Уайлас было, по-видимому, широкое распространение на их отростках-гребнях (языках, хвостах) стилизованных голов хищника или змеи (рис. 1, 15—17).

Определение времени появления изображений Зверя Рекуай и его варианта в виде С-образного знака носит гипотетический характер. В качестве аналога я использую время предполагаемого начала соседней культуры мочика. Поводом для этого послужила близость иконографии Зверя Рекуай в этих двух культурах, особенно заметная между изображениями ранней мочика (I, II и отчасти III) (рис. 3, 1—19) и группой «простых» типов Зверя Рекуай из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1, 1—4). Причем не только в сильно геометризированных формах (тонкое изогнутое тело, голова в виде кружка с круглым глазом внутри, тонкие когтистые

¹ Я употребляю образное название «Зверь Рекуай», введенное в научный оборот В. А. Башиловым [1] и Ю. Е. Березкиным [2—4].

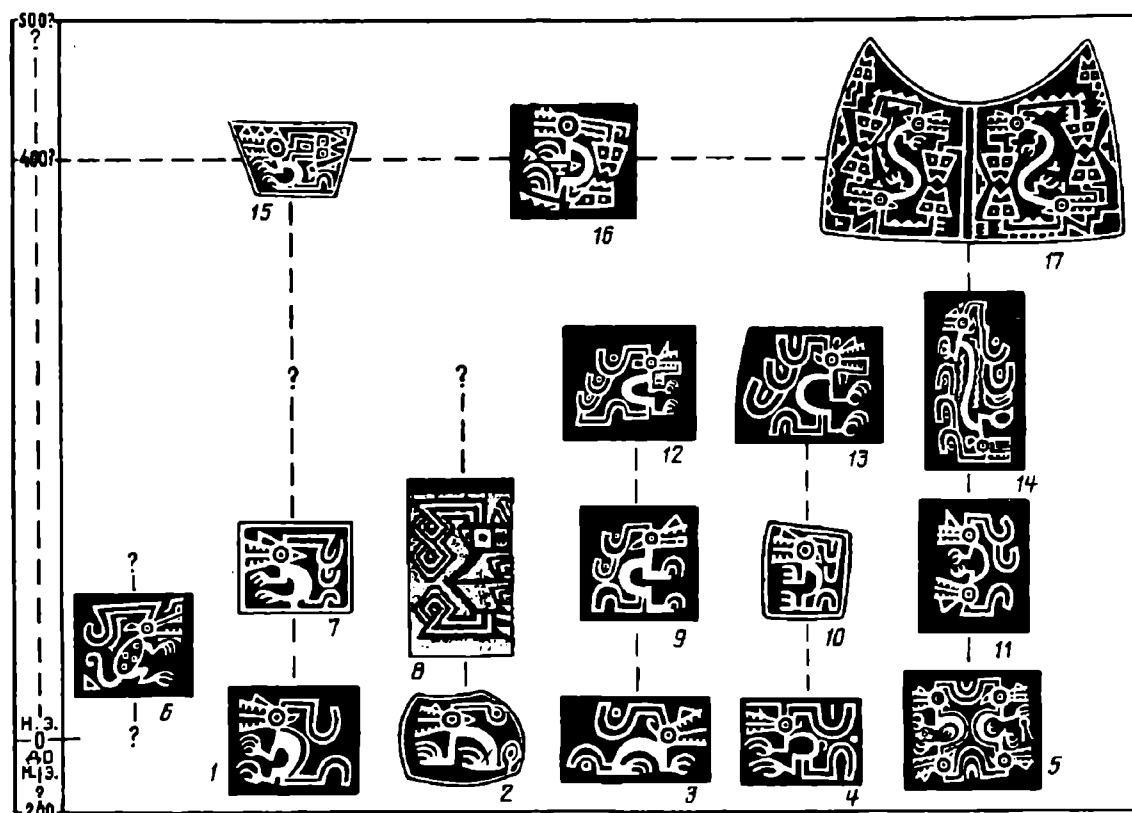

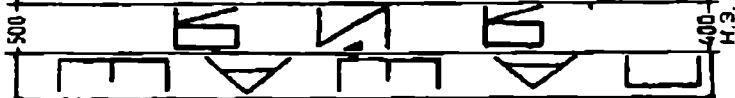
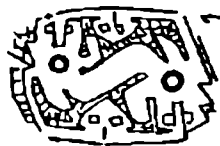
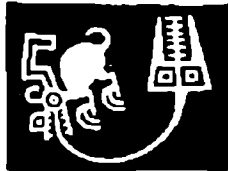
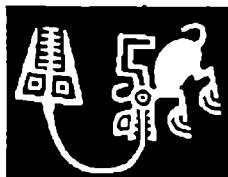
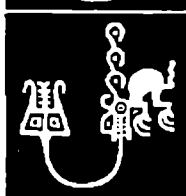
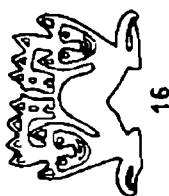
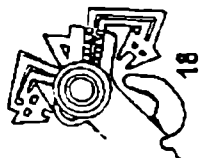
Рис. 1. 1 — по [5, с. 209, рис. 4]; 2 — по [6, с. 66, рис. 56]; 3 — по [5, с. 213, рис. 10]; 4 — по [7, с. 69]; 5 — по [5, с. 217, рис. 18]; 6 — по [8, с. 270, рис. 12]; 7 — [9, с. 229, рис. 190]; 8 — по [10, с. 12, рис. 212, рис. 4 а, б]; 9 — по [5, с. 213, рис. 11]; 10 — по [11, с. 399, рис. 7]; 11 — по [12, с. 138]; 12 — по [5, с. 214, рис. 12]; 13 — по [13, рис. 55]; 14 — по [14, рис. 84 б]; 15 — по [15, с. 198]; 16 — по [16, рис. 91]; 17 — по [17, рис. 232]

лапы, заостренное ухо, зубастая пасть с языком, треугольный нос и др.) (рис. 3, 1—4, 8—11, 15—19), но и в более реалистичных мочикских образцах (рис. 3, 5—7, 12—14, 20—26). Столь схожая иконографическая схема предполагает и хронологическую синхронность. Одним из примеров мочикско-рекуайских контактов (связей?) могут служить два оригинальных, очень похожих друг на друга изображений Зверя Рекуай. Один — с сосуда времени мочика II [8, с. 260, 271; 28, с. 133, рис. 139] (а по К. Доннану — мочика I/II) [36] (из могильника F, погр. 14, Моче) [37, рис. 58e] (рис. 3, 13). Другой — рекуайский аналог (рис. 1, б). Поскольку больше среди материалов из Кальехон-де-Уайлас мне неизвестно подобных по стилистике изображений Зверя Рекуай (кружковый орнамент на широком теле, не симметричный отросток-гребню хвост, ноздря подковкой и др.), то я не исключаю, что создавший его мастер-вазописец мог быть знаком с мочикским оригиналом, т. е. скопировал его.

Таким образом, вполне возможно, что стилистическую группу наиболее «простых» Зверей Рекуай и его С-образного варианта из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1, 1—5) можно датировать раннемочикским временем: конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.

Предполагаемый конец существования изображений Зверя Рекуай и его С-или S-образного варианта из долины Кальехон-де-Уайлас носит более конкретный характер, так как может связываться с историей их существования в явно более позднем памятнике этой культуры — Пашаше.

На керамике, металлических и каменных изделиях Пашаша Зверь Рекуай и родственные ему изображения появляются лишь с фазы Яйя (400—500 гг. н. э.) периода Рекуай [27, с. 241]. В культуре мочика это примерно соответствует концу III — началу IV периодов. Историю их развития в фазу Яйя можно разбить на три этапа в соответствии с тремя культурными слоями, идущими снизу вверх.

В самых ранних культурных слоях фазы Яйя найдены два изображения мифических зооморфных существ на металлических изделиях. Стилистически они очень сходны со Зверем Рекуай из Кальехон-де-Уайлас. Один — схематичный, сидящий (либо даже стоящий?) Зверь Рекуай с тонким изогнутым телом, опирающийся на когтистые лапы, с вытянутой головой с круглым глазом, треугольным ухом, зубастой пастью без языка, треугольным стилизованным изображением приподнятого носа с ноздрей на верхней челюсти, отростком-гребнем на голове, оканчивающимся стилизованным изображением головы хищника в виде треугольника или трапеции и с подковообразным хвостиком² (рис. 2, 2). Другой — в виде S-образного знака с головами Зверя Рекуай³ (рис. 2, 1).

Примерно в это же время возникает местный расписной (по керамике), отличающийся от кальехоноподобного (на металле), сильно геометризированный «пашашский» тип Зверя Рекуай (рис. 2, 3), в том числе со стилизованной головой хищника в виде треугольника или трапеции на конце отростка-гребня (рис. 2, 4). Зверь этого типа, имеющий более широкое туловище, голову в виде кружка с круглым глазом внутри, без уха, но с длинным тонким языком в зубастой пасти, стилизованным изображением приподнятого носа с подчеркнутой ноздрей в виде черточки, сидит на когтистых задних лапах, опираясь на короткий хвостик-крючок. Поскольку его темя или лоб занято коротким крючком неясного значения, то, в отличие от кальехоноподобных типов, отросток-гребень у него растет от затылка, имея П-образное окончание либо плавно изогнутую форму, оканчивающуюся стилизованной головой хищника с пастью в профиль, а глазами анфас.

Позже образ Зверя Рекуай встречается только на керамике и лишь в местной манере (рис. 2, 5—11). Теперь у некоторых «потолстевших» местных «зверей» на конце вытянувшегося языка появляется непропорционально большое стилизованное изображение головы хищника с глазами анфас, а пастью в профиль (2, 8—11). При этом отросток-гребень нередко приобретает форму трех соединенных друг с другом крючков, хвостик — волнистость (рис. 2, 10, 11), а язык раздваивается, как у змеи⁴ (рис. 2, 5, 7). Помимо этого, у некоторых из них (рис. 2, 5) возникают две ноздри (?) (в профиль) и Г-образный орнамент по спине и по отростку-гребню со стилизованной головой хищника на конце.

На последнем этапе изображения Зверя Рекуай на каменных предметах, в отличие от керамики (рис. 2, 13, 14), становятся более сложными, разнообразными и реалистичными⁵, включая головы на концах языка и отростка-гребня, обычно покрытого зубчатым орнаментом⁶ (рис. 2, 12). Особый интерес здесь вызывает группа изображений Зверя Рекуай и его вариантов на каменных изваяниях из

² Всего известно 13 одинаковых, не имеющих стилистических аналогов в керамике и камне Пашаша изображений Зверя Рекуай на золотых изделиях (булавках?).

³ Не исключено, что наличие или отсутствие «головы» на отростке-гребне, а затем и языке могло быть связано с какими-то сюжетными изменениями мифа с участием данных мифических существ.

⁴ По-видимому, тогда это было присуще для трактовки Зверя Рекуай во всем Северном Перу, например в мочика IV—I (рис. 3, 22, 23, 25).

⁵ По-видимому, это объясняется тем, что техника создания изображений на камне могла опережать в своем развитии технику росписи по керамике. Вместе с тем сравнение стилистики изображений на камне и керамике не всегда просто из-за разницы в художественных канонах.

⁶ Наряду с реалистичными головами хищника на концах отростков-гребней, по-видимому, это было характерно для трактовки Зверя Рекуай во всем Северном Перу. Например, родственные Зверю Рекуай из Пашаша мифические персонажи в виде S-образного знака из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1, 17) и Зверь Рекуай из мочика III—IV (рис. 3, 22, 24—26).

Рис. 2. 1 — по [18, с. 202, рис. 202, с. 261, рис. 7]; 2 — по [18, с. 238—243, рис. 7]; 3 — по [18, с. 163, рис. 169]; 4 — по [18, с. 162, рис. 116, с. 236, рис. 6]; 5 — по [18, с. 2, рис. 2]; 6 — по [18, с. 165, рис. 173]; 7 — по [18, с. 158, рис. 160]; 8 — по [18, с. 160, рис. 163, с. 213, рис. 21]; 9 — по [18, с. 160, рис. 163, с. 213, рис. 21]; 10 — по [18, с. 94, рис. 70, с. 217, рис. 37]; 11 — по [18, с. 94, рис. 70, с. 217, рис. 37]; 12 — по [18, с. 162, рис. 166, с. 236, рис. 6]; 13 — по [18, с. 208, рис. 6]; 14 — по [18, с. 139, рис. 133, с. 233, рис. 6]; 15 — по [18, с. 167, рис. 178]; 16 — по [18, с. 167, рис. 177]; 17 — по [18, с. 161, рис. 164]; 18 — по [18, с. 160, рис. 162]

Кабаны, что неподалеку от Пашаша (рис. 2, 16—18). Т. Гридер склонен считать, что они (кроме рис. 2, 15, чье происхождение неизвестно) могут относиться к Пашашу периода Рекуай [18, с. 15]. Схожая стилистика каменных чудовищ из Кабаны (рис. 2, 16—18) и Пашаша (рис. 2, 12), на мой взгляд, позволяет синхронизировать их с самыми поздними изображениями фазы Яйя.

Поскольку наиболее ранние изображения Зверя Рекуай (рис. 2, 2) и его варианта в виде S-образного знака (рис. 2, 1) из Пашаша стилистически очень близки наиболее сложным подобным изображениям на керамике из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1, 1—5), то возможно следующее.

Во-первых, наиболее сложные и, по-видимому, поздние изображения Зверя Рекуай и его варианта в виде S-образного знака из Кальехон-де-Уайлас можно предположительно относить к 400—500 гг. н. э. (рис. 1, 15—17). Причем не исключено, что где-то здесь мог проходить и верхний порог культуры Рекуай в Кальехон-де-Уайлас.

Во-вторых, наиболее простая по стилистике иконографии (возможно, и сюжетно?) группа изображений Зверя Рекуай (и его варианта в виде S-образного знака) из Кальехон-де-Уайлас (рис. 1, 1—5), по-видимому, древнее, чем наиболее ранние изображения этого персонажа в Пашаше. Тем самым усиливается аргументация высказанного выше предположения, что эта группа изображений из Кальехон-де-Уайлас не моложе конца I тыс. до н. э.—начала I тыс. н. э. А складывание такого выработанного образа могло уходить и во вторую половину I тыс. до н. э.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что данное краткое исследование, посвященное хронологии одного из наиболее характерных иконографических персонажей культуры рекуай, может послужить основой для дальнейшей детальной разработки хронологии памятников культуры рекуай в Кальехон-де-Уайлас, в частности путем создания хронологической периодизации типов керамики рекуай и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
2. Березкин Ю. Е. Мифология мочика, Перу//СА. 1972. № 4.
3. Березкин Ю. Е. Хронология среднего и позднего периодов культуры мочика, Перу//СА. 1978. № 2.
4. Березкин Ю. Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I—VII вв. Л., 1983.
5. Tello J. C. Wira-Kocha//INCA. 1923. V. I. № 1. 3.
6. Schulze-Thulin A. Im Zeichen des Jaguars. Indianische Frühkulturen in Alt-Peru//Bildhefte Linden Museums, Stuttgart. 1974. Hf. 1.
7. Fuhrmann E. Kulturen der Erde. Reich der Inka. Hagen, 1922.
8. Bankmann U. Moche und Recuay//BA (NF). 1979. B. 27. № 2.
9. Nicholson H. B., Cordy-Collins A. Pre-Columbian Art from the Land Collection/Ed. Land L. K. San Francisco: California Acad. Sci. and L. K. Land, 1979.
10. Cahlander A., Baizerman S. Double-Woven Treasures from Old Peru. St. Paul. Minnesota. Minneapolis, 1985.
11. Reichert R. X. Pre-Columbian Ceramics: The Problem of Partial Counterfeits//Eds Cordy-Collins A., Stern J. Pre-Columbian Art History. Selected Readings. Peek Publications. Palo Alto. San Diego Mesa College. San Diego, 1977.
12. Eisleb D. Amerikanische Archäologie//Alt-America. MfV, Berlin. B., 1974.
13. Lehman W., Ubbelohde-Doering H. Kunstgeschichte des alten Peru. B., 1924.

Рис. 3. 1 — по [19, с. 260]; 2 — лично от А. Сойера, 1988; 3 — по [20, с. 111]; 4 — по [21, с. 123, рис. 5—26]; 5 — по [22, рис. 239]; 6 — по [23, рис. 385]; 7 — по [24, рис. 104]; 8 — по [25, с. 59, № 1129]; 9 — лично от П. Кабелло Карро, 1988; 10 — по [26, рис. 73]; 11 — лично от П. Кабелло Карро, 1986; 12 — по [27, рис. 41, 42]; 13 — по [28, рис. 139]; 14 — по [29, рис. 91e]; 15 — по [30, с. 33]; 16 — лично от А. Сойера, 1988; 17, 18 — по [31, рис. 1, 2]; 19 — по [32, рис. VII, 1]; 20 — по [33, рис. 310]; 21 — по [34, рис. 4]; 22 — по [22, рис. 237]; 23 — по [33, рис. 311]; 24 — по [22, рис. 236]; 25 — по [35, рис. 92]; 26 — по [22, рис. 345]

14. *Eisleb D.* Altperuanische Kulturen. Recuay. IV.//MFV, Berlin, B., 1987. (NF) 44.
15. *Schaedel R. P.* The Callejon de Huyalas of Peru and its Monuments.//Archaeology. 1948. V. I. № 4.
16. *Anton F.* Alt Peru und seine Kunst. Leipzig, 1972.
17. *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru. B., 1929.
18. *Grieder T.* The art and archaeology of Pashash. Austin; London: Univ. Texas, 1978.
19. *Lothrop S.* Essays in Pre-Columbian art and archaeology. Cambridge, 1961.
20. *Larco Hoyle R.* Checan. Studie über die erotischen Darstellungen in der peruanischen Kunst. Gèneve; Paris; Munich, 1965.
21. *Benson E. P.* The Mochica. A culture of Peru. L., 1972.
22. *Baessler A.* Altperuanische Kunst. B. 1—4. B., 1902—1903.
23. *Rowe J. H.* Kunst in Peru und Bolivien//Das Alte Amerika/Eds. Willey G. R. B. 18. B., 1974.
24. *Haberland W.* Die Kunst des Indianischen Amerika//Museum Rietberg, Zürich. Zürich, 1971.
25. *Cuesta Domingo M.* Cultura y Ceramica Mochica. Museo de America. Madrid, 1980.
26. *Donnan C. B.* Moche art and iconography//UC-LAS. 1976. V. 33.
27. *Nersesov Ya. N.* Two mythical beings: The Recuay Monster and The Dragon on Moche vessels from Ancient Peruvian Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts//Ed. Hocquenghem A.-M. Pre-Columbian Collections in European Museums. Budapest, 1987.
28. *Menzel D.* The archaeology of Ancient Peru and the work of Max Uhle//R. H. Lowie Museum Anthropology, Univ, California. Berkeley, 1977.
29. *Lavallée D.* Les representations animales dans la céramique mochica//MIE-IV. Musée de l'Homme. P., 1970.
30. *Montell G.* Dress and ornaments in ancient Peru. Göteborg; London, 1929.
31. *Purin S.* Vases Anthropomorphes Mochicas des Musées Royaux d'Art et d'Histoire//Corpus Americaneusium Antiquitatum Bruxelles, 1979. T. I.
32. *Real D.* La decoration primitive de L'Amerique Precolombienne. P., 1935.
33. *Kutscher G.* Nordperuanische Gefäßmalereien des Moche-Stils//Materialien zur Allgemeinen und Vergleichen den Archaeologie. B. 18. München, 1983.
34. *Ubbelohde-Doering H.* Altperuanische Kunst. B., 1934.
35. *Fuhrmann E.* Peru II. Keramik der Chimú. Darmstadt, 1922.
36. *Donnan C. B.* Moche ceramic technology//Nawpa Pacha. Berkeley, 1965. № 3.
37. *Kroeber A. L.* The Uhle pottery collections from Moche//UCPAAE. Berkeley. 1925. V. 21. N. 5.

Институт археологии РАН,
Москва

Ya. N. NERSESOV

CONCERNING THE NORTHERN-PERUVIAN RECUAY CULTURE CHRONOLOGY

S u m m a r y

The article deals with one of the most interesting and insufficiently explored problems of the ancient Peru archaeology. The author investigates the chronology of Recuay culture, situated in the mountain valley Callejon-de-Huyalas in North Peru and usually dated back to the end of the 1st millenium B. C.—the first half of the 1st millenium A. D. The scholar works out the chronology of “the Recuay Monster”, one of the most typical personages of the culture’s iconography, and suggests it to be used in the further deeper investigations on the culture’s chronology in Callejon-de-Huyalas, especially in a division of Recuay pottery types into periods.

ТИПОЛОГИЯ И СООТНОШЕНИЕ ЖИЛЫХ СООРУЖЕНИЙ ПЛЕМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Черняховская культура является одним из наиболее сложных этноисторических образований Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э. Определенные успехи в ее изучении дали возможность более четко сосредоточиться на нерешенных еще проблемах, среди которых едва ли не главные — установление этнической принадлежности черняховской культуры, а также выявление ее истоков и дальнейших исторических судеб. Решение указанных вопросов во многом предопределяется изучением конкретных категорий археологического материала, среди которого особое место занимают жилища. Сегодня их открыто более 500. Они являются важным показателем этнических и социальных отношений в рассматриваемой нами культуре. Все черняховские жилища достаточно четко подразделяются на два типа: углубленные постройки с полом, заниженным по отношению к уровню древней поверхности не менее чем на 0,4 м и более глубокие, и жилища наземного типа с полом, расположенным на уровне древней дневной поверхности. По степени углубленности пола в материк жилища делятся на полуземлянки и землянки. По данным на 1989 г., полуземлянки открыты на 77 поселениях и составляют 231 объект. Землянки известны на 15 селищах (52 объекта). По характеру материала, который применялся в строительстве наземных жилищ, они разделяются на каркасно-глинобитные и каменные. Первые открыты на 87 памятниках и составляют 179 объектов. Каменные дома известны на 19 поселениях и насчитывают 34 сооружения [1, с. 15].

Проблема соотношения и интерпретации жилищ наземных и углубленных типов на поселениях черняховской культуры не нова, но с точки зрения понимания синхронности или разновременности названных типов построек представляется весьма важной. В свое время М. А. Тиханова и Г. Б. Федоров наличие различных типов построек на селищах черняховской культуры в отдельных ее регионах объясняли климатическими условиями, считая углубленные «зимними», а наземные «летними» жилищами черняховцев [2, с. 174; 3, с. 102, 103]. Э. А. Сымонович полагал, что для территории Среднего Поднепровья устанавливается разновременность наземных и углубленных жилищ. Углубленные постройки являлись более ранними, на смену им со временем пришли наземные [4, с. 86]. К сожалению, эти положения остались мало аргументированными. Опираясь на естественногеографические факторы и местные историко-этнографические традиции, И. С. Винокур рассматривает черняховские наземные и углубленные дома как синхронные и принадлежащие единому населению [5, с. 60—62].

Мы разделяем мнение тех исследователей, которые усматривают в характере черняховского домостроительства слагаемые разноэтнических компонентов синкретической черняховской культуры [6, с. 11—44; 7].

Количественное соотношение этих типов жилищ показывает, что в междуречье верховьев Днестра и Западного Буга обнаружено 71 углубленная постройка (31 полуземлянка и 40 землянок), в Среднем Поднестровье открыто 50 наземных и 57 углубленных жилищ (на Левобережье преобладают углубленные постройки, на Правобережье — наземные), в Днестро-Прутском междуречье исследовано 36

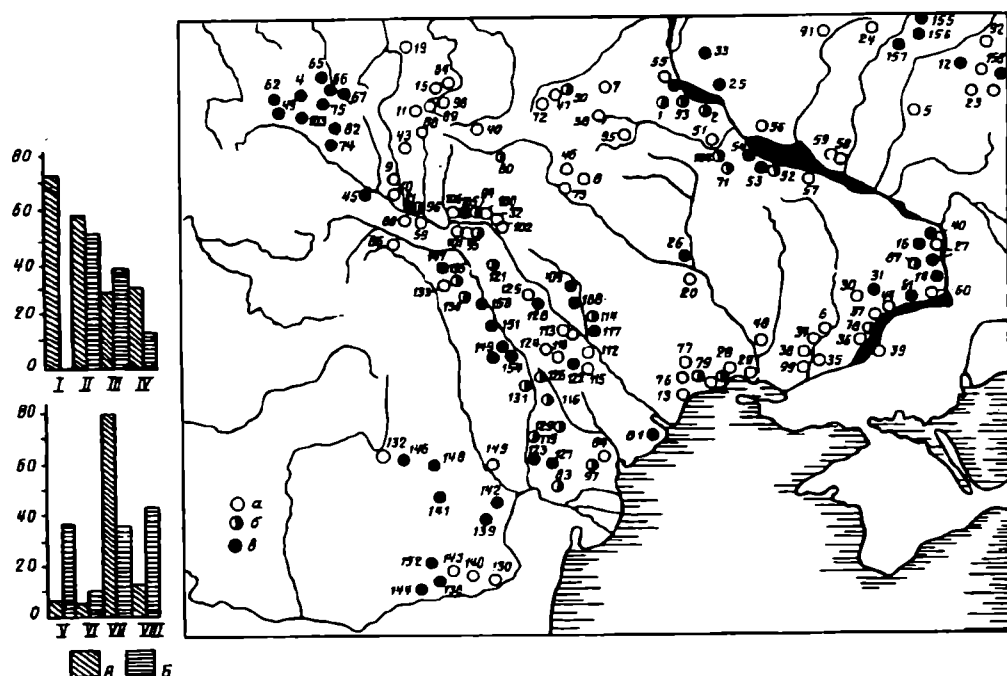

Рис. 1. Картограмма соотношения наземных и углубленных жилищ на поселениях черняховской культуры: а — наземные; б — наземные и углубленные, в — углубленные. График указанного соотношения: I—IV, V—VIII — Верхнее Поднестровье, Среднее Поднестровье, Днестро-Прутское междуречье, Карпато-Дунайские земли, Волынь, Южное Побужье, Среднее Поднiproвье, Северо-Западное Причерноморье; А — углубленные, Б — наземные жилища.

1 — Жуковцы; 2 — Стретовка; 3 — Витачев; 4 — Неслухов; 5 — Кантемировка; 6 — Отбедо-Васильевка; 7 — Деловщина; 8 — Маслово; 9 — Голиграды; 10 — Новоселка-Костюковка; 11 — Максимовка; 12 — Пересечное; 13 — Киселово; 14 — Привольное; 15 — Викнины Великие; 16 — Волосское; 17 — Жуковцы; 18 — Ягнятин; 19 — Костянец; 20 — Грушевка; 21 — Лука-Врублевская; 22 — Кантемировка; 23 — Ново-Покровка; 24 — Беседовка; 25 — Ерковцы; 26 — Данилова Балка; 27 — Никольское; 28 — Викторівка 2; 29 — Капустино; 30 — Кут; 31 — Грушевка; 32 — Иванковцы; 33 — Хлопков; 34 — Афанасьевка; 35 — Дарьевка; 36 — Берислав; 37 — Дудчаны; 38 — Ново-Кондаково; 39 — Каиры; 40 — Лоцмано-Каменка; 41 — Волосское; 42 — Матвеевка; 43 — Сухостав; 44 — Гавриловка; 45 — Незвиско; 46 — Турия; 47 — Слободище; 48 — Калиновка; 49 — Чижики; 50 — Пражев; 51 — Николаевка; 52 — Леськи; 53 — Ломоватое; 54 — Червона Слобода; 55 — Красный Хутор; 56 — Ново-Липовское; 57 — Стецовка; 58 — Радуцковка; 59 — Максимовка; 60 — Выше Тарасовка; 61 — Ильинка; 62 — Черепин; 63 — Комаров; 64 — Лепесовка; 65 — Рипнев 2; 66 — Рипнев 3; 67 — Ракобуты; 68 — Киселев; 69 — Боровцы; 70 — Иванковцы; 71 — Журовка; 72 — Маркуши; 73 — Косаново; 74 — Бовшев 2; 75 — Ремезовцы; 76 — Тилигуло-Березанка; 77 — Ранжево; 78 — Бургунка; 79 — Коблево; 80 — Ружичанка; 81 — Приморское; 82 — Демьянов 2; 83 — Нагорное 2; 84 — Нерупай; 85 — Яблоньков; 86 — Кодын; 87 — Башмачка; 88 — Березанка; 89 — Синивцы; 90 — Бургунка; 91 — Артюховка; 92 — Войтенки; 93 — Обухов 1; 94 — Бакота; 95 — Оселивка; 96 — Сокол; 97 — Фурмановка; 98 — Печирна; 99 — Александровка; 100 — Кониловка; 101 — Вороновица; 102 — Бернашовка; 103 — Тарасовка; 104 — Завадовка; 105 — Теремцы; 106 — Великая Слободка; 107 — Солончены; 108 — Лукашовка 3; 109 — Алчедарь; 110 — Нетрикань; 111 — Будешты; 112 — Балабанешты; 113 — Загайканы; 114 — Делакэу; 115 — Кобуска-Веке; 116 — Комрат; 117 — Кошница; 118 — Собарь; 119 — Кокоара 3; 120 — Балцаты; 121 — Русяны; 122 — Костешты; 123 — Этулия; 124 — Будешты; 125 — Новые Каракушаны; 126 — Екатеринівка; 127 — Чишмика; 128 — Бурсучены; 129 — Кангаз; 130 — Менестыря; 131 — Поянешты; 132 — Валя-Юлия; 133 — Глевенешть-Векь; 134 — Данку; 135 — Трушешть; 136 — Ионашени; 137 — Пе-Куха; 138 — Грингаши; 139 — Ларгу; 140 — Иллына; 141 — Св. Георге Эп-рестато; 142 — Бэлтени; 143 — Фундения Домка; 144 — Александрия; 145 — Кавадинешть; 146 — Безид; 147 — Ботошань; 148 — Реча; 149 — Яссы; 150 — Драгушены; 151 — Дульчанка; 152 — Шмирдану; 153 — Харман; 154, 155 — Косовщина 1 и 2; 156 — Краснополье 1; 157 — Великий Бобрык; 158 — Дачное

наземных и 28 углубленных сооружений, в Карпато-Дунайских землях 13 наземных и 30 полуземлянок, в Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Поднiproвье обнаружены остатки 34 каменных, 8 полуземляночных и 2 каркасно-глинобитных жилища. На Волыни выявлено 32 наземные постройки и 4 углубленных дома, в Южном Побужье открыто 9 наземных сооружений и 2

**Зависимость между процентом лепной посуды и типами жилищ
на черняховских поселениях (по данным авторов раскопок)**

Поселение	Лепная посуда, %	Количество жилищ	
		углубленных	наземных
Ягнятин	2	—	2
Костянец	18	—	2
Лепесовка	17	—	7
Леськи	2	2	2
Артюховка	11	—	1
Войтенки	5	—	1
Обухов 1	9	1	2
Великая Слободка	10	—	3
Русяны	2	2	2
Будешты	2	2	11
Делакэу	2	1	8
Загайканы	1	—	6
Кобуска Веке	9	—	4
Комрат	3	1	7
Собарь	1	—	2
Бовшев 2	52,3	8	—
Демьянов 2	60,3	4	—
Черепин	60	8	—
Рипнев 2	34,4	28	—
Тарасовка	60	3	—
Лука-Врублевская	65	5	2
Бакота	50	37	16
Сокол	73	7	—
Завадовка	60	7	1
Журовка	70	32	1
Бургунка	65	8	1
Башмачка	55	4	7
Косовщина 1, 2	—	4	—
Краснополье 1	—	3	1

полуземлянки, в Среднем Поднепровье исследованы 32 наземные постройки и 76 углубленных (58 полуземлянок и 18 землянок).

Следовательно, углубленные постройки представляют единый тип домов на Верхнем Днестре. На селищах Среднего Поднестровья, Среднего Поднепровья, Левобережья Днестра и Карпато-Дунайских землях они составляют подавляющее большинство. На Волини, Южном Побужье, Днестро-Прутском междуречье основными являлись наземные каркасно-глинобитные дома, в Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Поднепровье, в основном, сооружались каменные постройки. Лишь на 20 поселениях черняховской культуры оба типа построек зафиксированы вместе, и на ряде пунктов в равном количестве (рис. 1).

Между наземными однокамерными каркасно-глинобитными и углубленными жилищами Среднего Поднестровья, Среднего Поднепровья выявлено много общих конструктивных черт, указывающих на единые традиции в сооружении небольших домов для индивидуальных семей. Но на других территориях черняховского ареала такая конструктивная общность в домостроительстве прослеживается слабо. Принципиально разные конструктивные схемы представлены большими домами

(каркасно-глинобитные и каменные) и углубленными постройками (полуземлянки и землянки). На имеющиеся различия между ними указывает и их планиграфия на поселениях. Наземные длинные большие дома размещались на селищах зачастую рядами, углубленные постройки — небольшими группами (гнездами). Конструктивные различия между указанными группами домов коррелируются с обнаруженным в этих объектах разным по технологии производства керамическим инвентарем. По произведенным подсчетам, в больших домах выявлено от 90 до 100% гончарной керамики, а в углубленных жилищах, наоборот, преобладает лепная посуда (от 52 до 65—70%) (таблица). Справедливости ради, следует отметить, что в ряде случаев (Косовщина 1 и 2, Краснополье 1, Великий Бобрык) лепная керамика отсутствует.

Сказанное о сочетании рассматриваемых категорий домов свидетельствует об этнической разнородности населения, оставившего эти жилища. Вероятно, происхождение каждой из отмеченных групп жилищ черняховской культуры было различным. Истоки их обнаруживаются в различных по своему этническому содержанию культурах предшествующего времени.

Мы считаем, что черняховские полуземлянки и землянки сформировались, с одной стороны, на базе домостроительных традиций зарубинецких и пшеворских племен, с другой — дакийских этнических групп, которые в процессе интеграции создают основную базу черняховского углубленного домостроительства.

Каменные сооружения черняховских племен Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Приднепровья, выросшие из своеобразного синтеза влияний местного позднескифского и античного домостроительства, могут быть выделены в отдельный локальный вариант. Полуземлянки и каркасно-глинобитные жилища здесь единичны и представляются результатом притока в этот регион незначительной части населения с северных лесостепных территорий, где такие жилища получили широкое распространение.

Большие каркасно-глинобитные дома не имеют местных подоснов и аналогов, их корни можно видеть в германском домостроительстве Мазовии и Ютландии (Бэрхорст, Королат, Гронтофт, Форбассе, Вольце Ласецка, Колобжег, Данково и др.). Из этого следует, что пришедшие в черняховскую культуру германские племена принесли с собой определенные традиции домостроительства. В процессе влияния на пришельцев более высокоразвитой культуры местных племен происходит сокращение размеров больших домов и выделение в них жилых частей от хозяйственных с последующим раздельным возведением этих объектов согласно их назначению. В свою очередь, местные племена, в особенности Среднего Поднестровья, проживавшие в углубленных жилищах, восприняли под воздействием определенных хозяйственных, социальных и, видимо, климатических изменений, конструкцию и технику возведения наземных каркасно-глинобитных жилищ. Местному населению, состоявшему из индивидуальных семей, было под силу сооружать небольшие наземные, однокамерные каркасно-глинобитные постройки с планировкой, близкой к углубленным домам. В регионах, где известны большие дома, например на ряде селищ Среднего Поднестровья и Среднего Поднепровья (Бакота, Бернашовка, Лука-Врублевская, Комаров, Башмачка, Леськи, Завадовка и др.), население сооружало как углубленные, так и близкие им наземные постройки. Однако такое сосуществование разных типов жилищ при том условии, что они, как правило, вытесняют друг друга, долго продолжаться не могло. На финальном этапе развития черняховской культуры, в результате интеграции конструктивных элементов наземных и углубленных построек вырастает качественно новый тип сооружений — полуземлянки четырехугольной планировки с каменными очагами, и на их основе впоследствии — жилища с печами-каменками в одном из углов (как правило, в северо-западном или северо-восточном), возведенные по каркасно-столбовой конструкции. Возникновение таких сооружений в черняховском углубленном домостроительстве относится к IV—V вв. н. э. (Бакота, Теремцы, Бернашовка, Сокол и др.) и объясняется исторически сложившимися у населения первой половины I тыс. н. э. Юго-Во-

сточной Европы традициями возведения и проживания в углубленных сооружениях, а также возможным ухудшением климатических условий, приведших к необходимости сооружения более теплого жилья, с применением в нем более эффективных устройств отопления. Этими причинами было, по всей видимости, продиктовано и появление в то же самое время у черняховцев Верхнего и Среднего Поднестровья, Среднего Поднепровья построек со срубной конструкцией стен. Истоки «черняховского сруба» следует искать в землях Припяти, Подесенья, Верхнего Поднепровья, где наличие таких жилищ у населения первой половины I тыс. н. э. доказано археологически, а тип самой конструкции вполне оправдан природной средой [8, с. 77; 9, с. 225—237]. На складывании нового каркасно-столбового и срубного полуземляночного типа сооружений Верхнего и Среднего Поднестровья ощутимо сказывались отдельные конструктивные компоненты (планировка, размеры, отопительные устройства и т. д.) зарубинецко-пшеворского домостроительства. В Днестро-Прутском междуречье, Волыни и Южном Побужье, где в силу сложившихся в известной мере обстоятельств, наземные дома преобладали над углубленными, процесс выделения нового типа полуземляночных жилищ был несколько заторможен. Аналогичное положение сложилось, видимо, и в Карпато-Дунайских землях. Поэтому вряд ли можно говорить о типологических связях черняховских полуземлянок в указанных регионах со славянскими жилищами VI—VII вв. н. э. Что касается черняховских углубленных сооружений Верхнего и Среднего Поднестровья, Среднего Поднепровья, то, вероятнее всего, именно они явились той связующей основой, в которой рождалось славянское полуземляночное домостроительство, уже достаточно зрело представленное на обширных пространствах Юго-Восточной Европы в VI—VII вв. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журко А. И. Жилые сооружения племен черняховской культуры: Автореф. дис. ...канд. истор. наук. Киев, 1983.
2. Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры//СА. 1957. № 4.
3. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.//МИА. 1960. № 89.
4. Сымонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры//СА. 1959. Т. XXIX—XXX.
5. Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського міжріччя II—V ст. н. э. Київ, 1972.
6. Баран В. Д. Черняхівська культура. Київ, 1981.
7. Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
8. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1976.
9. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Педагогический институт,
г. Сумы

A. I. ZHURKO

THE TYPOLOGY AND CORRELATION OF CHERNYAKHOVO CULTURE TRIBES INHABITABLE DWELLINGS

S u m m a r y

The article deals with the analysis and characteristic of Chernyakhovo culture inhabitable dwellings dated back to the 3rd — 5th centuries A. D. It was established, that more than 500 dwellings have been discovered and investigated in the culture's area. These dwellings were divided into types. The author worked out the dwellings typology and correlation of their different types, which, from his point of view, reflects a Chernyakhovo culture's polyethnic character.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕЖДУРЕЧЬЕ СУЛЫ И ВОРСКЛЫ В I—V вв. н. э.

Лесостепная часть Сумщины охватывает участки долин Псла, Сулы и Ворсклы с притоками в пределах границ области. Археологические памятники римского времени, известные на этой территории по разведкам, изучены пока очень слабо. Специалистов привлекали в основном черняховские поселения и могильники, да и те исследовались, как правило, эпизодически. Между тем очерченный регион весьма интересен в том отношении, что он отделяет друг от друга две области формирования киевской культуры — деснинско-сейминскую и восточно-левобережную, находящуюся на водоразделе Днепра и Дона. Общая картина передвижений населения в «зоне сумской археологической пустоты» могла бы прояснить характер некоторых этнических процессов, происходивших в этих областях, помочь уточнить границы регионов.

Планомерные исследования пока, к сожалению, лишь одного из участков этой «зоны» — южной части Сумской обл. — начались сравнительно недавно, во второй половине 80-х годов, и проводились силами специалистов из Института археологии АН УССР (А. Н. Некрасовой, Р. В. Терпиловским, Ю. В. Сухобоквым), Института археологии АН СССР (автором настоящей статьи) и археологами из Сум (В. В. Приймаком, Л. А. Белинской, Н. В. Миловановой). В результате удалось составить общую карту памятников римского времени, получить первые серии материалов позднезарубинецкого периода и киевской культуры, дать предварительный очерк миграций племен зарубинецкой культурной традиции.

По данным сплошных разведок, область концентрации позднезарубинецких и киевских памятников находилась в нижнем течении р. Ворсклицы, охватывая устье, а также низовья ее притока Пожни (рис. 1). Некоторые памятники (правда, они единичны) расположены севернее: Боромля 2 на р. Боромле и Курган-Азак на Псле. На юге Сумской обл. известны находки вещей круга «варварских эмалей». К их числу относятся подковообразная фибула из разрушенного могильника Рябовка 1 [1, с. 54, рисунок помещен на суперобложке сборника] и лунница, найденная в 1915 г. в Ахтырке [2, рис. 4]. Из этого же пункта происходят две, а с окраины г. Грайворона Белгородской обл. (ур. Гора Подол, коллекция местного краеведа Н. М. Фисуна) — четыре бронзовые пластинчатые лунницы с приклепанными ушками. Подобные изделия, сведения о которых в последнее время появляются все чаще, характерны, по-видимому, для II—III вв., судя по находкам на позднезарубинецких памятниках Картамышево 2, Осиповка (ур. Пляж) [3, рис. 2, 20], Родной Край 1 (с позднезарубинецким и черняховским слоями), на селище Глеваха с киевским слоем второй половины III в. — рубежа III—IV вв. [4, с. 208, 209].

Наиболее ранними поселениями римского времени в поречье Ворсклицы являются селища Березовка 2 (раскопки автора 1989—1990 гг.) и Солдатское 5 (исследования Р. В. Терпиловского 1988 г.). На первом из них вскрыты остатки шести построек (исплохо сохранились лишь четыре из них: три жилища и хозяйственное сооружение), 26 ям-погребов и одного выносного очага.

Жилища представляли собой прямоугольные полуземлянки, углубленные в

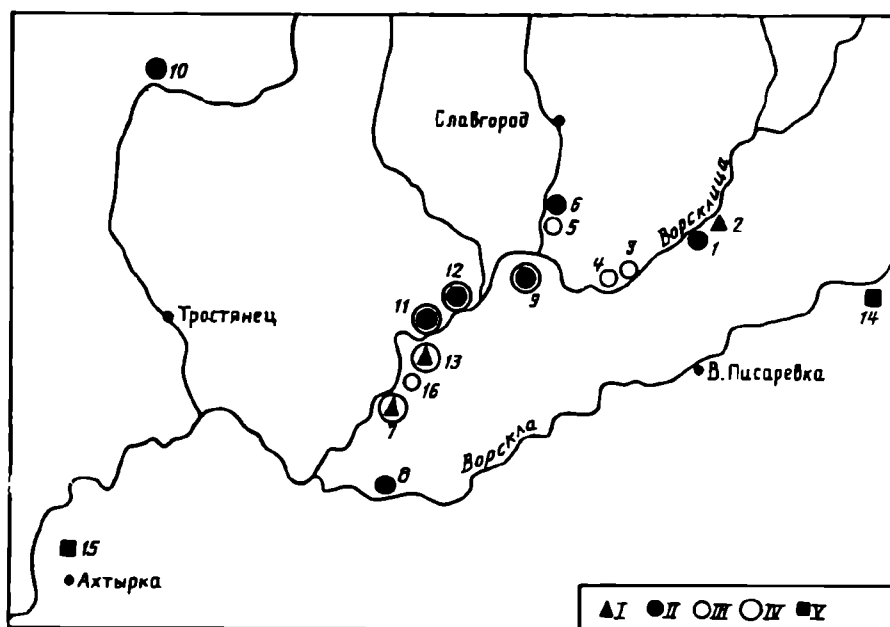

Рис. 1. Распространение памятников зарубинецкой культурной традиции на юге Сумской обл.
 I — позднзарубинецкие памятники; II — памятники киевской культуры; III — пункты, в равной степени могущие относиться как к позднзарубинецкому этапу, так и к киевской культуре; IV — памятники, исследованные раскопками; V — находки пластинчатых лунниц с приклепанным ушком.
 1 — Мокрая Орловка 3; 2 — Мокрая Орловка 1; 3 — Станичное 1; 4 — Станичное 2; 5 — Порозок 2; 6 — Порозок 3; 7 — Березовка 2; 8 — Ивановка 2; 9 — Пожня 1; 10 — Боромля 2; 11 — Рябовка 1; 12 — Рябовка 3; 13 — Солдатское 5; 14 — Грайворон; 15 — Ахтырка; 16 — Солдатское 7

грунт на 35—80 см, от сравнительно небольших (2,3—3,2 × 3,1—3,2 м) до довольно обширных (4—4,2 × 3,4 м)¹ с открытыми очагами в виде овальных ямок размерами около 100—120 × 110—115 см, заполненных углем. Стены построек возводились без применения глиняной обмазки. Явных (бесспорных) остатков ям от столбов вдоль стен жилищ не прослежено.

По стратиграфическим условиям залегания материала на памятнике можно выделить шесть закрытых комплексов. Лепная посуда, происходящая из них, а также керамика из остальных объектов селища одинакова по составу. Памятник, видимо, существовал в течение довольно узкого хронологического периода. Каких-либо материалов, кроме нескольких черепков эпохи бронзы, на поселении не было.

Вся лепная керамика памятника (кроме нее было найдено два фрагмента античных гончарных сосудов) по характеру обработки поверхности делится на грубую и лощеную. Первая изготовлена из рыхлого теста с включениями крупного шамота (что обычно для Днепровского левобережья I—IX вв), вторая достаточно плотная, имеет примесь мелкого песка или мелкого шамота в керамической массе. Грубелепная посуда решительно преобладает, процент лощеной по объектам колеблется в пределах 3—8, в среднем 4. Сосуды с шероховатой поверхностью часто орнаментируются насечками или вдавлениями по краю венчика (50%). Поверхность горшков носит следы грубого заглаживания щепкой или пальцами. Встречаются расчесы, нанесенные гребнем, но керамики с таким элементом декора очень мало — менее 1%.

Набор форм сосудов приводится на рис. 2, график структуры керамического комплекса — на рис. 3. На памятнике численно преобладают сильнопрофилированные округлобокие горшки (тип I 1, вариант а, разновидность а: рис. 2, 3, 4, 6)², на

¹ Подробное описание сооружений, керамики и находок из Березовки 2, а также полная аргументация по определению хронологии и культурной принадлежности памятника приводится в статье А. М. Обломский «Березовка 2 (позднзарубинецкое поселение на Сумщине «Петербургский археологический вестник», в печати).

² В статье используется типология, опубликованная в монографии А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского [5], впоследствии дополненная [6, с. 85].

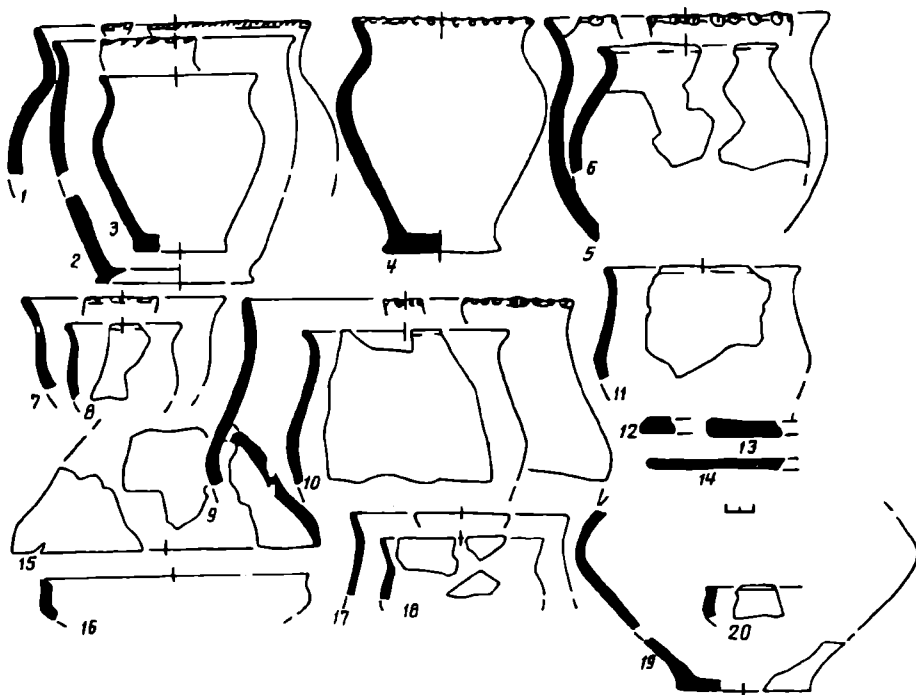

Рис. 2. Керамика поселения Березовка 2.

1—15 — груболепная керамика; 16—20 — лепная лощеная керамика: 1 — тип I 1, вариант г; 3, 4, 6 — тип I 1, вариант а, разновидность а; 2 — тип I 3, разновидность а; 5, 8 — тип I 1, вариант а, разновидность б; 7 — тип I 3, разновидность б; 9—11 — тип II 1; 12—14 — диски; 15 — фрагмент крышки; 16, 19, 20 — фрагменты мисок; 17, 18 — фрагменты «ваз»; 1, 12, 18 — постройка 2, заполнение; 2 — яма 16, раскоп 3; 3, 5 — постройка 4, горизонт 3; 4 — яма 3 раскопа 6; 6 — постройка 4, горизонт 2; 7 — яма 2, раскоп 1; 8 — яма 14, раскоп 3; 9 — постройка 5, пол; 10, 11 — яма 5, раскоп 3; 13 — постройка 4, горизонт 1; 14, 16 — яма 1, раскоп 6; 15, 17, 20 — яма 11, раскоп 3; 19 — яма 10, раскоп 3

втором месте находятся ребристые сосуды с изогнутой дугой в верхней части профиля (тип II 1, вариант а: рис. 2, 9—11), на третьем — плоские диски (рис. 2, 12—14). Комплекс дополняют слабопрофилированные открытые (тип I 3, разновидность б: 2, 7) и закрытые (тип I 3, разновидность а: рис. 2, 2) горшки, сильнопрофилированные открытые сосуды (тип I 1, вариант а, разновидность б: рис. 2, 5, 8), а также горшки, во всем подобные сосудам типа I 1 варианта а, но с раструбообразным, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 1). Впрочем, они встречены только в заполнении постройки 2 и, видимо, представляют собой какую-то семейную традицию. В небольшом количестве на памятнике обнаружены также фрагменты округлобоких сфероконических крышек (рис. 2, 15).

Лощеные сосуды представлены двумя формами: S-видными мисками и фрагментами горшков (или «ваз») с прямым раструбообразным венчиком (рис. 2, 17, 18).

Несмотря на то что на памятнике отсутствуют датирующие вещи, относительно высокий процент лощеной керамики свидетельствует о его принадлежности к позднезарубинецкому периоду. Это наблюдение подтверждается и достаточно устойчивой традицией орнаментировать края венчиков груболепных горшков. Подавляющее большинство сосудов более поздней киевской культуры лишено орнамента. Самый высокий процент горшков с насечками и пальцевыми вдавлениями по венчику зафиксирован на поселении Шмырёво, но и там он не превышает 10. Специфичным для Берёзовки 2 по сравнению с другими позднезарубинецкими памятниками Днепроовского Левобережья является сочетание в едином керамическом комплексе S-видных мисок, лощеных горшков с прямыми венчиками, крышек и дисков. Все эти элементы вместе с груболепными сосудами позднезарубинецкого набора встречены только на территории Среднего Поднеп-

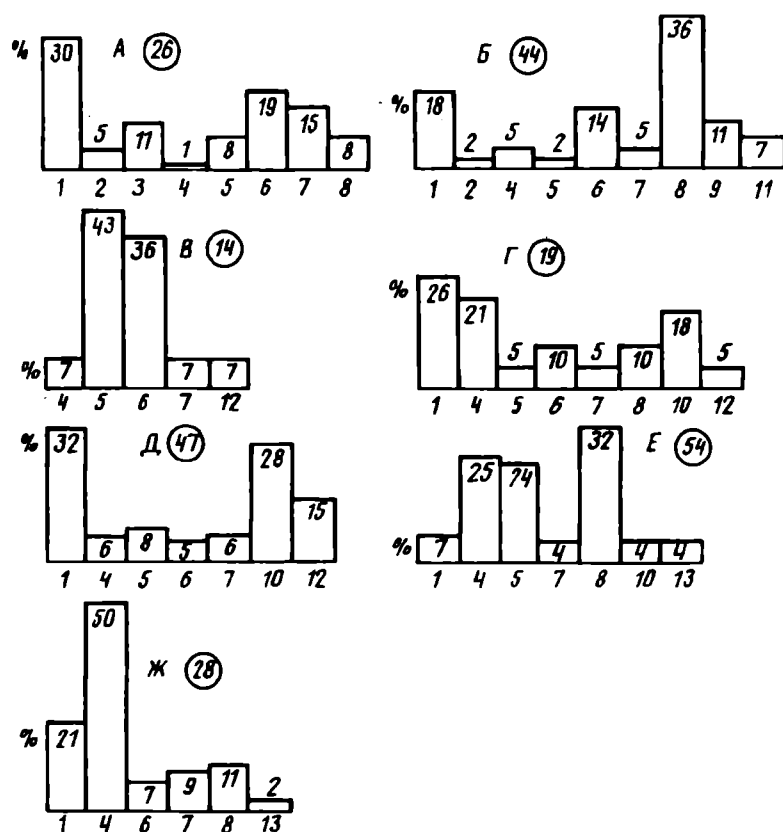

Рис. 3. Графики структур керамических комплексов позднезарубинецких и киевских памятников. А — Березовка 2; Б — Лютеж; В — Рябовка 3; Г — Боромля 2, Д — Букреевка 2, Е — Курган-Азак; Ж — Ульяновка

В кружках дано количество определяемых форм груболепных сосудов, цифры под графиками соответствуют типологическим разрядам керамических изделий: 1 — тип I 1, вариант а, разновидность а; 2 — тип I 1, вариант а, разновидность б; 3 — тип I 1, вариант г; 4 — тип I 3, разновидность а; 5 — тип I 3, разновидность б; 6 — тип II 1; 7 — тип II 2, вариант а; 8 — диски; 9 — сфероконические крышки; 10 — плоски; 11 — тип II 3; 12 — тип I 4; 13 — тип II 5

ровья, а именно на поселении Лютеж [7, рис. 8, 15, 9, 20, 28, 29; 8, рис. 4, 5, 6]. На рис. 4 приводятся аналогии сосудам из Березовки, которые происходят с этого памятника. Близка и структура набора груболепной посуды обоих селищ. В Лютеже, как и в Березовке, чаще всего встречаются горшки типов I 1, варианта а, разновидности а и II 1, а прочие формы представлены относительно небольшим количеством экземпляров (рис. 3, А, Б).

Отмечу, что мысль об участии среднеднепровского населения в формировании позднезарубинецкой культуры востока Днепровского Левобережья высказывалась и ранее [10, с. 62], однако Березовка 2 стоит значительно ближе к Лютежу, чем памятники круга Картамышево — Терновки. Специфика керамического комплекса Березовки свидетельствует о непосредственном переселении каких-то среднеднепровских общин на юг современной Сумской обл. в I—II вв.

К сожалению, материалы поселения Солдатское 5 не могут ни подтвердить, ни опровергнуть этот тезис. Находки из этого пункта не дают полного представления о комплексе традиций населения, поскольку набор сосудов, опубликованный Р. В. Терпиловским, происходит из одного и того же, весьма специфического объекта — субструкции глинобитного очажного пода [1, с. 54, рис. 1], для возведения которого были отобраны наиболее прочные черепки. Естественно, что они принадлежали толстостенным груболепным горшкам.

Определенную близость этого комплекса к Березовке 2 все же необходимо отметить. Большинство горшков (пять из семи) орнаментировано насечками и пальцевыми вдавлениями. Сосуды относятся к трем типам: сильнопрофилиро-

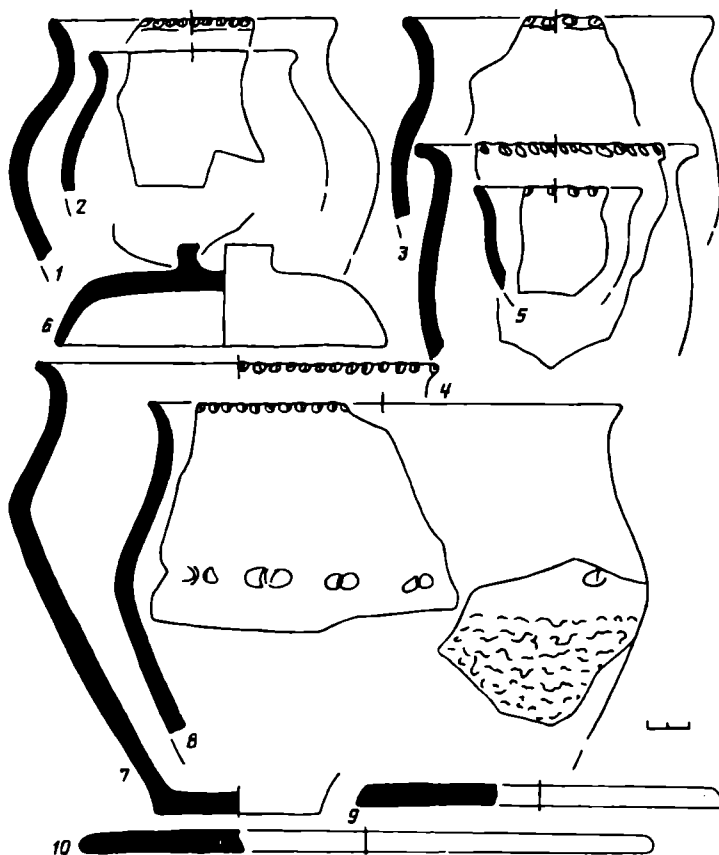

Рис. 4. Керамика поселения Лютеж.

1 — яма 323; 2, 9, 10 — слой; 3, 8 — яма 380; 4 — яма 178; 5 — яма 199; 6 — жилище 2; 7 — яма 313; 1—3 — тип I 1, вариант а, разновидность а; 4 — тип I 1, вариант а, разновидность б; 5 — тип I 3, разновидность б; 6 — крышка; 7, 8 — тип II 1; 9, 10 — диски

ванным округлобоким (тип I 1 вариант а разновидность а [1, рис. 1, 4, 7, 8]); слабопрофилированным округлобоким закрытым (тип I 3, разновидность а [1, рис. 1, 6]) и ребристым с изогнутой дугой в верхней части профиля (тип II 1 [1, рис. 1. 1—3, 5]), т. е. вполне соответствуют позднезарубинецкому набору. На среднеднепровско-деснинские связи указывают обломки одного из округлобоких горшков с поясом ногтевых вдавлений на тулове, расположенных по три [1, рис. 1, 7].

Несколько более поздним селищем является Рябовка 3 (раскопки Р. В. Терпиловского и автора настоящей статьи 1990 г.). На этом многослойном памятнике материалы римского времени обнаружены в 14 хозяйственных ямах и культурном слое. Даже при беглом взгляде на рис. 5, где приводятся образцы сосудов из этого пункта, можно отметить существенные различия керамических комплексов из Рябовки и Березовки 2. В материалах первой совершенно отсутствуют сильнопрофилированные округлобокие сосуды, диски и сфероконические крышки, абсолютно преобладают тюльпановидные горшки (тип I 3 разновидность б: рис. 5, 1—6) и ребристые формы с вогнутой дугой верхней части профиля (тип II 1: рис. 3, В; 5, 8, 9, 11, 12). Встречены также сосуды других форм: баночные (тип I 4 вариант а: рис. 5, 13) и ребристые с прямой линией в верхней половине профиля (тип II 2 вариант а: рис. 5, 10). Венчики горшков орнаментированы в обычной позднезарубинецкой манере — насечками и вдавлениями. Специфика декора керамики из Рябовки заключается в относительно широком использовании расчесов гребнем. По объектам доля подобной посуды колеблется в пределах 3—10%. Это обстоятельство является своеобразным ключом при поисках аналогий комплексу из этого селища.

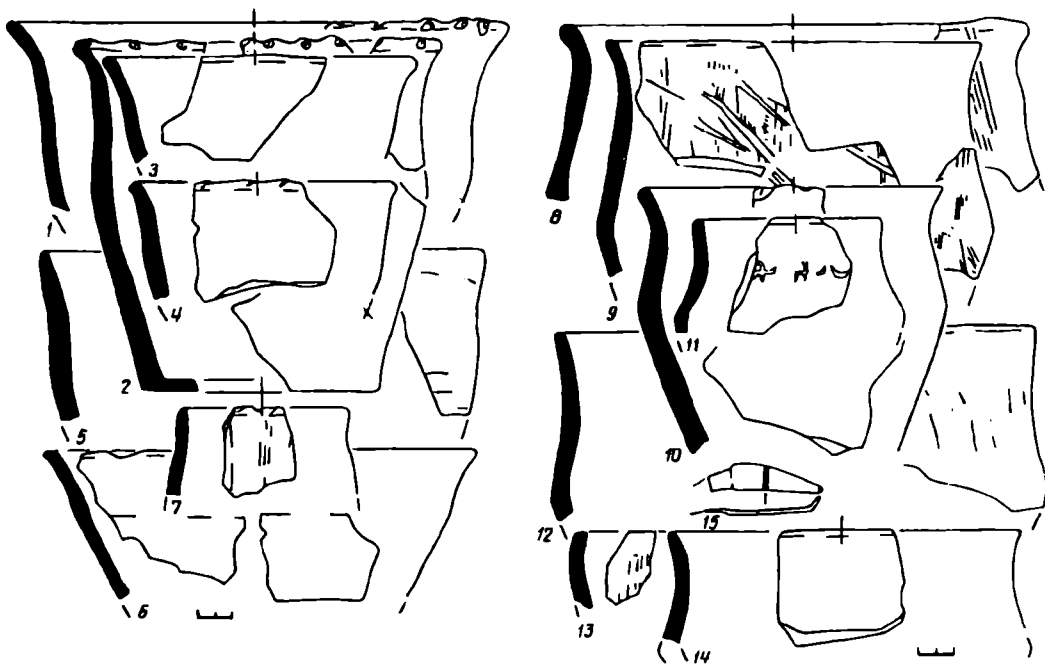

Рис. 5. Селище Рябовка 3, материалы римского времени.

1—13 — груболепная керамика; 14 — фрагмент чернолощеной миски; 15 — фрагмент железного серпа: 1, 2 — яма 96; 3 — яма 92; 4, 5, 8 — яма 35; 6 — яма 50; 7 — яма 85; 9 — яма 62; 10, 11 — яма 89; 12 — яма 46; 13, 14 — слой; 15 — яма 69: 1—6 — тип I 3, разновидность б; 7 — тип I 3, разновидность а; 8, 9, 11, 12 — тип II 1; 10 — тип II 2, вариант а; 13 — тип I 4, вариант а

В небольшом количестве керамика с расчесами встречается на поселениях всех известных к настоящему времени культурно-хронологических типов позд-незарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, а также на некоторых, по преимуществу ранних поселениях киевской культуры [4, рис. 1, 1; 10, с. 19]. Устойчивая традиция использования этого приема орнаментации горшков характерна только для древностей типа Гриней — Абидни. На селищах этого круга (к сожалению, пока очень слабо изученных) преобладают тюльпановидные и ребристые сосуды, отсутствуют диски [5]. Наиболее близкие аналогии горшкам из Рябовки происходят с самого южного для очерченного круга памятников поселения Вовки (рис. 6), расположенного в бассейне р. Псел сравнительно недалеко от рассматриваемого в статье региона.

Исследователями неоднократно отмечалось, что древности типа Гриней, несмотря на глубокое (вплоть до Полтавщины и Сумщины) проникновение их носителей на юг, по своему происхождению связаны с зарубинецкой культурой Верхнего Поднепровья, а точнее, с ее самой северной окраинной группой, получившей название «памятники типа Чечерск—Кистени». Открытие нового селища круга Гриней на Ворсклице свидетельствует о переселении в этот район какой-то группы верхнеднепровского населения.

К сожалению, на поселении Рябовка 3 так же, как в Березовке и Солдатском, отсутствуют датирующие вещи, относящиеся к горизонту римского времени. Хронология памятников типа Гриней пока недостаточно ясна. Обычно ее определяют в рамках второй половины II в. — рубежа II—III вв. [11, с. 54], причем ключевым индикатором в данном случае является обломок фибулы типа А.84 из Вовков (рис. 6, 7). Необходимо отметить, что Березовка и Солдатское, с одной стороны, и Рябовка 3 — с другой, вряд ли сосуществовали. В керамическом комплексе этих памятников отсутствуют следы взаимного влияния. Как уже упоминалось, количество керамики с расчесами в Березовке мизерно, а в Рябовке совершенно не представлены характерные для Березовки сильнопрофилированные округлобокие горшки и диски. Эти памятники должны либо смыкаться хронологически, либо «следовать один за другим» с некоторым разрывом.

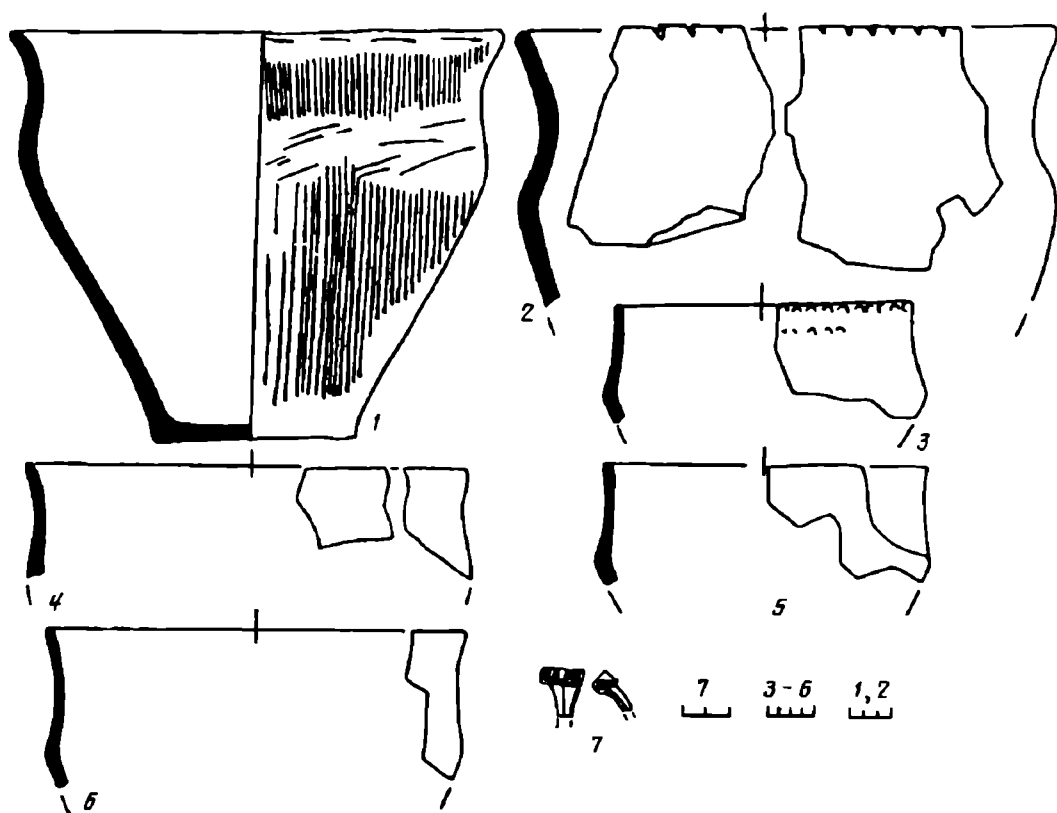

Рис. 6. Материалы римского времени поселения Вовки.

1—6 — лепная керамика; 7 — бронзовая фибула (1, 2 — из вымостки глинобитного пола; 3—6 — постройка VI, заполнение)

Самым поздним из исследованных в бассейне Ворсклы селищ зарубинецкой традиции является Боромля 2. Раскопки памятника проводились в 1989—1991 гг., однако наиболее интересные результаты были получены в 1989 г. На поселении зафиксированы объекты трех периодов, из которых два поздних относятся к черняховской культуре: гончарная керамика численно преобладает над лепной. Материалы раннего горизонта происходят в основном из двух построек (№ 1 и 3), которые автор раскопок А. Н. Некрасова интерпретирует как хозяйственное сооружение и жилище [12, с. 150]. Последнее представляло собой очень глубокую (1,45 м от современной поверхности) прямоугольную полуземлянку размерами 5 × 4 м. Стены сооружения были каркасными с опорой на столбы. Прослежены 9 столбов вдоль периметра котлована. При возведении стен использовалась глиняная обмазка. В центре постройки зафиксирована яма от опорного столба кровли.

Керамика и индивидуальные находки раннего горизонта концентрировались в верхней части заполнения постройки 1 и в нижнем слое жилища (постр. 3), залегавшего под завалом обожженной глиняной обмазки от стен. В отличие от всех упомянутых выше памятников, к раннему периоду Боромли 2 относится несколько вещей, которые могут служить хорошими хронологическими индикаторами. По сочетанию трех фибул группы VII О. Альмгрена, трехслойного гребня с полукруглой спинкой и фрагментов светлоглиняных амфор типа Д («танаисских») нижний горизонт памятника надежно датируется второй половиной III в. [12, с. 150]. В относительно небольшом количестве в обеих постройках встречена импортная черняховская гончарная керамика. В первой из них ее доля составляет 14,5%, в нижнем слое второй — 28%. Образцы лепной посуды из Боромли приводятся на рис. 7.

В предварительных публикациях материалов своих исследований А. Н. Некрасова проводит параллели между комплексами из Боромли и синхронными ей

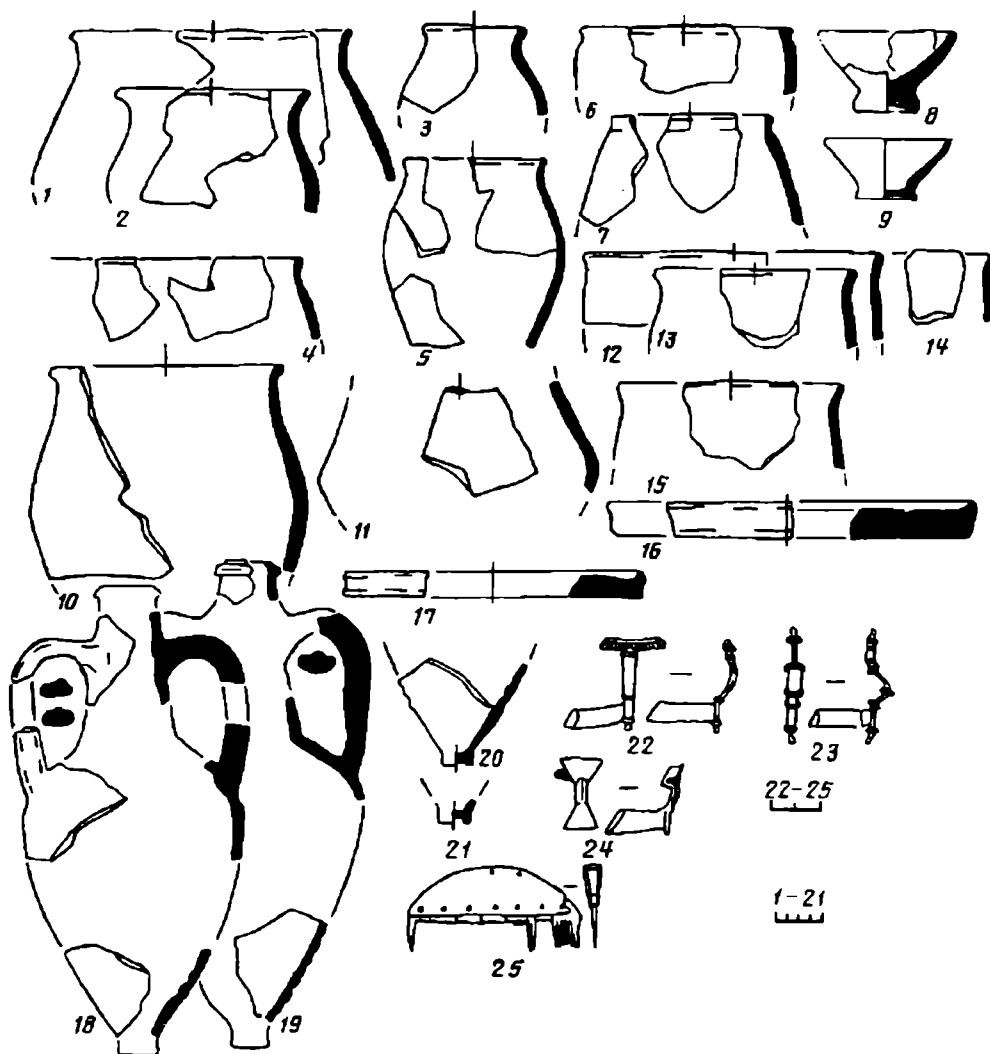

Рис. 7. Материалы раннего горизонта поселения Боромля 2.

1—17 — лепная керамика; 18—21 — светлоглиняные амфоры и их фрагменты; 22—24 — бронзовые фибулы; 25 — костяной гребень; 1—3, 15, 16, 20, 21, 24 — постройка 3, нижний горизонт; 4—14, 17—19 — постройка 1, верхний горизонт; 22—25 — постройка 1, нижний горизонт; 23 — культурный слой; 1—5 — тип I 1, вариант а, разновидность а; 6, 7 — тип I 4, вариант б; 8, 9 — сфероконические плошки; 10, 11 — тип II 1; 12 — тип I 3, разновидность б; 13—15 — тип I 3, разновидность а; 16, 17 — диски

объектами с поселений Букреевка 2 и Родной Край 3 [12, с. 150]. К этому списку можно добавить селище Гочево 3, где к горизонту киевской культуры тоже относится фибула группы VII О. Альмгрена. С утверждением А. Н. Некрасовой нельзя не согласиться. Действительно, и в Боромле, и в Букреевке, например, абсолютно преобладают сильнопрофилированные горшки типа I 1 варианта а, разновидности а (рис. 3, Г, Д; 7, 1—5) [13, рис. 3, 13, 14, 4, 10, 12, 6, 4, 5, 8—12]. Прочие формы: типы I 3 разновидность а (рис. 7, 13—15) [13, рис. 2, 18—20, 3, 12, 15, 6, 14, 15]; I 3 разновидность б (рис. 7, 12) [13, рис. 5, 14, 7, 5]; I 4 вариант б (рис. 7, 6, 7); II 1 (рис. 7, 10, 11) [13, рис. 2, 21, 4, 32, 5, 10, 7, 18, 19, 8, 9] встречаются значительно реже, причем округлобокие горшки употребляются шире, чем ребристые. На памятниках очерченного круга обнаружены конические (или сфероконические) плошки, иногда на полом поддоне (рис. 7, 8, 9) [13, рис. 3, 8, 9, 21, 22, 6, 6, 7, 8, 8], а также плоские диски, известные, правда, не на всех селищах (рис. 7, 16, 17). Показательно, что в Букреевке 2 и Родном Крае 3, как и в Боромле, при возведении стен полуземлянок использовалась глиняная обмазка [6, с. 78].

По мнению А. Н. Некрасовой, своеобразие упомянутых памятников свидетельствует о «появлении элементов провинциально-римской черняховской культуры в среде местных киевских племен Левобережья» [12, с. 150]. Мне представляется, что применительно к поселению Боромля 2 это утверждение может быть принято лишь с целым рядом существенных оговорок. Букреевка 2, Родной Край 3 и Гочево 3 находятся восточнее рассматриваемой в статье территории — на водоразделе Днестра и Дона [6, с. 77, 78]. В этом регионе им предшествуют селища и могильники раннего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры (типа Шишино 5 — Шмырёво), которые формируются на основе местных позднезарубинецких древностей. Поселения середины — второй половины III в. с фибулами группы VII, амфорами типа Д и черняховскими импортами (т. е. Букреевка 2 и т. п.) продолжают традиции памятников круга Шишино 5 — Шмырёво [9, с. 62, 63]. В этом отношении А. Н. Некрасова права: на водоразделе Днестра и Дона «черняховские элементы» распространяются в среде киевских племен, обитавших на этой территории до проникновения сюда населения черняховской культуры.

Боромля 2 расположена значительно западнее. Как уже упоминалось, в «сумском отрезке» бассейна Ворсклы из стационарно раскопанных памятников ей предшествует селище Рябовка 3. Между материалами обоих поселений различий больше, чем сходства. Совершенно не совпадают структуры керамических комплексов: в Рябовке отсутствуют широко распространенные в Боромле сильнопрофилированные округлобокие сосуды, а также диски. Тюльпановидные формы и ребристые горшки, которые составляют основу набора посуды Рябовки, в Боромле сравнительно редки (рис. 3, В, Г). В Боромле не встречены орнаментированные сосуды, в том числе и декорированные расчесами. Если предположить, что на юге Сумской обл., как и на водоразделе Днестра и Дона, местные племена испытывают черняховское влияние, то керамический комплекс памятников середины — второй половины III в. должен быть иным, чем в Боромле. По своему облику он должен приближаться к Гриням—Абидне, т. е. иметь такие же отчетливо выраженные верхнеднепровские черты, как и набор посуды из Рябовки.

Население, оставившее Боромлю 2, следовательно, не местного происхождения. Поскольку этот памятник типологически близок к древностям позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры, то, по всей видимости, можно говорить о переселении в бассейн р. Ворсклицы какой-то общины из области водораздела Днестра и Дона.

В IV в. юг Сумщины занят памятниками черняховской культуры, однако, несмотря на это, спорадическое проникновение отдельных групп киевского населения в этот регион продолжалось. Об этом свидетельствуют материалы многослойного поселения Курган-Азак на Псле, раскопанного в 1968 г. О. В. Сухобоковым. К раннему периоду существования памятника относится керамика эпохи бронзы и скифского времени. Материалы киевской культуры (железная фибула и лепная посуда: рис. 8) происходят из трех хозяйственных ям и культурного слоя селища [14, с. 4, 5]. Коллекция находок достаточно обильна для того, чтобы воссоздать структуру керамического комплекса поселения.

Наиболее широко распространены слабопрофилированные округлобокие сосуды, как закрытые (тип I 3 разновидность а), так и открытые (тип I 3 разновидность б: рис. 3, Е; 8, 5—21). Прочие формы сравнительно редки. К ним относятся сильнопрофилированные округлобокие закрытые горшки (тип I 1 вариант а разновидность а: рис. 8, 2, 4), ребристые сосуды с отогнутым наружу венчиком и прямой линией верхней части профиля (тип II 2, вариант а: рис. 8, 25), а также горшки, близкие к цилиндроконическим (тип II 5: рис. 8, 22—24). В наборе посуды очень велика доля дисков (как плоских, так и с невысоким бортиком: рис. 8, 30, 31). Найдено также два обломка сфероконических плошек. В количестве менее 1% (суммарно) на памятнике встречены фрагменты черняховских гончарных сосудов (рис. 8, 3) и лепных чернолощенных мисок (рис. 8, 26—29). Последние, очевидно, не позднезарубинецкого, а мощинского проис-

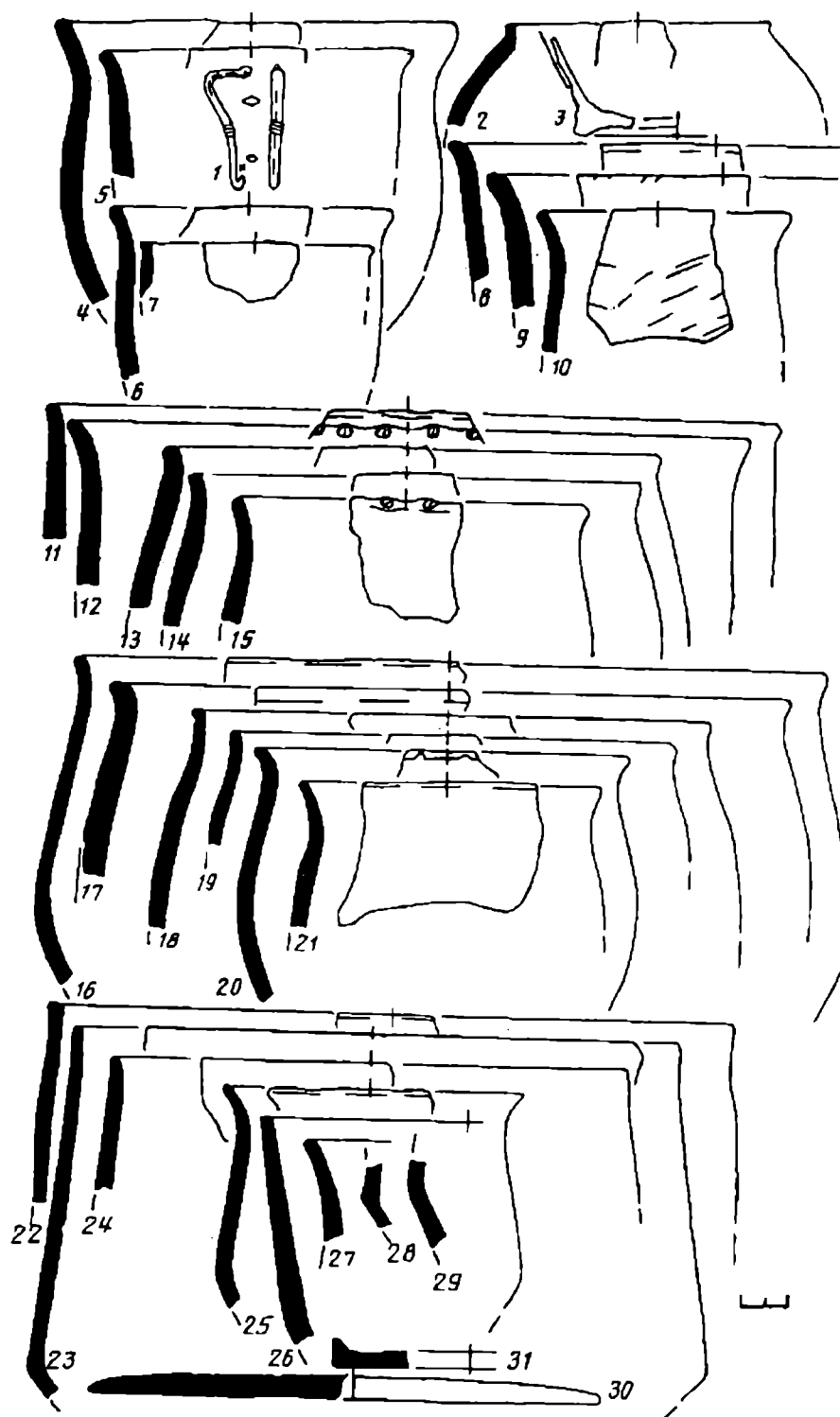

Рис. 8. Материалы поселения Курган-Азак.

1 — железная фибула; 2, 4—25, 30, 31 — груболепная керамика; 3 — фрагмент черняховского гончарного сосуда; 26—29 — лепная лощеная керамика; 2, 4 — тип I 1, вариант а, разновидность а; 5—12 — тип I 3, разновидность б; 13—21 — тип I 3, разновидность а; 22—24 — тип II 5; 25 — тип II 2, вариант а; 30, 31 — диски

хождения. Прямые аналогии в Поочье имеет, по крайней мере, форма одной из них: со сглаженным ребром и высоким раструбообразным венчиком (рис. 7, 26 [15, рис. 53, вторая группа]).

Железная фибула из культурного слоя селища относится к третьему варианту первой серии двучленных прогнутых подвязных фибул, по классификации

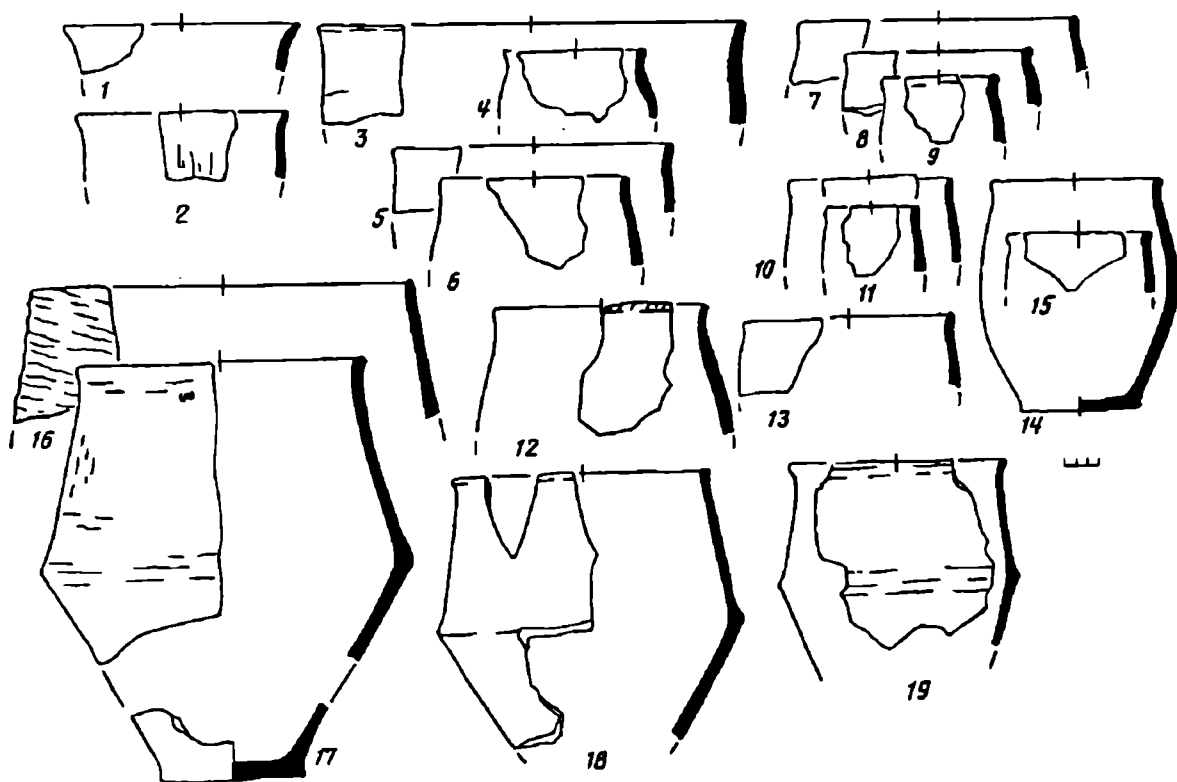

Рис. 9. Некоторые аналогии сосудам из Кургана-Азака на поселениях киевской культуры Подесенья. 1, 8, 13 — Киселевка 2, жилище 1; 2, 6, 12 — Выбли, жилище 1; 3, 10 — Ульяновка 1, постройка 5; 4, 5, 14—16, 19 — Ульяновка 1, жилище 1; 7, 9, 11 — Киселевка 2, жилище 3; 18 — Мезин

А. К. Амброза. По системе хронологии М. Б. Шукина — Т. А. Щербаковой, украшения этого типологического разряда встречаются в погребениях фаз IIв и IIIа могильника Данчены. Оба периода датируются не слишком отчетливо, но должны охватывать какой-то отрезок времени в пределах последней трети III в. — середины — второй половины IV в. [16, с. 211, рис. 6].

По классификации Е. Л. Гороховского, фибула из Кургана-Азака по признакам отсутствия фасеток на корпусе, многогранной в сечении и относительно широкой заготовки должна быть включена в число украшений варианта А5 разновидности 6 [17, с. 35]. «Широкие» фибулы серии А встречаются на памятниках первой половины — середины IV в., т. е. Е. Л. Гороховский называет более узкую дату, чем М. Б. Шукин и Т. А. Щербакова [18, с. 12].

Так или иначе, совершенно очевидно, что поселение Курган-Азак относится к периоду расцвета черняховской культуры Левобережья, но, судя по мизерному количеству гончарной керамики, не принадлежит к числу памятников этой археологической общности. Материал из Кургана-Азака типологически отличается и от находок из нижнего горизонта селища Боромля: в керамическом наборе первого очень редки сильнопрофилированные округлобокие сосуды, преобладают слабопрофилированные формы, чаще встречаются диски, известны совершенно отсутствующие в Боромле горшки, близкие к цилиндроконическим. Оба селища, таким образом, относятся к двум разным типам памятников внутри киевской культуры.

К материалам поселения Курган-Азак обращались многие исследователи. Е. А. Горюнов констатировал сходство лепной керамики этого селища с колочинской, отмечая, правда, значительно более раннюю дату памятника. Прямые аналогии формам сосудов он находил на позднекиевских поселениях Подесенья, таких как Ульяновка [19, с. 54—57]. К числу переходных памятников от киевской к

колочинской культуре относит Курган-Азак Р. В. Терпиловский [11, с. 52]. С приведенными параллелями нельзя не согласиться. Действительно, структуры керамических комплексов Кургана-Азака и Ульяновки очень близки (ср. рис. 3 Е и Ж). В позднеримское время на Днепровском Левобережье слабопрофилированные округлобокие горшки преобладают в наборе посуды только на памятниках Подесенья (см. аналогии формам Кургана-Азака на рис. 9). В том же регионе встречаются и сосуды, близкие к цилиндроконическим. Селище Курган-Азак, таким образом, свидетельствует о проникновении на юг каких-то групп населения Подесенья в IV в. н. э.

Подведем некоторые итоги. Этнокультурная ситуация на юге Сумской обл. в римское время представляется достаточно сложной. Здесь не наблюдается развития какого-то специфического варианта позднезарубинецкой или киевской культур, как, например, на соседней с востока территории водораздела Днепра и Дона; напротив, зафиксировано несколько случаев смены населения. В I—II вв. в поречье р. Ворсклицы известны памятники, близкие к среднеднепровским позднезарубинецким (Березовка 2, вероятно, Солдатское 5). Во второй половине II в. (ориентировочно) их сменяют селища верхнеднепровской традиции, одним из которых является поселение Рябовка 3. Селище Боромля 2 середины — второй половины III в. фиксирует миграцию племен водораздела Днепра и Дона в направлении с востока на запад. Позже, уже в черняховский период, на юг Сумской обл. просачиваются какие-то группы населения, родственного племенам деснинского варианта киевской культуры, о чем свидетельствуют материалы Кургана-Азака. Сколько-нибудь существенного смешения населения в сумской части бассейна Ворсклы, очевидно, не происходит: керамический комплекс каждого памятника является почти точным «слепком» набора посуды «метрополии». Поскольку в рассматриваемом регионе в дочерняховский период отсутствовало постоянное население, сгусток памятников на р. Ворсклице, по всей видимости, образовался случайно и не очерчивает территорию какого-то древнего социального организма.

Приведенные в статье материалы позволяют сделать некоторые выводы более общего порядка относительно характера киевской культуры.

1. Территория этой археологической общности неоднородна. Области с постоянным населением (именно там и возникали локальные варианты культуры), такие как Подесенья, Среднее Поднепровье, водораздел Днепра и Дона, чередуются с «регионами колонизации», для которых характерна общая нестабильность. Юг Сумской обл. — не единственная подобная территория. Постоянная смена разных групп населения позднезарубинецкого происхождения, по данным Н. В. Лопатина, изложенным на конференции МУСА во Пскове в апреле 1991 г., наблюдается в римское время в Смоленском Поднепровье и на севере Белоруссии.

2. Даже в относительно стабильных областях для населения киевской культуры характерна высокая подвижность. В Подесенья, например, наряду с памятниками круга Лаврикова Леса — Ульяновки известны и селища иной, верхнеднепровской традиции (Мена 5, Верхнестриженское 3 [20, с. 50; 21, с. 81]). На востоке Днепровского Левобережья параллельно с памятниками сейминско-донецкого варианта киевской культуры существуют поселения с набором посуды, близким к деснинскому (Каменево 2, Песчаное, Комаровка 2 [9, с. 63]). Протоколочинский комплекс V в. обнаружен на поселении Ходосовка-Диброва в Среднем Поднепровье [22, с. 88, рис. 8]. Памятники, демонстрирующие отклонения от местной традиции, известны, таким образом, и в Подесенья, и в Среднем Поднепровье, и на водоразделе Днепра и Дона. Они свидетельствуют о том, что не только в зонах колонизации, но и в этих более или менее «спокойных» регионах постоянно появлялись какие-то группы киевского населения, иные по происхождению, чем местные жители. Микромиграции небольших общин на территории киевской культуры, следовательно, происходили повсеместно. По всей видимости, именно они в известной степени поддерживали единство этой исторической общности, способствовали нивелировке археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терпиловский Р. В. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н. э. в Сумской обл. // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989.
2. Спицын А. А. Археологический альбом // ЗОРСА. 1915. Т. XI.
3. Телегин Д. Я., Беляева С. О. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі // Археологія. 1975. № 18.
4. Терпиловский Р. В. Новые исследования памятников III—IV вв. в Среднем Поднепровье // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев: Наук. Думка, 1988.
5. Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
6. Кропоткин А. В., Обломский А. М. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III—V ст. н. е. // Археологія. 1991. № 1.
7. Бидзля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение с. Лютеж // МИА. 1969. № 160.
8. Обломский А. М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. № 3.
9. Обломский А. М. Памятники «зарубинецкой линии развития» на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. // Археологические исследования в Центральном черноземье в 12-й пятилетке. Белгород, 1990.
10. Обломский А. М. Поздnezарубинецкое поселение Терновка 2 // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
11. Терпиловский Р. В. Киевская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
12. Некрасова А. Н. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
13. Сымонович Э. А. Букреевка 2 — селище второй четверти I тыс. н. э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
14. Сухобоков О. В. Отчет о разведках Левобережной группы Раннеславянской экспедиции ИА АН СССР в Сумской обл. в 1968 г. // Архив ИА АН УССР. 1968/13в.
15. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. // МИА. 1959. № 72.
16. Шукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры. III—IV вв. н. э. Кишинев: Штиинца, 1986.
17. Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев: Наук. думка, 1988.
18. Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Киев, 1988.
19. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
20. Кухарьска О. М., Обломський А. М. Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена 5 у Середньому Подесенні // Археологія. 1988. № 62.
21. Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А. Поселения Верхнестриженское 2 и 3 у с. Сибереж Черниговской обл. // Первая Гомельская обл. науч. конф. по историческому краеведению, посвященная 70-летию БССР и КПБ. Гомель, 1989.
22. Даниленко В. М. Пізньозарубинецьки пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19.

Институт археологии РАН,
Москва

A. M. OBLOMSKY

ETHNIC PROCESSES IN THE REGION BETWEEN THE SULA AND VORSKLA RIVERS IN THE 1ST — 5TH CENTURIES A. D.

S u m m a r y

The article deals with the Zarubintsy cultural tradition sites, investigated in the southern part of Suma region, i. e. in the middle stream of the Psel, Vorskla rivers and in the Vorsklitsa-river basin. The finds comparison shows a different ethno-cultural situation in this region in the 1st — 5th centuries A. D. The late Zarubintsy culture tribes of the Middle Dnieper region origin occupied this territory in the 1st — 2nd centuries. Pottery, found on the settlements Berezovka-2 and Soldatskoye-5, is typical for the Lutezh type sites. The second half of the 2nd century saw the presence of the Upper Dnieper region population, including two Grini type sites: Vovki and Ryabovka-3. The ceramic complex of Boromlya-2 site early layer, dated back to the middle — the second half of the 3rd century, testified

to the migration of some tribes from the east, the region of the Seim-Donets variant of Kiev culture forming, to the Middle Vorskla-river basin. The Chernyakhovo culture tribes had been occupied the south of the Sumi region since the 3rd century, though some tribes, belonging to the Kiev culture, continued to migrate into this region. A good example of this process is a set of pottery from Kurgan-Azak on Psel-river of the first half of the 4th century. It has direct parallels with the sites belonging to the late period of the Kiev culture in the Desna region. The author draws a conclusion that there was no permanent population in the Sumi region southern part during the Roman times, and the territory saw several successive waves of the colonization.

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.*

Височные кольца — наиболее распространенные и весьма характерные украшения раннесредневековых славян. Они подвешивались к головной повязке или ленте или же попросту вплетались в волосы и свешивались у висков обычно с обеих сторон головы. Для разных регионов славянского мира были свойственны височные кольца различных типов. В целом же они являются надежным этнографическим индикатором для вычленения славянских древностей из материалов соседних этносов. Это обстоятельство было подмечено исследователями еще в середине XIX в. [1, с. 197; 2, с. 189] и впоследствии подтверждено многими фактами. В частности, Л. Нидерле рассматривал височные кольца как один из важнейших культурных признаков славян раннего средневековья [3, с. 591—603; 4, с. 242—245], а А. А. Спицын показал, что они являются существеннейшим элементом в изучении истории и расселения восточнославянских племен, названных в русских летописях [5, с. 301—340]. Эти наблюдения в дальнейшем стали основой многих исследований по восточному славянству [6—8].

Средневековые древности финно-угорских и летто-литовских племен, составлявших наряду со славянами основу раннесредневекового населения лесной зоны Восточной Европы, ныне достаточно хорошо изучены [9]. И они достаточно определенно свидетельствуют, что ни одному из племенных образований балтов и финно-угров, не затронутых славянским влиянием, не было свойственно ношение височных колец. Женское головное убранство эстов и корелы, ливов и суоми, коми и югры, удмуртов или мордвы, как и всех летто-литовских племен, не включало височные кольца. Единичные височные украшения славянского облика, иногда обнаруживаемые в финно-угорских или балтских землях Прибалтики, Волго-Камья и Приуралья, явно принадлежат к инородным элементам, отражающим какие-то контакты со славянами.

В лесной зоне Восточной Европы в XI—XIII вв. широкое распространение имели браслетообразные височные кольца. Это — провололочные кольца диаметром от 5—6 до 10—12 см, с различно оформленными концами. Наиболее ходовыми были браслетообразные кольца с завязанными концами (завязанные) и кольца с сомкнутыми или заходящими друг на друга концами, далее называемые для краткости «браслетообразные сомкнутые» (рис. 1, 4, 5).

Браслетообразные завязанные кольца XI—XIII вв. сконцентрированы главным образом на Смоленщине, в Витебско-Полоцкой части Западно-двинского бассейна и в верховьях Волги, т. е. в землях, заселенных, как свидетельствуют летописи, кривичами (рис. 2). Вне их ареала такие украшения встречены в тех областях Древней Руси, в освоении которых участвовали переселенцы из Смоленской и Полоцкой земель [8, с. 158—166].

Браслетообразные сомкнутые височные кольца имеют более широкое распространение (рис. 3). Они встречаются вместе с завязанными в верховьях рек Днепра, Западной Двины и Волги, но выходят за пределы собственно кривичского

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

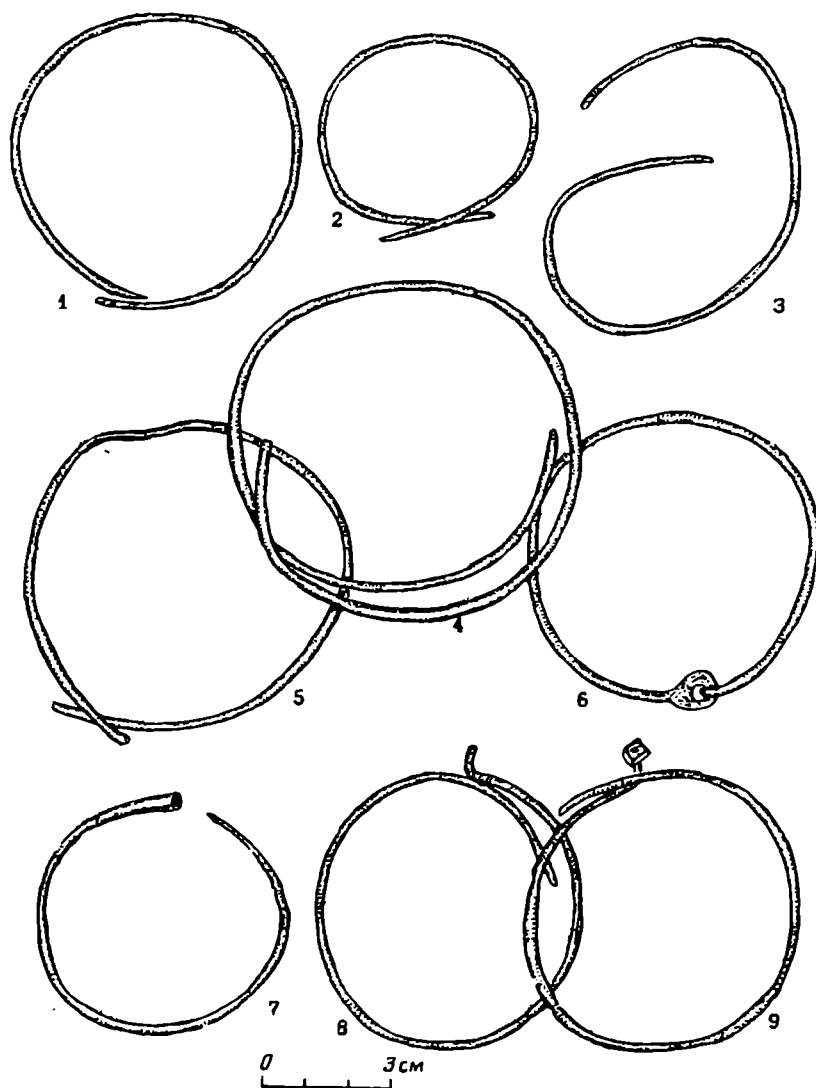

Рис. 1. Браслетообразные височные кольца.

1—5 — с сомкнутыми и заходящими концами; 6 — щитковоконечное; 7 — втульчатое; 8, 9 — отогнутоконечные; 1 — Эйкотишкес; 2 — Микольцы; 3 — Попадьинское; 4 — Федово; 5 — Недолбицы; 6 — Малышево; 7 — Васильки; 8, 9 — Веселовский могильник

региона. В значительно большем количестве они были распространены в восточных и северо-восточных землях Руси — в Тверском и Ярославском Поволжье, Ростово-Суздальской земле, на северной и восточной окраинах Новгородчины [8, с. 194, 195]. Вполне очевидно, что эти височные украшения не могут рассматриваться как типично кривичские. Некоторые исследователи приписывали их словенам новгородским [10, с. 78—83; 11, с. 38]. Однако общее распространение браслетообразных сомкнутых колец не дает оснований для такой атрибуции их — они почти полностью отсутствуют в коренных землях словен новгородских — в ареале наибольшей концентрации сопок. К тому же словене имели свой, иной тип височных украшений — ромбощитковые кольца [8, с. 169—185]. Мною была высказана мысль о принадлежности браслетообразных сомкнутых височных колец славянизированному местному (финноязычному) населению северных окраинных земель Руси [12, с. 138—144]. Однако этому противоречит встречаемость таких украшений на территории Беларуси и Смоленщины, где проживание финно-угорского населения в раннем средневековье ничем не подтверждается.

Многие исследователи полагают, что браслетообразные височные кольца прочно входят в быт и получают широкое распространение только в XI—XII вв. Между

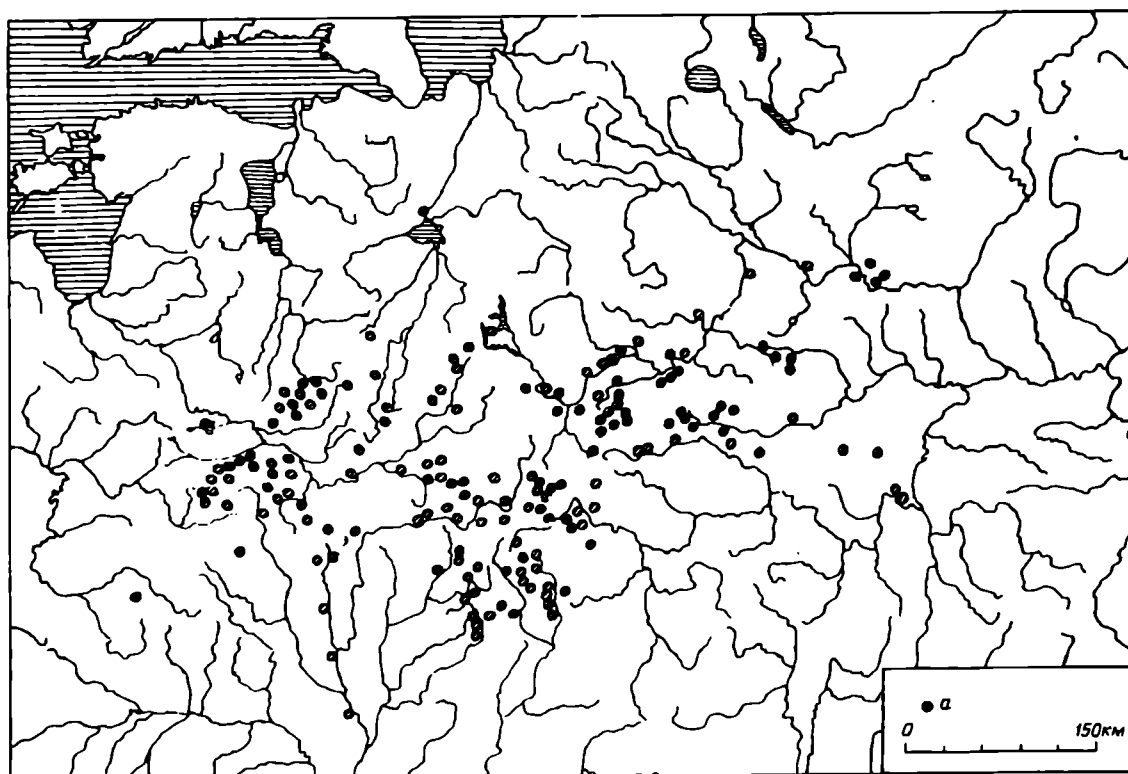

Рис. 2. Распространение браслетообразных завязанных височных колец XI—XIII вв.
а — памятники с находками браслетообразных завязанных колец

тем, как будет показано ниже, это совсем не так. Широкое распространение этих украшений действительно фиксируется археологией только с того времени, когда в среде северных восточнославянских племен господствующим стал обряд трупоположения. Однако следует учитывать, что раньше в процессе кремации умерших женские украшения, как и иной инвентарь, сгорали на погребальных кострах. Фрагментарный же материал дает основания полагать сравнительно широкое бытование браслетообразных височных украшений уже в IX—X вв.

Они зафиксированы в целом ряде курганов, содержащих захоронения по обряду трупосожжения. Это — могильники у деревень Березовка и Копнево в Смоленском Поднепровье [13, с. 114], в Бельчицах и Глинищах в Полоцком Подвинье [14, с. 268, рис. 1, 2; 15, с. 160, рис. 1, 5], в Михайловском и Тимереве под Ярославлем [16, с. 36, 125, рис. 21, 1]. В некоторых курганах с трупосожжениями Смоленской и Полоцкой земель встречены фрагменты проволоочных височных колец [17, рис. 17, 17]. Отмечены обломки проволоочных височных колец и в захоронениях смоленско-полоцких длинных курганов VIII—IX вв. [18, с. 32]. Судя по диаметрам, некоторые из таких колец были браслетообразными.

Известны браслетообразные височные кольца и из раскопок поселений IX—X вв. Таковы, в частности, проволоочное кольцо со сходящимися концами, найденное в нижнем слое Лукомля и принятое Г. В. Штыховым за браслет [19, с. 332, рис. 7, 1], височные кольца из Строчицкого городища на р. Менке [15, с. 51; 20, рис. 10, 20, 15], проволоочные кольца диаметром 6—7 см из прослойки пожарища, разграничивавшего средний слой от нижнего, на Браславском городище [21, с. 102, 103, рис. 46, 39] и др.

Все эти находки принадлежат к браслетообразным сомкнутым кольцам. Браслетообразные завязанные украшения, по-видимому, появляются чуть позже. Основная часть браслетообразных колец VIII—X вв. приходится на Смоленское Поднепровье и Полоцкое Подвинье, но ареал их на востоке доходил до Ярославля. Впрочем, носители этих украшений уже в это время расселялись и в Белозерском крае. Незавязанные браслетообразные височные кольца найдены на Шексне на

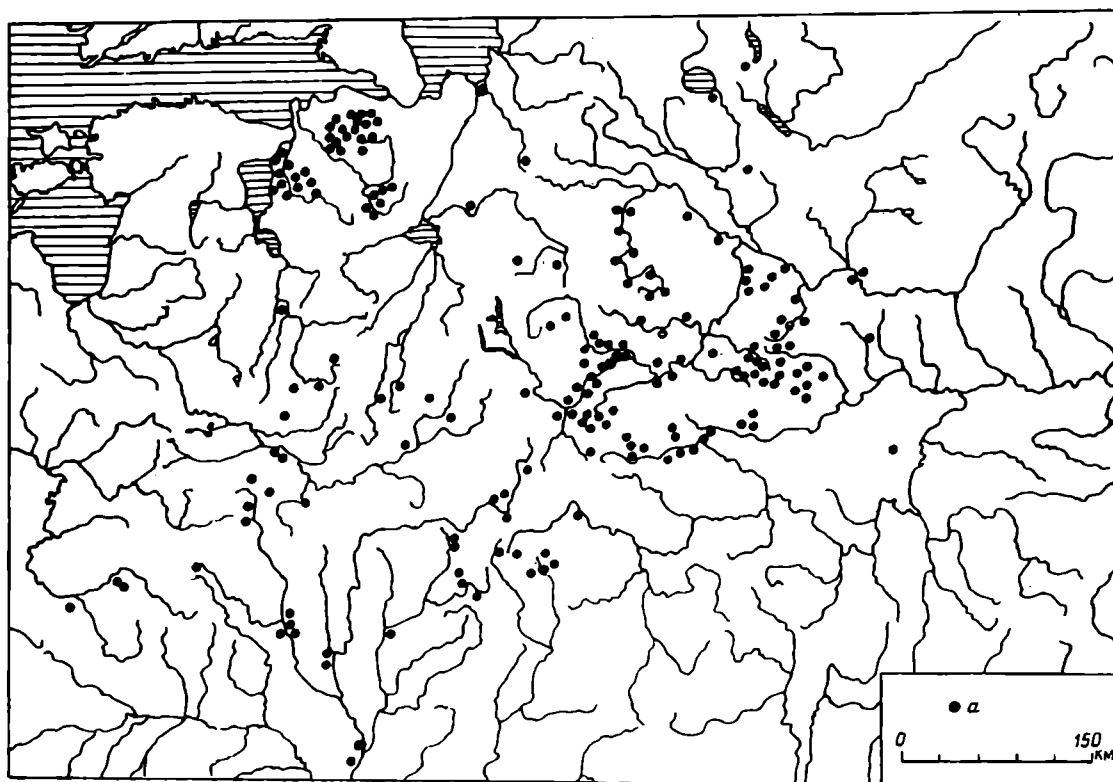

Рис. 3. Распространение браслетообразных сомкнутых височных колец XI—XIII вв.
 а — памятники с находками браслетообразных сомкнутых колец

поселении Крутик, датируемом второй половиной IX—X в. [22, с. 72, рис. 36, 2, 4], и в слоях X в. Белоозера [23, с. 138, табл. 21].

Заметно меньшее число памятников VIII—X вв. с находками браслетообразных височных колец по сравнению с XI—XIII вв. вполне объяснимо и не может быть использовано для суждения о слабой их распространенности в этот период. Нельзя говорить и о том, что такие височные украшения входили в моду в VIII—X вв., поскольку они восходят к предшествующему времени (рис. 1, 1—3).

Серия браслетообразных височных колец обнаружена при раскопках городища Демидовка на Смоленщине в слоях V—VII вв., относящихся к тушемлинско-банцеровской культуре [24, с. 196—198, рис. 2, 11, 12; 25, с. 68, 69, рис. 3, 19, 20]. Среди них имеются бронзовые, серебряные и железные, диаметры их колеблются от 4 до 8 см. Концы колец сходящиеся — тупые или имеют легкое коническое утолщение. Проволочные височные кольца различного диаметра, в том числе и довольно крупные, с сомкнутыми или заходящими концами найдены на ряде памятников тушемлинско-банцеровской культуры (рис. 4), и можно говорить о характерности этих украшений для ее населения. Они встречены на городищах Аздзятичи в Борисовском р-не [15, с. 17, 18], Бароники в Витебском р-не, использовавшемся в VI—VIII вв. как убежище [15, с. 31, 32; 26, с. 247, рис. 3, 2]. Близнаки на Смоленщине [27, с. 192, 193, рис. 49, 15], на селищах Микольцы близ оз. Мястра [28, с. 54, рис. 25, 5, 7], Бельчицы под Полоцком [26, с. 243, рис. 5, 8], Прудники на р. Вятке в Миерском р-не [29, с. 473], Дедиловичи в Борисовском р-не и близ д. Городище в Мядельском р-не [30, рис. 53, 18 и 55, 4]. Фрагменты браслетообразных колец найдены при раскопках городища Васильковка в Логойском р-не [15, с. 43]. По всей вероятности, к браслетообразным кольцам с несколько утолщенными концами принадлежат и некоторые фрагменты из погребений грунтового могильника у д. Акатово на Смоленщине [31, с. 193, рис. 5, 4]. На городище Свила в Полоцком Подвинье

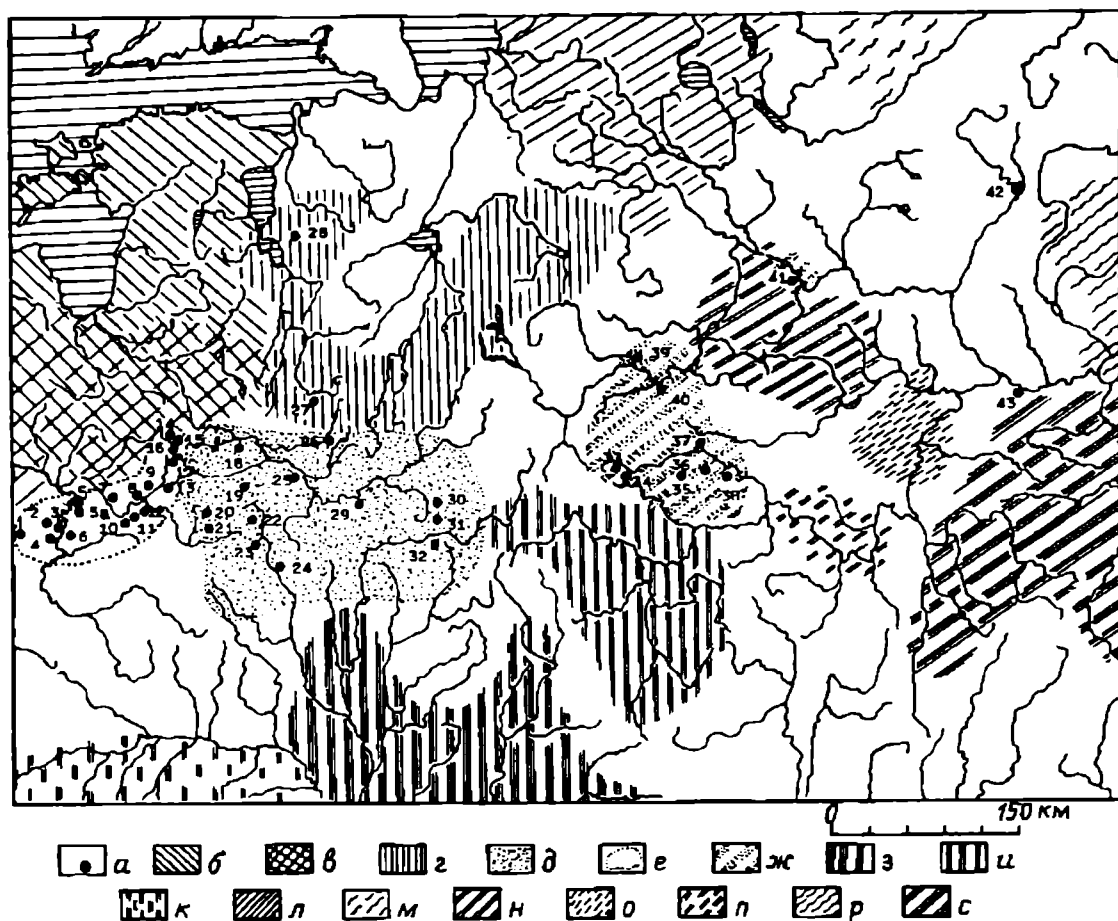

Рис. 4. Распространение браслетообразных сомкнутых височных колец около середины I тыс. н. э. а — памятники с находками браслетообразных сомкнутых колец; б — ареал эсто-ливских древностей; в — летто-литовских племен; г — длинных курганов псковского типа; д — тушемлинско-банцеровской культуры; е — каменно-земляных курганов конца IV—V вв.; ж — позднедьяковской культуры; з — колочинской культуры; и — мощинской культуры; к — пражско-корчакских древностей; л — веси; м — чуди заволочской; н — мери; о — муромы; п — рязанско-окских могильников; р — марийцев; с — мордвы. Часть ареалов расселения финских племен очерчена по более поздним данным 1 — Радостай-Алекнонис; 2 — Луксенай; 3 — Бакшай; 4 — Сейллонай; 5 — Мигонис; 5а — Аукштадварис; 6 — Слабаделе; 7 — Кернаве; 8 — Пакраугле; 9 — Граужиняй; 10 — Жвирбляй; 11 — Кайренай; 12 — Варпнишкес; 13 — Межионис; 14 — Дусету; 15 — Эйкотишкес; 16 — Жадавайняй; 17 — Рокенай; 18 — Прудники; 19 — Свила; 20 — Микольцы; 21 — Городище Мядельское; 22 — Васильковка; 23 — Дедиловичи; 24 — Аздятичи; 25 — Бельчицы; 26 — Рудня; 27 — Казиха; 28 — Городня; 29 — Боро-ники; 30 — Акатово; 31 — Близнаки; 32 — Демидовка; 33 — Бородинское; 34 — Троицкое; 35 — Луковня; 36 — Шербинка; 37 — Дьяково; 38 — Боршева; 39 — Отмичи; 40 — Топорок; 41 — Попад-инское; 42 — Попово; 43 — Безводнинский

два браслетообразных височных кольца встречены с сожженными костями одного из захоронений [17, с. 55, рис. 36, 3].

На востоке ареал браслетообразных височных колец в середине и третьей четверти I тыс. н. э. выходил за пределы территории тушемлинско-банцеровской культуры, охватывая регион позднедьяковских (москворецких и верхневолжских) городищ (рис. 4). Такие украшения встречены на городищах Боршевском в Москворечье, Топорок и Отмичи в Верхневолжье, на Попадьянском селище на Ярославщине и описаны в литературе. Это браслетообразные сомкнутые кольца, а с городища Луковня происходит браслетообразное кольцо с несколько утолщенными концами [32, с. 13, 14, рис. 1, 10—13]. К этому перечню следует добавить находки браслетообразных колец на Троицком городище, верхняя дата функционирования которого ограничивается V — началом VI в. [33, рис. 16, 14, 21, 24—26; 17, 26].

Население Верхневолжья и Москворечья, в состав женского убранства которого входили рассматриваемые височные украшения, по всей вероятности, было родственно племенам тушемлинско-банцеровской культуры. Об этом наряду с другими ее элементами (домостроительством, вещевым инвентарем) говорит и наиболее массовый керамический материал. Анализ глиняной посуды Щербинского, Троицкого и Неждинского городищ выявляет весьма интенсивные связи с Верхним Поднепровьем (а также с верхнеокским бассейном). Близость керамических форм дает основание полагать наличие в позднедьяковской и тушемлинско-банцеровской культурах общих этнических компонентов, что, видимо, обусловлено проникновением групп верхнеднепровского населения на территорию дьяковской культуры [33, с. 96—98; 34, с. 90—197; 35, с. 6—79].

Население, для которого в середине и третьей четверти I тыс. н. э., как и позднее, были характерны браслетообразные височные кольца, следует считать славянским. До сих пор этническая принадлежность племен тушемлинско-банцеровской культуры оставалась неопределенной. Многие исследователи относили ее к балтам. Основанием для этого служило, с одной стороны, то, что тушемлинско-банцеровская культура сформировалась из достоверно балтской культуры раннего железного века — днепро-двинской. С другой стороны, подчеркивалось отсутствие эволюционной преемственности между рассматриваемой культурой и следующими за ней по времени достоверно славянскими древностями [8, с. 34—41; 13, с. 48—53; 30, с. 122—124; 36, с. 29—32; 37, с. 273—279].

В настоящее время выясняется, что тушемлинско-банцеровская культура не была простой эволюцией днепро-двинской, при ее формировании имело место переселение в ареал днепро-двинской культуры каких-то масс нового населения. Не может быть серьезным аргументом для отрицания славянства носителей тушемлинско-банцеровской культуры и отсутствие прямой преемственности ее с последующими славянскими древностями Верхнего Поднепровья и Подвинья. Славяне вступили в эпоху средневековья далеко не монолитной массой. В настоящее время выявляется несколько культурно-племенных группировок раннесредневекового славянства, по всей вероятности, соответствующих диалектному членению праславянского языка [38, с. 169—180]. В период «великой миграции» VI—VII вв. жизнь славян не была стабильной. Археологами зафиксированы неоднократные наслоения одной из культурно-племенных групп славян на другую. В этой связи ничто не мешает признать носителей тушемлинско-банцеровской культуры одной из диалектно-племенных группировок раннесредневекового славянства. При этом наличие в их составе местного балтского компонента не отрицается. В конце VII или в начале VIII в. на территорию тушемлинско-банцеровской культуры вторглись массы нового населения. Результатом их взаимодействия с тушемлинско-банцеровским населением и стала культура смоленско-полоцких длинных курганов.

Памятников середины и третьей четверти I тыс. н. э. с находками браслетообразных височных колец в ареалах тушемлинско-банцеровской и позднедьяковской культур несравненно меньше, чем XI—XIII вв. Это обстоятельство не может быть использовано для утверждения о еще слабой распространенности таких украшений. Число поселений XI—XIII вв. с находками браслетообразных височных колец на той же территории меньше количества пунктов с такими же находками третьей четверти I тыс. н. э.

Массив славянского населения, представленного тушемлинско-банцеровской и позднедьяковской культурами, был многочисленным и весьма активным. От него исходили мощные импульсы, оказывавшие существенное воздействие на жизнь и культуру соседних племен.

Восточная часть Волго-Окского междуречья и Среднее Поволжье в это время были заселены различными волжско-финскими племенами. Ближайшим соседом славян была меря, упомянутая историком готов Иорданом (VI в.) и зафиксированная русской летописью в районах озер Ростовского и Клещина [9, с. 67—81]. Уже в VII в. в области расселения мери появляются браслетообразные

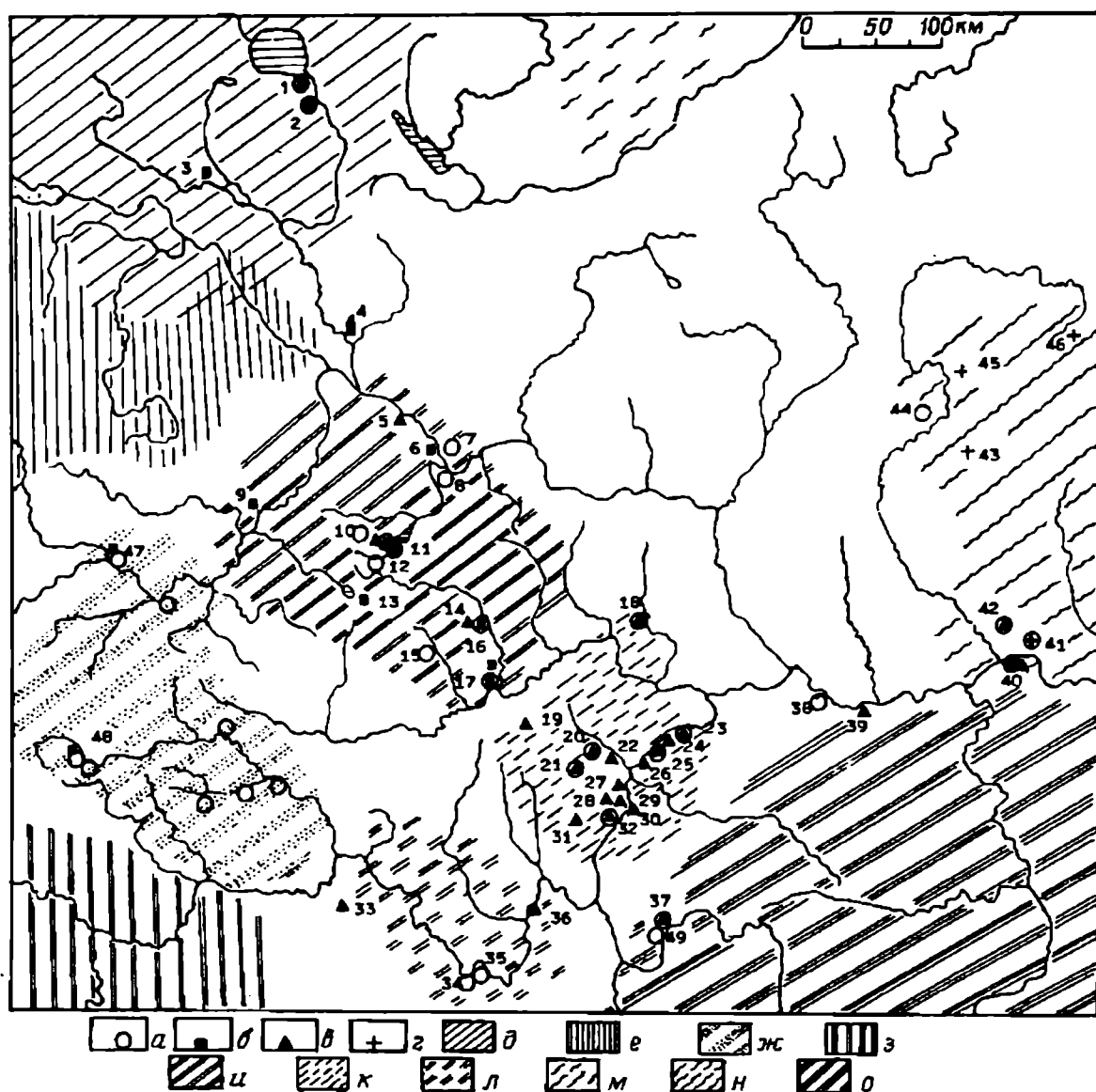

Рис. 5. Распространение браслетообразных височных колец в VII—X вв.

a — памятники с находками браслетообразных сомкнутых височных колец; *б* — с находками браслетообразных втульчатых колец; *в* — с находками браслетообразных щитковоконечных колец; *г* — с находками браслетообразных загнутоконечных колец; ареалы: *д* — веси; *е* — сопок; *ж* — позднелыжской культуры; *з* — мощинской культуры; *и* — мери; *к* — муромы; *л* — рязанско-окских могильников; *м* — чуди заволоцкой; *н* — марийцев; *о* — мордвы

1 — Белоозеро; 2 — Крутик; 3 — Никольское; 4 — Зубарево; 5 — Березняки; 6 — Попадьянское; 7 — Михайловское; 8 — Большое Тимерево; 9 — Плещково; 10 — Шурскал; 11 — Сарское (городище и могильник); 12 — Пеньково; 13 — Киучер; 14 — Мало-Давыдовское; 15 — Выжегша; 16 — Васильки; 17 — Сунтирь; 18 — Кочкино; 19 — Новленское; 20 — Максимовка; 21 — Малышево; 22 — Молотицы; 23 — Чулково; 24 — Звягино; 25 — Перемилово; 26 — Корниловка; 27 — Муромский; 28 — Тумовка; 29 — Пятницкий; 30 — Нижняя Верея; 31 — Урваново; 32 — Подболотня; 33 — Зарайск; 34 — Борковский; 35 — Шатрищенский; 36 — Курманский; 37 — Шокшенский; 38 — Безводнинский; 39 — Левино; 40 — Нижняя Стрелка; 41 — Дубовский; 42 — Младший Ахмыловский; 43 — Веселовский; 44 — Чертово Городище; 45 — «Черемисское кладбище»; 46 — Юмский; 47 — Новенькое; 48 — Бородинское; 49 — Старокадомский. (Памятники позднелыжской культуры не нумерованы)

височные кольца с сомкнутыми и заходящими концами, что можно объяснить только инфильтрацией славянского населения из более западного региона (рис. 5). Такие височные украшения встречены на Сарском городище и в ранних погребениях Сарского могильника, на городищах Мало-Давыдовском и Выжегша, селищах Пеньково, Шурская III и Новотроицкое [39, рис. 16, 18Б, 33, 35, 12, 69, 72, 90, 16, 94, 101, 4, 104, 2]. Именно в это время, начиная с VII в., по

наблюдениям А. Е. Леонтьева, в Волго-Клязьменском междуречье происходят принципиальные изменения в системе расселения. Исчезают небольшие городцы, им на смену приходят неукрепленные поселения более крупных размеров, приуроченность которых к пойменным лугам уже не прослеживается. Возрастает численность и плотность населения. Ведущую роль в экономике теперь стало играть земледелие — основная часть поселений тяготеет к участкам с наиболее плодородными почвами. Новая система расселения остается неизменной в древнерусский период, в то время как сохранившиеся островками селения мери («мерские станы») характеризуются иными топографическими особенностями. Все свидетельствует о притоке новых масс населения. О проникновении славян в среду мери в это время говорят и отдельные формы глиняной посуды.

Очевидно, под влиянием славян какая-то часть мерянского населения стала носить браслетообразные височные кольца, но они были несколько своеобразны (рис. 1, 7) — завершались втулкой на одном из концов и заострением на другом [9, с. 78; 40, с. 77; 41, с. 65, 66; 42, с. 117—122].

Среднее Поочье в середине I тыс. н. э. принадлежало компактному племенному образованию, известному по серии рязанско-окских могильников [9, с. 93—97; 43, с. 59—84; 44, с. 39—56]. Анализ материалов этих памятников выявляет в составе населения этого региона две этнокультурные группы. Одна из них принадлежит местному поволжско-финскому населению, вторая — переселенцам из западных районов Волго-Окского междуречья и бассейна верхнего течения Оки [45, с. 86—104].

Население культуры рязанско-окских могильников какое-то время не знало браслетообразных височных колец. Согласно данным последних раскопок Шатрищенского могильника, бронзовые и серебряные височные кольца с сомкнутыми концами (диаметрами 4,8—5,5 см) появляются в Среднем Поочье в VII — начале VIII в. [46, с. 134]. Они встречены в девяти погребениях этого могильника, относящихся к последней стадии его функционирования, шесть из которых имели несвойственную финно-угорскому миру широтную ориентацию. Носили браслетообразные кольца здесь по два или одному с каждой стороны головы.

Распространились эти височные украшения в Рязанско-Окском регионе не широко. В ряде могильников они не встречены вовсе, в других — единичны. В Борковском могильнике большие проволочные кольца выявлены только в одном захоронении (44), ориентированном головой к юго-западу [47, с. 34]. Согласно хронологическим штудиям А. К. Амброза, это захоронение относится к четвертому этапу эволюции окских древностей, т. е. к VII в. [48, с. 113].

Два браслетообразных височных кольца диаметром 4,7 см, с сомкнутыми концами обнаружены в погребении 36 Старокадомского могильника, принадлежащего к рязанско-окским. В захоронении 51 этого могильника в качестве височных колец использованы проволочные браслеты. Один из них, диаметром 5,2 см, имеет несколько утолщенные концы и изготовлен из круглого в сечении дрота, другой — из четырехгранного дрота. Могильник датируется VI—VII вв., а названные погребения относятся к VII в. [49, с. 23—43].

Более широко браслетообразные височные кольца распространялись в области расселения муромы. Время их появления здесь надежно определяется VII в. Так, в Малышевском могильнике браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами характерны для захоронений стадии А. Они носились по одному или по два с каждой стороны головы [50, с. 93]. В Кочкинском могильнике, расположенном на берегу р. Лух, левом притоке Клязьмы, и датируемом второй половиной VII — первой половиной VIII в., такие височные украшения обнаружены в 10 погребениях — двух по обряду трупосожжения, остальных по обряду ингумации, преимущественно с западной ориентировкой [51, с. 99—125, рис. 2, 2, 3, 5]. Браслетообразные сомкнутые височные кольца встречены также в муромских могильниках — Подболотьевском [52, с. 58], Максимовском [47, с. 45—51, 105—113] и Чулковском [53, с. 73, табл. VI, 16].

Известны такие височные украшения и на поселениях муромы [54, с. 177, рис. 78, 28—30].

Представляется бесспорным, что обычай ношения браслетообразных височных колец был занесен в земли окско-финских племен славянами из ареала, где они были весьма распространены. Первоначально их носили славянские переселенцы, но вскоре и среди муромы зарождается традиция ношения височных колец. Однако эти кольца имеют своеобразие: один конец их оформляется в виде крючка, другой — в виде петли-щитка с отверстием (рис. 1, б). Такие украшения становятся весьма характерными для муромы [9, с. 88; 42, с. 117—122] и сосуществуют в одних и тех же могильниках вместе с браслетообразными сомкнутыми кольцами (рис. 5).

Судя по материалам Малышевского могильника, единичные браслетообразные щитковоконечные кольца появляются на стадии А, но широкое распространение их приходится на период IX — начало XI в. Муромские женщины носили по четыре-пять таких колец с каждой стороны головы [50, с. 91—96]. Такая же картина наблюдается и при анализе материалов других могильников муромы. По подсчетам А. Ф. Дубынина, в Малышевском могильнике щитковоконечные кольца составляют 74% всех браслетообразных височных украшений, в Подболотьевском — около 80%. Могильники муромы VII—X вв. следует относить уже к смешанному муро-славянскому населению.

Основная масса браслетообразных височных колец с щитком и крючком датируется VIII—X вв. [32, с. 15, 16]. Выявляются их изменения во времени. Для VIII—IX вв. характерны кольца с крупным щитком округлой или овальной формы. Нередко такие кольца дополнялись шумящими привесками или спиральными перстнями, нанизанными на их стержни. Во второй половине IX—X в. щиток уменьшается и утрачивает правильную форму. Позднее они постепенно выходят из употребления. Муром к этому времени, очевидно, в значительной степени растворился в славянской среде. В исторических событиях, отраженных русскими летописями, это племя уже не называется. Оно упомянуто лишь во вводной части «Повести временных лет» и под 862 г., где сообщается только, что древним населением в Муроме была мурома [55, с. 13, 18].

Славянское расселение раннего средневековья, как свидетельствуют археологические материалы, протекало порой скачкообразно. Сравнительно небольшие группы славянского населения, оторвавшись от основного массива славян, иногда заходили довольно далеко. В Среднем Поволжье памятниками такого расселения являются Безводнинский могильник и поселения с могильником у с. Попово на р. Унже.

Расположенный в Нижегородской обл. на берегу р. Кудьмы, близ ее впадения в Волгу, Безводнинский могильник был раскопан и обстоятельно опубликован Ю. А. Красновым [56]. Исследователь считал браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами характерными для населения, оставившего этот могильник. Однако дополнительный анализ его материалов свидетельствует об ином. Выясняется, что эти височные украшения бытовали только у части населения, преимущественно на ранних стадиях, и постепенно выходят из употребления. Они обнаружены в значительном количестве в погребениях первой стадии (V — начало VI в.). Захоронения с браслетообразными кольцами составляют 46,2% общего числа погребенных этого времени. Нельзя не отметить, что все женские трупоположения первой стадии ориентированы головой на север—северо-запад, в то время как синхронные мужские погребения имели преимущественно северную ориентировку. На второй стадии (VI—VII вв.) процент захоронений с браслетообразными височными кольцами уменьшается до 35. По-прежнему, большинство женщин погребалось головой на северо-северо-запад или на северо-запад, но теперь появляется и меридиональная ориентация. Все мужские захоронения имеют, как и раньше, северную ориентировку. Среди погребений третьей стадии браслетообразных колец не обнаружено, правда, они есть на четвертой стадии (конец VII — первая половина VIII в.), но составляют

всего 9%. В этой связи следует полагать, что носители браслетообразных височных колец появились в этом регионе около VI в., влились в местную среду и постепенно растворились в ней.

Комплекс памятников у д. Попово на р. Унже отнесен исследователями к позднедьяковской культуре. Браслетообразные височные кольца обнаружены на городище в яме 19, датируемой VI—VII вв. [57, с. 79, рис. 23/1], и в погребениях 7 и 10 расположенного поблизости могильника, относимого к тому же времени [58, с. 148—153, рис. 6, 8, 10, 11].

Тогда же, по всей вероятности около VII в., небольшая группа переселенцев, в составе украшений которых были браслетообразные сомкнутые височные кольца, достигла юго-западных окраин области расселения марийцев. Свидетельством этому является находка таких колец в Младшем Ахмыловском могильнике, в целом датируемом V—VII вв. [59, с. 92, 104, рис. 85, 93, 2]. Погребальные комплексы этого памятника, как подчеркивает Г. А. Архипов, показывают, что население, его оставившее, было метисным и формировалось при взаимодействии пришлого со Средней Оки с местным азелинским компонентом.

Следующий этап инфильтрации племен-носителей браслетообразных сомкнутых височных колец в регион марийцев датируется IX—XI вв., когда эти украшения уже широко бытовали у дневнорусского населения Северо-Восточной Руси. Миграцией был охвачен опять-таки небольшой окраинный регион марийцев близ впадения Ветлуги в Волгу. Браслетообразные сомкнутые височные кольца встречены в единичных погребениях двух могильников — Дубовского [60, с. 119, рис. 8, 26] и «Нижняя Стрелка» близ с. Починки на берегу Волги [61, с. 81—118], а также на Чертовом городище. В погребениях могильника «Нижняя Стрелка» встречены еще щитковоконечные и втульчатые височные кольца, свидетельствующие о неоднородности пришлого населения. Очевидно, под влиянием последнего в среде марийцев появились своеобразные браслетообразные височные кольца, по облику подражающие местным шейным гривнам. Концы их были или отогнуты под прямым углом, или отогнуты и завершались утолщением или многогранником (рис. 1, 8, 9). Такие височные украшения зафиксированы в пяти марийских могильниках — Веселовском, Дубовском, Лопьяльском, «Черемисском кладбище» и Юмском [59, с. 19, рис. 16, 1—6; 90; 60, с. 119, рис. 8, 19—25, 27, 28]. К XII в. они, по-видимому, выходят из употребления. Правда, в двух погребениях Выжумского и двух захоронениях Руткинского могильников, датируемых XII—XIII вв., встречены браслетообразные сомкнутые височные кольца [62, с. 19, рис. 14, 3, 4, 15, 6, 11], но это уже результат контактов марийцев с населением Северо-Восточной Руси в XII—XIII вв.

На севере население тушемлинско-банцеровской культуры вплотную соприкасалось с группировкой славян, представленной псковскими длинными курганами. Браслетообразные височные кольца для этих славян не были характерны. Два таких кольца диаметрами около 5 и 6 см происходят из длинного кургана в д. Казихи в Себежском Поозерье [18, с. 43, табл. 26, 6, 9] и одно найдено в длинном кургане в Городне на восточном побережье Псковского озера [18, с. 49, табл. 26, 10]. Очевидно, это следы незначительной инфильтрации тушемлинско-банцеровского населения в среду племен культуры псковских длинных курганов.

Интереснейшая картина наблюдается на западной окраине ареала браслетообразных височных колец середины I тыс. н. э. В конце IV—V в. в юго-восточной части современной территории Литвы появляется новое население, принесшее сюда курганный обряд. Часть курганов имеет в основании венец, сложенный из камней, другие насыпи почти целиком были сложены из камней. Высота насыпей 0,5—1,2 м. Умерших хоронили по обряду ингумации в грунтовых ямах. Погребальный инвентарь представлен украшениями, деталями одежды, изредка встречаются орудия труда и фрагменты керамики [63, с. 93—96]. Из этих курганов и происходит большое число височных колец, изготовленных из проволоки с круглым или изредка ромбическим сечением (рис. 1, 1). Диаметры их колеблются

от 3—4 до 8—10 см. Кольца имеют обычно заходящие концы, некоторые из которых, как и тушемлинско-банцеровские, были утолщены. Женщины носили кольца по одному или несколько с обеих сторон головы [64, с. 6—8, карта 2]. Р. К. Куликаускаене полагает, что они прикреплялись к головным уборам [65, с. 41, 42, рис. 13, 14].

Курганный обряд в Юго-Восточную Литву был принесен, по всей вероятности, из ятвяжского региона [66, с. 84; 67, с. 239, 240]. Переселение сопровождалось полным исчезновением распространенной здесь ранее штрихованной керамики и появлением качественно новой — шероховатой (или ошершавленной) глиняной посуды. Изменяется и структура поселений.

Население, оставившее каменно-земляные курганы конца IV—V вв., было неоднородно в антропологическом отношении. Мужчины и женщины принадлежали к совершенно различным антропологическим типам: мужчины — к узколицему грацильному, параллели которому обнаруживаются среди раннесредневековых ятвягов Сувалкии, женщины — к умеренно массивному широколицему типу [68, с. 56—67; 69, с. 38—40].

Такую ситуацию можно объяснить только тем, что пришлое мужское население, принесшее курганный обряд, вступало в брачные связи с женщинами иного происхождения. К сожалению, из-за широкого распространения обряда кремации умерших как в предшествующее время, так и в начале средневековья определить происхождение женской части рассматриваемого населения по данным антропологии не представляется возможным. Судя по височным кольцам, она была родственной племенам тушемлинско-банцеровской культуры.

Новая волна миграции привела к становлению в VI в. в восточной части Литвы культуры восточнолитовских курганов, носители которых вполне определенно связываются с литвой русских летописей. Население, оставившее каменно-земляные курганы конца IV—V в., растворилось в новой этнической среде. Обычай ношения браслетообразных височных колец здесь полностью исчезает.

Восемь браслетообразных сомкнутых височных колец содержатся в кладе VI в., найденном при сельскохозяйственных работах в 1947 г. в окрестностях Суджы в Курской обл. Они сделаны из толстой проволоки, концы их имеют утолщения [70, с. 77, рис. 31а, 32а]. Из кладов VI в., найденных в селах Мартыновка и Малый Ржавец в Каневском р-не Киевщины, происходят браслетообразные кольца диаметрами около 12 см, один их конец закручен в спираль, обращенную вовнутрь [71, с. 74—76, 82, 83, рис. 16, 18]. Такие же браслетообразные кольца со спиральным окончанием известны еще среди случайных находок в Княжей Горе и Сахновке на р. Рось [4, рис. 34, 2]. Аналогии им имеются среди украшений Юго-Восточной Литвы. Правда, спиральный завиток последних имеет меньшее число оборотов [65, с. 38, 39, рис. 11; 72, рис. 256, 257]. Трудно сказать, какова взаимосвязь рассматриваемых тушемлинско-банцеровских и среднеднепровских браслетообразных украшений. Поскольку такие кольца в Среднем Поднепровье — явление кратковременное и они единичны, не исключено их привнесение с севера из основного ареала.

Каковы же судьбы населения тушемлинско-банцеровской культуры? Около рубежа VII и VIII вв. в Смоленском Поднепровье и Верхнем Подвинье складывается культура смоленско-полоцких длинных курганов. Ее формирование было обусловлено расселением новых групп славян как из ареала псковских длинных курганов, так и из отдаленных земель.

Височные кольца населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов своеобразны. Это — проволочные кольца с заходящими пластинчатыми концами или с серповидным (лунообразным) пластинчатым расширением в нижней части. Основу их бесспорно составляли браслетообразные кольца, а пластинчатые расширения, по всей вероятности, позаимствованы от лунничных височных колец, которые привнесены были на рубеже VII и VIII вв. Впрочем, это особая тема, нуждающаяся в специальном рассмотрении. Параллельно среди населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов, судя по фрагментарным материалам,

бытовали и проволочные (браслетообразные?) височные кольца. Все свидетельствует о том, что племена тушемлинско-банцеровской культуры приняли участие в этногенезе смоленско-полоцких кривичей.

Вместе с тем, судя по распространению браслетообразных височных колец, население тушемлинско-банцеровской культуры, как и позднедьяковской, в значительной своей части переместилось в восточном направлении и составило ядро славян Северо-Восточной Руси. Прослеживаемые по курганам X—XIII вв. миграции словен новгородских с северо-запада и кривичей с Верхнего Поднепровья были вторичными и лишь в той или иной мере пополнили население Ростово-Суздальской земли. Более значительная часть славян освоила эти земли еще в докурганный период, принеся сюда браслетообразные сомкнутые височные кольца.

Грунтовые могильники X—XIII вв., известные наряду с курганными в ареале браслетообразных сомкнутых височных колец, возможно, являются реликтовыми кладбищами славянского населения первой волны его расселения в землях Северо-Восточной Руси. Среди них можно назвать Федовский могильник с большим числом таких украшений [73, с. 1—5], могильники в с. Великое в Ярославском р-не [74, с. 93], Купанский на Плещеевом озере [75, с. 117—120; 76, с. 91—94], у д. Кресты на р. Мологе [77, с. 104, 105] и ряд менее известных. Какая-то часть их была картирована Е. И. Горюновой [54, с. 253—264, карты 3, 4]. Бескурганные могильники X—XIII вв. изучались также в регионе Белого озера и Прионежья. В этой связи Н. А. Макаров отметил, что на Русском Севере имеются регионы, где обычай насыпать курганы не был распространен, и высказал положение о том, что курганный обряд не был единственной формой обрядности в Северной Руси [78, с. 17—32]. Грунтовые могильники изучались также около городов Северо-Восточной Руси и в восточной части Новгородской земли [79, с. 61—63; 80, с. 67, 68; 81, с. 39—60; 82, с. 40, 41; 83, с. 39—61]. Не следует полагать, что славяне-носители браслетообразных сомкнутых височных колец хоронили умерших только по бескурганному обряду. В XI—XIII вв. древнерусское население Северо-Восточной Руси было уже в значительной степени метисным.

Предлагаемое решение вопроса о сложении ядра-основы древнерусского населения северо-восточных земель прежде всего за счет славянских переселенцев второй половины I тыс. н. э. объясняет отмеченные антропологами и лингвистами «парадоксальные факты». В научной литературе отмечено отсутствие преемственности между антропологическим строением средневекового населения, известного по курганам Северо-Восточной Руси, и современным русским населением той же территории. Различия касаются весьма существенных особенностей как черепной коробки, так и лицевого скелета [84, с. 202—204]. Высказываемые в этой связи предположения о возможных мощных притоках славянского населения в эти края в послемонгольский период не находят каких-либо подтверждений. Все становится ясным, если признать, что основным ядром великоруссов было славянское докурганное население, появившееся в Волго-Окском междуречье еще в VI—VIII вв.

Согласно изысканиям лингвистов восточновеликорусские говоры междуречья Волги и Оки относятся к четвертой акцентологической группе [85, с. 109—159]. «Диалекты этой группы ввиду сугубой архаичности их акцентной системы не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян» [85, с. 157, 158]. Изложенное выше полностью коррелируется с этими выводами лингвистов. Нельзя не обратить внимания и на то, что распространение браслетообразных сомкнутых височных колец XI—XIII вв. в значительной степени соответствует регионам говоров четвертой акцентологической группы [85, с. 157].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vocel J. E. Archäologische Parallelen//Sitzungber. Wiener Akad. Wissenschaften. 1855. B. XVI.*
2. *Müller S. Über slavische Schlafenringe//Schlesien — Vorzeit in Bild und Schrift. B. III. B., 1877.*
3. *Niederle L. Život Starých Slovanů. T. 1. Praha, 1911.*
4. *Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.*
5. *Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным//Журн. Мин-ва народ, просвещения. 1899. № VII.*
6. *Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.*
7. *Рыбакоў Б. А. Радзімічы//Працы сэкцыі археалогіі Беларускай Акадэміі навук. Т. III. Менск, 1932.*
8. *Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.//Археология СССР. М., 1982.*
9. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья//Археология СССР. М., 1987.*
10. *Никольская Т. Н. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв.//КСИИМК. 1946. Вып. XXIV.*
11. *Левашова В. П. Височные кольца//Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.*
12. *Седов В. В. Браслетообразные височные кольца восточных славян//Новое в археологии. Сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972.*
13. *Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.*
14. *Штыхов Г. В. Раскопки курганов под Полоцком//Вопр. истории и археологии. Минск, 1966.*
15. *Археалогія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. Мінск, 1979.*
16. *Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963.*
17. *Штыхаў Г. В. Крывічы. Па матэрыялах раскопак курганоў ў Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992.*
18. *Седов В. В. Длинные курганы кривичей//САИ. 1974. Вып. Е1-8.*
19. *Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг.//Древности Белоруссии. Минск, 1969.*
20. *Загорюльский Э. М. Возникновение Минска. Минск, 1982.*
21. *Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава//КСИА. 1960. Вып. 81.*
22. *Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутих IX—X вв.). Петрозаводск, 1991.*
23. *Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.*
24. *Шмидт Е. А. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Смоленском Поднепровье//Древности Белоруссии. Материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966). Минск, 1969.*
25. *Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины//Древние славяне и их соседи//МИА. 1970. № 176.*
26. *Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей//Древности Белоруссии. Материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1969.*
27. *Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области с древнейших времен до VIII в. н. э. Смоленск, 1976.*
28. *Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Минск, 1989.*
29. *Шадыро В. И. Раскопки селища в Витебской области//АО — 1985. М., 1987.*
30. *Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.*
31. *Шмидт Е. А. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области//СА. 1962. № 4.*
32. *Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.*
33. *Дубынин А. Ф. Троицкое городище//Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.*
34. *Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М., 1974.*
35. *Розенфельдт И. Г. Керамика Троицкого городища//Древнее поселение Подмосковья. М., 1971.*
36. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.*
37. *Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.*
38. *Седов В. В. Диалектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии//История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Междунар. съезд славистов. Докл. советской делегации. М., 1988.*
39. *Леонтьев А. Е. Археология мери (К предистории Северо-Восточной Руси). М., 1991//Архив ИА. Р-2, № 2488 (Альбом докт. дис.).*
40. *Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли//СА. 1966. № 3.*
41. *Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности)//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.*
42. *Sedov V. Schlafenringe der wolgafinnischen Stamme//VII Congr. Internat. Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990.*
43. *Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа//Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. Л., 1926.*
44. *Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в I тыс. н. э. по археологическим источникам//СА. 1937. Т. 2.*
45. *Седов В. В. Рязанско-Окские могильники//СА. 1966. № 4.*

46. Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.)//Археология Рязанской земли. М., 1974.
47. Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы//МАР. 1901. № 25.
48. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II//СА. 1971. № 3.
49. Шитов В. Н. Старокадомский могильник//Материалы по археологии Мордовии. Тр. ИЯЛИЭ Мордов. АССР. 1988. Вып. 85.
50. Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника//КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
51. Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В. Кочкинский грунтовой могильник//АЭМК. 1988. Вып. 14.
52. Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г.//Древности. Тр. Моск. археол. о-ва. Т. XXIV. М., 1914.
53. Гришаков В. В. К истории населения правобережья нижней Оки в конце II тыс. н. э.//Материалы по археологии Мордовии. Тр. ИЯЛИЭ Мордов. АССР. 1988. Вып. 85.
54. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. 1961. № 94.
55. Повесть временных лет. ч. I. М.; Л., 1950.
56. Краснов Ю. А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.
57. Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980—1984 гг.)//Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989.
58. Рябинин Е. А. Могильник и селище у д. Пёпово на р. Унже//Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989.
59. Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.
60. Архипов Г. А. Дубовский могильник//АЭМК. 1984. Вып. 8.
61. Никитина Т. Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка»//АЭМК. 1990. Вып. 17.
62. Архипов Г. А. Марийцы XII—XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола, 1986.
63. Лухтан А., Ушинкас В. К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных//Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988.
64. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV. Vilnius, 1978.
65. Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai//Iš lietuvių kultūros istorijos. II. Vilnius, 1959.
66. Таутавичюс А. З. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н. э.//Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980.
67. Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje. Vilnius, 1986.
68. Česnys G., Urbanavičius V. M. e. I tūkstantmečio vidurio rytų Lietuvos gyventojų antropologija//Lietuvos TSR mokslų Akademijos darbai. A. serija. № 3(88). Vilnius, 1984.
69. Денисова Р. Я. География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I — начале II тыс. н. э. на территории Литвы и Латвии//Балты, славяне и прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.
70. Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени//КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
71. Рыбаков Б. А. Древние русы//СА. 1953. Т. XVII.
72. Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. Кн. I. Vilnius, 1958.
73. Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской обл.//ИАК, 1905. Вып. 15.
74. ОАК за 1896 г.
75. Куза А. В., Никитин А. Л. Славянский могильник в пос. Купанском близ г. Переяславля Залесского//КСИА. 1965. Вып. 104.
76. Комаров К. И. Новые раскопки Купанского могильника//КСИА. 1975. Вып. 144.
77. Никитин А. В. Городище и могильник у д. Кресты//КСИА. 1974. Вып. 139.
78. Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI—XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990.
79. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969)//Археология Рязанской земли. М., 1974.
80. Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.
81. Конецкий В. Я. Нередицкий могильник//КСИА. 1980. Вып. 164.
82. Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Юрьевский могильник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли//КСИА. 1982. Вып. 171.
83. Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовой могильник у поселка Деревяницы около Новгорода//Новгородский исторический сборник. Т. 2(12). Л., 1984.
84. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.
85. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

FROM THE ETHNIC HISTORY OF THE MIDDLE EAST EUROPE POPULATION
IN THE SECOND HALF OF THE 1ST MILLENIUM A. D.

S u m m a r y

Temple rings are the most important indicator of the early medieval Slavonic antiquities. Braslet-shaped temple rings were widely spread in the Middle East Europe in the 11th—13th centuries (fig. 1). Braslet-shaped tied temple rings became a typical Smolensk-Polotsk Krivitchi tribe women decoration (fig. 2). Braslet-shaped united temple rings occupied a different area (fig. 3). Their history dated back to the middle of the 1st millenium A. D., when they were spread among the Tushemlya-Bantserovtshina and the Late D'yakovo cultures tribes (fig. 4). It was a large separate dialect and tribe group of Slavs, whose name is still unknown to us. Since the 6th—7th centuries this population had been gradually spread to the east, to the Finish tribes area in the Volga region. The process of assimilation of the Finish and Slavonic tribes took place in the Volga and Oka basins in the 7th—9th centuries. Some peculiar types of the braslet-shaped temple rings appeared among the native tribes under the Slavonic influence: notched rings — among Merya tribes, with shield-shaped ends — among Muroma tribes, and rings with bend ends — among Cheremis tribes (fig. 5). At the same time Merya and Muroma tribes lived through the quick process of the assimilation by the Slavs. The Slavonic migrants of the 1st millenium became a basis of the further forming of the population of the North-East Rus. The Slavs migrations from Novgorod and Krivitchi regions, taken place in the 10th—12th centuries, were of less importance.

Дискуссии

А. Н. ГУДИМ-ЛЕВКОВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В АРХЕОЛОГИИ

В сферу научного интереса современной археологии вполне определенно попадают и вопросы методологического характера. Во многом это предопределено все более сложными научными задачами, встающими перед археологией, что вызывает у исследователей вполне естественное желание оценить познавательные возможности имеющихся у них традиционных научных средств и попытаться их развить и усовершенствовать. Особое внимание уделяется одному из основных методов археологической науки — типологическому. До недавнего времени типология использовалась, исходя из общей целенаправленности археологии, только как инструмент источниковедческого анализа для территориально-хронологического расчленения археологического материала. Одним из основоположников типологического метода В. А. Городцовым его задача была сформулирована следующим образом: «Следует постоянно иметь в виду, что целью работ типологического метода служит точное определение каждого типа во времени и пространстве...» [1, с. 9]. Однако в современной археологии предпринимаются попытки использовать типологический метод для исторических реконструкций, что ставит перед наукой ряд методологических проблем, которые ранее не осознавались как особо актуальные. Этим отчасти обусловлено появление в зарубежной и советской археологии целого ряда работ по методологическому анализу типологического метода [2—12]. Однако степень разработанности многих теоретических вопросов в этой области вряд ли можно признать достаточной. Для того чтобы составить представление о состоянии дел в методологической археологии, рассмотрим в качестве примера концепции двух авторов — Г. А. Федорова-Давыдова и Л. С. Клейна. Работы этих исследователей имеют к настоящему моменту наиболее фундаментальный характер и выражают основные подходы к решению этой проблемы.

1. Задачи типологического анализа и подходы к их решению

При рассмотрении работ ограничимся выяснением только следующих моментов: общая цель исследования и теоретические воззрения автора; задача, непосредственно стоящая перед типологическим методом; понятие типа, которым оперирует исследователь; принципы формирования исходного набора признаков, описывающих археологические объекты.

Одна из групп исследователей считает, что решение задач типологии происходит на основании анализа только археологического материала. Представителем этого направления выступает Г. А. Федоров-Давыдов. Цель исследования он видит в воссоздании «того общественного явления», которое называет «процессом типобразования в материальной культуре» [10, с. 310], считая, что это явление — ключ к изучению исторического развития общества. «Когда подобные исследования

охватят многие эпохи и разные категории,— отмечает Г. А. Федоров-Давыдов,— тогда мы сможем, вероятно, построить теорию соотношения процесса типобразования в сфере материальной культуры с его социально-экономическим и политическим развитием» [10, с. 310]. Одной из первейших задач при типологическом анализе археологического материала, по Г. А. Федорову-Давыдову, является выделение «существенных» признаков и установление их иерархии. Определяя понятие о типе, он пишет: «Мы исходим в настоящей работе из распространенного понятия о том, что археологический тип есть „статистически устойчивое сочетание признаков“. С другой стороны, тип — это такая разновидность археологического материала, в которой типобразующие признаки соединены между собой связями с высокими показателями сопряженности» [10, с. 268]. В основе определения набора признаков, описывающих археологические объекты, лежит интуиция. «Сначала интуитивно (элемент интуитивности при классификации неизбежен),— подчеркивает Г. А. Федоров-Давыдов,— отберем наиболее важные для классификации признаки» [10, с. 269].

Таким образом, по Г. А. Федорову-Давыдову, структура исследования следующая. Вначале интуитивно отбираются признаки для описания какой-то категории археологического материала (в данном случае это бусы), далее из этого набора выделяются «существенные» признаки (используя для этого формальные методы теории информации), устанавливается их иерархия. На основе этой иерархии Г. А. Федоров-Давыдов реконструирует процесс «типобразования». Как видим, из этой программы исследования выпадает одно из главных звеньев — постановка конкретной исторической задачи, поэтому не ясно, чем определяется реконструктивная «существенность» признака. Видя в конечном итоге цель своего исследования в воссоздании исторических явлений, Г. А. Федоров-Давыдов научно не конкретизирует эту задачу, она не опосредствуется в форме историко-археологической гипотезы и фактически не участвует в процедуре исследования. Изучение исторических явлений на основе археологического материала предстает, по Г. А. Федорову-Давыдову, не как единый целенаправленный, подчиненный конкретной цели исследования познавательный процесс, а как две самостоятельные и независимые исследовательские задачи. Это — изучение «социально-экономического и политического развития общества» и воссоздание «процесса типобразования». Тут возникает вопрос: откуда возьмутся знания о «социально-экономическом и политическом» развитии изучаемого конкретного общества древности, если реконструкции этих процессов не вытекают непосредственно из анализа исторического источника (в данном случае археологического материала)? В предлагаемой программе не содержатся этапы, связывающие цель исследования и конкретный анализ источника. И в конечном итоге решение проблем исторической реконструкции здесь отодвигается как бы на задний план, предлагая в первую очередь заниматься только первичной систематизацией археологического материала.

Несомненной заслугой Г. А. Федорова-Давыдова является попытка представить предмет историко-археологического исследования в виде процесса, но тогда и сам процесс исследования должен быть не дискретным, а непрерывным. Предлагаемая им методика перспективна для изучения стереотипов материальной культуры древних обществ, степени стандартизованности артефактов, но совершенно не ясно, как связать их с различными аспектами исторического развития общества, создавшего эту культуру. Наиболее информативные признаки в формально-классификационном плане не являются обязательно наиболее существенными в историко-реконструктивном аспекте, тем более если они выделены интуитивно. Анализируя набор признаков, мы изучаем не сам исторический процесс во всей глубине его и многозначности, а лишь те аспекты, которые нашли отображение в этом описании, в этих признаках. И если этот набор признаков прямо не связан с конкретно-исторической задачей, то неизвестно, к какому именно аспекту изучаемой исторической реальности приложить результаты наших исследований.

Несколько по-иному, чем Г. А. Федоров-Давыдов, представляет себе использование типологического метода Л. С. Клейн. По его формулировке, «ключевая позиция понятия „тип“ в современной археологии обусловлена: а) культурологической направленностью этой науки, причастностью ее предмета культуре (история познается через изменение культуры); б) современным пониманием культуры» [8, с. 51]. Ссылаясь на Э. С. Маркаряна, под культурой Л. С. Клейн понимает «социально детерминированную и целенаправленную деятельность». Однако далее он пишет: «...такая деятельность порождает стандартные назначения (функциональные роли), семиотически выраженные в понятных группе людей смысле, значениях. Осознававшийся древними носителями культуры этот смысл (разделяемой группой идеи, или, по американской терминологии, «мысленные шаблоны») реализованы или в стереотипных поступках, или в их результатах (типичных вещах, остатках и следах). Отправляясь от последних, современные археологи и намерены постичь прежний смысл» [8, с. 62]. Из приведенных высказываний видно, что Л. С. Клейн уделяет больше, чем Г. А. Федоров-Давыдов, внимания обоснованию проблемы исследования, но такая постановка вопроса является весьма спорной. Неправоммерно сводить предмет историко-археологических исследований только к изучению стереотипов материальной и духовной культуры. Если рассматривать эти явления в отрыве от процессов экономических, социальных, политических и т. д., т. е. тех исторических факторов, которые во многом определяют конкретные формы культуры, то переход в исследовании от явлений культуры к другим историческим процессам весьма затруднителен.

Под археологическим типом Л. С. Клейн понимает «результат идеализации (абстрагирования, суммирования, усреднения) артефактов предположительно одного назначения, объединяемых по их сходству между собой и отличиям от других артефактов того же или иного назначения». «Привязка к назначению, — замечает автор, — предопределена культурологическими задачами исследовательской группировки — нацеленностью на выявление функциональных связей в материальной культуре» [8, с. 62]. Задача непосредственно типологического анализа сводится, по Л. С. Клейну, к «открытию на основе археологических типов — типов культурных. Под культурными типами понимается „материальная объективация мысленных шаблонов“, подсознательных стереотипов поведения древней человеческой группы» [8, с. 56]. Основную трудность в решении этой задачи автор видит в нахождении культурно значимых признаков, «отражение культурных типов в сознании исследователя — нечто иное. Иное даже в сознании непосредственного наблюдателя (если взять аналогичные ситуации в этнографии)» [8, с. 56, 57].

Далее, анализируя стратегию использования типологического метода в решении проблемы «распознавания культуры» (т. е. нахождении исторически значимых признаков), Л. С. Клейн выделяет два подхода: аналитико-индуктивный и гипотезо-дедуктивный. Сам же Л. С. Клейн предлагает сменить эти две стратегии третьей — системной, так как ни первая, ни вторая не решают, по его мнению, поставленной задачи.

Как же он понимает практическое применение системного подхода к типологическому анализу археологического материала?

Л. С. Клейн совершенно справедливо отмечает, что выделить культурно-значимые признаки («существенные» у Г. А. Федорова-Давыдова) на основе «самостоятельного, как бы самопроизвольного коррелирования элементов без привлечения постороннего знания о культуре — принципиально невозможно» [8, с. 66]. Этим подход Л. С. Клейна существенно отличается от подхода Г. А. Федорова-Давыдова, который как раз и пытается это сделать, только работая с археологическим материалом. Однако, не видя возможности выделить на уровне элементов артефактов культурно-значимые признаки, Л. С. Клейн предлагает сделать это сразу на уровне археологических культур. И этот путь вызывает недоумение. Вначале он пишет: «Распознав культуры, можно выделить в них типы, имеющие культурную значимость, а зная культурные типы, уже не столь

трудно расчленишь их на культурно значимые признаки» [8, с. 69]. Однако на следующей странице мы узнаем, что «культуры вычлениются сравнением эвидентных типов (очевидных, резко ограниченных, жестко стандартизированных)» [8, с. 70]. Круг замкнулся. Говоря о необходимости привлечения вне археологического знания в исторической реконструкции, Л. С. Клейн на деле оперирует только археологическим материалом, не подвергая индивидуальную интуицию исследователя методологическому осмыслению. На наш взгляд, выделить исторически значимые признаки для определения археологических культур так же трудно, как и для артефактов. И потом, если эти «эвидентные типы», которые несут историческую нагрузку, так легко обнаружить в археологическом материале, то к чему вообще заниматься разработкой типологического метода.

Выработка конкретных процедур типологического метода обусловлена общей целью научного исследования. Однако в проанализированных работах (как у Л. С. Клейна, так и у Г. А. Федорова-Давыдова) происходит как бы разъединение и противопоставление основных понятий, выражающих общую цель и конкретные задачи историко-типологического исследования: «культурные» и «археологические» типы — Л. С. Клейна; воссоздание «социально-экономического и политического развития общества» и «процесс типологизации в материальной культуре» — у Г. А. Федорова-Давыдова. Не проще ли и логичнее попытаться максимально сблизить, соподчинить эти понятия в едином познавательном процессе.

2. Понятие типа и структура типологического исследования

Конечной целью типологического анализа, как и всякого научного исследования, является формирование некоторого понятия об изучаемом объекте. Особенность же типологии выражается в создании *образного* понимания явления, т. е. выражается системой взаимосвязанных признаков, создающих идеальный образ, модель объекта. Этим типология существенно отличается от классификации, которая проводит деления понятия по одному основанию, т. е. какому-либо признаку.

Эти соображения, а также разноречивый, который царит в археологии в понимании типа (совокупность признаков или объектов), заставляют нас поподробнее остановиться на анализе категории «понятие».

Под «понятием» понимают «мысль, отображающую в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними» [14, с. 513]. В каждом понятии различают его содержание и объем. Содержание понятия — это совокупность признаков предметов, отраженных в понятии. Объем понятия — это множество (класс) предметов, каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию понятия [14, с. 514]. Содержание и объем понятия столь же субъективны, сколь и объективны, понятие есть предмет в единстве его субъективных и объективных определений, данный идеально [15, с. 72]. Исходя из этих определений, видно, что противоречия в понимании археологического типа как системы признаков или класса объектов снимается. Понятие археологического типа со стороны его содержания характеризуется набором признаков, а со стороны его объема — множеством археологических объектов, которым присущи эти признаки.

В настоящее время особое внимание в науке уделяется тем трудностям, с которыми сталкивается исследователь при формировании содержания понятия типа, т. е. создания некоторого теоретического представления об изучаемом объекте. Эта проблема представляется гораздо более сложной, чем определения объема понятия типа, т. е. отбора совокупности объектов для типологического анализа. Сложности здесь возникают не только в археологии, может, поэтому

в современной науке возникла новая трактовка понятия типа как особого методологического средства, с помощью которого строится теоретическая картина действительности [16, с. 564]. При этом понятие типа выступает не как непосредственно взятое из реальности, а как результат сложной работы научного мышления, которое отражает определенную задачей исследования некоторую сторону онтологического (в нашем случае исторического) явления.

Переход к истолкованию типа как методологического средства имеет ряд важных следствий. Такой подход способствует отказу от трактовки типа как полного и однозначного отображения изучаемого объекта: «...всякая классификация применяется не непосредственно к объектам, а к понятиям об этих объектах» [17, с. 26]. Множеству конкретных научных задач соответствует множество различных типологий данных объектов исследования. Сама цель, проблема исследования, опосредствованная в научной гипотезе, выступает в качестве самостоятельного, познавательного фактора. «Теория задает характер отбираемого эмпирического материала, а также методы его обработки... теория выступает как средство познания, она определяет способ расчленения объекта, характер видения исследуемой реальности. Вместе с тем теория — это форма организации получаемого наукой знания, познавательного опыта» [18, с. 101].

Таким образом, мы приходим к выводу, что постановка научной проблемы исследования представляет собой важную, во многом самостоятельную научную задачу, которая определяет ход всей дальнейшей исследовательской процедуры. В отношении типологического анализа конкретная постановка проблемы исследования во многом определяет принципы выбора признаков, описывающих археологические объекты; выделение среди них наиболее значимых относительно задач исследования; уточняет конкретные алгоритмы типологической процедуры и т. д. Результатом этого этапа постановки проблемы должен быть переход к созданию гипотезы протекания изучаемого процесса. При дальнейшем типологическом анализе археологического материала она является основой для создания конкретного понятия о типе.

Подводя итог всему вышесказанному, общая структура историко-археологического исследования с использованием типологического метода вырисовывается в следующем виде: 1) постановка проблемы; 2) создание модели-гипотезы; 3) формирование содержания и объема понятия типа (т. е. отбор исходных признаков и объектов для типологической процедуры); 4) типологическая процедура; 5) верификация результатов (проверка истинности и правильности результатов, в случае неточностей — корректировка исходной гипотезы и понятия типа); 6) окончательная интерпретация результатов — определение научного факта.

Авторы рассмотренных исследований не могут расстаться с «объективистскими иллюзиями», столь характерными для эмпирического этапа развития науки. Фактически они считают, что получить новое знание можно, только исходя из наблюдений за научным объектом, а весь вопрос состоит в том, чтобы упорядочить, систематизировать приемы его анализа или применить новые, более «объективные» методы. Однако «если кто-то говорит, что он считает истинным некоторые результаты наблюдений без каких-либо теоретических предпосылок, то это свидетельствует лишь о том, что предпосылки просто не осознаются» [19, с. 5]. Действительно, если рассмотреть ход традиционных для археолога рассуждений при создании им типологии археологического материала, то там в скрытом, неявном, подчас не осознанном самим исследователем виде мы обнаружим все необходимые элементы научного познания: постановка проблемы, создания гипотезы, определения научного факта и т. д. Так всякое исследование начинается с вопроса, некой научной проблемы (например, самой распространенной в археологии — культурной хронологии), затем исследователь определяет объем и содержание понятия типа, т. е. отбирает для исследования археологические объекты, останавливая внимание на некоторых признаках (чаще всего это особенности морфологии древних вещей, на археологическом жаргоне это называется «знать материал»). В результате такого анализа принимается необходимое допущение,

т. е. фактически формулируется гипотеза, что эти признаки, свойства предметов локализируются территориально или хронологически. При типологическом анализе, а затем при проверке его результатов (картографировании, корреляции с другими типами вещей) определяется правильность такой посылки. В случае, если типология выдерживает научную критику, то ее результаты признаются научно достоверными, т. е. они выступают уже в качестве научного факта.

3. Значение постановки проблемы и формирования гипотезы в типологическом исследовании

Ввиду особого значения для всего типологического анализа таких исследовательских актов, как постановка проблемы и создание гипотезы-модели изучаемого явления, остановимся поподробнее на их рассмотрении. В литературе уже появляются первые попытки анализа значений этих категорий для археологического познания в целом [20], мы же попробуем определить их роль при собственно типологическом исследовании археологического материала.

Возникновение и постановка проблемы является самостоятельной логической задачей и может выступать в качестве объекта специального исследования. Однако не всякие проблемы можно считать научными по способу постановки и методу их решения [19, с. 14]. Возникновение проблем, проблемной ситуации в науке может происходить в результате ряда объективных причин: появление новых фактов, обнаружение неточности предыдущего знания и т. д. (поподробнее см. [20, с. 86—90]), но важно отметить, что формулировка проблем является наиболее субъективным моментом в процессе научного познания. В выборе направления исследования, в определении насущных вопросов научной практики в значительной степени проявляется субъективное отношение ученого к объекту научного познания, которое может зависеть даже от его эмоционально-этических устремлений. Реальная возможность ученого в самостоятельности формулирования научной проблемы определяется степенью его научной свободы. Признание за научными проблемами статуса общезначимых во многом зависит от общественно-политического климата, от возможности противостоять конъюнктурным тенденциям в науке. Вместе с тем существует ряд объективных предпосылок и условий для того, чтобы научная проблема, выдвигаемая ученым, действительно являлась таковой.

Вновь формулируемые проблемы должны базироваться на существующем уровне знания, вытекать из него. Научная теория здесь выступает не только как результат решения проблемы, но и как предпосылка ее постановки [19, с. 39]. Причем следует отметить, что степень разработанности теоретических положений должна быть достаточно конкретизирована в рассмотрении данной проблемы. Уровни обобщенности теории и конкретной задачи должны быть сопоставимы.

Самые общественно значимые и теоретически обоснованные проблемы могут оставаться на уровне благих пожеланий, если отсутствуют реальные возможности их решения, а именно фактические данные и методологические рекомендации, т. е. проблема тогда не перерастает в гипотезу. Эмпирический материал является условием реальности проблемы, а подчас, как это часто бывает в археологии, входит составным элементом в формулировку научной проблемы. Важное значение для решения проблемы имеет методика, но даже тогда, когда методика решения не ясна, эта проблема выступает в качестве методической, в процессе ее разработки вырабатываются определенные подходы и приемы ее решения.

И наконец, должны быть, по-видимому, определены критерии истинности и правильности решения проблемы. «Истинность выявляется непосредственно путем сравнения содержания мысли с объектом, между ними устанавливается тождество; правильность выявляется путем сравнения действия (теоретического или практического) с положением (правилом, приемом), она связана с объектом через

истинность системы знания, на основании которой формируется правило поведения» [21, с. 223].

Классификационная характеристика проблем, работающих в типологическом историко-археологическом исследовании, характеризуется двумя важными моментами. Во-первых, эти проблемы, безусловно, имеют процедурно-методический характер и, во-вторых, их познавательные возможности ограничиваются задачами реконструкции так называемой «феноменологической истории, т. е. истории событий, явлений, в отличие от истории собственно научного типа, которая вскрывает причинно-следственные связи, дает более цельную, глубокую реконструкцию прошлого» [18, с. 94—101]. Иными словами, с помощью типологии можно реконструировать социальную структуру древних обществ, но ответить на вопрос, почему эта структура была именно таковой, типологический метод не может.

Таким образом, необходимым и достаточным условиями для того, чтобы проблема считалась правильно поставленной, являются: «1) наличие некоторого предварительного знания (данные, теория, методика), в которое может быть включена исследовательская проблема; 2) формально правильное построение; 3) корректность проблемы, т. е. ее предпосылки не должны быть ложными; 4) достаточная ограниченность, но не глобальность проблемы; 5) указание на существование решения и его единственность; 6) принятие соглашения о признаках приемлемого решения и способах проверки решения на приемлемость» [19, с. 174].

После того как научная проблема сформулирована и всесторонне рассмотрена, следует поиск ее решения; «традиционно следующим этапом в рассмотрении процесса научного исследования является именно анализ средств и методов получения научных фактов» [19, с. 57]. Решения этих задач оформляются в виде гипотезы.

«Гипотеза — это определенная система суждений, понятий и умозаключений» [22, с. 51]. В гипотезе отражается движение мысли ученого, она в форме предположения связывает ранее известное значение с новым, искомым. В структуре гипотезы можно выделить элементы достоверного знания наряду с проблематичными суждениями. Достоверное, уже доказанное знание уже составляет аксиому, фундамент гипотезы, а проблематические суждения — это та система доказательств, которую нужно проверить для определения истинности основного предположения гипотезы.

Применительно к историко-археологической типологии нужно отметить, что в отличие от научной проблемы археологические данные прямо не участвуют в создании гипотезы. Единственный здесь выход — это выйти за рамки собственно археологического материала и искать возможные решения в других отраслях знания: этнографии, экономики, социологии и т. д. и т. п. Необходимость выхода за рамки археологического источника при проведении его исторической интерпретации следует особо подчеркнуть. Так, действительно невозможно определить даже функцию отдельно взятого артефакта, не привлекая аналогий из этнографии, не используя данных, полученных экспериментально-опытным путем, и т. д.

Если научная проблема в историко-археологическом исследовании имеет всегда феноменологический характер, то гипотеза, предлагающая возможное решение этой проблемы, всегда концептуальна, она формируется внутри некоторого научного контекста. В этом выражается диалектика таких категорий, как сущность и явление.

Выдвижение гипотезы связано с применением различных форм умозаключений: аналогии, индукции, дедукции, но наибольшее значение принадлежит методу восхождения от абстрактного к конкретному. «Способ восхождения от абстрактного к конкретному — это и есть способ научно-теоретической переработки данных созерцания и представления в понятия, способ движения мысли от одного фактически фиксируемого явления (в его строго абстрактном, определенном выражении) к другому фактически данному явлению (опять же в его строго абстрактном, определенном выражении)» [23, с. 234]. То есть гипотеза в историко-археологическом исследовании приводит к созданию некоторых теоретических моделей типов. При сопоставлении с археологическим материалом эти модели приобретают конкретно-исторический характер, выражают специфику исторического процесса.

Таким образом, в процессе проведения логико-семантического анализа проблемы и создания гипотезы определяются те основные этапы изучаемого исторического явления, которые необходимо осветить и воссоздать в исследовании, а также характер связей между ними, т. е. проблема решается в самой общей и наиболее абстрактной форме. Анализируются и отмечаются те необходимые моменты, без освещения которых невозможно в принципе решить поставленную задачу. В результате этого анализа определяется тот круг вопросов, за решение которых берется исследователь, обосновывается рабочая гипотеза и формируются модели историко-археологических типов.

Проиллюстрируем наши методические выкладки на уже упоминавшихся работах по реконструкции социальной структуры древних обществ на основе погребальных памятников [см. 24, 25]. Какова же их структура? В начале исследования формулируется научная п р о б л е м а — это реконструкция социальной структуры и обосновывается ее теоретическое содержание, а именно: авторы определяют п о н я т и е о социальной структуре общества на основе систематизации существующего знания. Затем, формулируется г и п о т е з а, которая состоит в предположении, что количество труда, затраченного при совершении погребения, прямо пропорционально социальному статусу погребенного. Понятно, что в основе этого допущения лежит материалистическое понимание истории. Конкретное выражение эта гипотеза находит в нескольких м о д е л я х погребальных сооружений, которые соответствуют различным социальным слоям древних обществ. Модели эти выступают в виде структур взаимосвязанных признаков, описывающих погребальные памятники.

4. Теоретическая модель и формирование исходного набора признаков

Создание набора признаков, при помощи которых описываются артефакты, является камнем преткновения для эффективной и убедительной реализации историко-археологического исследования [26]. Обычно считается, что в археологических работах единственным источником создания этого набора признаков является индивидуальная интуиция автора. На этом же настаивают и те исследователи, которые берутся за методологическую разработку типологического метода. Интуиция — это во многом не осознанная логика. Выше уже говорилось о том, как основные элементы теории познания (проблема, теория, гипотеза и т. д.) определяют весь ход типологического исследования. При использовании же в качестве типа модели исследуемого исторического процесса этот первичный набор признаков определяется в основном этой идеальной моделью; выделяемые признаки должны отражать основные элементы, стороны смоделированного явления в фиксированном виде. Последовательность этих признаков, связанных и ограниченных качественными сторонами изучаемого процесса, и составят основу понятия о типе при анализе археологического материала.

Таким образом, первым этапом в создании исходного признакового пространства является создание набора признаков, определенных исходной моделью исторического процесса, а именно достоверной частью исторической гипотезы. Этим определяется необходимый набор признаков для решения поставленной задачи, который в ходе дальнейшего исследования выступает критерием различения содержательных выводов, вытекающих из самих данных, и псевдовыводов, внесенных в ходе обработки: «...сопоставление результатов применения различных методов в единстве с качественным анализом позволяет выявить в определенной степени достоверную научную информацию. Это может быть достигнуто в том случае, когда в основе анализа лежит не определенный признак, а определенная их совокупность, рассматриваемая как некоторая единица статистического анализа. Такую совокупность признаков мы назовем комплексом данных. С теоретических позиций исследователя ... комплекс данных представляет собой некоторое

целое, которое может анализироваться как относительно своей внутренней структуры, так и с позиций связи с другими комплексами. Как правило, комплексы должны быть определены до начала сбора первичной информации, при составлении плана исследования» [27, с. 32].

Однако для решения конкретной задачи в силу разных причин может оказаться недостаточно признаков, выделенных только на основании достоверных суждений исходной модели. Поэтому набор признаков может и должен пополняться признаками, не связанными непосредственно с качественной моделью исторического явления. Эти признаки выделяются автором исследования, исходя из специфики материала. Здесь неизбежны переборы и поиски относительно значимых признаков, т. е. нужно обеспечить не только необходимость, но и достаточность набора признаков для решения поставленной задачи.

Создание достаточного набора признаков является вторым в процессе создания исходного признакового пространства. Вместе с тем «этот набор не должен включать в себя „лишние“ признаки, т. е. признаки, не несущие информацию о характере типа классифицируемых объектов. Наличие таких признаков может не только привести к излишним затратам на осуществление классификации, но и ухудшить ее качество» [13, с. 48]. Одна из основных задач, решаемых при сопоставлении исходного списка признаков, заключается не в стремлении охватить максимальное количество признаков (которых можно выделить бесконечное множество), а в определении минимума признаков, необходимого и достаточного для решения поставленной задачи. Достижение этого снижения признаков возможно различными путями. Два основных пути уменьшения числа признаков: агрегирование (конструирование новых признаков по исходным) либо «усечение» (исключение малоинформативных признаков) [13, с. 60]. Реализацию этих подходов можно осуществить как путем качественной оценки, так и практической проверкой того или иного признака на материале, осуществляемой при помощи различных исследовательских процедур и формальных методов (статистических, методов теории информации и т. д.) (см. подробнее [13, гл. 3—5]).

Сокращение, упорядочивание и сведение к единым шкалам измерений используемых признаков — такова задача третьего этапа в процессе создания исходного признакового пространства. Только после создания этой единой системы признаков, установления их взаимосвязи, определения их относительной значимости и приведения признаков к единой размерности можно приступить с их помощью к описанию выбранного массива археологического материала.

Таким образом, модель типа выступает при формировании исходного набора признаков в качестве категории меры. С помощью этой категории происходит единение качественных и количественных сторон научного познания.

Применительно к нашему примеру палеосоциальных реконструкций моделирование типа происходит следующим образом. Исходя из концептуальной гипотезы о трудовых затратах как меры социальности, можно определить набор признаков, которые имеют универсальный характер. Это — размеры погребальных сооружений, количественный и качественный состав инвентаря. Но подчас реально существуют свойства объектов, которые имеют единичный, случайный характер, присущие только конкретному обществу, например специфический набор инвентаря, присущий определенным, конкретным социальным группам. Выявить их — задача конкретно-исторического исследования. Основным критерием в их последовательном поиске выступает статистическая вероятность, т. е. качественная сторона выражается в количественных показателях.

Подводя итог анализу методологических вопросов типологического метода в археологии, важно еще раз отметить, что в методологическом аспекте типологическое исследование полностью соотносится с основными этапами логики научного познания. Поэтому, прежде чем подчеркивать и заниматься выявлением действительной специфики типологии в археологии, необходимо вполне определенно осознать те общие методологические принципы, которые присущи и археологической типологии. Выделить особенное можно только в сопоставлении с

общим. В этой работе только намечен тот круг категориальных проблем, которые возникают при методологической разработке типологического метода в археологии. Дальнейший их сознательный анализ позволит археологии более успешно развивать свою методологию, которая в свою очередь может обогатить и общую теорию научного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.
2. *Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983.
3. *Григорьев Г. П.* Культура и тип в археологии: категория анализа или реальность?//Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
4. *Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура//Теоретические основы археологии. Л., 1969.
5. *Каменецкий И. С.* Искусственные и естественные классификации в археологии//Проблемы археологии. Л., 1978.
6. *Каменецкий И. С.* К вопросу о понятии типа в археологии//Тезисы докладов на секциях посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
7. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
8. *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии//Типы в культуре. Л., 1979.
9. *Лебедев Г. С.* Археологический тип как система признаков//Типы в культуре. Л., 1979.
10. *Федоров-Давыдов Г. А.* Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус)//Математические методы в социально-экономических исследованиях. М., 1981.
11. *Шер Я. А.* Типологический метод в археологии и статистика//Доклады и сообщения археологов СССР. VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. М., 1966.
12. *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии)//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
13. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.
14. *Горский Д. П.* Понятие//Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
15. Диалектическая логика. Алма-Ата, 1987.
16. *Огурцов А. П., Юдин Э. Г.* Типология//БСЭ. 1976. Т. 5.
17. *Тульчинский Г. А., Светлов В. А.* Логико-семантические основания классификации//Типы в культуре. Л., 1979.
18. *Антипов Г. А.* Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.
19. *Карпович В. Н.* Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск, 1980.
20. *Генинг В. Ф.* Структура археологического познания. Киев: Наук. думка, 1989.
21. *Копнин П. В.* Логические основы науки. Киев: Наук. думка, 1968.
22. *Копнин П. В.* Гипотеза и познание действительности. Киев, 1962.
23. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1984.
24. *Бунятян Е. П.* Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников//Теория и методы археологических исследований Киев//Наук. думка, 1982.
25. *Добролюбовский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда//Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
26. *Гудим-Левкович А. Н.* Типологический метод в историко-археологическом исследовании//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1987.
27. *Битинас Б. П.* Системный подход к систематическому анализу данных//Математические методы в социологическом исследовании. М., 1981.

Институт археологии АН Украины,
Киев

A. N. GUDIM-LEVKOVICH

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF TYPOLOGICAL METHOD IN ARCHAEOLOGY

S u m m a r y

The author critically investigates methodological works formulating different ways ("strategies") of archaeological materials typological analysis. He makes an attempt to distinguish principal stages and trace common applicable to archaeology methodological categories. They are a problem putting, an initial hypothesis forming, a creation of indications set and forming a conception of a type. The scholar considers a significance of these scientific cognition stages in archaeological sources typology.

ОПИСАНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ ВЕЩЕЙ

Проблема, обозначенная в заглавии статьи, настолько актуальна, что ее рассмотрение можно начинать без обычного вступления и так называемой постановки вопроса. Начнем с определений.

Описание — это одна из непосредственных целей науки наряду с объяснением и предсказанием процессов и явлений действительности (которая составляет предмет изучения) на основе открываемых законов, т. е. в широком смысле — теоретическое опережение действительности [1, с. 323].

Описание в археологии играет заметную роль, но не настолько важную, чтобы им занимались специально. Описание конкретных вещей, памятников и древностей исподволь заменяют типологией. И эта обычная практика приводит к тому, что вместо описания и анализа данных читателю предлагают типологию изучаемых вещей: вместо материалов публикуют результаты их изучения. Несмотря на сходство, описание и типология как процедуры существенно различны: их различают и цели, и средства их достижения. В описании сведения о вещи предстают в уплотненном виде, в типологии — в обработанном и обобщенном. Столь необходимая для описания объективность и конкретность уходят в типологии на второй план.

Эта особенность археологической литературы не столько ее специфика, сколько ее характерная черта. Действительно, мир древних вещей велик, разнообразен и противоречив, а издательские возможности ограничены. В таких условиях разумно лишь одно решение: публиковать типологию вещей вместо самих вещей.

В том случае, когда другой исследователь захочет те же самые вещи рассмотреть в иной связи, их нужно будет заново описывать и толковать. Это и естественно, и вместе с тем противоестественно: хотелось бы, чтобы существовало такое представление о вещах, которое соответствовало бы самому миру вещей более, чем типология, пусть самая лучшая.

Нужны такие представления о мире вещей, чтобы без большого труда можно было бы вписать в них новые данные. Хотелось бы, чтобы картина мира не только соответствовала современным представлениям о нем, но и опережала их и содержала бы в себе элемент прогноза.

Описаниям наблюдений и данных в других науках, например в геологии, биологии, физике, химии, социологии и медицине, придают большое значение. Из анализа описанных данных вытекает диагноз и назначают лечение, на этой основе строят научные и технические прогнозы.

В перечисленных выше науках для описания существуют словари-классификаторы, терминологические словари-справочники, инструкции и разработки [2]. Подобные разработки есть и в археологической литературе [3—5]. Это относительно новый жанр научной литературы. Следует признать, что описание древней вещи — работа нелегкая, долгая и трудоемкая. Полезность такой работы очевидна, и программы описания как жанр научной литературы имеют будущее. В этой связи можно было бы рассмотреть некоторые проблемы научного описания, подходы к нему, теории, критерии, язык, аналогии и т. д.

Описание, по самым строгим меркам, должно быть полным, точным и кратким [6, с. 46].

Такую сложную деятельность, как классификация, А. А. Любищев ставил в связь с описанием, полагая, что естественная классификация (отвечающая законам природы) есть органически свернутая система описания [6]. Именно в таком качестве (в ряду других) выступает классификация вятичских древностей, которую создал А. В. Арциховский [7]. По такому же принципу предполагали строить описание вещей авторы «Каталога анализов состава древнего стекла Восточной Европы и Закавказья» [8]. Опираясь на классификации предметов, можно не только описывать, но и называть каждый предмет. Наименование древних вещей — сложная научная задача. Называя бусы зонными, перстни решетчатыми, браслеты витыми 2×2, исследователь всегда надеется быть правильно понятым. Такие названия точны и однозначны, несмотря на всю свою условность и искусственность. Будучи принятыми, они существуют в научном языке как термины, принятые по соглашению.

Собственный положительный опыт археологии и аналогичный опыт других наук заставляет отказаться от идеи строить описание вещей, руководствуясь списком признаков. Подобный список признаков, будучи и упорядоченным, и нормированным, и наполненным жесткими значениями, исследователь меняет, переходя к новым задачам или к новым материалам [9]. Такой список тем не менее важен — он ясно очерчивает предмет исследования. Подобный список — скорее программа изучения, чем программа описания, и описанию вещей служит лишь частично.

Для описания вещей нужен иной список признаков. В его основе должны быть иной подход, иная концепция и иная теория, возможно, несколько теорий.

Понятие «признак» связано с информатикой. Признак — это элемент сходства и различия сравниваемых предметов, явлений и т. д. Информация исчезает тогда, когда исчезает разнообразие и, напротив, возникает, когда оно появляется. Признак — это единица так называемого информационного ряда, который в свою очередь выступает как длина программы, необходимая и достаточная для превращения одного объекта (явления) в другой объект (явление). Условие достаточности означает, что и информационный ряд, и длина программы имеют предел, т. е. достигают насыщения [10].

Упорядочивать нужно информационно насыщенный ряд признаков, разделяя его по характеру самих признаков. Действительно, одни признаки характеризуют форму предмета, другие — метрику или декор, третьи — материал и технологию, четвертые — сохранность, географию и хронологию и т. д.

Описание изучаемого предмета, рассматриваемого как некое органическое единство различных признаков, выступает как некоторая система, а соответствующие группы признаков — как подсистемы. С другой стороны, и группу однородных признаков не одного предмета, а серии разных, можно рассматривать системно: формы и формообразование древних вещей, древние технологии, древние материалы и т. д. Понимая описание как систему, и в каждой древней вещи, и в совокупности древних вещей можно усмотреть некоторые свойства систем — саморазвитие, самосохранение, саморегулирование; признавать как аксиому неравномерность развития частей системы во времени и в пространстве, более того, считать, что разные части системы имеют разный генетический фонд [11].

Правильному пониманию развития древних вещей помогает апелляция к теории развития и внимание к факторам и закономерностям эволюции [12]. Н. В. Моисеев показал, что эволюция свойственна всем существующим (и некогда существовавшим) мирам, что эволюционизм универсален в той же мере, в какой едины законы эволюции [13]. Законы эволюции исчерпывает дарвиновская триада: 1) изменчивость (стохастичность и неопределенность); 2) наследственность (зависимость настоящего и будущего от прошлого); 3) отбор — система правил отбора реального от возможного. Эта же дарвиновская триада лежит и в основе процесса самоорганизации системы.

Концепция универсального эволюционизма важна тем, что облегчает синтез естественнонаучного и гуманитарного знания; эта концепция позволяет вносить реальное, в том числе и гуманитарное, содержание в смысл триады [13, с. 55, 56].

Возрождение интереса к эволюционному учению и возвращение к его основам может показаться читателю эпигонством «новой археологии». Для успешного прорыва в понимании развития древних обществ «новая археология» использовала лишь некоторую часть учения. В эволюционной теории осталась большая неустраиваемая часть. Однако не в этом скрыта причина, определившая наш интерес к теории. Заметные изменения происходят в структуре археологического знания. Восстанавливая древнейшую историю человечества и историю народов, оставшихся до недавнего времени бесписьменными, наука нуждается в новой информации. Углубленное изучение вещей является одним из главных источников ее пополнения.

Для специалистов широкого профиля, для исследователей погребального обряда, этногенеза, социальной стратификации и археологических культур изучение вещей — первый, иногда лишь подготовительный этап работы. Вместе с тем уже давно древняя керамика, точнее, формы и декор глиняных сосудов, равно как и оружие, украшения и другие предметы, все чаще становятся предметом специального исследования. История вещей (их появление, сравнительно-историческое развитие и эволюционные превращения), обретая статус научной специализации, становится, по существу, новой областью приложения эволюционной теории. Следующая часть статьи предлагается вниманию именно таких специалистов, скорее вещеведов, чем специалистов широкого профиля.

Чтение сочинений А. Н. Северцова, И. И. Шмальгаузена, В. Н. Беклемишева, А. А. Любищева и Н. И. Вавилова открыло огромное сходство задач, стоящих перед археологией, с теми, которые некогда стояли перед биологией: установление факторов и закономерностей эволюции, создание представлений об организационной структуре мира (о низовых и верхних ступенях эволюции), изучение механизмов и конкретных путей сложения и эволюции видов, различение процессов видо- и формообразования; составление описания; группировка, систематизация и классификация наблюдений, создание общей теории.

Для археологии уточнения, расширение и углубление представлений о процессах формо- и видообразования, об эволюции, ее факторах и закономерностях столь же целесообразны. Подобную работу можно сделать своими силами [14, 15]. Есть и другой путь, науковеды называют его путем переноса идей [16]. Некоторые идеи, которые могли бы стать полезными для археологии, разработал И. И. Шмальгаузен. Кроме изменчивости, наследственности и естественного отбора — общепризнанных факторов эволюции, он отнес к их числу изоляцию, скрещивание, корреляцию, индивидуальную адаптацию и стабилизирующий отбор. Рассмотрим эти факторы.

Изоляция вида, пространственная, или географическая (и противоположное ей широкое расселение определенного вида), ставит его в различные условия существования, что кладет начало образованию географических форм, а их разграничение — исчезновению промежуточных форм. Некогда единый вид распадается на разновидности, которые, оставаясь родственными, приобретают резкие различия и развиваются в разных направлениях. Однако подобные процессы проявляются в основном на низовых ступенях эволюции: при образовании рас и разновидностей, в меньшей степени — видов [12, с. 38—46].

Из одной этой идеи можно извлечь немало полезного для оценки типологических наблюдений, когда необходимо учитывать родство вещей, сходство которых является предметом обсуждения. Полагая типологическими наблюдаемые местные различия, нужно учитывать эволюционную ступень их проявления.

Комбинация изменений. скрещивание, у простых и сложных организмов происходит по-разному. У простых вырабатываются положительные признаки организации, у сложных изменение одной лишь части может повлиять на це-

лостность и приспособленность; некоторые изменения могут оказаться благоприятными, особенно при изменении среды [12, с. 46—52].

И из этой идеи можно извлечь полезное. Во-первых, важно научиться и в дальнейшем всегда отделять вещи простые от сложных, поскольку не исключено, что и они, подобно простым и сложным организмам, развиваются по-разному. Во-вторых, по той же аналогии с организмами, широко распространенные типы вещей потенциально содержат в себе изменения, благоприятные для среды. Найти эти благоприятные изменения — значит понять причины или стимулы эволюции на отдельном ее отрезке. Взаимозависимость, корреляция развивающихся частей определяют правильность топографических, объемных, структурных и функциональных соотношений.

Сложные системы корреляций связывают организм в единое целое и не допускают заметных нарушений [12, с. 52—55].

Эволюция простых и сложных организмов подчиняется разным законам; сложные организмы эволюционируют с большей скоростью; чем сложнее организм, тем большую роль играет взаимозависимость частей, тем более заметна связь в изменениях разных частей, появление (зарождение, сложение и развитие) одной части (или органа) влечет за собой появление другого органа, находящегося с ним в корреляционной связи.

Следуя все той же аналогии: организм — вещь, нельзя не согласиться с тем, что сложные вещи изменяются быстрее простых, что изменение одной части неизбежно влечет изменение другой и соотношенность изменений исключает разрушение целостности вещи.

Признание морфогенетической корреляции заставляет приглядываться к более простым вещам и искать в их некоторых деталях зародыши тех частей, которые есть у вещей более сложных.

Индивидуальная адаптация (как всегда у И. И. Шмальгаузена, — организма) предполагает высокую степень приспособленности к окружающей среде и согласованную реакцию на воздействие внешней среды. Адаптивная модификация как свойство возникает на базе исторически выработавшейся наследственной структуры, более того, эта структура должна быть очень сложной, чтобы адекватно реагировать на изменения внешней среды. Функциональные преобразования органов (животных) всегда целесообразны и являются следствием длительной истории организмов, первоначальные же изменения, напротив, грубо структурные.

Индивидуальная приспособляемость и пластичность организма связаны между собой. Резкое изменение внешней среды становится условием множественных реакций (и появления большого числа новых модификаций на базе унаследованной нормы). *«Адаптивная модификация выступает в роли дифференцирующего фактора эволюции»* (курсив И. И. Шмальгаузена). В новой среде модификации приобретают положительное значение и становятся основой для развития новых признаков организма. Такой процесс в отличие от адаптивной реакции очень медленный [12, с. 55—64].

Чрезвычайное разнообразие древних вещей и их форм археологии принимают как данность. По всеобщему признанию, эта данность нуждается в преобразовании: выделение типов сокращает разнообразие, делая представления о вещах более емкими и крупными. Кроме безусловного упрощения дальнейших исследовательских процедур, сокращение разнообразия упрощает и саму исследуемую действительность. Опыт классической биологии заставляет в большей мере интересоваться разнообразием и различиями, поскольку через их правильное понимание и правильную оценку пролегает путь к пониманию того, что образование новых форм и образование новых видов — разные процессы и по существу, и по скорости течения, и по действию механизмов, и по роду самих механизмов. Более того, биологический вид (и археологический тип как его существенная аналогия) существует не только как морфологическое единство, но и как физиологическое, функциональное и экологическое единство. Следовательно, ар-

хеологический тип, взятый в связи с окружающей средой, можно соотносить с понятием «вид» в биологии.

Многие изменения, которые являются ответной реакцией на изменения внешней среды, укладываются в пределы биологического вида. Очевидно, что подобные изменения в вещном мире можно уложить в пределы археологического типа.

В тех случаях, когда адаптивную реакцию дополняет изоляция, наблюдаемые различия кажутся более значительными, они производят впечатление видовых различий, оставаясь по существу в пределах вида.

Завышенные оценки наблюдаемых изменений в древних вещах создают превратное представление об эволюционном процессе в их мире: изменениям, происходящим на уровне разновидностей, придается значение видовых.

Создается впечатление, что современная археологическая практика низвела понятие «археологический тип» на еще более низкий уровень, на уровень внутривидовых модификаций. Обилие и разнообразие данных, которые нужно обработать в каждом конкретном случае, прежде всего и провоцируют поиск «типов» даже там, где их нет, где могут быть лишь разновидности и еще более мелкие по значению группировки и объединения данных. К сожалению, внутри археологического знания нет исследовательских процедур, с помощью которых можно было бы исправить это положение. Очевидно, что нужны принципиально иные подходы и иные способы построения самого понятия «археологический тип».

Естественный отбор — генеральный фактор эволюции — имеет и частные формы, например стабилизирующий отбор. Эту форму отбора открыл И. И. Шмальгаузен. Стабилизирующий отбор выявляет преимущества установившейся нормы перед всеми отклонениями от нее. Стабилизирующий отбор преобладает в любой исторический момент с установившимися условиями существования, являясь стабилизирующим эффектом единого процесса естественного отбора [12, с. 64—68, 348—351].

При анализе изменчивости древних вещей исследователи очень редко отмечают действие стабилизирующего или естественного отбора. Модификациям, незначительным с точки зрения исследователя, не придают значения, более заметным и ярким придают значение несравненно большее, чем они того заслуживают. К сожалению, в археологии не существует правил оценки и замечаемых отклонений от нормы, и стабилизирующего значения нормы.

Норма выступает как нечто существенное, устойчивое, наследуемое, медленно изменяющееся. Это, видимо, своего рода «генотип» древней вещи. Норму можно было бы соотносить с понятием «археологический тип».

«Археологический тип» в таком случае выступил бы как понятие довольно высокого уровня обобщения, «очищенное» от частных и случайных изменений.

Такому «очищению» должен предшествовать учет всех наблюдаемых изменений признаков, их детальный анализ и обобщение. Подобную работу можно проделать двояко. В одном случае можно предпочесть метод индукции — от единичного к особенному. В другом — дедукцию, движение от более общего содержания к особенному и далее к единичному. В обоих случаях нужно пройти через особенное, которое занимает центральное место в философской триаде: общее — особенное — единичное.

Установить особенное, несмотря на кажущуюся простоту, трудно. Н. И. Вавилов писал, что углубление исследований привело к распылению понятия вида, введенного К. Линнеем, и к росту числа видов. Линнеевские виды дробят на подвиды, разновидности и расы [17, с. 10, 11]. Нечто подобное происходит в археологии с типами, которые некогда были выделены. По мере углубления исследования уточняют границы и время существования типов вещей, многие типы дробят на части и т. д.

Тогда же, в 1920 г., Н. И. Вавилов написал, что было бы целесообразно определять «разнообразие в линнеевских видах не числом описанных и возможных комбинаций, а *числом расовых признаков*, по которым различаются отдельные формы между собой» (курсив мой.— Ю. Щ.). «Параллельно дифференциации

необходимо искать пути *интеграции* наших знаний о разновидностях, расах и самих линнеонах (видах.— Ю. Ц.) ... На очереди перед исследователем растительного и животного мира стоит проблема выяснения закономерностей в проявлении полиморфизма, установления классов полиморфизма, так же как это было сделано в свое время в изучении неорганического и органического мира».

Явления полиморфизма, подмеченные при изучении форм растительного мира, Н. И. Вавилов интегрировал в закон гомологических рядов в наследственной изменчивости [17, с. 12]. Этот закон к нашей теме — описание — имеет прямое отношение: именно из описания видов, разновидностей и рас одинаковость рядов изменчивости — их параллельность и тождественность — становилась очевидной. Н. И. Вавилов описывал растения, группируя признаки в системы, достаточные для установления и различий, и сходства изучаемых растений.

В вавиловской практике описания, приведшей к открытию закона гомологических рядов изменчивости, для нас существенны два принципа: разделение признаков на системы и составление полного списка признаков (в каждой системе).

«Детальное исследование изменчивости многих различных групп и большое число новых фактов позволяют нам заново подойти к этой теме и свести все известные факты в форму общего закона, которому подчинены все организмы» — такую цель ставил перед собой Н. И. Вавилов. Начиная такую работу, он отметил: отдельные факты постоянной изменчивости известны; Ч. Дарвин, будучи приверженцем случайной изменчивости во всех направлениях, отдавал должное и регулярной изменчивости; о параллельной изменчивости родственных типов он впервые заговорил в 1865 г. [17, с. 27].

Опыт Н. И. Вавилова помогает планированию археологической работы: 1) изучать изменчивость близкородственных видов; 2) изучать изменчивость близкородственных родов (более высокий уровень систематики); 3) изучать изменчивость целых систематических семейств; как особые темы возникают: предсказание новых, неизвестных в настоящее время форм; изучение изменчивости не только внешней, но и генетической; изучение изменчивости в отдельных семействах; изучение закономерностей в изменчивости у высших и низших растений (сложных и простых организмов, в терминах И. И. Шмальгаузена); явление мимикрии и конвергенции, выведение формулы закона гомологической изменчивости [17, с. 27—51].

Работы, описанные Н. И. Вавиловым под № 1—3, ведутся в археологии постоянно, но скорее в скрытом виде, т. е. такие работы специально не поставлены и как научная цель не сформулированы.

Предсказание новых форм в условиях, когда не изучены или недостаточно изучены формы давно известные, может показаться излишним и праздным занятием. Однако подтвержденные предсказания, т. е. верный прогноз, есть один из немногих критериев проверки истинности суждения, логического построения гипотезы или теории. (В любых условиях вряд ли разумно пренебрегать возможностью установить истинность суждения или теории.)

Явления мимикрии, если вернуться к греческому корню *μιμικός* — подражательный, могут оказаться актуальными и для археологии: стремлением к подражанию нередко объясняют многие сходные явления в материальной культуре соседних регионов и эпох. Конвергенция — это схождение признаков, приобретение сходного строения, следствие существования в сходных условиях и одинаково направленного отбора [18]. Конвергенция языков, например, охватывает случаи развития сходных черт в силу территориальной близости и культурных связей, а не генетической связи. Мимикрия и конвергенция обозначают внешнее сходство при отсутствии родства (явления, достаточно распространенные в истории материальной культуры).

В настоящее время труднее всего изучать генетическую изменчивость предметов материальной культуры (задача № 5 по Н. И. Вавилову). Однако стабилизирующий отбор, по И. И. Шмальгаузену, формирующий генотип, можно исполь-

зовать для отыскания некоторого генотипа и следить за его изменчивостью и эволюцией. Это дело будущего, но начало его можно положить сегодня, тем более что такое понятие, как инвариант (неизменяемая часть явления), все чаще встречается в археологической литературе.

Несколько слов о формуле гомологических рядов изменчивости. Она чрезвычайно проста и состоит из двух частей. Одну часть составляют радикалы, они отличаются друг от друга видами (L_1, L_2, L_3 , и т. д.) и родами (G_1, G_2, G_3 и т. д.). Вторую часть составляет огромное число варьирующих различий, изменчивость которых сходна у близкородственных видов и родов. Различные признаки и степень выражения различий Н. И. Вавилов обозначал буквами латинского алфавита и индексов: a (a_1, a_2, a_3, a_4), b (b_1, b_2, b_3, b_4) и т. д.

Морфологические (и физиологические) свойства двух различных, но близкородственных видов одного и того же рода можно записывать следующим образом:

$$L_1(a + b + c + d + \dots),$$

$$L_2(c + b + c + d + \dots).$$

Радикалы видов и родов — это морфологические (и физиологические) комплексы, характерные для отдельных видов и родов. Если из всех признаков радикалы видов и родов были выделены правильно и альтернативные признаки с ними не смешаны, то результатом подобной «чистоты» и строгости является верная классификация, т. е. верное разделение на виды и роды [17, с. 43, 44].

И далее Н. И. Вавилов пишет, что «понятия „виды“ и „роды“ условны, это только схемы ... но без „систем“ и „схем“ невозможно понять явление полиморфной жизни. Сама наука во многих отношениях является схематизацией явлений природы. Принятие вышеизложенной точки зрения на систематическое изучение изменчивости выглядит неизбежным» [17, с. 45].

Систематическое изучение изменчивости мира вещей, в частности, естественно сопряжено со схематизацией этого мира. Последовательный отказ от деталей последовательно приводит к более полному и целостному восприятию явления (процесса), к возможности интегрировать разнородные и разноплановые знания о предмете.

В описании зафиксированы такие признаки, разделив которые на радикалы, видовые или родовые, можно строить верные классификации. Следовательно, само описание должно быть строго организовано. (Особые требования возникают к словам, употребляемым для описания; предпочтительно однозначным, взятым из литературного или научного языка, диалектизмы и профессиональный жаргон мало подходящий для этих целей.)

Составлению словесного описания вещи предшествует ее ориентация, сегрегация и дифференциация [19]. Правильно ориентировать вещь — значит расположить ее в пространстве согласно принятым правилам: резец, стрелу, копье — острием вверх; меч, кинжал — острием вниз; топор, нож, пилу — лезвием вниз и т. д.

Сегрегация, или разделение, предполагает деление вещи на части, или конструктивные элементы. Например, сосуд подразделяют на тулово, венчик, горло, дно, поддон и т. д.; нож — на клинок и рукоять; клинок в свою очередь делят на полотно, лезвие, спинку и т. д.

Конструктивные элементы подобно понятиям подразделяют на основные и дополнительные. Конструкцию вещи можно называть простой, если она состоит из основных элементов, и сложной, если в нее включены элементы дополнительные. Такое разделение, как показал И. И. Шмальгаузен, важно, поскольку эволюционные возможности и сама скорость эволюции у простых и сложных конструкций разные.

Простые конструкции иногда можно разделить на три-четыре класса. Каждый класс включает в себя, кроме основных и существенных, еще один или два конструктивных элемента. Например, существенные элементы сосуда — край,

тулово и дно — можно дополнить венчиком и горлом и получить четыре класса сосудов (сосуд-основа, сосуд с венчиком, сосуд с горлом, сосуд с горлом и венчиком). Все известные сложные формы сосудов с ручкой, поддонами, ножками, носиками можно объединить в 60 классов и т. д. Все мыслимое конструктивное разнообразие сосудов можно объединить в 128 классов [20, 21]. Сосуды, входящие в такие классы, имеют по одной (одному) ручке, ножке, носику, горлу. Сосуды с двумя, тремя (и более) ручками, ножками и т. д. должны бы составить подклассы.

Дифференциация предполагает различение каждого конструктивного элемента по форме. Например, тулово сосуда может быть округлым, граненым, плоским, фигурным; уточняя эти понятия, на следующем уровне описания можно употребить геометрические термины: шаровидное (шарообразное, сферическое), коническое, цилиндрическое; четырех-, шести-, восьми-, многогранное; круглое, квадратное и т. д.

Следующие уровни классификации объемлют, следовательно, формы отдельных элементов. Обобщенная характеристика тулова разделяет сосуды каждого класса и каждого подкласса на семейства (округлых, граненых и т. д.), следующий уровень объединяет сосуды одного рода, у которых тулово просто шарообразное, цилиндрическое, коническое или сложной, составной формы. Форма остальных деталей определяет, очевидно, виды (или группы), различая, видимо, более мелкие систематические группы. Таким путем формируется понятие «морфотип», отличное от понятия «археологический тип». Морфологический тип (морфотип) включает в себя данные о конструкции и форме конструктивных элементов. Археологический тип — сведения о форме, декоре, материале, технике и функции вещи.

Описание каждой части сосуда (впрочем, и всех других археологических категорий) организовано иерархически. Каждый иерархический уровень содержит только соподчиненные понятия, которые можно объединить в колонки. Порядковый номер колонки соответствует мере обобщения информации. Подобная система записи называется матрицей, а самая классификация — матричной (таблица).

Хотелось бы специально подчеркнуть, что здесь приведен пример классификации морфологических характеристик, в основе которой — качественные признаки. В классификацию качественных признаков с целью ее уточнения нередко вводят мерные признаки и их отношения: пропорции сосуда, степень «открытости» и т. д. Именно такой прием следовало бы относить к числу запретных.

Метрика сосудов и соразмерность его частей — это отдельная характеристика сосуда, для фиксации и изучения которой нужны измерительные инструменты или приборы, специальная обработка и форма представления результатов. Одинаковая метрика и соразмерность может быть свойственна сосудам разных типов и, наоборот, разная — одним и тем же. Справедливости ради замечу, что изучение самой метрики (высота, диаметр сосуда и отдельных его частей), ранжирование метрических данных и поиск модуля должны предшествовать изучению соотношений, т. е. соразмерности. Форму и метрику нужно сначала изучить и классифицировать порознь и лишь затем связывать воедино.

Описание (и классификация) (напомню, что, по А. А. Любищеву, классификация — это свернутое описание) можно проверить, приложив к ним закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Наименование: тулово шарообразное, эллипсоидное, биконическое, бипирамидальное — это своего рода радикал археологического типа, а слова «усеченное сверху», «усеченное снизу», «усеченное дважды» — гомологический ряд.

Обобщенное название тулова (округлое, ребристое, бугристое) можно считать радикалом рода, и тогда шарообразные, эллипсоидные, цилиндрические, конические и т. д. (со всеми деталями формы) выступают в виде гомологических рядов в наследственной изменчивости рода.

Матричное описание (матричная классификация) сосудов

Тулово

1. округлое	1. шар	1. усеченное	1. изогнутое
2. граненое	2. эллипс	2. усеченное дважды	2. с шейкой
3. ребристое	3. цилиндр	3. вогнутое	3. с валиком
4. бугристое	4. конус	4. ровное	4. с шейкой и валиком
5. плоское	5. конус расходящийся	5. закругленное	5. без шейки
6. винтообразное	6. биконус	6. заостренное	6. с выемкой
7. составное	7. куб	7. со срезанными вершинами	7. с пазом
8. растительное	8. призма	8. с закругленными вершинами	8. дополненное другой формой
9. зооморфное	9. пирамида	9. с вогнутыми вершинами	9. с перехватом
10. антропоморфное	10. пирамида расходящаяся	10. особое	10. с зубцами
11. архитектурное	11. бипирамида	11. правильное	11. с лопастями
12. астральное	12. линза	12. неправильное	12. рельеф
13. предметное	13. яйцо		
	14. глобоид		
	15. груша		
	16. сложный профиль		
	17. круг		
	18. дуга		
	19. розетка		
	20. треугольник		

Правильно (т. е. «чисто» и строго) выделенные радикалы приводят к правильной классификации и верному разделению на виды (в нашем случае — археологические типы) и роды [17, с. 43, 44]. «Чистота» и строгость выделенных радикалов может служить критерием истинности (правильности) предлагаемой классификации. Правильная классификация выступает в свою очередь гарантом качества описания.

Сам гомологический ряд, его длина и устойчивость могут стать выражением степени близкого или далекого родства.

Рассмотренные принципы и подходы, но не только эти, легли в основу описания и классификации морфологических признаков многих категорий древних вещей. Подобным образом представлены морфологические характеристики и изучены не только сосуды, но и бусы, оконное стекло и другие стеклянные изделия; кроме того, изучены ножи, топоры, изразцы, проколки, писала и т. д. Разработана морфологическая классификация не только отдельных категорий, но и целых функциональных систем [22]. Например, многие орудия и украшения, среди которых проколки, шилья, булавки, фибулы, сьюльгамы, пряжки и т. д., изготовлены из стержней. Другую функциональную систему составляют клиновидные орудия, среди которых топоры, ножи, кирки, клевцы, лопаты, лемехи, ножницы и т. д.

Для морфологической классификации материал, из которого изготовлен предмет, не имеет значения. Материал, технология и декор, так же как морфология и метрика древних вещей,— это подсистемы большой системы — древние вещи. Эти подсистемы изучают специально, с помощью специальных инструментов, методов и теорий. Более того, каждая такая подсистема и развивается, и эволюционирует в известной мере независимо.

Системный подход к изучению древних вещей заставляет помнить об основных свойствах системы и не забывать о законе неравномерности пространственной, хронологической и генетической в развитии системы.

Эволюция древних вещей — это процесс, который складывается из эволюционных процессов, протекающих в подсистемах, и выступает как некая совокупность эволюции. Эволюция каждой подсистемы разворачивается со своей скоростью, зависит от многих условий, стартует с разных уровней, имеет разные коэффициенты и т. д.

Концептуальное значение мы придаем относительно новому пониманию процесса развития, в котором принимают участие все, кроме неприспособленных (вместо прежнего понимания, что в процессе развития принимает участие наиболее приспособленные).

Развитие древнего вещного мира представляется в виде процесса, в виде широкого потока, в котором разные слои и течения движутся не только с разной скоростью, нередко обгоняя друг друга, но имеют разный характер: одни течения в отдельные моменты параллельные, другие вихревые. В силу столь закономерной и очевидной неравномерности самого процесса на разных его этапах выступают разные доминанты: то акцент стоит на материале, то на технологии, то на формах, то на декоре. Смена доминант и перемещение акцентов определяют закономерное течение эволюционного процесса [23]. Многие проявления, определяемые закономерностями, выражены морфологически, но морфологические признаки, будучи растворенными в археологическом типе, изучают вне классификации, вне системы разделения на подчиненные и соподчиненные признаки, вне нормированных программ описания. Морфологические признаки используют для выявления археологического типа, его местных и хронологических вариантов. Число археологических типов велико, но никто их не учитывает, не контролирует и не управляет их ростом. Впрочем, это вряд ли возможно на том высоком уровне дифференциации наших знаний о древних вещах. Дифференцированное знание учитывает все разнообразие форм и все сочетания признаков.

Предлагаемый путь, позволяя рассматривать сами признаки, переводит наши знания с комбинаторного уровня на иной, информационный. В отличие от бесконечных комбинаций признаков, само число признаков конечно. Информация выступает как некое поле производственных и технических возможностей, которые в полной своей совокупности и в сочетании с конкретными вещами составляют систему, которую некоторые исследователи называют техноценозом [24]. Техноценоз — это еще одно удобное понятие, которое помогло бы интегрировать наши знания о древних вещах и об истории древних производств и облегчило бы поиск закономерностей их развития.

Таким образом, от краткого, полного и точного описания через классификацию и эволюцию можно проделать путь от единичных наблюдений к общим представлениям о мире древних вещей, его эволюции и закономерностях.

Информация о древних вещах, единая по своему характеру, могла бы составить пусть большой и сложный, но единый информационный массив. Однако информация в настоящее время разделена на части для удобства пользования ею. Подобное разделение противоречит системному подходу, противоречит оно и историческому подходу.

Информационную деятельность понимают в настоящее время как часть внутренней структуры материального производства и науки. В настоящее время используют новый принцип информатики, в основе которого — функциональные формулы материальных объектов, процессов и документов информации. На этой основе создается функциональная научно-техническая информация о материальных объектах [22, с. 122, 123].

Предлагаемый нами путь описания и классификации информации о древних вещах, о древних материальных объектах — использование самого современного и самого нового подхода. Такой подход применяется и в других науках. По мнению специалистов, это мощный рычаг повышения эффективности и качества работ.

Успехи археологии чрезвычайно велики и значительны, однако и в таких условиях вряд ли целесообразно отказываться от средств, применение которых обещает повысить качество основной нашей продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БСЭ. Т. 17. М., 1974.
2. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1—3. М., 1988—1989.
3. Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда//Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983.
4. Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда/часть вторая///Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Вып. I. М., 1986.
5. Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
6. Любичев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: сборник статей. М., 1982.
7. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
8. Каталог анализов древнего стекла Восточной Европы и Закавказья с древнейших времен до XIII в./Ред. Хенсель В. и Янин В. Л. Рукопись. Хранится на кафедре археологии МГУ и ИНКМ (Варшава).
9. Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
10. Урсул А. Д. Проблемы информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975.
11. Субетто А. И. Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства)//Монография деп. ВНИИИС Госстроя СССР, рег. 5309 от 25.9.84. Л., 1983.
12. Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. Избранные труды. М., 1983.
13. Моисеев Н. В. Логика универсального эволюционизма и кооперативность//Вопр. философии. 1989. № 8.
14. Типы в культуре. Сб. статей. Л., 1978.
15. Klejn Leo S. Archaeological Typology//BAR. Oxford, 1982.
16. Розов М. А. Пути научных открытий (К критике научной теории Т. Куна)//Вопр. философии. 1981. № 8.
17. Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Л., 1987.
18. БСЭ. Т. 12. М., 1973.
19. Gardin J.-C. Code pour l'analyses des formes de poteries. P., 1976.
20. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.
21. Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Столярова Е. К. Морфология древностей. Киев, 1990.
22. Бреховских С. М. Основы функциональной системологии материальных объектов. М., 1986.
23. Кудрин Б. И. Исследования технических систем как сообщества изделий — техноценозов//Системные исследования. Ежегодник 1980 г. М., 1981.
24. Кудрин Б. И. Применение понятий биологии для описания и прогнозирования больших систем, формирующихся технологически//Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып. 3. Томск, 1976.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**DESCRIPTION, CLASSIFICATION AND EVOLUTION APPROPRIATES
IN ANCIENT SUBJECTS DEVELOPMENT**

S u m m a r y

The author proposes a new method of approach to ancient subjects classification. Its methodological base includes information science, general systems theory, functional systems theory (S. M. Brekhovskikh), theory of universal evolutionism (N. V. Moiseev); evolution appropriates and factors, worked out in detail by biologists (A. S. Severtsov, I. I. Shmalghauzen, N. I. Vavilov, A. A. Lyubishchev). The deductive and inductive method of approach to archaeological classification is grounded in the article: constructive — from the top, empiric — from the bottom; the author brings forward a new (for archaeology) concept — morphological type. This type helps to go from empiric variety of ancient subjects to genera and families. The classification is hard tied up with description, which has a basic significance. Such classification is adapted to computer data base (the author has information about successful experiments with proposed method).

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ С ПОЗИЦИЙ ПРАКТИКИ

Группировка массового материала по сходству и различиям — одна из стандартных процедур на начальном этапе исследования почти каждого археолога. Она дает возможность упорядочить исходный материал, позволяет через малые группы охватить пониманием большое множество, понять структуру составных частей изучаемого объекта, т. е. досконально понять изучаемый объект. Конечным ожидаемым результатом является распределение изучаемого множества объектов по типам, на которые в конечном счете возлагается надежда выявить хронологическое, географическое, а тем самым и культурное их распределение, т. е. создать аргументированную основу для исторических построений. Для выделения типов в практической работе археологов применяются методы классификации или типологии. Но, как правило, существо процесса каждого из этих методов в работах не раскрывается и практически восстановить, каким образом получен тип, не представляется возможным. Исходя из этого, кажется нелишним обратиться снова к существу каждого из этих методов и посмотреть, какие результаты каждый из них может дать. Опустим пока начальную стадию любой группировки — формирование признакового пространства. Сосредоточимся на сути методов, осуществляющих группировки.

Классификация. Построение классификаций требует строгого выполнения определенных правил: 1) на каждом уровне деления производится по одному основанию; 2) структура классификаций имеет иерархический порядок: в вертикальном ряду последовательность классов находится в отношении части к целому, множества к подмножеству, общего к отдельному, рода к виду; в горизонтальном ряду образуется последовательность непересекающихся классов объектов, классы находятся в связи тождества и различий, взаимоисключающих друг друга; 3) деление должно быть непрерывным, члены деления должны быть соподчиненными и непосредственно низшими по отношению к родовому понятию [1, с. 26—48].

Если последовательно выполнить все требования при большом количестве исходных признаков, являющихся основанием для деления, то на конечном результате мы получим энное количество индивидуальных объектов. Мы получим исчерпывающее знание о самом объекте и его сопряженности со всеми другими объектами, но мы не получим совокупности наиболее схожих и несхожих объектов, т. е. не получим искомого результата.

Типологический процесс протекает в обратном направлении. Каждый объект расписывается по выделенным признакам, и затем при помощи корреляции объектов формируются совокупности наиболее схожих объектов, тогда как между совокупностями пролегают границы различий. Этот метод позволяет выполнить искомую задачу — выделить тип.

Таким образом, метод классифицирования включает процесс, протекающий от общего к частному, т. е. от неорганизованного множества исследуемых объектов при помощи последовательного деления на основании выделенных признаков к отдельным индивидуальным объектам. На конечной ступени в один класс могут попасть объекты только тождественные.

В основе типологического метода лежит процесс, который протекает в обратном

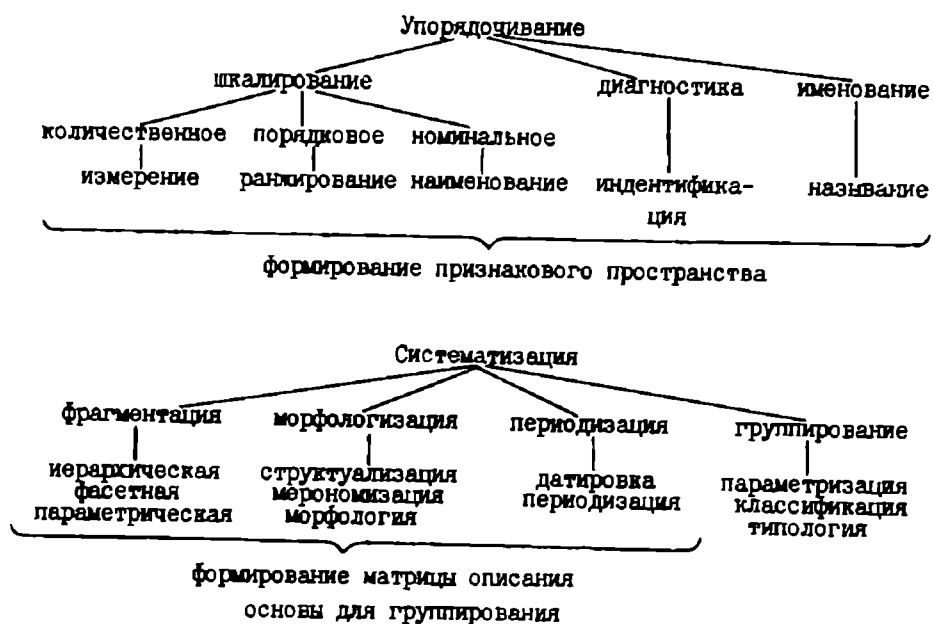

Рис. 1. Система упорядочивающих действий

направлении — от частного к общему, на основе признаков каждого индивидуального объекта к совокупностям объектов, сопряженными между собой связями сходства и различия. Абсолютно очевидно, что процессы эти противоположны и что классификация дать тип не может.

Сам термин «классификация» пришел в археологию из биологии, где он выполнял собственно классификационные задачи. Перед археологом стоит чаще всего несколько иная задача: в некотором множестве исследуемых объектов выделить группы наиболее схожих объектов, которые затем рассматриваются на предмет их синхронности или одновременности, территориальной распространенности и т. д., что ложится в основу каких-либо исторических выводов. Таким образом, классификация дает нам доскональное знание об изучаемом предмете, типология позволяет выделить типы, которые являются рабочим инструментом для решения различных исторических проблем. Тем не менее в нашем археологическом сообществе всякая группировка материала называется классификацией, и в этой связи заслуживает внимания еще один аспект, связанный с данным термином.

Термин «классификация» употребляется в двойственном значении: с одной стороны, в расширительном, распространяясь на все действия, связанные с разбиением и группировкой, и в узком смысле, касаясь процесса собственно классифицирования. Последнее время в литературе стал распространяться и еще один термин — «типологическая классификация», право на существование которого, с моей точки зрения, сомнительно, поскольку название объединяет в корне противоположные процессы. Тем более важным представляется обратить внимание на всю сумму процедур, связанных с группировкой массового материала, без которого археологического исследования быть не может, и определить точное место группировки, и в частности классификации и типологии, в общей системе упорядочивающе-систематизирующих действий, которую разработал и сформулировал петербургский системолог С. В. Чебанов [2, с. 133] (рис. 1).

На уровне упорядочивания мы работаем не с определенным объектом, а с признаками, раскрывающими его обобщенное содержание, выявляем соотношение признаков друг с другом, а также определяем, соотносима ли характеристика объекта с содержанием соответствующего понятия.

Диагностика — перечисление существенных свойств объекта, которые позволяют идентифицировать объект с рассматриваемым понятием. Для этого надо описать и охарактеризовать исследуемый объект, выявить зависимости, харак-

	Последовательность шагов анализа	Уровень УСД
Шаг 1.	Устанавливаем структуру такого явления, как погребальный обряд. Доступная археологам часть обряда включает: I. Могильная яма. II. Положение покойника. III. Помещение органических и неорганических включений в захоронение. IV. Сопровождающая посуда. V. Сопровождающий инвентарь	Уровень — систематизация; ступень — структуализация
Шаг 2.	Раскрываем составные части каждого подразделения структуры. I. Могильная яма: 1) форма ямы в плане; 2) форма ямы в профиле; 3) параметры ямы: а — длина, б — ширина, в — глубина; 4) дополнительные конструкции в яме: а — каменные, б — деревянные, в — земляные и т. д. [4, с. 92—109, приложение I]	Уровень — систематизация; ступень — фрагментация
Шаг 3.	Закрепляем выделенные признаки списком Подавляющее большинство признаков погребального обряда качественные, но параметры могильной ямы являются признаками количественными, где записаны абсолютные размеры, и они требуют определенной обработки	Уровень — упорядочивание; ступень — диагностика
Шаг 4.	Проводим внутреннюю группировку количественных параметров. На корреляционном поле сопоставляются данные о длине и ширине могильных ям	Уровень — систематизация; ступень — группировка; вид — параметризация
Шаг 5.	Полученные группы называем: ямы малые (детские), ямы средние — узкие, ямы средние — широкие, ямы большие — узкие, ямы большие — широкие	Уровень — упорядочивание; ступень — шкалирование; вид — именование
Шаг 6.	Данные по глубинам ям ранжируем по восходящей и находим границы между интервалами. В результате количественные признаки переведены в качественные	Уровень — упорядочивание; ступень — шкалирование; вид — порядковый
Шаг 7.	Создается корреляционная матрица признаков	Уровень — систематизация; ступень — меронимизация
Шаг 8.	Исследуются корреляционные связи признаков в изучаемом массиве (факторный анализ). Выявляются типобразующие признаки	Уровень — упорядочивание; ступень — диагностика
Шаг 9.	Создается матрица описания каждого погребения по признакам, являющаяся основой для любой группировки	Уровень — систематизация; ступень — морфологизация
Шаг 10.	Проведение кластерного анализа для получения наиболее схожих групп погребений в исследуемом массиве могильников. Наиболее оптимально, если это будет визуальная картинка [5, с. 148—152, рис. 1, 2]	Уровень — систематизация; ступень — группировка; вид — типология
Шаг 11.	Расчет и выведение в печать частостей признаков каждой из выделенных групп	Уровень — систематизация; ступень — группировка; вид — параметризация
Шаг 12	Описание характеристик выделенных групп и оценка полученных результатов с точки зрения логической целесообразности	Уровень — упорядочивание; ступень — диагностика

теризующие его структуру. Статистическим инструментом диагностики являются методы отбора диагностирующих признаков: регрессионный и факторный анализы, метод корреляционных плеяд, метод главных компонент и др.

Шкалирование. Осуществляя шкалирование, мы продолжаем работать не с конкретными объектами, а с их составными понятиями. Сюда включаются все действия с количественными данными составных частей объектов. Например, у

сосудов замеры всех диаметров и высот венчика, шейки, плеча, тулова, дна и т. д. Все расчеты с количественными данными признаков: средние, дисперсии, частоты и пр. Упорядочивание количественных данных осуществляется методом ранжирования, нахождением границ между интервалами, за которыми изменяется качество, затем называем эти интервалы, тем самым раскрывая их содержание, например у горшков выделяя горшки высокие, средние и низкие. Эта процедура проводится при переводе количественных данных в качественные.

Именованье — при затруднениях в выделении признаков и охарактеризовании какого-либо объекта или явления можно дать ему имя и затем сравнивать его по имени. Эта проблема возникает чаще при интуитивном восприятии предмета или явления и в археологической практике используется очень широко.

Все действия упорядочивания формируют признаковое пространство. На уровне систематизирования операции производятся с конкретными объектами и связаны как с собирательными, так и с разделительными понятиями.

Фрагментирование — разбиение объекта на составные конструктивные части. Например, у горшков это выделение конструктивных частей, образующих целую форму: губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово, дно, основание тулова. Такая неформальная интерпретация форм посуды принадлежит А. А. Бобринскому [3, с. 6]. В данном случае это фасетная фрагментация, где составные части равнозначимы, часть из них может присутствовать, а может отсутствовать. Иерархическое фрагментирование — это разбиение на соподчиненные составные части. Так, например, пряжки имеют три конструктивные части: рамку, язычок и обойму, но каждая из этих частей имеет свои особенности в деталях, которые являются устойчивыми хронологическими индикаторами. Поэтому у рамки следует фиксировать особенности передней и задней части рамки и соотношение толщины сечений их; у язычка — характер спинки, переднего и заднего конца, толщину сечения и т. д.

Морфологизация — рассмотрение внешнего, обобщенного устройства объекта, не вдаваясь в глубину (технология, семантику и т. д.). Создание матрицы описания объектов на основе структуры относится к структуализации, а создание матрицы объектов на основе признаков — к мерономии.

Что такое периодизация, пояснять не нужно. Таким образом, на уровне систематизации создается матрица описания исследуемых объектов, являющаяся основой и для классификации, и для типологии.

Рассмотренные уровни на практике никогда не встречаются в изолированном виде, и в процессе проводимого анализа мы переходим с одного уровня на другой и обратно, и порой трудно отделить операции друг от друга. Тем не менее важно ясно отдавать себе отчет в том, какие операции и на каком уровне мы осуществляем и каков их логический статус. Чтобы не оставлять все эти умозаключения голословными, попробуем на примере анализа погребального обряда грунтовых могильников проследить всю систему упорядочивающе-систематизирующих действий (УСД) (таблица).

На этом инструментальная часть анализа заканчивается. Следующий этап более высокого уровня — историческая интерпретация полученных результатов.

В заключение следовало бы поставить вопрос о разведении понятий в термине «классификация»: его узкого значения — собственно классифицирования по твердо установленным логическим правилам — и его широкого смысла — всех действий по группированию, заменив его конкретными понятиями определенной ступени упорядочивающе-систематизирующих действий. Мы понимаем, что термин этот настолько укоренился в научном сообществе не только археологическом, но и в других науках, что никакие призывы в ближайшее время успеха иметь не будут. И все же в практической деятельности следует отслеживать каждую ступень в последовательности производимых операций для того, чтобы не только читатель, но и сам исследователь осознавал, какую программу — классификационную или типологическую — он выполнил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
2. Мартыненко Г. Я., Чебанов С. В. Классификационные задачи в стилеметрии//Квантативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1988. Вып. 827.
3. Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкости глиняной посуды//Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1988.
4. Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
5. Никитина Г. Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры//РА. 1993. № 4.

Институт археологии РАН,
Москва

G. F. NIKITINA

CLASSIFICATION AND TYPOLOGY IN PRACTICE

S u m m a r y

Analytical archaeological works are basing on two procedures — classification and typology. They both are aimed to distribute investigating finds into groupes of the most similar objects. The author studies each of these procedures and comes to a conclusion that these processes are going in different directions. The classification is a process going *from general to particular*, i. e. from an unorganized great number of investigating objects to separate individual objects by the successive division on the base of distinguished indications. The typological process is going in an inverse direction, *from particular to general*, combining individual objects with its indications conjugate by ties of a similarity and a difference into combinations. The article takes a view of all the ways how to put in good order and systematize mass finds.

Публикации

О. А. АРТЮХОВА

КОШКУРГАН — МУСТЬЕРСКИЙ ПАМЯТНИК

В 1986 г. во время изучения Кошкурганского местонахождения плейстоценовой фауны было установлено, что слой аллювия на глубине 4—5 м содержит не только удивительный по своему богатству и разнообразию комплекс териофауны, но и великолепный набор каменных мустьерских артефактов¹. [1, с. 476, 477]. Эта находка имеет большое значение в связи с тем, что стратифицированных палеолитических памятников на территории Казахстана чрезвычайно мало.

Местонахождение Кошкурган находится на юго-восточной окраине одноименного поселка, в 18 км к северо-востоку от г. Туркестан (Чимкентская обл.). В геоморфологическом отношении оно (по данным А. В. Вислогузовой, В. Выломова, Б. Ж. Аубекерова, Б. И. Пинхасова) располагается в днище крупного понижения, открытого на юг. Его ступенчатые склоны имеют вложенный комплекс террас, самые древние из которых находятся значительно выше, чем верхнеплейстоценовая геоморфологическая поверхность, к которой приурочено местонахождение Кошкурган.

Материалом для выделения фаунистического комплекса послужили кости, выносимые на поверхность мощным водным источником у северо-восточной окраины средневекового городища. Палеонтологи Г. Д. Хисарова, В. С. Бажанов, Б. С. Кожамкулова определили отсюда остатки: *Canis lupus*, *Archidiskodon* cf. *Wüsti*, *Equus caballus* cf. *mosbachensis* Reich., *Equus hydruntinus* Reg., *Dicerorhinus kirchenbergensis* Jaeg., *Elasmotherium sibiricum* Fisch, *Paracamelus gigas* Schloss., *Cervus* sp., *Bison schoetensacki* Boj., *Gazella* sp., *Ovis* cf. *ammon*, *Struthio* sp. [2—7].

В последние годы уровень грунтовых вод понизился, источник перестал давать воду, и в 1986 г. появилась возможность заложить в центральной части пересохшего источника разведочный шурф размерами 2×2,5 м (рис. 1, а).

Геологический разрез Кошкурганского местонахождения, по данным Б. Ж. Аубекерова, можно представить следующим образом (рис. 1, б, сверху вниз):

 травертины светло-серого цвета ноздреватые, рыхлые; их мощность ~1 м;

 пески светло-коричневые тонкозернистые, часто содержащие современный мусор, со следами антропогенного перемешивания; мощность до 1,5 м;

 тонкозернистые пески, супеси, суглинки мощностью до 1,5 м с отчетливо различимыми на стенках шурфа каналами восходящих источников, заполненных хорошо отмытым тонкозернистым песком, костями и каменными артефактами. По положению устьев этих восходящих источников можно судить о периодическом изменении дебита родника;

 линза гравийно-галечниковых грубозернистых полимиктовых песков мощно-

¹ В исследованиях принимали участие геолог Б. Ж. Аубекеров (руководитель экспедиции), геоморфолог А. В. Вислогузова, археолог О. А. Артюхова, палинолог Ш. А. Жакупова, палеозоологи Б. С. Кожамкулова, В. Г. Коченов. В 1987—1988 гг. местонахождение посетили геологи Б. И. Пинхасов и В. К. Шкатова.

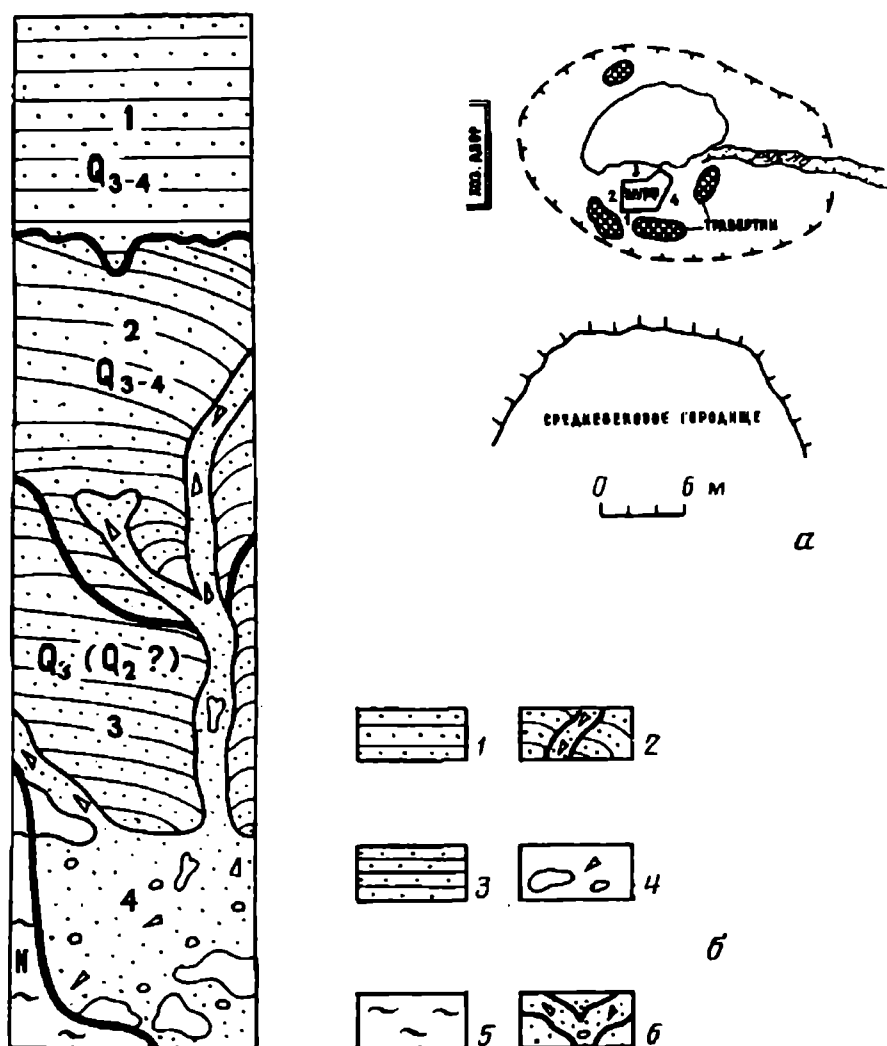

Рис. 1. Глазомерный план местонахождения Кошкурган (а); геологический разрез по разведочному шурфу мустьерского местонахождения Кошкурган (б) (составлен Б. Ж. Аубекеровым).

1 — травертины светло-серые; 2 — песок рыхлый полимиктовый светло-коричневый с признаками антропогенного перемешивания и современным мусором; 3 — тонкозернистые пески без следов антропогенного перемешивания; 4 — водоносная линза гравийно-галечниковых песков с костями и артефактами; 5 — глины, суглинки серые, зеленовато-серые дочетвертичные; 6 — жерла восходящих источников, по которым вода из водоносной линзы поступала на поверхность

стью ~1 м. Нижняя часть этого слоя сложена валунами, гальками, массивными артефактами, а также крупными костями;

неогеновые глины и суглинки серого и зеленовато-серого цвета.

Состав галечника достаточно уверенно может быть увязан с составом меловых и палеогеновых отложений, обнажающихся севернее пос. Кошкурган в бортах впадины. Вероятно, оттуда же были переотложены и относительно крупные обломки слабосцементированного кварцевого песчаника, жильного кварца и т. д.

Около 2 м³ отложений линзы помимо костей содержали 2219 каменных артефактов: 67 нуклеусов, 220 расколотых галек, 45 первичных сколов, 304 полупервичных, 488 отщепов, 18 пластин нелеваллуа, 4 чешуйки, 603 обломка, 385 орудий, 85 неидентифицируемых обломков орудий и изделий с нерегулярной ретушью. Артефакты не имели следов окатанности и длительной транспортировки, но подверглись сильному химическому выветриванию, избирательно воздействовавшему на разные породы. Типология, техника, состояние поверхностей артефактов не дают оснований предполагать их асинхронность.

Из окатанных обломков и галек белого жильного кварца изготовлено 39,3%

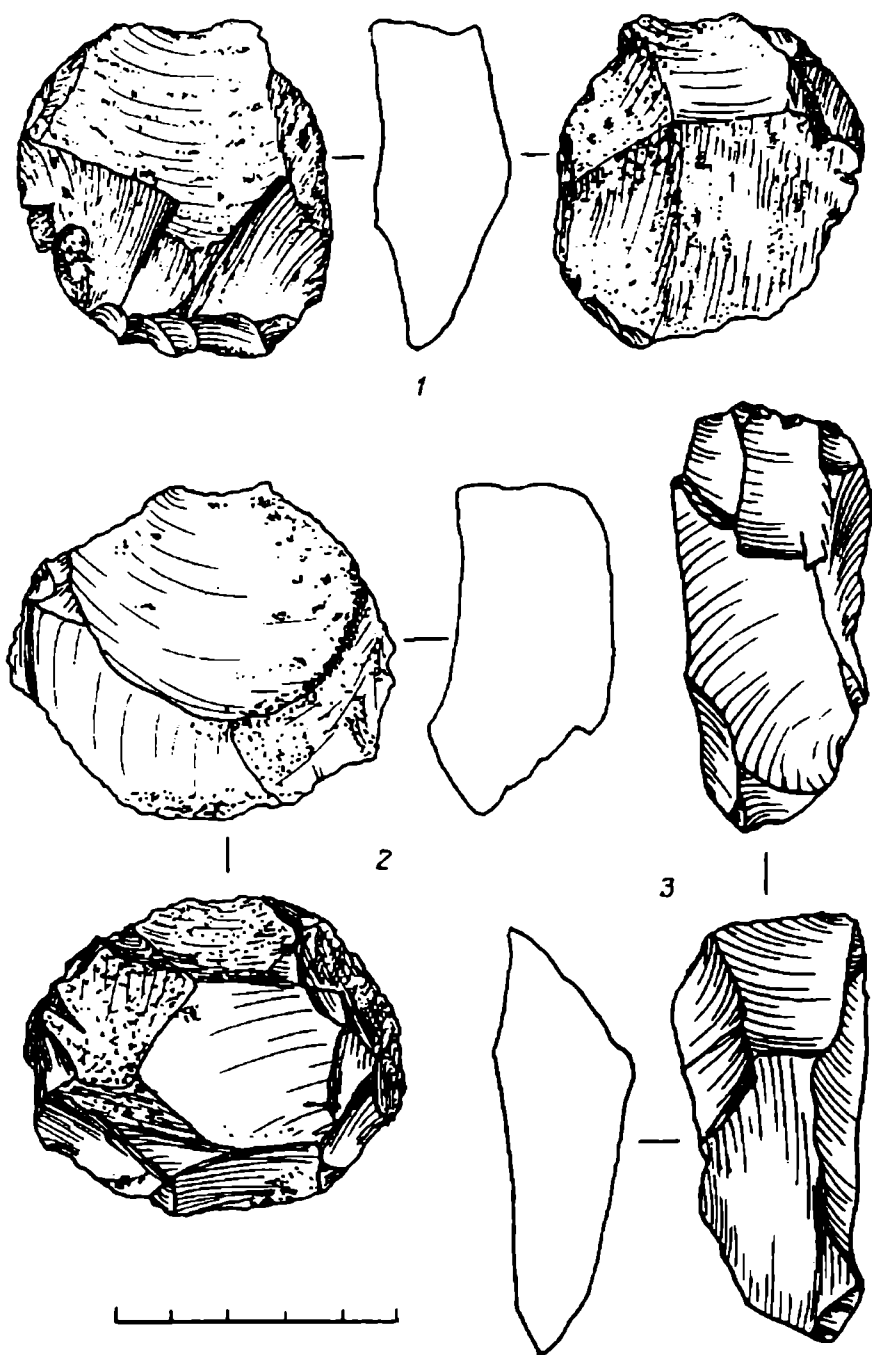

Рис. 2. Кошкурган. Каменный инвентарь.

1—3 — нуклеусы леваллуа (желтовато-серый кварцевый песчаник)

всех артефактов, в том числе 43% нуклеусов и 30,3% орудий; из обломков светлого желтовато-серого песчаника — соответственно 24,3; 7,1 и 33,9%; из галек пестроцветных кремнистых пород хорошего качества (яшмы, халцедона, кремня, кремнистого алевролита и др.) — 27,5; 40,0 и 26,8%; из галек мелкокристаллических эффузивных пород — 5,1; 7,1 и 6,3%; из сильновыщелоченного кремнистого аргиллита — 3,8; 2,8 и 2,7%.

Исходные формы и структурные особенности сырья предопределили разнообразие техники первичного раскалывания. Здесь широко представлена леваллуазская техника — 82% диагностируемых нуклеусов и 16,4% заготовок типологически определенных орудий. О практике радиального раскалывания свидетельствуют 4,7% орудий из остроконечников псевдолеваллуа (ретушированных и

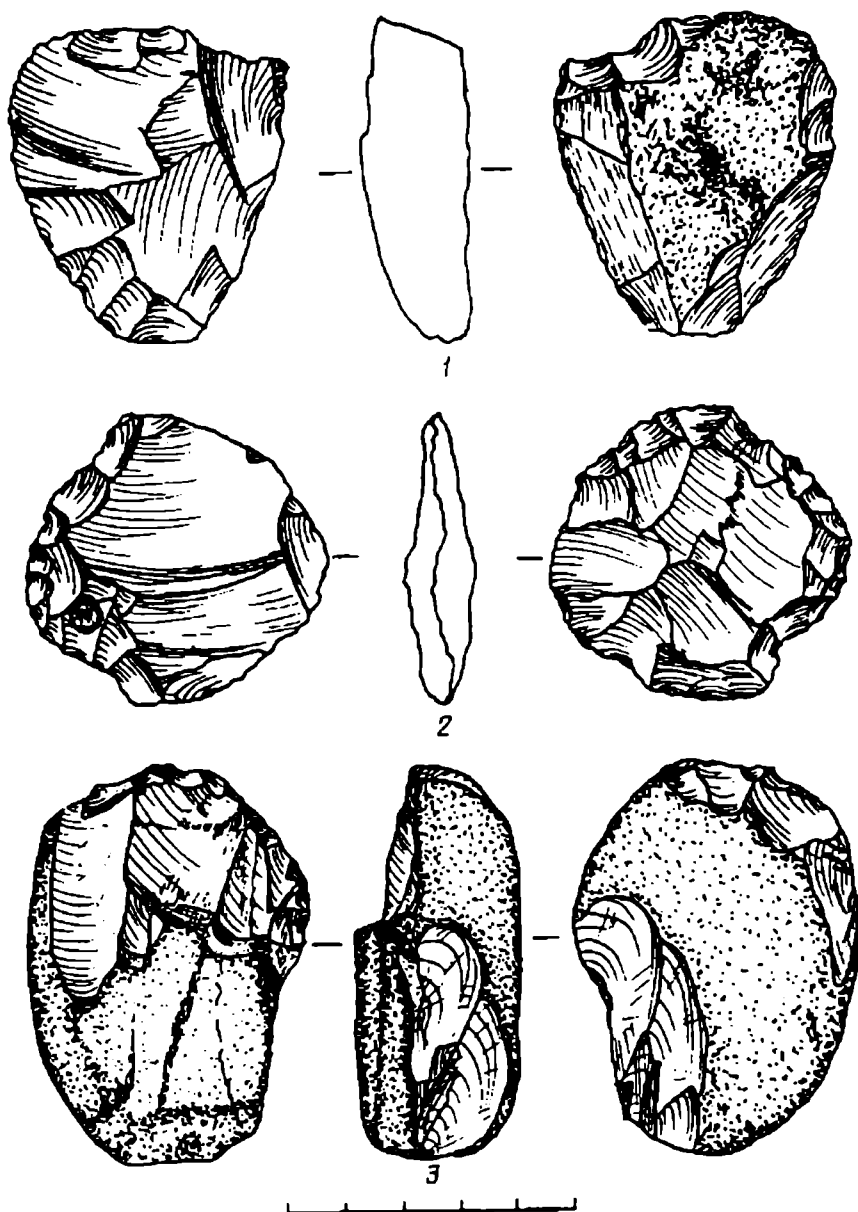

Рис. 3. Кошкурган. Каменный инвентарь.

1 — нуклеус леваллуа; 2 — дисковидное изделие, промежуточное между нуклеусом и бифасиальным орудием; заготовка нуклеуса из гальки. 1, 2 — светлый желто-серый кварцевый песчаник; 3 — кремнистый алевролит зеленовато-серый

нет). 6% орудий изготовлено из протопризматических пластин. Практиковалось и расщепление галек на ломти — «цитроны»; из них изготовлено 2,1% орудий; еще 22 скола такого рода не имеют вторичной подправки. 9,7% орудий изготовлено из галек (понтйская техника), причем типично галечные орудия единичны. Бифасиальная техника обработки применялась эпизодически; настоящих бифасов в коллекции нет. Один скол — бивентральный.

Определимых ударных площадок сколов-заготовок — 431, из них 166 у сколов, преобразованных в орудия. Преобладают гладкие площадки: корочные — 15,1% (у орудий — 18,7%), образованные одним снятием — 39,7 (39,1)%. Двухфасеточных площадок — 16 (9)%; 29,2 (33,2)% площадок можно отнести к фасетированным.

Из 67 нуклеусов коллекции только 29 являются хорошо диагностируемыми. Шесть нуклеусов можно назвать леваллуазскими типичными. Все они из песчаника. У них хорошо оббитая, сильноскошенная ударная площадка — средин-

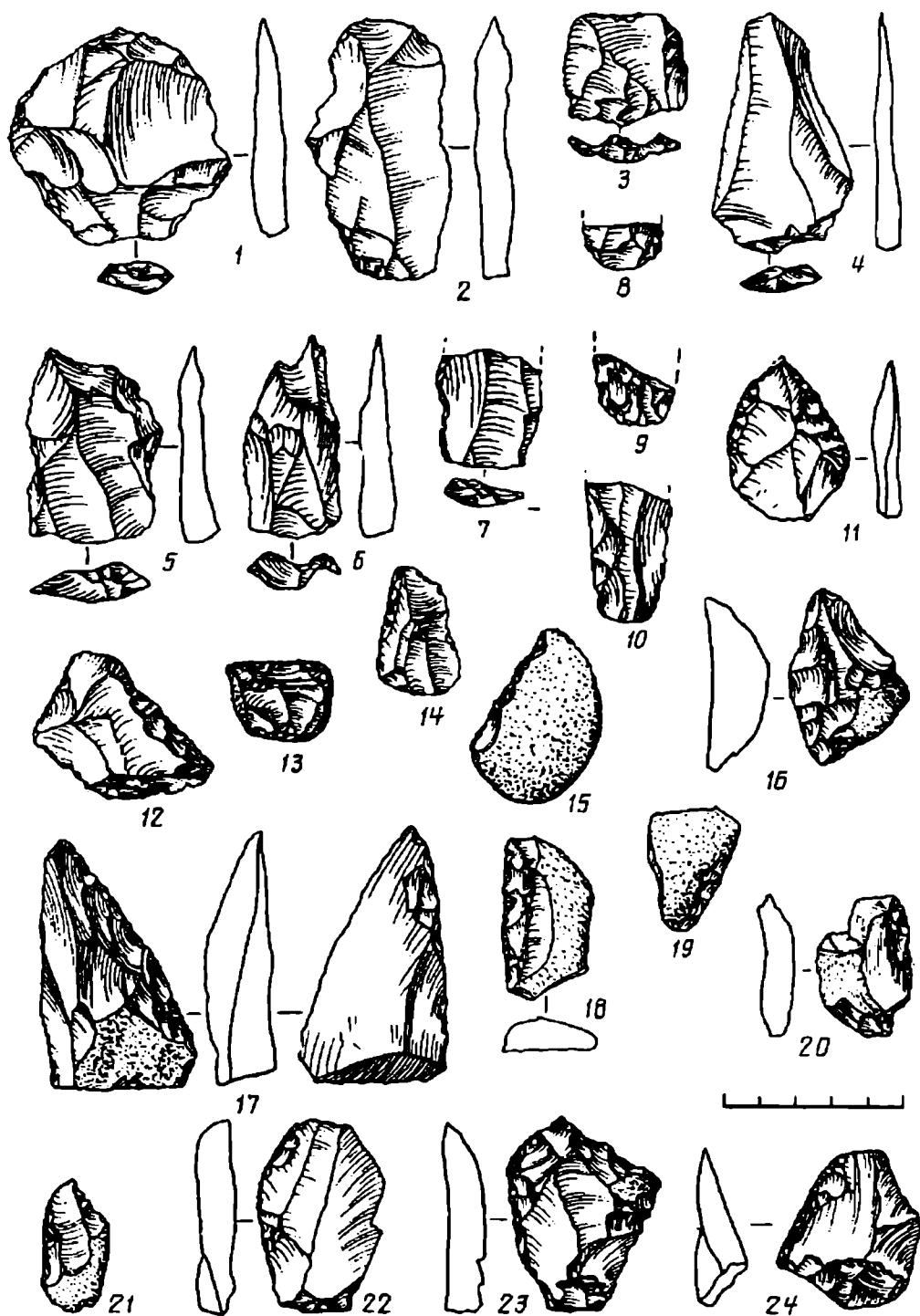

Рис. 4. Кошкурган. Каменный инвентарь.

1—3 — отщепы леваллуа типичные; 4, 5 — отщепы леваллуа атипичные; 6 — пластина леваллуа; 7—10 — проксимальные фрагменты пластин леваллуа; 11 — остроконечник мустьерский; 12—15 — скребла простые прямые; 16—24 — скребла простые выпуклые. 1, 4, 7, 14 — кварцитовидный песчаник коричневый и темно-серый; 2, 10, 11, 23 — эффузив коричневатого-черный; 3 — опаловидная порода; 5, 9, 16, 17, 22 — песчаник желтовато-серый; 6, 12, 19, 21 — кремнистая порода серо-коричневая, серая, желтоватая и др.; 8, 15 — кварцит светло-серый, желтый; 13 — кремнь светло-серый; 18, 24 — яшмовидная порода серо-коричневая; 20 — кварц белый

новыпуклая, дуговидная или уплощенная; сильновыпуклый, тщательно обработанный контрфронт. Латерали представляют ребра или грани, скошенные к контрфронту. Могут оставаться корочные участки в разных частях нуклеуса, если они не нарушают общей симметрии. Атипичные нуклеусы леваллуа (18 экз.) часто изготовлены из некачественного сырья, незавершены.

Односторонние одноплощадочные нуклеусы леваллуа (типичные + атипичные) представлены следующими формами: 1) черепаховидные плоские овальной и трапециевидной формы (2 + 8 экз.) (рис. 2, 1); 2) поперечно-овальные массивные (2 + 6 экз.) (рис. 2, 2); 3) нуклеусы для остроконечников подтреугольной формы (1 + 4 экз.) (рис. 2, 3); 4) треугольный нуклеус для пластин (рис. 3, 1).

Нуклеусы нелеваллуа более грубые: односторонние двуплощадочные плоские (3 экз.) размерами до 67×65×25 мм; один двусторонний двуплощадочный продольно-поперечный нуклеус (41×41×22 мм); миниатюрный нуклеус протопирамидальной формы (26×43×23 мм). Кроме того, к нуклеусам пока отнесены четыре нуклевидных обломка, два дисковидных и три овальных изделия, промежуточных между нуклеусами и бифасиальными орудиями (рис. 3, 2).

К односторонним одноплощадочным нуклеусам тяготеют изделия из галек, оставленные на разных стадиях обработки (11 экз.) (рис. 3, 3). 18 галек и обломков едва начали оббиваться.

Для изготовления орудий использовались самые разные заготовки: 1,2% орудий сделаны из нуклеусов, 9,7% — из галек, 6,1% — из первичных сколов, 21,7% — из полупервичных, 47% — из отщепов, 6,1% — из пластин, 6,7% — из обломков, 1,5% изделий обработаны бифасиально, исходную заготовку их определить трудно.

Орудия невелики: максимальные размеры 59,1% орудий находятся в пределах 3—5 см и только у 9,9% превышают 6 см. Значительная часть сколов-заготовок укороченных пропорций: индекс удлиненности 40—100 имеют 32% полупервичных сколов, 38,9% отщепов и 40,6% орудий; 100—150 — соответственно 49,9, 42,2 и 32,6%; 150—200 — 18,7, 18,9 и 19,6%; более 200 — 6,2% орудий.

Чаще всего применялась лицевая, реже — обратная ретушь. Преобладает ретушь чешуйчатая, но встречается и ступенчатая, и субпараллельная. Чаще всего ретушь глубокая, образующая зубчатую кромку; обычна краевая, редка распространенная. Размеры мелкие и средние, иногда встречается крупная ретушь и микроретушь. Крутизна ретуши различная у разных категорий орудий, но преобладает крутая и полукрутая. Единичны изделия с бифасиальной, противоположащей и чередующейся ретушью.

Обычны клектонские выемки — одиночные и смежные. Некоторые изделия, особенно из галек, изготовлены мелкой оббивкой. В редких случаях практиковалась подтеска основания, дистального конца или обушка орудия. Использовалось усечение оснований и концов, продольное рассечение заготовок. Резцовые сколы редки и нетипичны.

Формально орудия можно свести к 48 типам классификации Ф. Борда.

Орудий леваллуа 48 экз.: 3 типичных отщепа (рис. 4, 1—3), довольно тонких (I_m колеблется от 16,1 до 27,5); 1 остроконечник; 44 атипичных скола, включая 11 отщепов (рис. 4, 4, 5), 3 целых пластины (рис. 4, 6), 11 проксимальных (рис. 4, 7—10), 12 медиальных и 7 дистальных фрагментов пластин.

Остроконечников псевдолеваллуа без ретуши в коллекции 7 экз.

Остроконечники мустьерские (3 экз.) — небольшие и массивные (35—43 мм длиной, II от 106 до 184, I_m = 24—31), асимметричные, основания сужены ретушью, слегка утончены лицевой подтеской (рис. 4, 11).

Прямые боковые скребла (20 экз.) представлены 5 диагональными экземплярами, причем одно из них с зубчатым лезвием (рис. 4, 12), другое, из цитрона, с крутой ступенчатой ретушью полукина (рис. 4, 13). Два скребла изготовлены из сколов леваллуа (рис. 4, 14). У 9 экз. из тонких отщепов лезвие по острому краю подправлено пологой краевой ретушью. Три скребла из массивных обломков

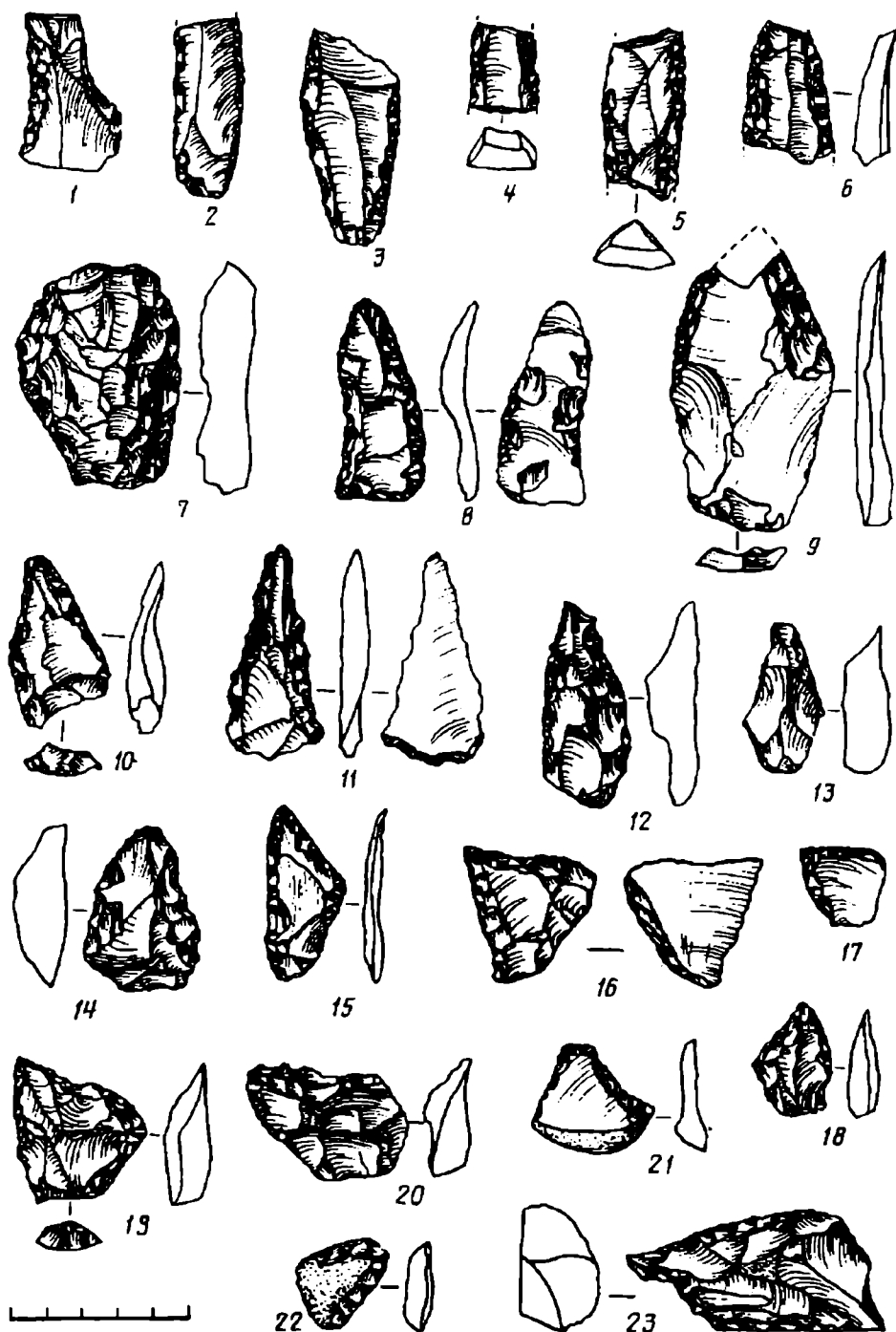

Рис. 5. Кошкурбан. Каменный инвентарь.

1 — простое вогнутое скребло; 2—7 — двойные скребла; 8—14 — конвергентные скребла; 15—23 — скребла угловатые. 1 — кварцит желто-коричневый; 2 — кремнистый аргиллит (?) темно-серый, сильновыщелоченный; 3, 16, 17, 23 — эффузив коричневатого-черного; 4, 21 — кварцитовидный песчаник серо-коричневый; 5, 12, 13, 18 — кремнистая порода желто-коричневая, светло-серая и др.; 6, 11, 15, 19, 20 — яшмовидная порода желто-коричневая узорчатая; 7, 22 — кварц белый; 8 — обсидиан коричневого; 9, 10 — кремний и халцедон коричневого; 14 — песчаник желтовато-серый

галеков имеют крутую глубокую ретушь по высокому краю. Тонкий краевой скол подправлен глубокой мелкой ретушью (рис. 4, 15).

Простые выпуклые скребла (49 экз.) делятся на подтипы: 1) кина — 2 экз. (рис. 4, 16, 17); у первого из них подтеской брюшка утончен обушок; 2) полукина: 4 экз. из довольно тонких заготовок со ступенчатой полукрутой ретушью (рис. 4, 18); 3 экз. — с ретушью ступенчатой пологой распространенной. Им у скребел

кина и полукина составляет от 26 до 52, почти все они из песчаника; 3) кареноидные скребла (6 экз.) — массивные (l_m — от 63 до 87), с сильновыпуклой дугранной спинкой, почти все из кварца. Ретушь отвесная ступенчатая (кина), глубокая; 4) скребла с тщательной пологой ретушью по тонкому ровному краю — 9 экз. (рис. 4, 19—21); 5) скребла с глубокой крутой не слишком регулярной ретушью по довольно массивному краю заготовок случайных форм (17 экз.); 6) три скребла из сколов леваллуа выделяются тщательностью полукрутой ретуши по ровному лезвию и заполированностью кромки (рис. 4, 22, 23); 7) пять скребел имеют сильноскошенное, почти диагональное лезвие: два из расколотых галек, три из одного куска желто-коричневой яшмовидной породы; у самого крупного из последних ретушь крутая ступенчатая (кина), у среднего пологая субпараллельная (рис. 4, 24), у самого маленького краевая микроретушь.

У *простых вогнутых скребел* (15 экз.) лезвия слабовыемчатые — длиной 15—54 мм при глубине от 1,5 до 7 мм. Четыре из них оформлены нерегулярной глубокой полукрутой ретушью на довольно массивном крае; у двух скребел микроретушь нанесена на острый край; девять скребел имеют регулярную крутую и полукрутую глубокую; иногда зубчатую (рис. 5, 1) ретушь.

Двойных скребел 19. 1 прямое, 4 прямовыпуклых, 2 прямовогнутых, 7 выпуклых, 5 выпукло-вогнутых. Совершенством отделки обоих лезвий отличаются скребла из тонких леваллуазских пластин ($l_m = 23—37$) с полукрутой краевой ретушью средних размеров (рис. 5, 2, 3) и из массивных протопризматических (?) фрагментированных пластин с ретушью крутой и отвесной, местами ступенчатой (рис. 5, 4—6). Еще три скребла изготовлены из фрагментированных пластин, но у них массивные края имеют хорошую крутую ретушь, острые — мелкую, не слишком регулярную. Совершенством обработки примечательно выпуклое скребло из кварца с крутой притупляющей ретушью по массивному краю и пологой приостряющей — по острому (рис. 5, 7). Остальные шесть скребел изготовлены из сколов случайных форм, имеют не слишком регулярную ретушь или обломаны.

Конвергентных скребел также 19: 1 прямое; 11 выпуклых; 7 вогнутых. Они делятся на группы: 1) тщательно отделанные плоские ($l_m = 17—37$) скребла из качественных кремнистых пород (6 экз.) напоминают остроконечники (рис. 5, 8—10), но ретушь у них довольно крутая, очертания асимметричные. У скребла из обсидиана (?) (рис. 5, 8) зубчатость края и подтеска вентральной поверхности выглядят случайными, ненамеренными. Зубчатость скребла на рис. 5, 11, напротив, тщательно отделана лицевой крутой ретушью по краям и обратной в основании; 2) напоминают тейякские острия зубчатые кареноидные формы скребел ($l_m = 42—63$) (7 экз.) с глубокой очень крутой, местами ступенчатой ретушью (рис. 5, 12, 13); 3) два скребла имеют более ровное лезвие с полукрутой ступенчатой ретушью полукина (рис. 5, 14); 4) у трех массивных изделий из халцедона с плоской спинкой массивные края несут отвесную субпараллельную ретушь.

Среди 26 *угловатых скребел* выделяются: тройное тонкое ($l_m = 20$) скребло типа хай лодж из узорчатой зелено-красной яшмы (рис. 5, 15); восемь скребел из остроконечников псевдолеваллуа отличаются очень острым углом схождения выпуклых и слегка изогнутых лезвий. Они довольно тонкие ($l_m = 15—26$), два из них изготовлены из первичных сколов подходящих очертаний частичной ретушью острия. Остальные тщательно оформлены крутой ровной (рис. 5, 16, 17) или глубокой зубчатой ретушью (рис. 5, 18—20); у шести скребел лезвия также сходятся под острым углом, но сочленяются по дуге (рис. 5, 21, 22). Здесь ретушь менее тщательна, чем в предыдущей группе; два крупных массивных скребла из очень коротких ($l_l = 46$ и 55) сколов, у которых выпукло-вогнутые лезвия сходятся под очень острым углом. Выпуклое поперечное лезвие несет крутую ступенчатую ретушь полукина, вогнутое — нависающую очень глубокую ретушь с заломами (рис. 5, 23); у шести скребел из аналогичных заготовок ($l_l = 61—82$, $l_m = 23—34$) выпуклые лезвия сходятся под углом, близким к прямому; ретушь очень крутая глубокая, местами ступенчатая; 3 скребла нестандартные:

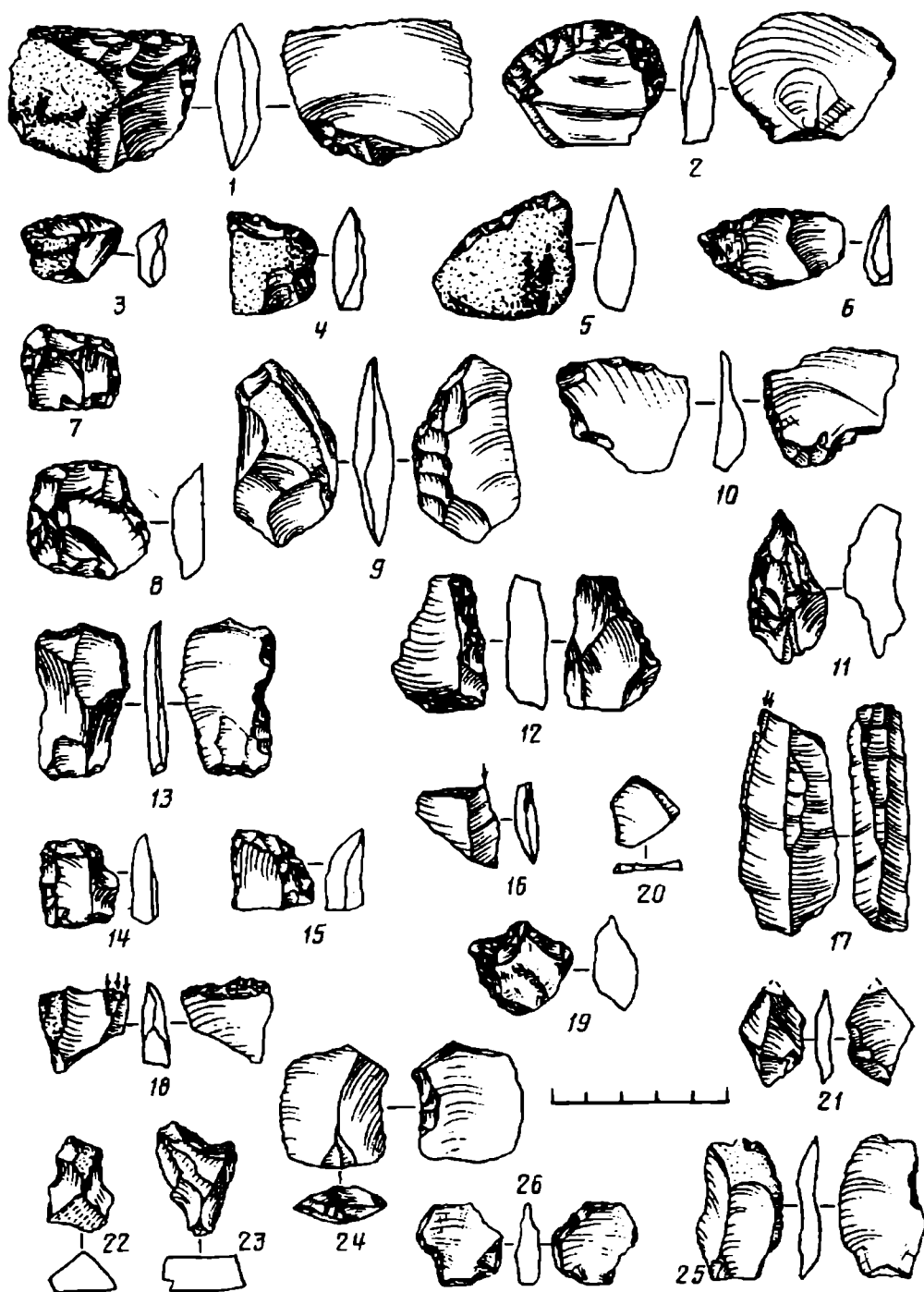

Рис. 6. Кошкурбан. Каменный инвентарь.

1—6 — поперечные скребла; 7—10 — скребла с брюшковой ретушью; 11 — скребла с крутой ретушью; 12, 13 — скребла с противоположной ретушью; 14, 15 — скребки; 16—18 — резцы; 19 — проколка; 20, 21 — скреблышки мустьерские; 22—26 — выемчатые орудия. 1, 5, 13, 18 — кремнистая порода коричневая, зеленоватая и др.; 2 — халцедон светло-коричневый; 3, 4, 6, 7, 11, 19, 23, 26 — кварц белый, розоватый; 8, 12 — кварцит коричневый, серый, желтый и др.; 9, 15, 16, 24 — песчаник светлый желтовато-серый; 10 — яшмовидная порода желто-коричневая; 14 — кремнь светло-коричневый; 17 — слоистая кремнистая порода коричневая; 20—22 — эффузив темно-серый и коричневый; 25 — песчаник темно-серый

удлиненное ($l = 124$, $l_m = 26$) с зубчатыми лезвиями, сходящимися под углом $\sim 100^\circ$; кареноидное ($l = 104$, $l_m = 56$) с плохой ступенчатой ретушью и прямым углом между лезвиями; очень массивное ($l_m = 47$), у которого вогнутые лезвия с отзесной ступенчатой ретушью сходятся под углом 80° в середине левого края.

Поперечные скребла: 2 прямых, 19 выпуклых, 2 вогнутых — почти все изготовлены из отщепов укороченных пропорций. К подтипу кина относятся 2 экз. — скребло из расколотой гальки с нависающей ретушью и почти диагональное из песчаника с подтесанным брюшком; четыре скребла — полукина из трапецевидных отщепов: три со скошенным изогнутым лезвием, одно прямое (рис. 6, 1); замечательное веерообразное скребло из халцедона — полукруглое лезвие тщательно выровнено очень пологой субпараллельной ретушью (рис. 6, 2); три скребла с мелкой ретушью из удлиненных заготовок ($l = 120-174$, $l_m = 34-44$); остальные скребла по характеру ретуши делятся на две группы: у 6 экз. лезвие ровное с полукрутой регулярной ретушью (рис. 6, 3-5), у 7 экз. — лезвие зубчатое с глубокой крутой крупной ретушью (рис. 6, 6).

Скребел с брюшковой ретушью 11 экз.: шесть скребел изготовлены из первичных сколов: одно лезвие очень выпуклое, поперечное с пологой ретушью; остальные скребла угловатые, с двумя, тремя (рис. 6, 7), четырьмя лезвиями (рис. 6, 8) с глубокой ретушью; боковое выпуклое скребло интересно ступенчатой ретушью полукина (рис. 6, 9); три остальные скребла из нестандартных заготовок: два боковых выпуклых (рис. 6, 10); боковое вогнутое; поперечное очень выпуклое.

Скребло с крутой ретушью — боковое выпуклое кареноидное ($l = 182$, $l_m = 73$) (рис. 6, 11).

Три скребла с утонченным обушком: боковое вогнутое типа кина, у него корочный обушок утончен вентральной подтеской. У двух прямых скребел с брюшковой ретушью обушок подправлен продольными сколами.

Одно скребло из массивного отщепа подправлено мелкой бифасиальной (нерегулярной) ретушью по острому краю.

Девять скребел с *противолежащей ретушью* представлены двойными, конвергентными и угловатыми формами. У двух скребел с конвергентными лезвиями (прямого и выпукло-вогнутого) повреждены концы (рис. 6, 12). Еще одно выпукло-вогнутое скребло из пластины леваллуа осложнено выемкой на дистальном конце (рис. 6, 13). У прямовогнутого скребла тщательная обратная ретушь вогнутого лезвия по тонкому краю, крупная зубчатая крутая — по массивному. У прямовыпуклого скребла ретушь пологая ровная. Конвергентные скребла (2 экз.) выпуклые: по острому краю ретушь пологая регулярная, по массивному — грубая зубчатая. Два угловатых скребла очень массивные; у одного лезвия сходятся под острым углом, у другого — под тупым.

Следующие по списку Ф. Борда — *скребки типичные*. Их 2 экз.: концевой на коротком пластинчатом отщепе с ретушированным левым и частью правого края (рис. 6, 14) и из дистального обломка массивной протопризматической пластины с выпуклым скошенным лезвием и подретушированными краями (рис. 6, 15). *Атипичный скребок* представлен сильновыпуклым ретушированным участком (17×5 мм) на конце скола псевдолеваллуа.

Резцов типичных также 2 экз.: на углу пластины леваллуа с усеченным ретушью концом (рис. 6, 16) и многофасеточный из остаточного протопризматического нуклеуса (рис. 6, 17). *Атипичный резец* изготовлен брюшковыми резцовыми сколами на углу обломка скребла (рис. 6, 18).

Проколкой с некоторой натяжкой можно назвать только трехгранный обломок кварцевого отщепа с выделенным лицевой ретушью жалцем на конце. Две *атипичные проколки* также из кварца. У одной жалце образовано обломом и лицевой выемкой; у другой (провертки) массивное жало выделено лицевыми ретушированными выемками (рис. 6, 19).

Ножей пока тоже только два: атипичный, грубый из-за кавернистости сырья, овальной формы, он имеет обушок, изготовленный обломом конца и крутой ретушью верхней части массивного правого края; выпуклое острое лезвие несет микроретушь утилизации.

Нож с естественным обушком изготовлен из очень длинного цитрона ($l = 333$). Лезвие извилистое острое с микроретушью утилизации.

Скреблышки мустьерские — 7 экз.: два стрельчатых из мелких обломков

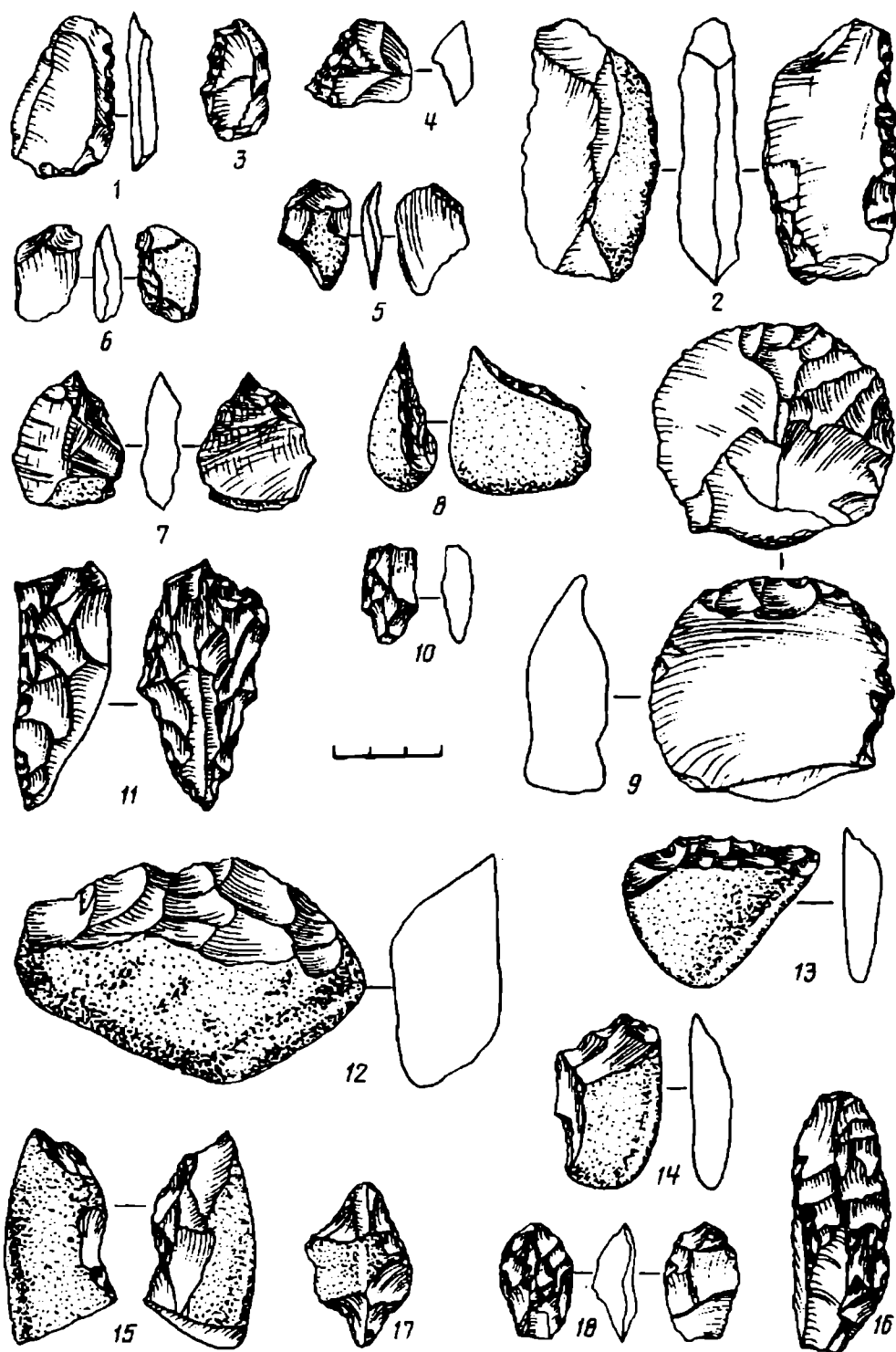

Рис. 7. Кошкурбан. Каменный инвентарь.

1—4 — зубчатые орудия; 5—8 — зубцы (клювы), выделенные противоположной ретушью; 9 — сечка; 10 — скребло с черешком (?); 11 — скребок высокой формы; 12 — чоппер; 13—15 — скребла из плоских галек; 16 — остроконечник типа кинсон; 17 — скребло с выемками; 18 — лимас (?). 1, 3, 4 — кремнистая порода темно-серая, желтовато-серая; 2 — эффузив коричневатого-серый; 5, 9 — слоистая кремнистая порода коричневая; 6—8, 10, 12 — кварц белый; 11 — песчаник черный; 13—15 — кварцит серый, коричневый и др.; 16 — песчаник желтовато-серый; 17 — кремнистый алевроит черный; 18 — яшмовидная серая порода

тонких отщепов (рис. 6, 20, 21), более крупный фрагмент тонкого отщепа имеет два участка с микроретушью — прямой и стрельчатый; у полупервичного отщепа лезвие прямое, у двух отщепов — выпуклое; миниатюрный обломок гальки (14×14×5 мм) имеет брыжковую микроретушь.

Для изготовления *выемчатых орудий* использовались заготовки самых разных форм и размеров. Восемь орудий представляют одиночные выемки длиной 10—15, глубиной 2—4 мм, с отвесной ретушью (рис. 6, 22, 23). У 10 орудий одиночные выемки длиной 9—21 и глубиной 2—3 мм оформлены полукрутой ретушью на остром краю (рис. 6, 24). Три орудия выделяются тонкостью заготовок, у них выемки длиной 8—14 и глубиной 2 мм подправлены мелкой пологой обратной ретушью (рис. 6, 25, 26). Четыре изделия несут по две симметричные выемки на краях массивных отщепов; шесть изделий — по три выемки длиной 2—10 и глубиной 1—3 мм.

Зубчатых орудий в коллекции сравнительно немного — 25 экз. Это семь орудий с регулярной правильной зубчатостью по острому краю удлиненной заготовки, образованной смежными выемками длиной 3—5 мм, реже до 10 мм, обычно с лицевой чешуйчатой мелкой полукрутой ретушью (рис. 7, 1, 2). Еще четыре орудия оформлены не столь тщательно (рис. 7, 3). Четыре массивных отщепа неправильных очертаний снабжены зубчиками высотой до 2 мм (рис. 7, 4); два изделия с шипами подправлены чередующейся ретушью по периметру изделий. У семи орудий неправильно-зубчатые участки образованы сочетанием обломов и глубокой ретуши. Два небольших (до 44 мм) артефакта из расколотых галек оформлены мелкими полукрутыми сколами. Последнее изделие этого типа представляет массивное острие — зубец с односторонней мелкой отвесной ретушью на конце кварцевой заготовки.

Зубцы (клювы), выделенные противоположащей ретушью (всего 15 экз.) представлены несколькими подтипами. У трех изделий небольшое острие образуется смежными выемками с противоположащей ретушью на тонком краю плоской заготовки. Режущая кромка длиной 2—3 мм составляет угол ~45° с поверхностью откалывания (рис. 7, 5). Еще три аналогичных изделия имеют кромку длиной 4—6 мм, дополнительно подправленную широким плоским сколом, параллельную нижней поверхности (одно из них из плоской гальки, другое из расколотой) (рис. 7, 6). Семь орудий из массивных обломков имеют выпуклую режущую кромку длиной до 13 мм, наклонную, подправленную одним или несколькими мелкими сколами от кромки (рис. 7, 7). Последнее острие из расколотой гальки напоминает проколку (рис. 7, 8).

По 1 экз. представлены: *сколы различного типа* с двусторонней прерывистой ретушью — обломок гальки с мелкой пологой ретушью по острому краю; *остроконечник тейякский* — из массивного отщепа с глубокой вертикальной ретушью краев и суженным намеренными обломами основанием; *треугольник с выемкой* — у него одна сторона намеренно обломана, другая подретуширована, выемка несет отвесную мелкую ретушь. Два *скола* с одиночными выемками на конце практически не отличаются от выемчатых орудий. Сечкой можно назвать изделие из округлого отщепа с чередующейся ретушью по краям и бифасиальной крупной ретушью на конце (рис. 7, 9). Нижний фрагмент массивного прямого скребла имеет суженное двумя лицевыми выемками основание — черешок (рис. 7, 10).

Скребки высокой формы (7 экз.) двух разновидностей: с широким лезвием и узкой базальной частью (3 экз.): два из массивных обломков неправильных очертаний, с мелкой отвесной ретушью и забитостью по кромке; третий каре-ноидной ($Im = 74$) — ретуширован по всему периметру (рис. 7, 11). У четырех изделий рабочий участок намного уже основания и составляет 15—23 мм по хорде, а в одном случае — только 5 мм.

Настоящим *чоппером* из трех изделий, отнесенных к этому типу, является, пожалуй, только изделие из плитчатой гальки с извилистым выпуклым лезвием, оформленным крутыми сколами (рис. 7, 12). Два других орудия мелкие, до 38 мм; нижняя поверхность образована галечной коркой, лезвие, тупое из-за дефектов сырья, занимает $\frac{3}{4}$ периметра.

Чоппингов только два: из клиновидной гальки длиной 135 мм с извилистым лезвием, сделанным на узком конце крупными сколами; другой с острым, но низким гребнем из кварцевой гальки (в коллекции есть еще несколько подобных изделий, но лезвия у них сходятся под тупым углом; они отнесены к заготовкам нуклеусов).

В группу «разные» вошли 20 изделий: четыре *скребловидных орудия* из плоских галек (рис. 7, 13—15); два *остроконечника* типа кинсон (у одного обломан конец). Одна грань изделий образована поверхностью откалывания заготовки, другая — продольным ее рассечением, третья, выпуклая, покрыта встречной крупной распространенной ретушью (рис. 7, 16). *Комбинированные орудия*: скребло из расколотой гальки с тремя выпуклыми лезвиями, отделанными противоположащей ретушью + шип-зубец; скребло шириной 78 мм — поперечное прямое с крутой субпараллельной ретушью + утончение обушка бифасиальной ретушью + утончение лицевой подтеской третьей стороны, образованной продольным рассечением + два клюва с очень острыми наклонными лезвиями, подправленными мелкими сколами от кромки на углах орудия; скребло боковое выпуклое + клюв; скреблышко + скребок; скребло выпуклое + выемка + долотовидное лезвие из трехгранного остаточного нуклеуса для пластин; поперечное выпуклое скребло + три клетонские выемки, создающие подобие черешка (рис. 7, 17); двойное скребло (дистальный фрагмент) + скребок + шип; фрагмент двойного скребла + усечение; отщеп леваллуа (дистальный фрагмент) + вогнутое усечение + проколка (сломанная) + скреблышко; фрагмент двойного или конвергентного прямовыпуклого скребла + скребок с рыльцем, оформленный мелкой обратной ретушью на месте ударной площадки. Кроме того, в этот тип входят оригинальные единичные формы: лимас (?) — плосковыпуклое миндалевидное орудие с бифасиальной ретушью (рис. 7, 18); долотовидное орудие ромбовидной формы со смежными рабочими участками; скребло с крутой ретушью по периметру массивного овального отщепа; бивентральный скол размерами 31×46×12 с параллельными осями раскалывания.

К группе *двустороннеобработанных листовидных орудий* отнесены условно три изделия: одна уплощенная симметричная заготовка из плоской гальки — основание корочное, одно ребро слабоизвилистое с бифасиальной плоской ретушью, другое образовано обломом по трещине в слоистой породе и ретушью. Две другие заготовки более массивные, неправильной формы, грубые, длиной до 44 мм.

Леваллуазская группа орудий у нас составляет 12,5%, мустьерская — 53,5%, верхнего палеолита — 2,6%, зубчатых орудий — 6,5%. $IA_t = I_{Au} = 0,3$; $IR = 50,9$; $IC = 18,7$, т. е. мы имеем мустье типичное с высоким шарантским индексом. IF strict составляет 16,4; IF large = 8,5, т. е. кошкурганская индустрия не может считаться леваллуазской, хотя эта техника здесь хорошо знакома. Индустрия не пластинчатая: I_{lam} strict = 18,4; I_{lam} large = 9,5; нефасетированная: IF strict = 29,2; IF large = 37,1. Около 18% скребел относятся к подтипам кина и полукина, в том числе 8,2% — кареноидные скребла.

Технические и типологические показатели позволяют отнести кошкурганскую индустрию к первой половине мустьерской эпохи, но не к самому ее началу. Геологический возраст мустьерского местонахождения Кошкурган определяется первой половиной — серединой позднего плейстоцена².

Среди мустьерских памятников Казахстана (мустье — леваллуа в Семиречье,

² Раскопки палеозоологов на этом местонахождении продолжались в 1987 и 1988 гг., но без археологического надзора и надлежащей археологической и геологической документации. В публикациях фаунистического материала [8—11] факт его совместного залегания с мустьерскими артефактами совершенно игнорируется. Часть полученных археологических материалов была передана В. Г. Коченовым автору, часть — В. С. Волошину [12, с. 3—12] и др., что лишает смысла их статистическую обработку.

Среди просмотренных автором материалов 1987 и 1988 гг. встречаются позднелевостолетические орудия; есть основания надеяться, что стратиграфия памятника усложняется по мере удаления от источника и Кошкурган может оказаться многослойной палеолитической стоянкой..

мустье ашельской традиции фации леваллуа в Северном Прибалхашье, мустье ашельской традиции в Юго-Западном Прибалхашье, мустье зубчатое в Сары-Арка), мустье типичное Кошкургана не имеет аналогов; его изучение имеет важное значение для понимания эволюции палеолитических культур в Казахстанско-Среднеазиатском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхова О. А., Аубекеров Б. Ж. Изучение палеолитических памятников Южного Казахстана и Семиречья//АО-1986. М., 1988.
2. Костенко Н. Н. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
3. Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962.
4. Хисарова Г. Д. Ископаемые кости млекопитающих из Кошкурганского грифона (Южный Казахстан)//Материалы по истории фауны и флоры Казахстана. Т. 4. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
5. Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
6. Кожамкулова Б. С., Костенко Н. Н. Вымершие животные Казахстана (Палеогеография позднего кайнозоя). Алма-Ата: Наука, 1984.
7. Кожамкулова Б. С. Позднекайнозойские копытные Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1981.
8. Коченов В. Г. Новое о фауне и стратотипе раннеплейстоценового кошкурганского фаунистического комплекса Казахстана//Теоретические и прикладные аспекты современной палеонтологии. Тез. докл. XXXIII сес. Всесоюз. палеонтол. о-ва. Л., 1987.
9. Коченов В. Г., Кожамкулова Б. С. Новые данные об *Elasmotherium sibiricum* Fischer von Waldheim из плейстоцена Казахстана//Алма-Ата, 1988.— Деп. в ВИНТИ 31.08.88, № 6777-B88 г.
10. Кожамкулова Б. С., Коченов В. Г. Кошкурганский верблюд *Paracamelus gigas* Schlosser (новые данные)//Изв. АН КазССР. Сер. биол. 1988. № 1.
11. Кожамкулова Б. С., Коченов В. Г. Корреляция фаун раннеплейстоценовых млекопитающих Казахстана и Молдавии//Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XXVIII МКК. Кишинев: Штиинца, 1989.
12. Волошин В. С. Мустьерская индустрия из Кошкургана//Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана
Национальной Академии наук Республики Казахстан,
Алма-Аты

О. А. ARTYUKHOVA

A MOUSTERIAN SITE OF KOSHKURGAN

S u m m a r y

The site Koshkurgan in the South Kazakhstan is known as the name of the Early Pleistocene faunal assemblage. Its first reconnaissance excavations took place in 1986. Numerous stone artefacts were found together with faunal remnants in the alluvium layer on the 4—5 metre depth. Technic and typological indexes show that the Koshkurgan stone industry belongs to typical non-Levallois, non-bladed and non-faceted Mousterian. This industry differs from the other Kazakhstan Palaeolithic sites by raw materials diversity and using pebble for production of various tools. An interpretation of Early Pleistocene (?) fauna and Late Pleistocene stone artefacts joint occurrence needs further elaborate investigations.

НОВАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МЕЩЕРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Стоянка Беливо 4А находится у д. Беливо Орехово-Зуевского р-на Московской обл. на левом берегу р. Нерская при впадении в нее р. Радомки и расположена на мысу боровой террасы высотой до 3,5 м. Она исследовалась в 1984—1985 гг. А. Е. Кравцовым и получила серию дат по ^{14}C , которая уже использовалась при разработке хронологии как отдельных групп памятников, так и мезолитических культур Волго-Окского междуречья [1—3; 4, с. 81]. Археологические материалы оставались, однако, неопубликованными. В этой заметке предлагается их краткая характеристика.

Площадь стоянки $\sim 1000 \text{ м}^2$; раскопано 209 м^2 . Стратиграфия (слои сверху вниз, мощность в см): 1) дерн — 2—6; 2) пахотный слой — 7—24; 3) рыжий песок — 7—35; 4) желто-серый песок — 50—70; 5) ниже рыже-бурый песок с ортзандами. Горизонт залегания находок мощностью 40 см связан со слоями 2 и 3. В слое 2 кремни встречались почти на всей площади раскопа (рис. 1, А)¹; в слое 3 они образовывали неправильной формы скопление $10 \times 4 \text{ м}$. В зоне максимальной концентрации находок с глубины 30 см прослежено подовальное темно-рыжее пятно 1 (370×150 — 260 см). Темно-рыжий песок заполнял западину в слое 4 глубиной до 22 см с неровным дном. У ее юго-восточного края располагалась яма ($160 \times 100 \text{ см}$, глубиной 45 см) с углистым заполнением — пятно 2. С севера к нему примыкала тонкая углисто-золистая линза — пятно 3. В 0,4 м южнее пятна 1 прослежено овальное ($125 \times 90 \text{ см}$) кострище в яме глубиной 40 см — пятно 4. Предположительно пятно 1 является остатками легкого наземного жилища с очагом (пятно 2) и очажным выбросом (пятно 3) на полу и с открытым кострищем (пятно 4) перед входом.

Кроме того, в раскопе прослежены еще 15 различных пятен (рис. 1, А). Пятна 5, 7, 12, 13 соответствуют мезолитическим кострищам, 17 — мезолитической хозяйственной яме. В кострищах (пятнах) 9 и 10 найдена лепная керамика; они оставлены при посещении площади памятника в эпоху бронзы. Остальные связаны с нарушением слоев корнями деревьев и позднейшими перекопами.

Методом ремонтажа устанавливается связь между скоплением находок, жилищем, пятнами 12, 13, 17, составляющими комплекс хозяйственно-бытовых объектов одного поселения. Между этими объектами и пятнами 5 и 7, находящимися вне скопления и содержащими лишь единичные кремни, связей не прослежено.

Публиковавшаяся ранее [2] серия дат получена в ГИН по образцам древесного угля из мезолитических пятен: 2 — 9550 ± 100 ; 3 — 8840 ± 110 ; 4 — 9940 ± 300 ; 5 — 8270 ± 50 ; 7 — 8770 ± 180 ; 17 — $9130 \pm 150 \text{ л. н.}$ Пятна 3 и 5 в различной степени повреждены распашкой, содержавшей в бороздах современный уголь; рядом с пятном 3 находилась костровая яма XIX в., почти достигавшая дном глубины его залегания. Это дает основание считать даты для пятен 3 и 5

¹ Расчет интервала к рис. 1, А по формуле $K = \frac{X_{\max} - X_{\min}}{1 + 3,2 \lg n}$, где K — интервал, $X_{\max}$ — максимальное, а $X_{\min}$ — минимальное количество находок на квадрат; n — число квадратов [5, с. 43].

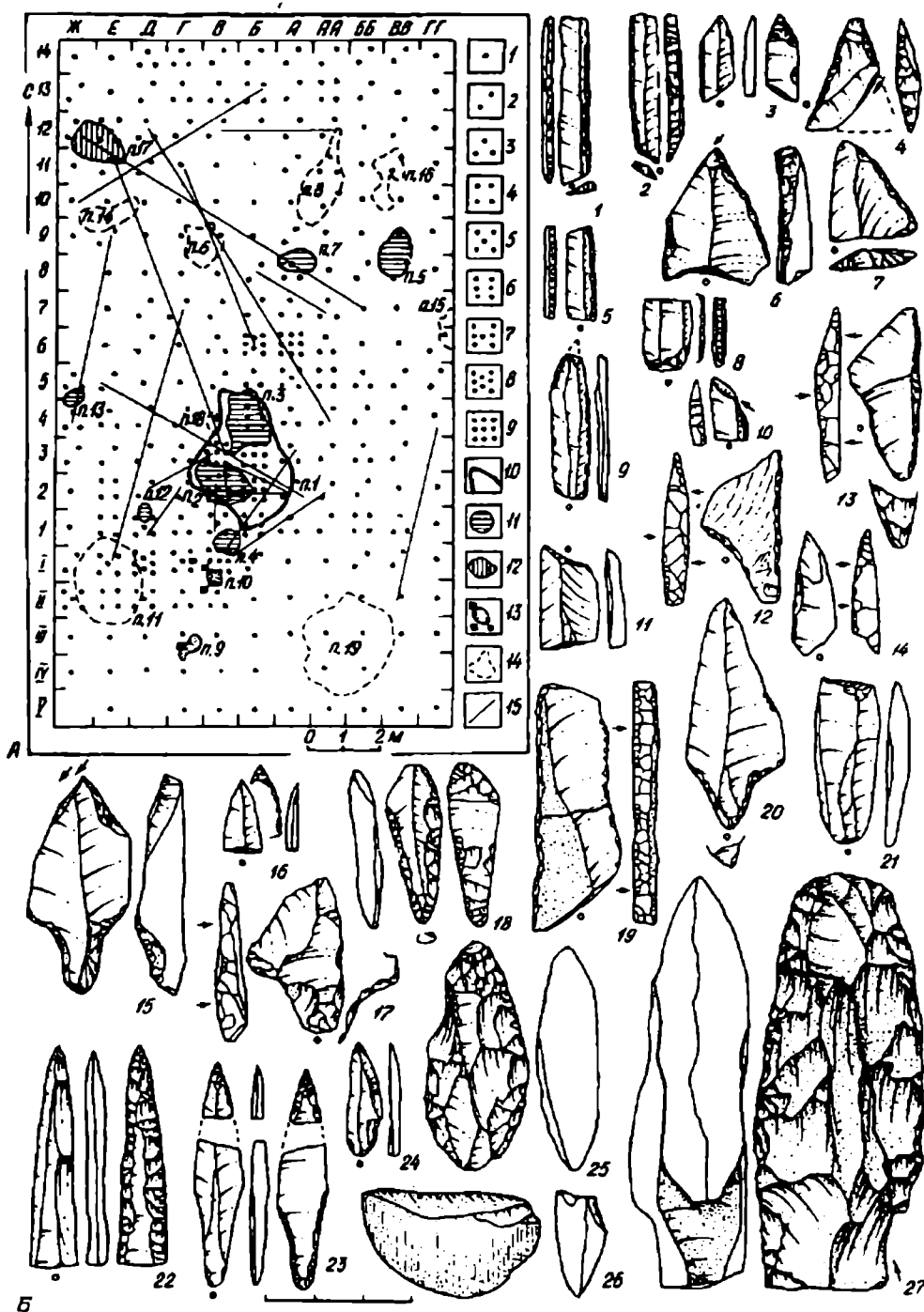

Рис. 1. А — схема раскопа. 1—9 — количество кремней на квадрате (1 — 1—6 экз.; 2 — 7—12; 3 — 13—18; 4 — 19—24; 5 — 25—30; 6 — 31—36; 7 — 37—42; 8 — 43—48; 9 — более 48 экз.); 10 — жилище; 11, 12 — мезолитические кострища и яма; 13 — кострища и керамика эпохи бронзы; 14 — нарушения слоя корнями, позднейшими кострищами и ямами; 15 — связи по ремонту; Б — 1—27 — кремневый инвентарь

омоложенными. Кроме того, отмеченная выше планиграфическая обособленность пятен 5 и 7 позволяет рассматривать их вне основного комплекса памятника и связывать с относительно поздними посещениями места уже заброшенного поселения. Таким образом, возраст основного комплекса стоянки наиболее верно должны отражать даты, полученные для пятен 2, 4, 17. Ориентировочно он определяется в диапазоне 9,0—9,6 тыс. л. н., что соответствует концу пребореального — началу бореального периодов.

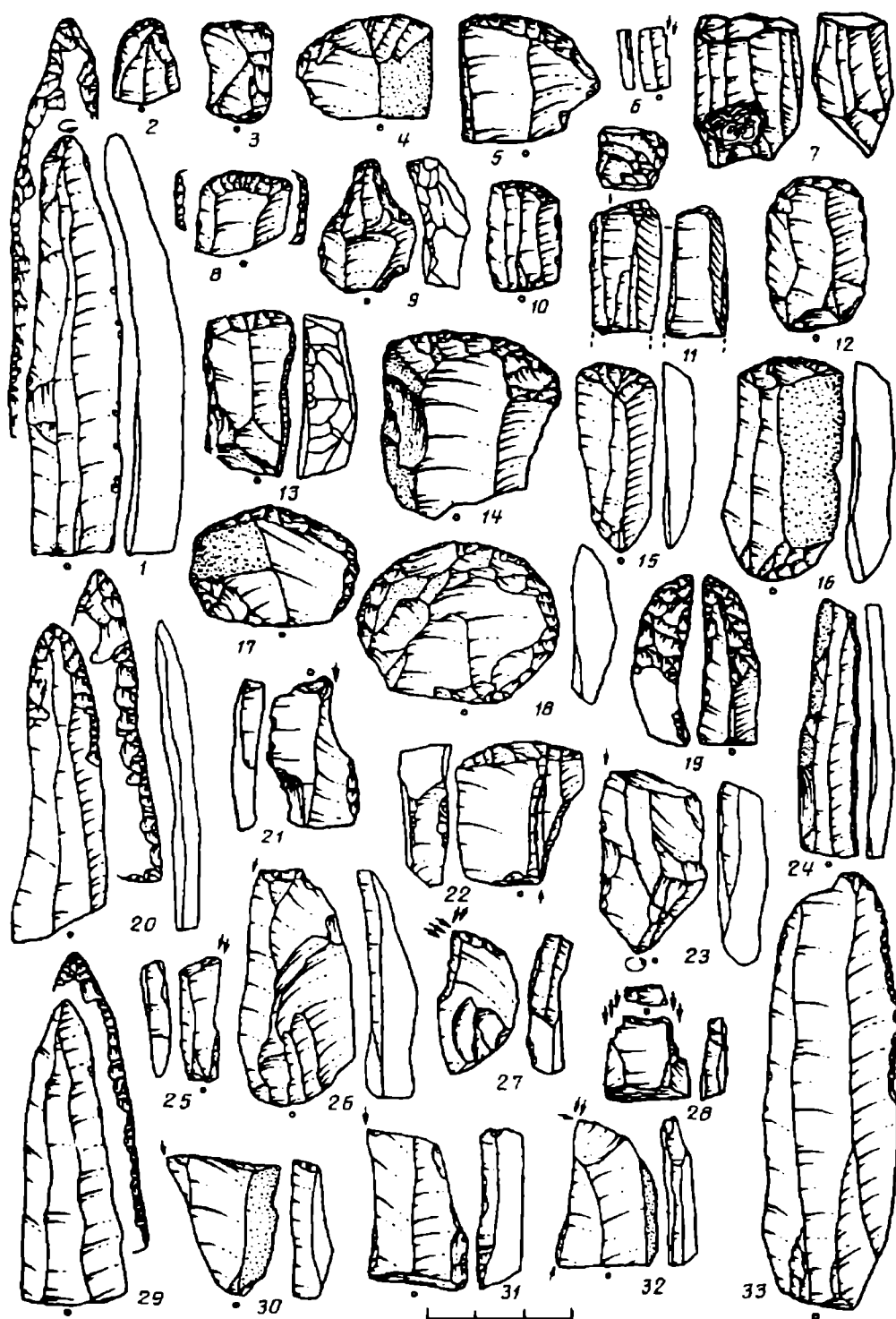

Рис. 2. Кремневый инвентарь

До 70% находок залегали в скоплениях и связанных с ним пятнах 1—4, 12, 13, 17. Находки за пределами скопления в основном образуют его периферию или сдвинуты распашкой. Малочисленные кремни из пятен 5 и 7 и из кострищ эпохи бронзы не специфичны и типологически не отличаются от прочего материала. Это позволяет рассматривать кремневый инвентарь из раскопа как практически чистый комплекс, насчитывающий 2083 изделия².

² Коллекция хранится в МИГМ оф № 27360.

Использовался разноцветный валуно-галечный кремнь; только 1% изделий из кремнистого известняка, опоки, песчаника. Одноплощадочных сильно сработанных нуклеуса три: два фрагментированных конических или призматических от пластин (рис. 2, 7, 11), один вторичный торцевой от микропластин из отщепа. Различных сколов подправки нуклеусов 45. Отщепов и чешуек 1416. Пластин 224, включая 45 с заметными следами использования; преобладают правильные, шириной до 1,5 см. Резцовых сколов 45, сколов переоформления орудий 9. Отщепов с ретушью 39. Сколов с шлифованных орудий из опоки 9. Абразивная плитка одна. Невыразительных обломков орудий 39 (три из пластин).

Морфологически выраженных орудий 253 (70% из пластин, 28% из отщепов, только 2% из иных заготовок), включая 16 «сечений» пластин и три мелких отщепа с нерегулярной ретушью на углах и участках краев, обычно определяемых как вкладыши.

Резцов 63 (36 на пластинах) (рис. 2, 6, 21, 25—28, 30—32): с неподработанными площадками сколов 46; с ретушированными — 10 (шесть с вогнутыми, один со скошенной, три поперечноретушные); «двухгранных» три. Четыре двойных резца объединяют лезвия разных типов: одна из площадок каждого не подработана, другая у трех оформлена резцовым сколом, у четвертого — ретушью.

Скребков 44 (26 из пластин) (рис. 2, 2—5, 8—10, 12—18); лезвия оформлялись крутой ретушью. Концевых (включая четыре двойных) 31, у пяти ретушью подработаны боковые края. Концевых с выступом на лезвии четыре. Боковых два; угловой один (микроформа); подокруглых шесть.

Скобелей с дугообразными ретушированными выемками 19 (семь из пластин).

Сверл семь (рис. 1, Б, 18; 2, 1, 19). Орудия из пластин (5 экз.) симметричны, три со слабовыделенной, два с невыделенной рабочей частью, оформлявшейся крутой ретушью по спинке, обычно дополняемой плоской на брюшке; у одного пологой ретушью полностью обработан боковой край. Сверла из отщепов случайных форм с жальцами, выделенными мелкой крутой ретушью.

Пластин с регулярной ретушью по одному-двум краям 46. Ретушь по спинке, брюшку и противолежащая, полукрутая или пологая, иногда (6 экз.) отжимная, почти во всех случаях приостраивающая, что позволяет считать 44 орудия ножами, среди которых четыре остроконечные (рис. 2, 20, 24, 29), и только два — пилками (рис. 2, 33).

Комбинированных орудий 14 (рис. 2, 22, 23). Шесть скребков (четыре из пластин) — четыре концевые, концевой-боковой и подчетыреугольный — объединены с резцами с неподработанной площадкой. Два концевых скребка из пластин со скобелями, третий с пилкой; полукруглый скребок из отщепа с асимметричным сверлом. Четыре резца из пластин (три с неподработанной площадкой и косоретушный) со скобелями (3 экз.) и разверткой (рис. 2, 23).

Двустороннеобработанных рубящих орудий четыре (рис. 1, Б, 25—27). Овальное тесло из кремня, обушковые части овальных тесел или топоров из кремнистого известняка обработаны оббивкой. Лезвийная часть топора из опоки отшлифована.

Пластин с затупленным «обрубающей» ретушью краем семь. Две определяются как обломки обушковых ножей (рис. 1, Б, 14, 19). Остальные узкие, относятся к группе микролитов (рис. 1, Б, 1, 2, 5, 8); у двух пластинок с затупленным краем основание скошено крутой ретушью. К этим микролитам примыкает обломок микрорезцового острия, сделанного из пластинки с затупленным краем (рис. 1, Б, 10).

Скошенных острий шесть (пять из пластин) (рис. 1, Б, 9, 11), в том числе у одного скошено в виде выемки основание. Изделий с поперечно усеченным крутой ретушью концом девять (шесть из пластин) (рис. 1, Б, 21). Еще у одной пластины усечено в виде выемки основание.

Геометрические микролиты представлены низким неравносторонним треугольником и обломком высокой симметричной трапеции из отщепов (рис. 1, Б, 7, 4).

Наконечников стрел 11 (семь из пластин). Из отщепов сделаны три наконечника со скошенным неретушированным лезвием (рис. 1, Б, 12, 13, 17), у которых один край прямой, полностью обработанный вертикальной ретушью, а по второму такой же ретушью выбрана выемка, оформляющая насад; у одного из них (с едва намечающейся выемкой) обработка насада дополняется плоской ретушью на брюшке, у второго — на спинке. Еще один наконечник с боковой выемкой из миниатюрной пластинки с необработанными краями и острым, подправленным мелкой ретушью пером (рис. 1, Б, 24). Массивный черешковый наконечник типа лингби со скошенным ретушью концом пера один; найден также обломок аналогичного наконечника (рис. 1, Б, 15, 6). Как производный от аренбургских форм мы рассматриваем наконечник с коротким черешком и необработанным треугольным пером; крутая ретушь на черешке по спинке дополняется фасеткой плоской ретуши на брюшке (рис. 1, Б, 20). Постсвидерские наконечники (рис. 1, Б, 3, 16, 23) представлены черешком с полукрутой ретушью на брюшке и тремя обломками пера (черешок и обломок пера, скорее всего, принадлежат одному оружию и учтены при подсчетах как 1 экз.); жальца приострены пологой ретушью, в одном случае мелкой полукрутой ретушью по спинке обработан край пера. Еще один обломок симметричного пера наконечника обработан по краям до слома полукрутой ретушью по брюшку (рис. 1, Б, 22).

Рассмотренный комплекс по наличию треугольника, трапеции, наконечников косолезвийных с боковой выемкой, черешковых типа лингби и сходного с аренбургскими, обушковых ножей, типологическому составу резцов и скребков близок к памятникам иеневской культуры [6, с. 76—84]. Вместе с тем отмечается ряд признаков, свойственных инвентарю бутовской культуры [6, с. 69—76]. К ним относятся развитая пластинчатая техника; использование наряду с крутой и полукрутой ретушью отжимной пологой и плоской ретуши; наличие постсвидерских наконечников стрел, микролитов с затупленным краем, с затупленным краем и скошенной базой, овальная форма найденных на стоянке рубящих орудий (тогда как характерные иеневские формы с перехватом и сколом транше отсутствуют).

Прием уплощивания ретушью насадов наконечников с боковой выемкой на памятниках иеневской культуры использовался в виде исключения [7, рис. 3, 5]. Чаше они отмечаются в родственниках иеневским памятниках Белорусского Поднепровья, в том числе в комплексах с микролитами с затупленным краем, с затупленным краем и скошенным торцом, трапециями [8, с. 105—110]. Аналогичная обработка наконечников стрел с боковой выемкой отмечена и на литовских стоянках Мяргяжарис 3 и Эжяринас 17, отражающих взаимодействие аренбургской и свидерской культур [9, с. 76, рис. 60, 64]. В нашем случае этот прием подчеркивает объединение в комплексе двух различных культурных традиций — иеневской и постсвидерской бутовской.

Сказанное позволило ранее характеризовать Беливо 4А как «памятник смешанной культурной традиции» и использовать приведенную выше серию дат по ¹⁴С наряду с данными радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов по ряду волго-окских мезолитических памятников для уточнения возраста иеневской культуры и некоторых стоянок бутовской культуры, в материалах которых имеются аналогии рассмотренному комплексу [2].

В последнее время выводы о существовании иеневской культуры уже в раннем мезолите подтвердились палинологическими датировками стоянки Усть-Тудовка 1 (не позднее начала пребореала) [10] и исследовавшейся Е. В. Леоновой и А. Е. Кравцовым стоянки Беливо 6В (пребореал)³, тогда как отнесение иеневских памятников к концу бореала — первой половине атлантикума [6, с. 81] методами естественных наук не обосновано [2, с. 31, 32].

³ Палинологический анализ выполнен Е. А. Спиридоновой. Пользуясь случаем, выражаем ей признательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. истор.-археол. конф. Калуга, 1989.
2. *Кравцов А. Е.* К вопросу о хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур//СА. 1991. № 2.
3. *Леонова Е. В.* К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Ски//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. истор.-археол. конф. Калуга, 1989.
4. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наук. думка, 1989.
5. *Каменецкий И. С.* Искусственные и естественные классификации в археологии//Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Наука, 1978.
6. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья//Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989.
7. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на Верхней Оке//СА. 1978. № 1.
8. *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья//Минск: Наука и техника, 1988.
9. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы//Вильнюс: Минтис, 1971.
10. *Жилин М. Г., Кравцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки усть-Тудовка 1//Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.

Государственный исторический музей, Москва
Институт археологии РАН,
Москва

A. Ye. KRAVTSOV, V. Yu. LUNKOV

THE NEW MESOLITHIC SITE IN THE MOSCOW-RIVER BASIN

Summary

The article shortly describes the materials of the Mesolithic site Belivo 4A on the Nerskaya river (Meshchera near Moscow). The materials constitute integral assemblage belonging to Ienevo culture, but formed under some influence of Butovo culture. Based on the series of C^{14} dates the age of the site is defined ranging from 9,6 to 8,6 millenium B. P. The dates of Belivo 4A is accorded to the dates of the Ust'-Tudovka 1, Belivo 6V and Ladyzhino 3 camps and point out the necessity to revise the chronology of Ienevo culture site and refer a part of them to an early Mesolithic period.

МОГИЛЬНИК И «СВЯТИЛИЩЕ» НА СТОЯНКЕ САХТЫШ II-A

Стоянка Сахтыш II-а была открыта Д. А. Крайновым и Е. Л. Костылевой в 1986 г. [1, с. 70]. Находится она на низком левом берегу древнего русла речки Койки, притока реки Нерли-Клязьминской. Расположена в 100 м к западу от огородов главной улицы поселка (4-й участок Леушинского торфопредприятия Тейковского р-на Ивановской обл.) (рис. 1). Через узкую древнюю заваль (50—60 м ширины) она примыкает к стоянке Сахтыш II [2, с. 29—39; 3, с. 73—86]. За годы ее исследований (1987—1992) была вскрыта площадь в 620 м². При ее раскопках в культурном слое мощностью от 0,5 до 1,10 м были обнаружены материалы, относящиеся к славянскому и дьяковскому времени, эпохе бронзы, энеолиту и неолиту. Они состоят из обломков разнообразной глиняной посуды, кремневых, каменных и костяных изделий, янтарных украшений, предметов искусства и кухонных остатков. Кроме того, на ней был обнаружен большой могильник, относящийся к льяловскому и волосовскому времени. Всего было исследовано 65 погребений. Из них 14 льяловских и 51 волосовских. Этот общий могильник располагался по диагонали, пересекающей центр раскопа с юго-востока на северо-запад (рис. 2). По количеству погребений льяловский могильник меньше волосовского и занимает компактную территорию центра общего могильника, за исключением трех погребений на северо-западном его конце.

Все льяловские погребения находились в основном на глубине от 50 до 70 см и своим дном заходили в илистый грунт. Их могилы ориентированы преимущественно по линии ЮВ—СЗ, 9 из погребенных лежали головой на юго-восток, 2 — на северо-запад, 1 — на восток (погр. 11) и у двух направление не установлено.

Все погребенные льяловцы положены в могилах корытообразного типа. Значительная сжатость большинства скелетов создает впечатление их спеленутости. 6 погребенных льяловцев лежали вытянуто на спине (погр. 16, 29, 40, 42, 43, 61), 2 — вытянуто на животе (погр. 12, 22) и 1 — скорченно на боку (погр. 11). В остальных погребениях (41, 52, 55, 59, 60) в силу их значительной разрушенности трудно точно установить положение скелетов.

Особый интерес представляет погребение 22, в котором обнаружен скелет молодой женщины (18—20 лет). Погребенная была положена на животе, головой на юго-восток. Судя по сжатости скелета, она была туго спеленута (рис. 3). В Лебединской был восстановлен портрет этой молодой женщины. Она отнесла его к лапоноидному типу (рис. 4).

В погребении обнаружен ряд интересных вещей:

1. Костяной кинжал с наконечником в виде человеческой головы в головном уборе с выраженными деталями лица (лоб, нос, глаза, рот), (рис. 5). Кинжал находился с внешней стороны левой голени.

2. Костяной кинжал с широким обоюдоострым лезвием и небольшой рукояткой (рис. 6, 1). Находился в области правой бедренной кости.

3. Костяной двузубчатый гарпун с обломанным концом (рис. 6, 2). Лежал около пяточной кости.

4. Подвеска из резца лося с круговой нарезкой у основания (лежала рядом с гарпуном) (рис. 6, 3).

Подобные погребения на животе были обнаружены на неолитических стоянках

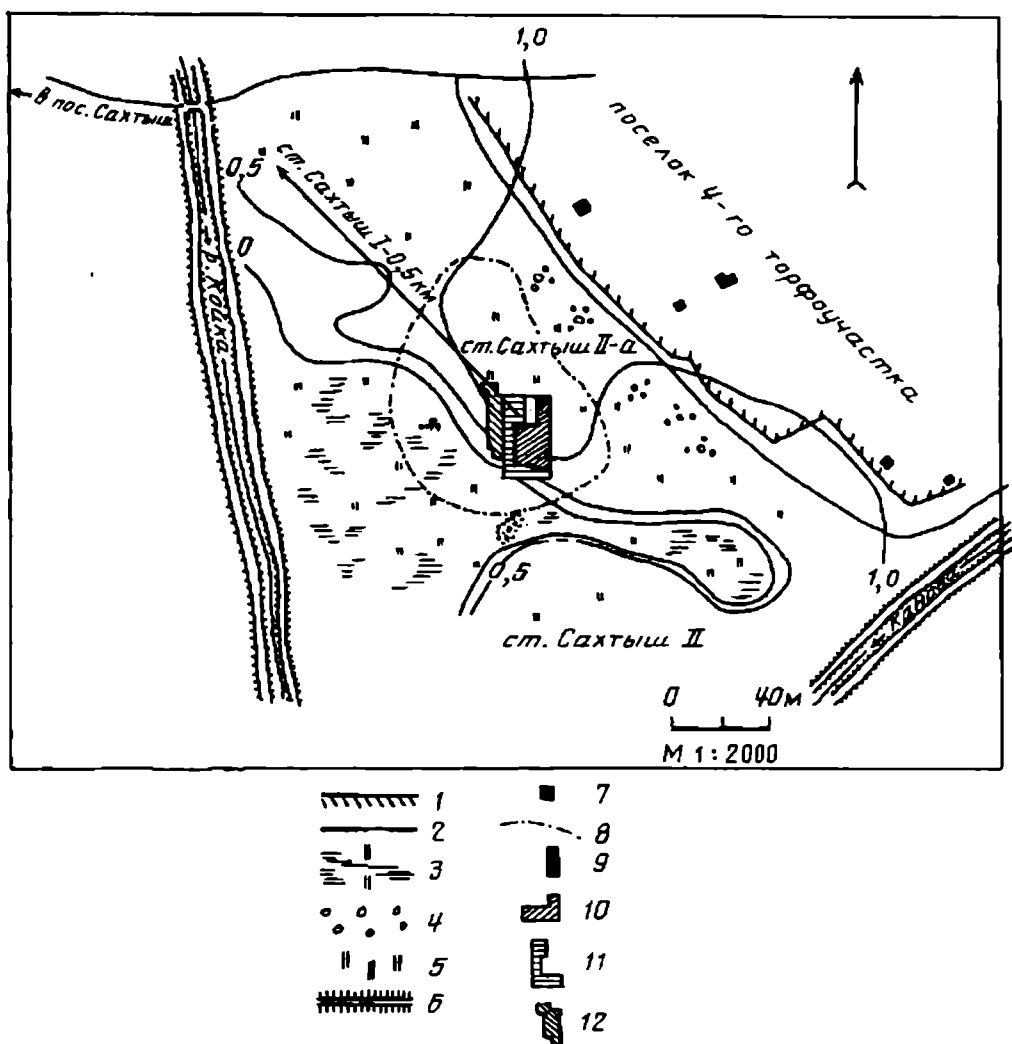

Рис. 1. План расположения и раскопок стоянки Сахтыш II-а. 1 — забор; 2 — грунтовая дорога; 3 — пойма р. Койки (пойменный останец); 4 — кусты; 5 — луг; 6 — вал; 7 — строения; 8 — предполагаемая граница стоянки; 9 — раскоп 1987 г.; 10 — раскоп 1988 г.; 11 — раскоп 1989 г.; 12 — раскоп 1990 г.

в Вологодской обл.: Кубенино [4, с. 75] и Караваиха [5, с. 131, 132; 6, с. 150], на Окских поселениях Черная Гора [7, с. 95, 96] и Панфиловском [8, с. 93] и в центре Русской равнины — стоянка Сахтыш II [2].

Все эти погребения относятся к культуре с ямочно-гребенчатой керамикой. Сходны они не только по положению погребенных, но и по устройству могил и погребальному инвентарю. Это погребения 3 стоянки Кубенино и 24 стоянки Черная Гора, в которых найдены близкие наборы украшений из зубов и кости. Подобные погребения датируются ранним льяловским временем. Черепа погребений со стоянки Караваиха близки лапоноидным черепам Сахтышских льяловских погребений. Все эти обстоятельства и другие данные, полученные при раскопках многослойных поселений, укрепляют нашу гипотезу о том, что истоки культур с ямочно-гребенчатой керамикой находились в северных областях европейской части России [9, с. 66—78].

В Волго-Окском междуречье льяловцы просуществовали до прихода волосовцев. Не исключено, что их приход вызвал насильственное вытеснение льяловцев, подтверждаемое коллективным погребением на стоянке Сахтыш II.

По материалам льяловских погребений стоянки Сахтыш II-а имеется только

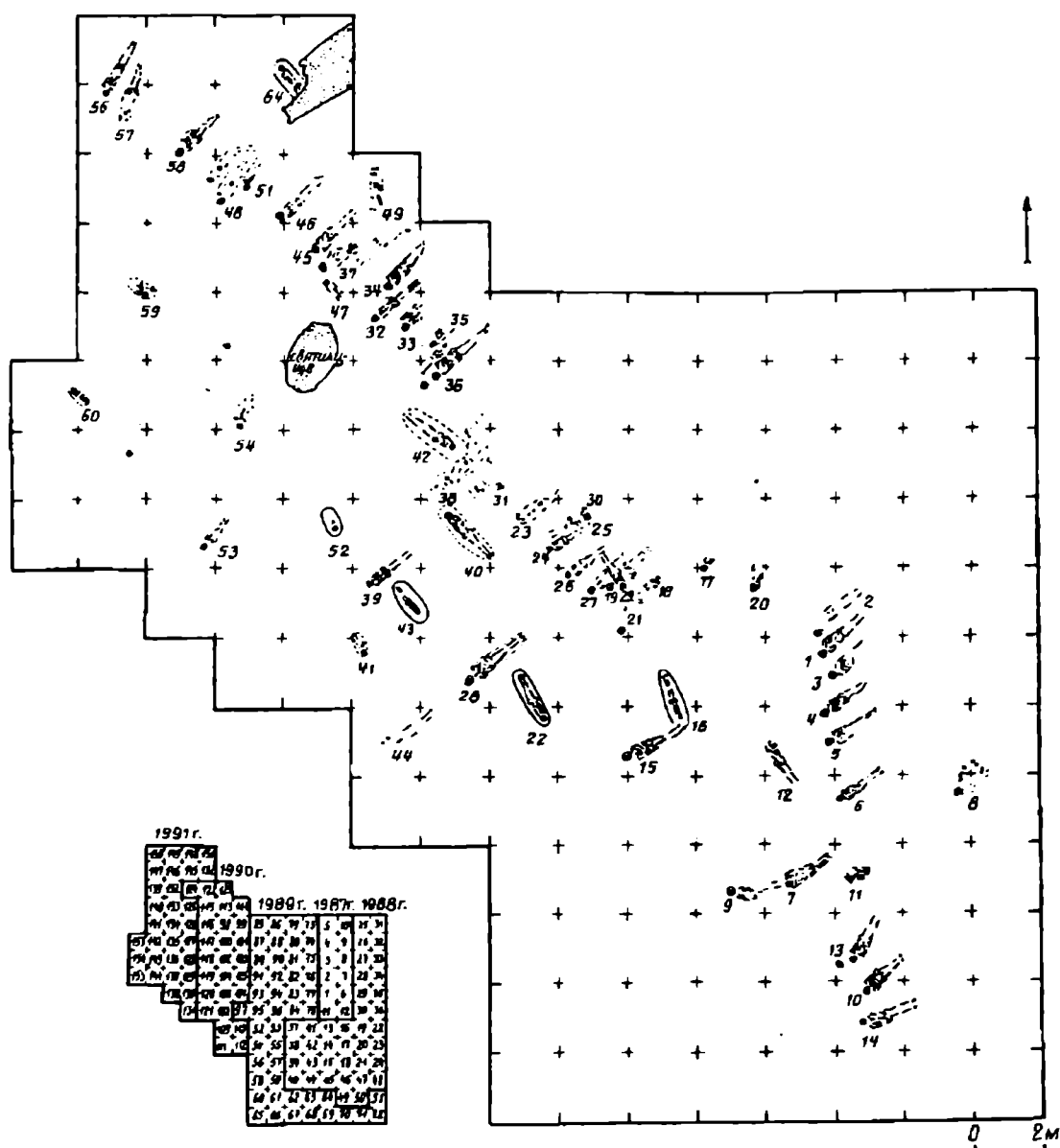

Рис. 2. План расположения льяловских и волосовских погребений на стоянке Сахтыш II-а

одна дата (погр. 42), полученная Л. Д. Сулержицким, — 6060 ± 160 лет до наших дней (т. е. конец V — начало IV тысячелетия до н. э.).

Волосовский могильник располагался, как и льяловский, по той же диагонали ЮВ—СЗ, но на другой глубине, в основном от 15 до 30 см, хотя некоторые погребения были углублены до 30—40 и даже до 40—50 см (погр. 15).

Выделяются ранние и поздние волосовские погребения, отличающиеся местом, глубиной расположения и погребальным инвентарем, ранние выделяются не только стратиграфически, но и планографически. Они располагаются в центральной и юго-восточной частях раскопанной площади, в то время как поздние сосредоточены в основном в северо-западной части.

Как указано выше, основная масса погребений расположена по линии ЮВ—СЗ, за исключением 10 погребений, расположенных по линии Ю—С, в юго-восточном конце могильника (рис. 2). Возможно, они относятся к более раннему времени. В отличие от льяловских, все волосовские могилы и могильные сооружения с трудом прослеживались в темном гумусированном слое, за исключением более древних погребений, в которых удалось проследить устройство могил. Они имели

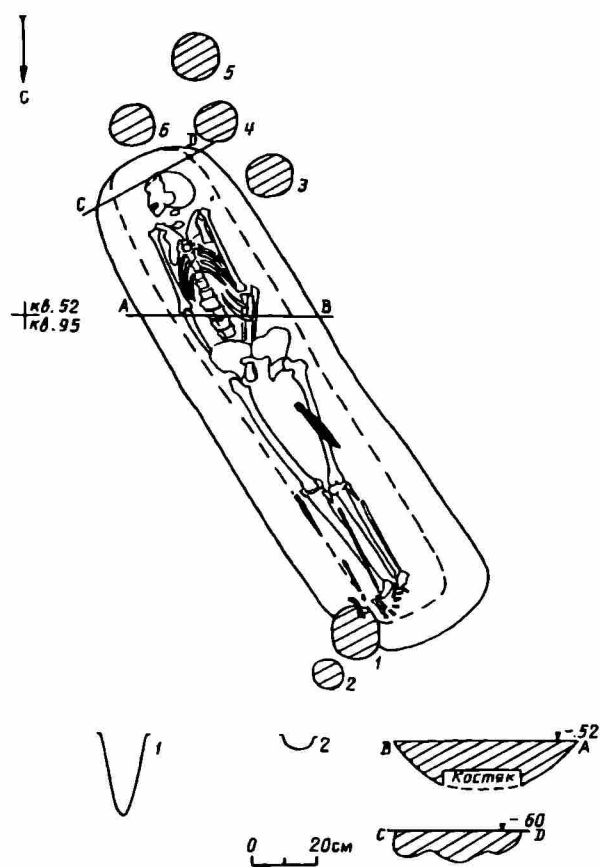

Рис. 3. Льяловское погребение 22 на стоянке Сатхыш II-а (1—6 ямы)

Рис. 4. Портрет женщины из погребения 22, восстановленный Г. В. Лебединской по черепу

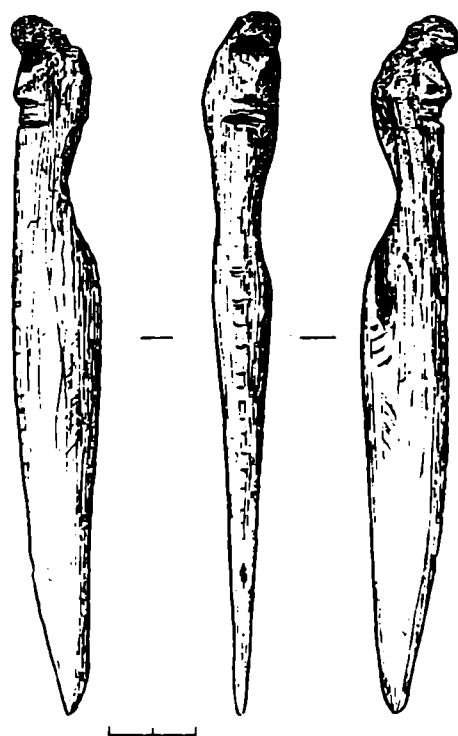

Рис. 5. Костяной кинжал из погребения 22

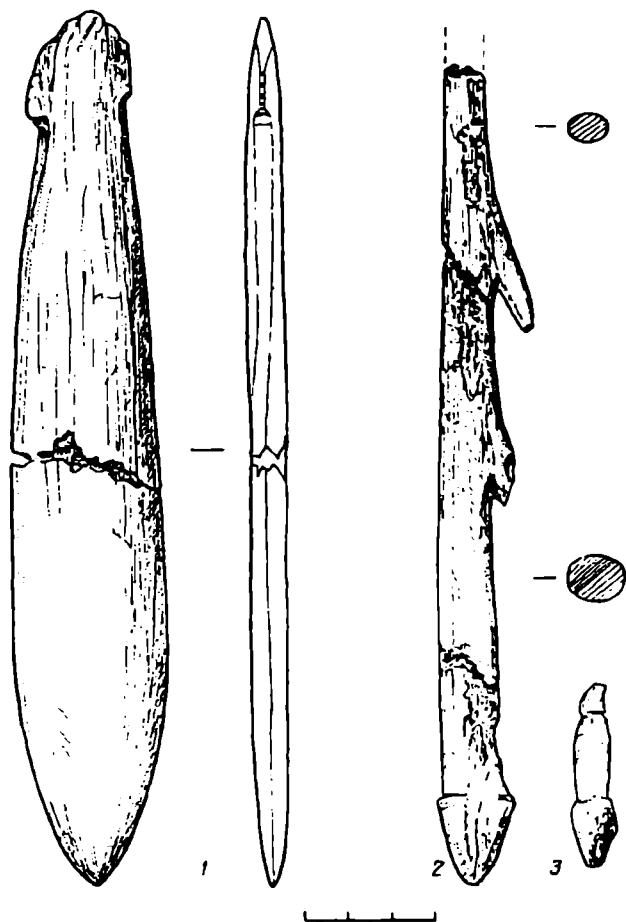

Рис. 6. Костяной кинжал (1), гарпун (2) и подвеска из зуба лося (3) — погребение 22

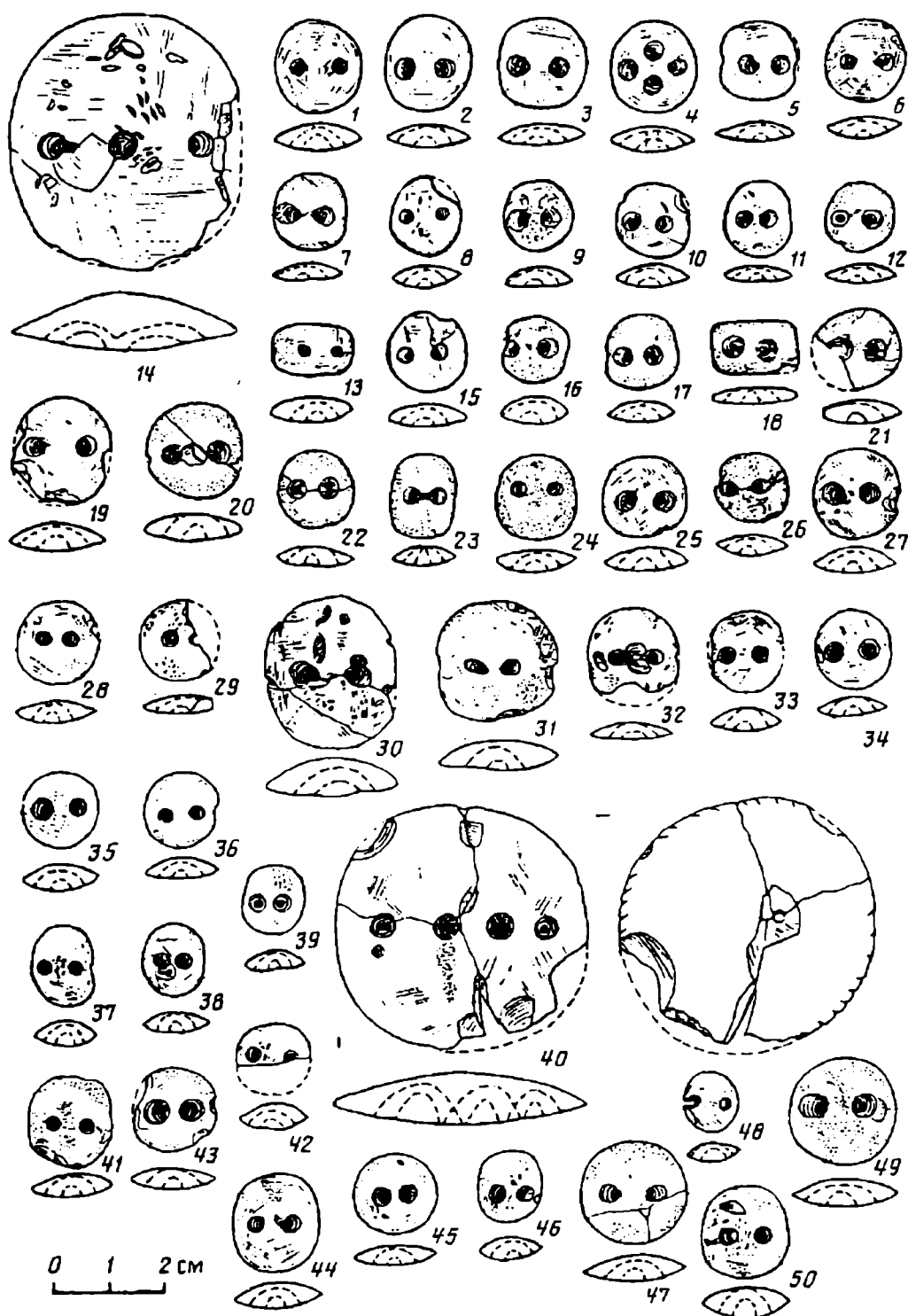

Рис. 7. Украшения из янтаря — погребение 28

овальную форму и покатость в направлении к ногам. Дно могил корытообразное. Одно из погребений (28) имело своеобразное очертание могилы, напоминающее форму саркофага — узкое в области головы и расширенное в плечах. Оно сопровождалось многочисленными янтарными украшениями (рис. 7). В другом раннем погребении (15) обнаружено более 200 экз. янтарных украшений разной формы. Наряду с янтарными украшениями в ранних вологовских погребениях встречаются костяные и сланцевые подвески, а также подвески из серпантина и зубов животных (в основном медведя).

Рис. 8. Портрет волосовки из погребения 10

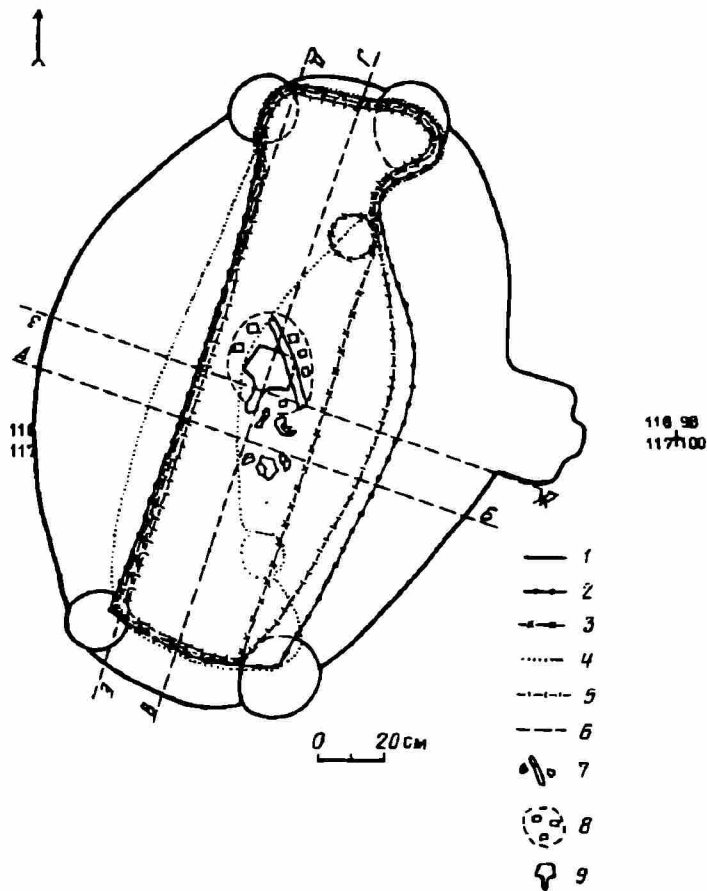

Рис. 9. План ритуального сооружения.

1 — очертания ямы на гл. 50 см; 2 — на гл. 95—100 см; 3 — на гл. 100—115 см; 4 — на гл. 115—120 см; 5 — на гл. 120 см, 6 — линия бровки; 7 — кости животных на гл. 57—65 см; 8 — развал волосовского сосуда на гл. 70 см; 9 — костяная маска на гл. 95 см

В поздних волосовских погребениях найдены лишь подвески из сланца и зубов животных.

Четыре из ранних волосовских погребений (1, 2, 5 и 10) были датированы Л. Д. Сулержицким. Три из них (1, 2, 10) имеют дату 4540 ± 160 и одно (5) 4800 ± 200 лет назад.

По пяти погребениям — четырем ранним (9, 10, 13, 39) и одному позднему (35) Г. В. Лебединской были сделаны графические реконструкции внешнего облика волосовцев (рис. 8).

Расположение волосовских и льяловских погребений наводит на мысль о преемственности кладбищ.

Очевидно, волосовцы, пришедшие сюда позднее льяловцев, заняли места их поселений (возможно, подчинив оставшихся обитателей) и использовали для захоронения своих умерших сородичей те же кладбища (Сах. I, II, II-а, VIII и др.). Более детальное изучение этих могильников может дать «ключ» к решению вопроса о взаимоотношениях представителей этих культур. Возможно, среди погребений волосовцев удастся выделить смешанные антропологические черты волосовцев и льяловцев. С этой точки зрения представляет интерес погребение волосовцев на стоянке Володары [10, с. 42]. В строении черепа захороненной в нем женщины прослежены лапоноидные черты (захоронение парное — муж, очевидно, волосовец, жена льяловка).

В северо-западной части половины волосовского могильника, в стороне от других погребений, резко выделяется крупными размерами и глубиной «одиночная могила», названная нами «святилищем». Своим расположением, размерами и содержанием оно резко отличается от других волосовских погребений (рис. 9) и как бы сопровождает их (рис. 2).

Верх этого «святилища» начинается на глубине 40—50 см от современной поверхности. На фоне желтого материкового суглинка оно выделялось в виде большого темного овального пятна размерами 270×210 см, ориентированного по длинной оси СВ-ЮЗ, т. е. имело то же направление, что и все волосовские погребения (рис. 9—11).

Внутри этого темного пятна прослежены остатки ритуального сооружения. Судя по ним, оно, очевидно, представляло собой деревянную постройку с полом, располагавшимся на глубине 40—50 см над «ритуальной ямой», вырытой внутри постройки на глубину 70—80 см от пола. Форма ее полуовальная, размерами 180×140 см. По длинной оси она ориентирована ЮЗ—СВ. Ее заполнение состояло из прокаленной супеси, вкраплений углей и охры, обломков верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики, орудий из кости и камня, а также костных остатков птиц и рыб. По-видимому, все указанные культурные остатки находились в слоях над ямой и попали внутрь только после разрушения пола ритуального сооружения.

Судя по остаткам, оно представляло собой довольно узкое помещение столбовой конструкции прямоугольной формы размерами 170×40 см. Угловые столбы его диаметром 20—30 см имели заостренные концы. Тлен бурого цвета от пола этой конструкции достаточно хорошо прослеживался в ее северо-западном углу. На дне этого сооружения (и в плане, и в профиле) прослежен двойной настил из сравнительно упругого материала (шкуры) в виде двух темных неровных полос. Он находился на глубине 80 см от верхнего перекрытия (или на глубине 130 см от современной поверхности). Внутри этого ритуального сооружения были обнаружены следующие вещи.

1. В центре ямы, на глубине 95 см от современной поверхности почвы, лежали кучкой кости ритуальных животных — медведя, лося, бобра, кабана.

2. Под ними помещался развал волосовского сосуда, орнаментированного овальным гребенчатым штампом. Четыре обломка этого сосуда были обнаружены в кв. 117 на глубине помоста над сооружением.

3. Ниже развала сосуда, на глубине 120 см от современной поверхности, в

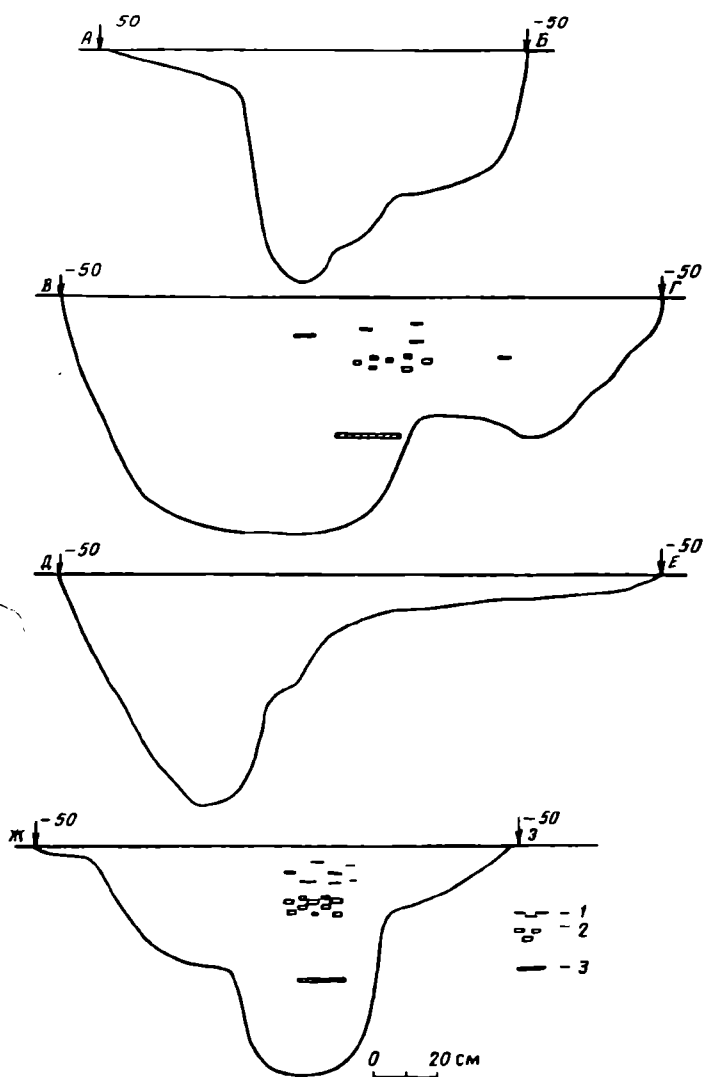

Рис. 10. Профили сооружения и находки в нем.
1 — кости животных; 2 — развал волосовского сосуда; 3 — костяная маска

центре ямы была обнаружена «личина» человека, выполненная из основания рога лося.

4. Вокруг нее найдено скопление мелких рыбьих костей, части которых были кальцинированы.

5. Под маской шли угли и древесный тлен, а также пережженные раковины речного моллюска — мощность 3—4 см.

Ниже находились два слоя упомянутого выше настила, изогнутого под тяжестью верхних упавших слоев. Большая глубина ямы «святилища» и продолжение ее под находками костей жертвенных животных, сосуда и «личины» (маски) позволяют предполагать, что все эти «священные атрибуты» находились вверху на помосте, а две темные прослойки, обнаруженные внизу помещения, могут рассматриваться как остатки медвежьих шкур, лежавших на дне сооружения. Очевидно, все «святилище» являлось ритуальным сооружением, связанным с остальным волосовским кладбищем. Оно помещалось в особом строении («храме»), контуры которого прослеживались как в плане, так и в профиле западной стоянки раскопа. Это было помещение полужемляночного типа со слегка углубленным в землю полом. В центре его и располагалось «святилище». Подобная картина была прослежена около волосовских могильников на стоянках Сахтыш II и Сахтыш VIII. «Святилище» на стоянке Сахтыш II имеет все атрибуты,

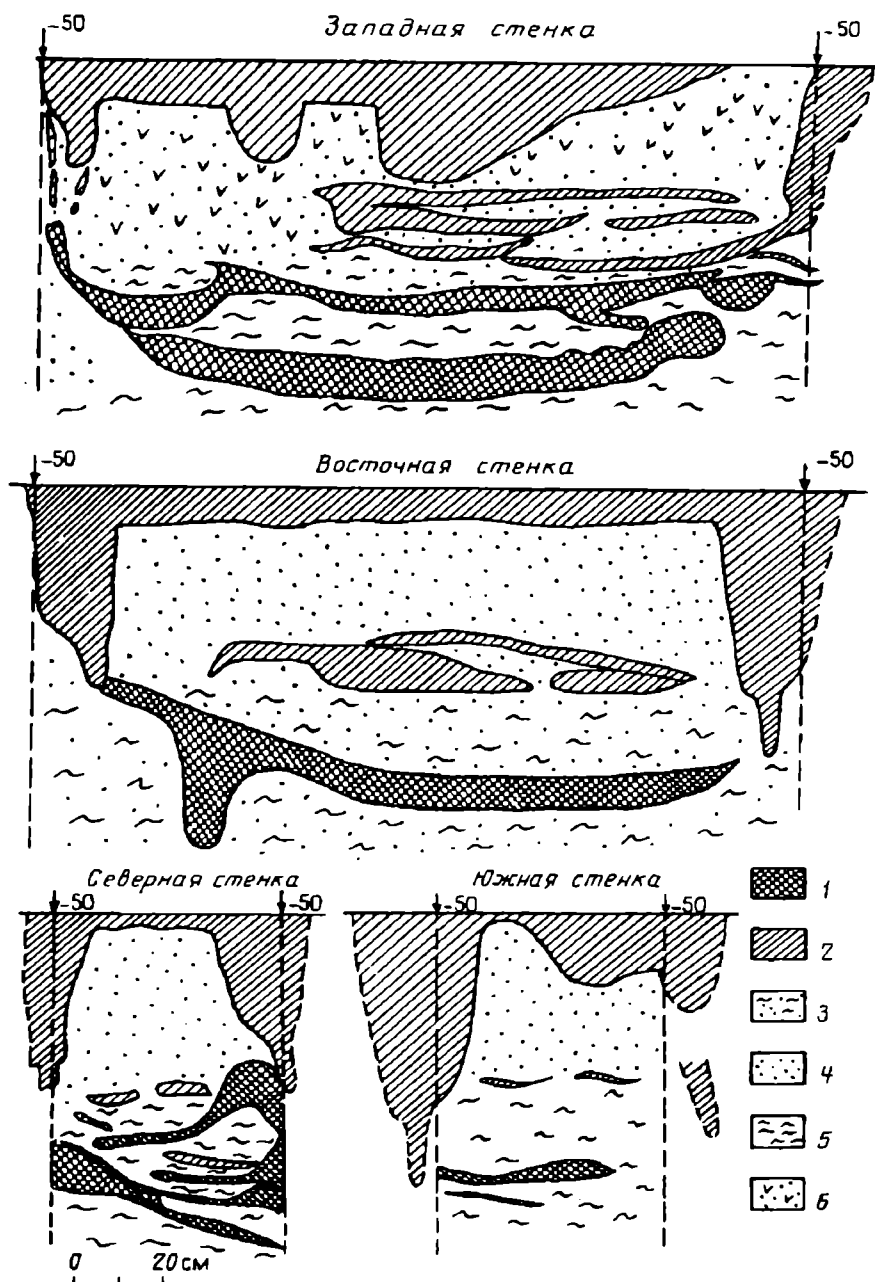

Рис. 11. Профили стенок ритуального сооружения.
 1 — темно-серый суглинок; 2 — темно-серая супесь; 3 — голубовато-желтый суглинок; 4 — серо-желтая супесь; 5 — голубовато-желтая глина; 6 — розово-желтая супесь

связанные с культом медведя [11, с. 79—86; 12, с. 38—44]. Во всех случаях эти «святилища» располагались рядом с могильниками.

«Святилище» стоянки Сахтыш II-a относится к довольно раннему времени волосовской культуры. По углю и дереву, взятым из ритуальной ямы (кв. 117—118), получена дата по ^{14}C ГИН-6555 — 4430 ± 250 лет до нашего времени (2530 лет до н. э.).

Угли из под костяной маски («личины») дали дату по ^{14}C ГИН-6556 4790 ± 180 лет до нашего времени (2890 лет до н. э.). Обе даты близки друг к другу и датам упомянутых волосовских погребений (1, 2, 5, 10). Они не противоречат датам волосовской культуры, полученным по другим стоянкам центра Русской равнины. Среди перечисленных находок в «святилище» особый интерес представляет маска («личина») волосовского человека, связанная, очевидно, с рели-

Рис. 12. Маска из ритуального сооружения (полупрофиль)

Рис. 13. Маска (анфас)

гиозными представлениями волосовцев (рис. 12—14). Высота ее с правой и левой сторон различна (9,5 и 10 см, в центре — 10,5 см, ширина 15 см и толщина вверху 0,5 см). Края срезаны наискось, в верхней части слегка загнуты с боков, с правой стороны вверху на 1 см, а у основания на 2,5 см, с левой стороны вверху на 1,6 см, внизу на 2 см.

На налобнике хорошо проработаны лобные бугры и брови. От налобника вниз располагается нос, «классической» формы, с горбинкой, длиной 9,5 см. С его внешней стороны хорошо проработаны и выражены ноздревые расширения и ноздревые прорезы внутри (нос полый). Ниже носа отходит небольшая пластина размерами 2,4×1,4 см, предназначенная, возможно, для держания маски в руке.

С боков основной части маски имеются отверстия — два с одной стороны (вверху и внизу) и одно отверстие с другой, а четвертое внизу) еле намечено.

Очевидно, маска сделана с натуры. Она подошла к волосовскому черепу из погребения 39. Но не исключено, что она подчеркивает общий тип волосовцев.

Отверстия с боков указывают, что маска соединялась с каким-то материалом, возможно кожей, и надевалась на голову «жреца», «шамана» во время определенных церемоний. Вероятно, маска, как и все содержимое сооружения («святилища»), имеет особое назначение, связанное с захоронениями волосовцев. Не исключено, что оно олицетворяет общего родового предка или вождя и надевалась «шаманом» во время совершения обрядов по умершим. Ее истинное назначение можно определить на основании изучения истории развития масок и маскировки. Маска имеет широкое распространение по всему свету (в Европе, Азии, Африке, Австралии, Америке, Океании). Она является одним из важнейших элементов материальной и духовной культуры человека и связана со многими отраслями его деятельности, и особенно с отправлением магических и религиозных обрядов. Применялась она почти на всех этапах развития человеческого общества, однако при этом имела разное назначение.

Изучению масок посвящено множество работ. Для нас особый интерес представляет работа А. Д. Авдеева [13, с. 38—110], в которой рассматривается история появления и развития масок от эпохи палеолита до современности.

Рис. 14. Маска (внутренняя сторона)

Маска, обнаруженная в «святилище» стоянки Сахташ II-а, по классификации А. Д. Авдеева может быть отнесена или к концу периода развитого родового общества, или к началу его распада.

В первом случае подобные маски изображают умерших предков (семейных, родовых, племенных). Во втором случае это маски шаманов, служившие средством принятия образа живого или умершего вождя рода (племени), использовавшиеся во время погребения умерших или в каких-то особых церемониях, связанных с культом мертвых. Вероятно, такое толкование сахтышской маски наиболее близко к истине. Оно подтверждается и этнографическими данными [14].

В «святилище», где была обнаружена сахтышская маска, вероятно, происходили определенные ритуальные действия, связанные с похоронами умерших членов рода или с почитанием умерших предков.

Эти обряды совершались, очевидно, особыми людьми — жрецами или шаманами, которые могли вступать в общение с «мифом духов», принимать образ вождя рода (племени), живущего или умершего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д. А., Костылева Е. Л. Исследования Верхневолжской экспедиции//АО—1986. М., 1988.
2. Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических стоянок Верхнего Поволжья //КСИА. 1965. Вып. 100.
3. Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахташ II/КСИА. 1982. № 169.
4. Фосс М. Е. Погребения на стоянке Кубенино//Тр. ГИМ. 1938. Вып. VIII.
5. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: ГИИМК. 1952.
6. Брюсов А. Я. Караваевская стоянка. Сборник по археологии Вологодской обл. Вологда, 1961.
7. Цветкова И. К. Черногогорский неолитический могильник. Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы//Тр. ГИМ. Вып. 60.
8. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу//Тр. ИЭ. 1955. Т. 28.
9. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой//Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
10. Цветкова И. А. Погребение на стоянке Володары//Проблемы археологии Евразии. М., 1990.

11. Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II//КСИА. 1982. № 169.
12. Крайнов Д. А. О религиозных представлениях волосовской культуры//Древности славян и Руси. М.: 1988.
13. Авдеев А. Д. «Маска». Опыт типологической классификации по этнографическим материалам//Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XIX. М., 1960.
14. Куценков Г. А. Этнос и его искусство. Западный Судан. М.: Наука, 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

D. A. KRAJNOV, Ye. L. KOSTYLEVA, A. V. UTKIN

A CEMETERY AND A "SHRINE" ON THE SITE SAKHTYSH II A

Summary

The site was discovered by D. A. Krajnov and Ye. L. Kostyleva in 1986. It is situated on the left bank of the ancient channel of the Kojka-river, the Nerl'-river affluent (the Klyaz'ma basin). The site is multilayer. A big cemetery belonging to the L'yalovo and Volosovo periods was found here. 14 L'yalovo and 51 Volosovo burials were investigated (fig. 2). There are the indications of L'yalovo burials in the article, which differ them from Volosovo ones. The early age of these burials is confirmed by C14 date (6060 ± 180 B. P.). The Volosovo burials are dated back by C14 to 4800 ± 200 B. P. The authors describe in detail an original "shrine" (fig. 9—11) of Volosovo period (C14 date — 2890 B. C.), where an unique horn mask was found.

С. Б. ВАЛЬЧАК

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ КОМПЛЕКСА ИЗ ЧЕРНОГОРОВСКОГО КУРГАНА

Открытое В. А. Городцовым в 1901 г. погребение 3 кургана 1 у хут. Черногоровка [1, с. 206, 207, 241, 242, табл. XIII, 5—11] неоднократно привлекало внимание исследователей и стало эпонимным для раннего этапа предскифского периода на юге Восточной Европы [2, с. 83, 84, рис. 19, 1; 3, с. 101, 102; 186—188, рис. 70, 5, 6, рис. 113, 18; 4, с. 79; 5, с. 198—201; 6, с. 127, рис. 88, 89; 7, с. 77, 78, 83, табл. XI, 2]. При исследовании и уточнении состава комплекса все археологи использовали публикацию В. А. Городцова, но место хранения находок оставалось неясным.

Два года назад мною были исследованы беспаспортные удила из довоенных коллекций Харьковского исторического музея¹. Сопоставление этих удил с иллюстрацией в первой публикации [1, табл. XIII, 6] показало их полное сходство в размерах, конфигурации внешних окончаний и даже в дефектах отливки (затек металла в щель между створками литейной формы на одном из звеньев), что позволило идентифицировать удила как происходящие из погр. 3 в Черногоровке (рис. 1, 1) [8, с. 93].

Детальное изучение удил из Черногоровки позволило выявить их особенность, которая не была замечена ранее, а именно наличие на одной из сторон стержней обоих звеньев двурядно-прямоугольного рельефа. Какой-то неясный рельеф на этих удилах ранее отмечался В. И. Козенковой, но этот факт остался непрокомментированным исследовательницей [7, табл. XI, 2].

Двурядно-прямоугольный рельеф для удил черногоровского этапа в Восточной Европе в целом не характерен. В этот период бытуют однокольчатые и треугольно-конечные удила с гладкими стержнями или с ложновитым рельефом на них [9, с. 38]. Двурядно-прямоугольный орнаментальный пояс имеется на внешней стороне псалиев камышевахского типа, которые являются характерной составляющей уздечных комплектов черногоровского этапа предскифского периода на юге Восточной Европы [5, с. 150, 151, рис. 87, 1]. В большинстве случаев эти псалии отличаются от сходных псалиев типа найденных в погр. 38 и 56 могильника Сержень-Юрт тем, что имеют менее выделенные элементы крепления в виде муфт и равные по размерам верхнюю и нижнюю шляпки. Аналогичный рельеф более всего распространен на треугольно-конечных и однокольчатых удилах восточных районов Евразии, в частности на удилах из кургана Аржан [10, рис. 12, 1, 23, 6, 27, 3, 28, 4], а в Восточной Европе он становится господствующим на двукольчатых удилах новочеркасского хронологического этапа [9, с. 38, 39].

Внешние окончания удил из Черногоровки, образованные довольно широкой «дугой» и прямой «подножкой», скорее могут быть названы стремечковидными, чем треугольно-конечными. Удила с подобной конфигурацией внешних окончаний довольно редки среди древностей предскифского периода. Практически полную аналогию рассматриваемому экземпляру составляют случайно найденные у пос. Майский в Адыгее удила с ложновитым рельефом на стержнях (рис. 1, 2)².

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить В. Г. Бородулина за помощь и содействие при исследовании удил.

² Хранятся в Майкопском музее, известны мне по рисунку А. А. Това.

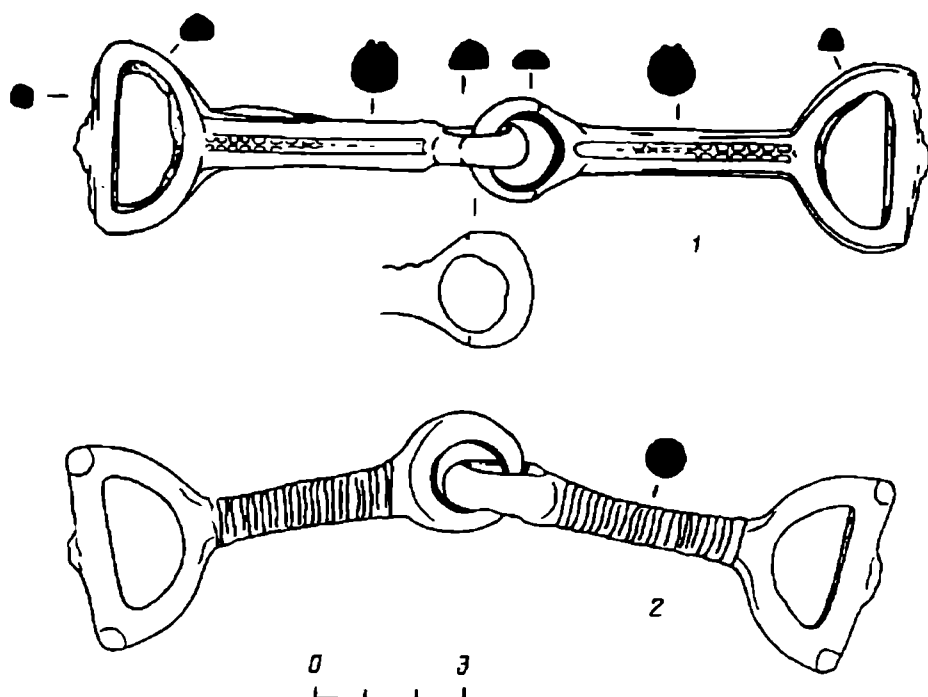

Рис. 1.

1 — удила из погр. 3 кургана 1 у хут. Черногоровка; 2 — удила из пос. Майский в Адыгее

Очень близки к ним и удила из погр. 39 могильника Сержень-Юрт в Чечне, имеющие также ложновитые стержни [7, табл. II, 9 с. 77, 78].

Погребения всадников могильника Сержень-Юрт датированы В. И. Козенковой на основании среднеевропейских аналогий элементам узды и вооружению временем не позднее конца IX — середины VIII в. до н. э. [7, с. 81]. В. И. Козенковой же было убедительно доказано, что псалии камышевахского типа (имеющие двурядно-прямоугольный орнамент) морфологически более поздние, чем псалии из погр. 38 и 56 Сержень-Юрта и их среднеевропейские аналогии [7, с. 75—77].

Целый ряд деталей формы удил и псалиев из погр. 3 в Черногоровке находит соответствия в инвентаре кургана Аржан [5, с. 150, 160, рис. 86], который датируется сейчас временем около второй-третьей четверти VIII в. до н. э. [11, табл. 3; 12, с. 81, 82]. Исходя из приведенных датировок, следует, что появление двурядно-прямоугольного рельефа на восточноевропейских уздечных принадлежностях следует связывать с одной из миграций населения из восточных районов Евразии [13, с. 18] и датировать начало этого процесса временем около середины — третьей четвертью VIII в. до н. э. Появление в Восточной Европе уздечных наборов с более ранними морфологическими признаками следует, по всей вероятности, связывать с предыдущей миграцией [13, с. 18].

Широкое распространение двурядно-прямоугольного рельефа на двукольчатых удилах «кобанского типа» иллюстрирует прочное освоение этого мотива восточноевропейскими мастерами и может рассматриваться как аргумент для определения верхней даты его появления здесь. Наиболее многочисленны сочетания таких удил с этим рельефом с псалиями классического варианта новочеркасского типа. В комплексах с классическими новочеркасскими уздечными наборами часто встречаются вещи закавказско-переднеазиатского облика, чего не наблюдается в памятниках с морфологически более ранней уздой. Все это позволяет связывать классические новочеркасские памятники с походами киммерийцев в Закавказье и Переднюю Азию в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. [9, с. 39; 14, с. 177—179; 15, с. 24; 16, с. 27, 28].

В комплексах с уздой черноговоровского облика вещи, которые можно интерпретировать как следствие контактов с Закавказьем и Передней Азией, не зафиксированы ни разу, следовательно, бытование этой узды, а соответственно и черноговоровской группы памятников должно было прекратиться не позднее конца VIII в. до н. э. Эта дата и определяет верхний рубеж захоронения всадника в погр. 3 кургана 1 у хут. Черногоровка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде//Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.
2. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР//СА. 1953. Т. XVIII.
3. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
4. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода//СА. 1965. № 1.
5. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.
7. *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии//Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
8. *Вальчак С. Б.* К вопросу о дате погребения Черногоровского кургана//История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф. Харьков, 1992.
9. *Эрлих В. Р.* Бронзовые уздечные наборы и проблемы хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
10. *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
11. *Марсадолов Л. С.* Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э.//АСГЭ. 1988. Вып. 29.
12. *Марсадолов Л. С.* Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. областной конф. Запорожье, 1989.
13. *Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры//Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
14. *Эрлих В. Р.* О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII — первой половины VII в. до н. э.//Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. конф. «Археологические изыскания». Вып. 2. СПб., 1992.
15. *Скорий С. А.* До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія. 1991. № 3.
16. *Вальчак С. Б.* О некоторых цельнолитых уздечных комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы//Граковские чтения на кафедре археологии МГУ в 1989—1990 гг. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Институт археологии РАН,
Москва

S. B. VALCHAK

ON THE CHERNOGOROVKA KURGAN ASSEMBLAGE DATE

Summary

A lost Chernogorovka horse-bit discovery lets the author show new peculiarities of its construction, which are more typical for the Novocherkask stage horse-bit of the pre-scythian period in the south of Eastern Europe. According to this fact the burial and the all Chernogorovka stage can be date back not later than the end of the 8th century B. C.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ КОМПЛЕКСОВ ТИПА НОВОЧЕРКАССКОГО КЛАДА

Летом 1988 г. Кавказской экспедицией Государственного музея искусства народов Востока был раскопан курган, находящийся в 2 км к юго-западу от аула Кабехабль Шовгеновского района Адыгейской АО. Курган, высотой от подошвы 4,7 м, был расположен рядом с другим, немногим меньшим, на мысу террасы высокого берега р. Ульки, левого притока Лабы. У местного населения это место называлось «Уашхиту», что по-адыгейски означает «двухкурганье».

В насыпи кургана, в котором находились остатки нерегулярной деревянной крепиды, состоящей из радиально выложенных бревен, также были встречены фрагменты керамики эпохи бронзы (так как земля, вероятнее всего, бралась с территории находящегося поблизости поселения эпохи бронзы), найдены две бронзовые булавки и наконечник стрелы, являющийся вариантом новочеркасского типа (рис. 1, 32—34).

Надмогильное сооружение представляло собой шатровую конструкцию, несущими элементами которой были выкид из могильной ямы и система мощных столбов, вероятно, перевязанных балками, находящимися в могильной яме.

Могильная яма (рис. 2) имела форму прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии север — юг с незначительным отклонением. Длина ямы 12 м, ширина 7 м, глубина от уровня древнего горизонта 1,7 м. В северной части могильной ямы была расчищена ограбленная площадка, на которой непосредственно находился погребенный. Она представляла собой изначально, вероятно, огороженный плетнем или деревянной оградой прямоугольник с длинной осью по линии север — юг и сторонами 4,8 и 3,2 м. На дне по периметру площадки были вычищены остатки нижних деревянных плах, заглубленных в дно ямы на 5—8 см, и небольшие ямки на углах прямоугольника, вероятно от жердей каркаса. В этих углублениях, а также внутри прямоугольника были обнаружены следы ограбления: фрагменты золотой фольги, бронзовые чешуйки панциря (рис. 1, 35), железный нож. Юго-восточный угол прямоугольника погребальной площадки не был задет грабительской ямой. В нем находилась бронзовая ситула-котел, раздавленная деревянным перекрытием, в которой лежала железная вилка (рис. 1, 36).

Южная половина ямы не была затронута грабителями. На расстоянии около 2 м к югу от погребальной площадки расчищены две длинные и узкие ямки, почти симметричные, ориентированные длинной осью с севера на юг, в продольном сечении приближающиеся к полукругу. Длина западной ямы 1,6 м, ширина 35 см. Длина восточной — 1,4 м, ширина — 40 см. Ямки имели глубину соответственно 63 и 66 см.

Ровно посередине между ямками, находящимися на расстоянии 2,2 м друг от друга, были найдены еще одна раздавленная бронзовая ситула и кости барана. В 40 см к юго-западу и к юго-востоку от нее симметрично лежали две массивные уздечные бляхи с «солярными знаками» (рис. 1, 30, 31). В 1,2 м к югу от уздечных блях расчищено погребение четверки коней (рис. 3). Кони находились у южной стенки ямы, головой на юг, на животе с подогнутыми ногами, головы

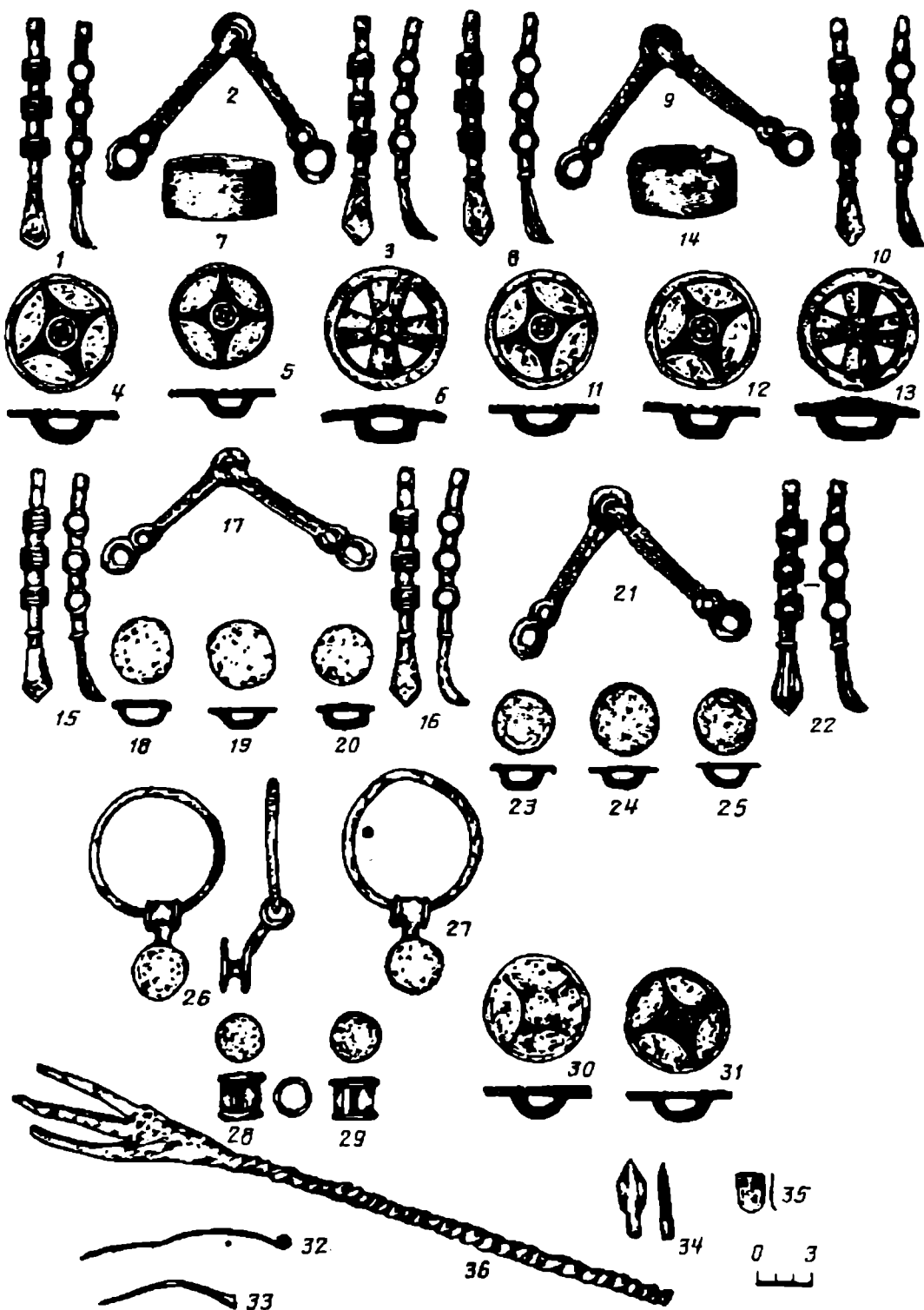

Рис. 1. Уашхиту 1, кург. 1. Комплекс погребения

повернуты к западу. Кони лежали достаточно плотно прижатыми друг к другу, так что кости одной лошади заходили на кости другой, что наводило на мысль об их сопряженности в упряжке. Оставался лишь небольшой промежуток между внутренними костяками, вероятно, разделенными дышлом. О сопряженности коней в упряжке свидетельствовал как уздечный набор, многие предметы которого оказывались лишними для запряжки верхового коня, так и расположение его элементов на костяках лошадей.

Кони были взнузданы однотипными двукольчатыми удилами, имевшими на

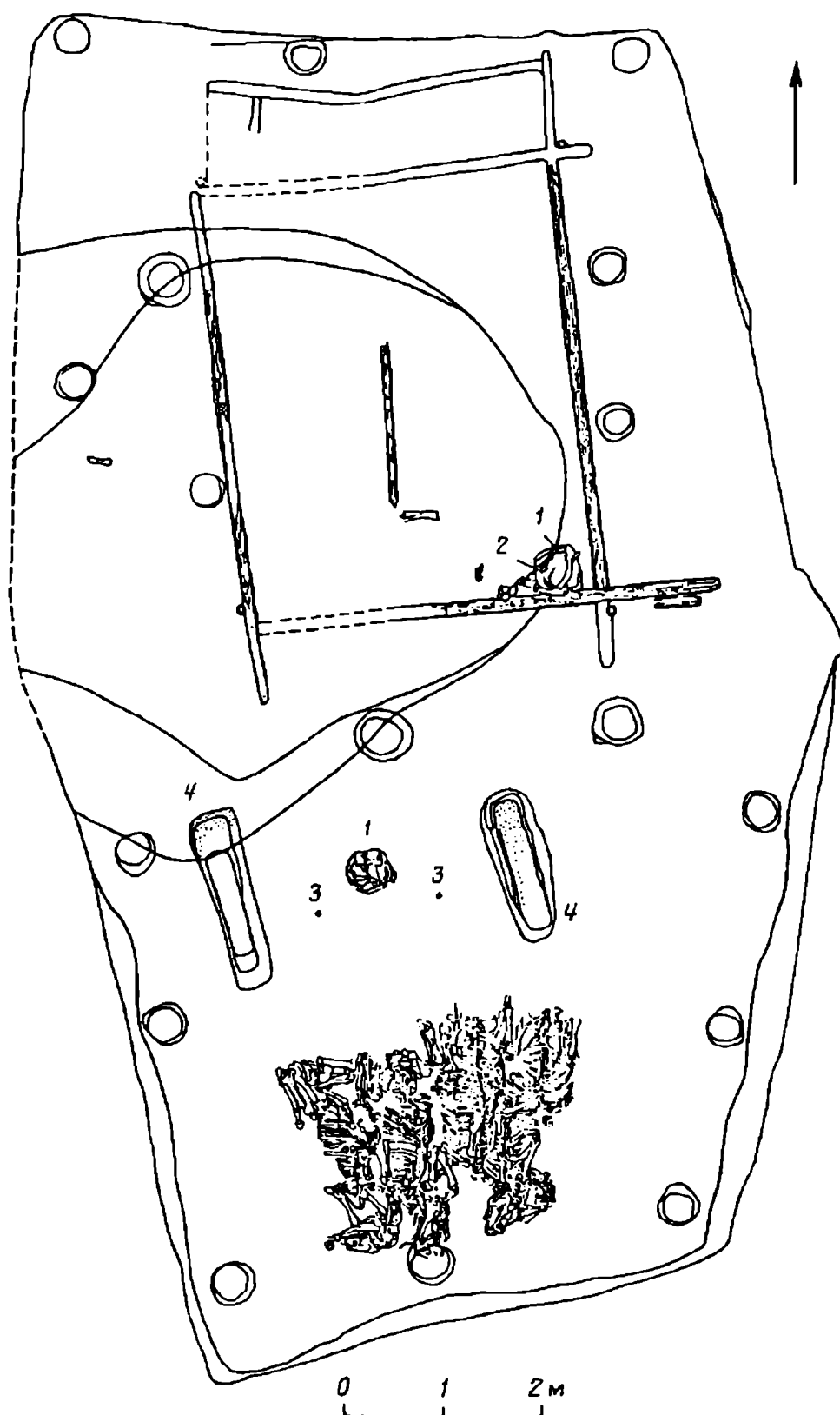

Рис. 2. План могильной ямы основного погребения. 1 — ситулы; 2 — железная вилка; 3 — бронзовые бляхи; 4 — ямки колес

одной стороне мундштуков литое рифление в виде двух рядов прямоугольных в сечении выступов (рис. 1, 9, 17, 21). Лишь крайняя с восточной стороны лошадь имела удила с иным рифлением в виде двух рядов круглых в сечении

Рис. 3. Уашхиту 1, кург. 1. Фрагмент плана погребения. Упряжка в колесницу. 1, 5, 15, 15a — удила и псалии; 2, 4a, 16, 16a, 17, 18 — большие бляхи с солярным знаком; 4, 13 — плоские в сечении кольца; 3, 14 — ажурные бляхи с «мальтийским крестом»; 8, 9 — кольца с подвижными муфтами; 6, 6a — пронижи для ремней; 7, 7a, 10—12 малые бронзовые бляхи оголовья коренников

выступов (рис. 1, 2). Длина звеньев удил 10,5—11,5 см, внешние их кольца больше внутренних. Рядом с удилами находились бронзовые однотипные трехмуфтовые стержневидные псалии. Верхние части псалиев имели головку-утолщение, квадратное в сечении, нижняя плоская часть слегка загнута в виде лопасти. Внешние стороны лопастей и внутренние муфты у псалиев украшены горизонтальными резными полосками (рис. 1, 1, 3, 8, 10, 15, 16, 22), высота псалиев 14—14,5 см.

Внешние (пристяжные) лошади в районе холки с двух сторон имели по паре

массивных бронзовых бляшек с солярными знаками, аналогичных тем, которые находились возле ситутлы (рис. 1, 4, 5, 11, 12). Эти бляхи имели диаметр 6,6—6,9 см. На крупах пристяжных лошадей почти симметрично лежало по бронзовому плоскому браслетообразному кольцу диаметром 7 см (рис. 1, 7, 14) и по ажурной бляхе диаметром также 7 см в виде вписанного в круг «мальтийского креста», в центре которого располагался «солярный значок» (рис. 1, 6, 13).

Две внутренние лошади (коренники) имели по три маленькие бляшки, находившиеся в районе голов и, вероятно, связанные с ремнями оголовья. Диаметры бляшек 3,2—3,8 см (рис. 1, 18—20, 23—25). Между коренниками на уровне груди лошадей лежала пара круглых в сечении колец с подвижными муфтами, соединенными со сдвоенными бляшками для крепления ремней. Диаметры колец ~8,5 см, бляшек — 3,2—3,1 см (рис. 1, 26, 27). Здесь же лежала и пара бронзовых цилиндрических пронизей, имевших сверху и снизу круглые бляшки и по три прорези прямоугольного контура в цилиндре. Высота пронизей 2,5 см (рис. 1, 28, 29).

Остановимся подробнее на инвентаре комплекса Уашхиту.

Бронзовые двухкольчатые удила новочеркасского типа имеют литое рифление в виде двух рядов прямоугольных в сечении выступов. Такое рифление, по мнению ряда авторов, встречается на наиболее поздних двухкольчатых удилах, так как затем оно переходит уже на бронзовые стремячковые удила периода скифской архаики [1, с. 44; 2, с. 164]. Интересны удила, имеющие два ряда выступов, круглых в сечении. Полные аналогии им нам не известны. В Прикубанье и в районе Новороссийска встречены удила, где такие выступы располагались вокруг всего грызла [3, кат. № 110, рис. 15; 4, с. 43, табл. XIV, 2; 5].

Нам не известны и полные аналогии псалиям, найденным в кургане Уашхиту. Эти трехвтульчатые псалии как бы являются синтезом трехвтульчатых псалиев типа Малой Цимбалки и новочеркасских псалиев с загнутой лопастью.

Бронзовые кольца с подвижными муфтами достаточно часто встречаются в комплексах времени Новочеркасского клада. В Центральном Предкавказье они происходят из хут. Алексеевского, Лермонтовского разъезда, Баксана и других мест [6, с. 117, 118, 121—123, рис. 3, 7, 10, 12; 7, табл. 6, рис. 3, табл. 7, рис. 13]. В Прикубанье такие кольца известны в Кубанском и Псекупском могильниках, комплексе из урочища Чижо, с берега Краснодарского водохранилища [8, с. 43, рис. 3; 9, с. 164, рис. 4, 1]. В Украинской Лесостепи такие изделия происходят из комплексов Бутенки, Квитки, Ольшаны [10, с. 67, рис. 21, 2; 11, с. 46, рис. 6, 12; 12, с. 186—187]. В степной части Юга России они известны в кладе у с. Преображенное и Аксайском кладе [13, с. 65, рис. 2, 5, 6; 14, с. 39, рис. 7, 5].

Найденные в кургане две бронзовые уздечные цилиндрические пронизи встречаются на Северном Кавказе в курганах, относящихся ко времени скифской архаики: Келермес, Нартан, хут. Красное знамя [1, с. 47, рис. 27; 7, табл. 48, 18; 15, с. 50, табл. 10, рис. 17, 18]. Совершенно аналогичные уашхитинским пронизи недавно были найдены на левом берегу Краснодарского водохранилища [9, с. 164, рис. 4, 5]. Вероятно, именно этот тип уздечных пронизей послужил прототипом цилиндрическим пронизям келермесского времени.

При погребении коней найдено два бронзовых кольца, плоских в сечении. Кольца без подвесок диаметром 7—10 см иногда встречаются (обычно в паре) в комплексах новочеркасского времени. Два плоских бронзовых кольца с выступами найдены в комплексе в урочище Чижо в Закубанье [8, с. 45, рис. 7]. Вероятно, к уздечному набору относятся два плоских бронзовых кольца из Бутенок, ошибочно принятых Т. Г. Ковпаненко за браслеты, так же как и пара линзовидных в сечении колец из кургана у с. Квитки [10, с. 67, рис. 1, 12, 13]. Такие же кольца есть и в кладе из с. Преображенное [13, с. 65, рис. 2, 14, 15]. Кольца, найденные в Уашхиту *in situ*, не оставляют сомнения в том, что эти предметы являются элементами конской упряжи.

Уздечные бляхи, найденные при погребении коней, относятся к трем разновидностям.

1. Мелкие круглые неорнаментированные бляшки, плоские или немногие выпуклые. Они достаточно часто встречаются в погребениях предскифского времени, в Закубанье они известны, например, в могильнике Фарс [3, с. 61, рис. 11].

2. Большие круглые бляхи с «солярным знаком». Полные аналогии таким бляшкам нам не известны. Орнамент, украшающий их внешнюю сторону, самый популярный для вещей предскифского времени и встречается как на Северном Кавказе, так и в Лесостепи. Он же имеется на некоторых вещах раннескифского времени (Келермес, Нартан, Жаботин и др.). В. А. Ильинская достаточно убедительно доказала, что подобное изображение является солярным символом [17, с. 209, рис. 2].

3. Ажурные прорезные бляхи с «мальтийским крестом». Почти полная аналогия им известна в погребении из Псекупского могильника [4, с. 43, табл. XIV, 3].

Бронзовые клепаные сосуды-ситулы с литыми зооморфными ручками были распространены в течение всего VII в. Подробную их сводку сделал Е. И. Крупнов при публикации Жемталинского клада. Подавляющее большинство находок этих сосудов, сделанных на Северном Кавказе и Закавказье, позволило ему прийти к выводу об их кавказском происхождении [18, с. 20—28]. С тех пор коллекция бронзовых ситул и их деталей несколько пополнилась. Они найдены в кургане 20 Нартана, в кургане у ст. Холмской, вне комплекса такой сосуд был найден в районе аула Уляп и в некоторых других пунктах [1, с. 46; 3, с. 68, № 143; 7, табл. 48, рис. 41; 19, рис. 108—109]. К сосудам-ситулам из Лесостепи добавился еще один, найденный в Квитках [11, с. 49, рис. 9, 46].

Железная вилка для мяса, найденная в ситуле-котле, — находка достаточно редкая в памятниках предскифского и раннескифского времени. Единственная известная нам аналогия такой вилки происходит из погр. 58 кург. 12 Уляп, раскопанного Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ, и датируется VI в. до н. э. [16, рис. 73, 19].

На погребальной площадке были обнаружены бронзовые пластинки панциря, имеющие два отверстия для пришивания к кожаной основе (рис. 3, 35). Е. В. Черненко, справедливо считая пластинчатый панцирь заимствованием из Передней Азии, полагал, что его появление в Причерноморье датируется началом VI в. до н. э. [20, с. 155]. Однако на Северном Кавказе известны бронзовые панцири, найденные в комплексах новочеркасского времени. Это панцирь из погребения у Кабан-горы юго-восточнее Кисловодска, который датируется авторами публикации не позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э. Фрагменты еще одного панциря были найдены в комплексе VII в. погр. 4 могильника «Индустрия-1» [2, с. 175, рис. 9, 1; 22, с. 47].

Две бронзовые булавки, найденные в насыпи кург. Уашхиту 1, относятся ко времени сооружения кургана, аналогии им мы находим в могильнике предскифского времени Фарс и в кургане у ст. Холмской [3, № 94, рис. 3; 19]. В целом комплекс вещей, найденный в кург. Уашхиту, укладывается в период времени памятников Новочеркасского клада — VIII — середина VII в. до н. э. Однако ряд элементов этого комплекса: рифление на удилах, цилиндрические пронизи, железная вилка — свидетельствуют о том, что мы должны датировать этот комплекс концом этого периода, в рамках первой половины VII в.

Наиболее существенным открытием, сделанным в кург. Уашхиту, является впервые найденная *in situ* упряжка колесницы новочеркасского времени.

Расположение и характер упряжи на костях лошадей таковы, что она никак не может быть связана с уздечкой оголовья верховых коней. В связи с этим становится понятным назначение симметричных ямок, расположенных в 1,2 м к северу от задних ног коней упряжки, как предназначавшихся для колес. Это узкие ямки, находящиеся на расстоянии 2,1 м друг от друга и ориентированные

длинной осью по направлению север — юг. Интересно, что обе ямки имеют продольное сечение, близкое к полукругу. В заполнении этих ямок находились остатки дерева.

Подобные ямки-желобки были встречены в пяти погребениях могильника середины II тыс. до н. э. на р. Син-Ташта. Авторам раскопок этого могильника, благодаря продольному разрезу через эти ямки, удалось проследить остатки деревянного обода и спиц колес. Синташтинские колесницы имели колеса диаметром 90—100 см (будучи вкопанными в дно ям до осей). Колеса, в которых было по 10 спиц, находились на расстоянии 1,2 м друг от друга. Это расстояние показывает ширину кузова колесницы. Следов кузовов и осей повозок в могильнике обнаружено не было [23, с. 69].

Колесница (или арба) из Уашхиту была больше синташтинских. Здесь диаметр колес (вероятно, также вкопанных по оси) был 130—135 см, а длина оси 2,1 м. Мы не исключаем возможности и того, что вместо установки кузова всей колесницы были врыты в дно могилы только колеса, так как остатков оси и кузова проследить не удалось.

У скифов и меотов известны четырехколесные погребальные повозки с металлическими деталями колес. Все они относятся к IV в. до н. э. В сводке, сделанной С. С. Бессоновой, имеются данные о 10 повозках, найденных на территории Скифии, и 5 — в Прикубанье [24, с. 104, 105]. Повозки с металлическими деталями колес известны и в венгерском могильнике Сентеш-Векерзуг. Однако они мало чем напоминают остатки колесницы из Уашхиту и также моложе ее [25].

Вернемся же к самой упряжке. На сегодняшний день самой ранней для скифского времени является пароконная упряжка в колесницу ассирийского типа в кург. 1 у хут. Красное Знамя [26, с. 15—18]. Однако до сих пор упряжки, повозки или колесницы не были встречены в комплексах времени Новочеркасского клада.

Первым высказал предположение о возможности использования конных упряжек в это время А. И. Мелентьев при публикации Аксайского клада [14, с. 42]. К элементам пароконной упряжки он относил два больших кольца со сдвоенными подвижными бляшками-пуговицами. В свете находок публикуемого комплекса предположение А. И. Мелентьева оказалось достаточно прозорливым.

Спорадические походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию в конце VIII — первой половине VII в. до н. э., в которых участвовало население Северного Кавказа и Предкавказья, чему имеются и археологические свидетельства, прежде всего заставляют нас обратиться при реконструкции упряжки к синхронным ассирийским колесницам, хорошо известным по многочисленным изображениям на рельефах. Четверка лошадей чрезвычайно характерна для упряжки ассирийских колесниц. Она осуществлялась при помощи короткого загибающегося вверх дышла, которое проходило между коренниками, и тонкого и легкого изогнутого ярма. Пристяжные же лошади пристегивались специальными ремнями типа постромков, проходящими с внешних сторон упряжки к передней части кузова повозки [27, рис. 59, 90, 96].

Возможно, приблизительно такой же способ мог использоваться и в упряжке кург. Уашхиту. Здесь интересен следующий момент. Только пристяжные лошади имеют большие бронзовые бляхи с солярным знаком, которые не связаны с уздечкой оголовья, и большие, плоские в сечении кольца. По паре блях расположено у начала шейных позвонков, они могли находиться на пересечении грудного ремня с холочным. На них, а также на широких и плоских в сечении кольцах обнаружены патинированные остатки широких ремней шириной 2,5 см, в то время как через малые бляхи оголовья уздечек коренников проходили узкие ремни шириной 1,5—1,8 см. Постромки, возможно, крепились к повозке при помощи больших колец и украшались ажурными бляхами. Эти предметы были найдены в районе крупов пристяжных коней. Коренники были припряжены к ярму или дышлу при помощи цилиндрических пронизей, которые находились

между ними, т. е. в том месте, где должно было располагаться дышло. Там же на уровне передних лопаток находились круглые в сечении кольца с подвижными муфтами. По поводу этих деталей узды А. И. Мелентьев высказал предположение, что они исполняли функцию антуха и служили для крепления упряжки с ярмом [14, с. 42]. Это предположение скорее всего верно при условии запряжки при помощи одного ярма. Если промежуток между коренниками в упряжке колесницы из Уашхиту свидетельствует скорее всего о том, что она имела одно несохранившееся дышло, то данных о том, употреблялось ли в этой запряжке одно ярмо или несколько хомутов, у нас нет. В. Нагель, исследовав по рельефам синхронные колесницы новоассирийского царства, предложил два основных варианта реконструкции упряжек с четверкой лошадей (тип В₂). В одном случае в короткое ярмо с двумя кольцами впряжены только коренники. Пристяжные же лошади, судя по его схеме, крепятся к упряжке при помощи ременных хомутов; ремней постромков здесь нет, и фактически пристяжные лошади тянут повозку ртом, при помощи повода, что немыслимо [28, с. 93—94, рис. 71, 72].

Более правдоподобен второй вариант запряжки четверки лошадей при помощи одного ярма с внешними ремнями типа постромков (С₂ и С₃), однако здесь не указаны кольца, при помощи которых упряжь коренников крепится к дышлу [28, с. 95, рис. 74, 75].

В упряжке кург. Уашхиту возможен способ запряжки, комбинирующий два типа, предложенных В. Нагелем: припряжение коренников к ярму при помощи колец и тяга, осуществляемая пристяжными лошадьми при помощи внешних ремней.

На чернофигурных и краснофигурных греческих вазах изображались колесницы с одним дышлом, к которому крепилось одно ярмо. Подобным образом была устроена и известная колесница из Египта [29, с. 1634, 1638, 1639, рис. 2198, 2210, 2211, 2215, 2216].

У золотой модельки колесницы ахеменидского времени из Амударьинского клада имеется одно прямое ярмо, к которому припряжены все лошади при помощи других ремней. Ярмо соединено с парой оглобель, внутри которых находились две коренные лошади [30, с. 4]. Скорее всего точно такая же система упряжки была и у модельки колесницы лорда Литтона, также происходящей из этого клада [30, с. IX, рис. 21].

Древнеиранские колесницы, возможно, имели и запряжку с одним дышлом. По крайней мере, из Авесты происходит следующее описание колесницы солнечного бога Митры:

Четыре жеребца ведут ту колесницу.
Все одинаковой белой масти,
Питающиеся небесным кормом и бессмертные.
Передние копыта их
Кованы золотом,
Задние — серебром.
Все прикреплены к одному дышлу,
Все ходят под одним ярмом,
И поперечные перекладины ярма
Прикреплены крючками из металла
Чудесной работы ...

(Михр-яшт, пер. И. С. Брагинского) [31, с. 38, 39].

В Древнем Риме колесница с квадригой запрягалась при помощи четырех ярм-хомутов и хомуты коренных лошадей крепились к окончанию дышла при помощи металлических колец [32].

Итак, на наш взгляд, кольца с подвижными муфтами, которые по всей видимости являлись наиболее существенными металлическими деталями в упряжи

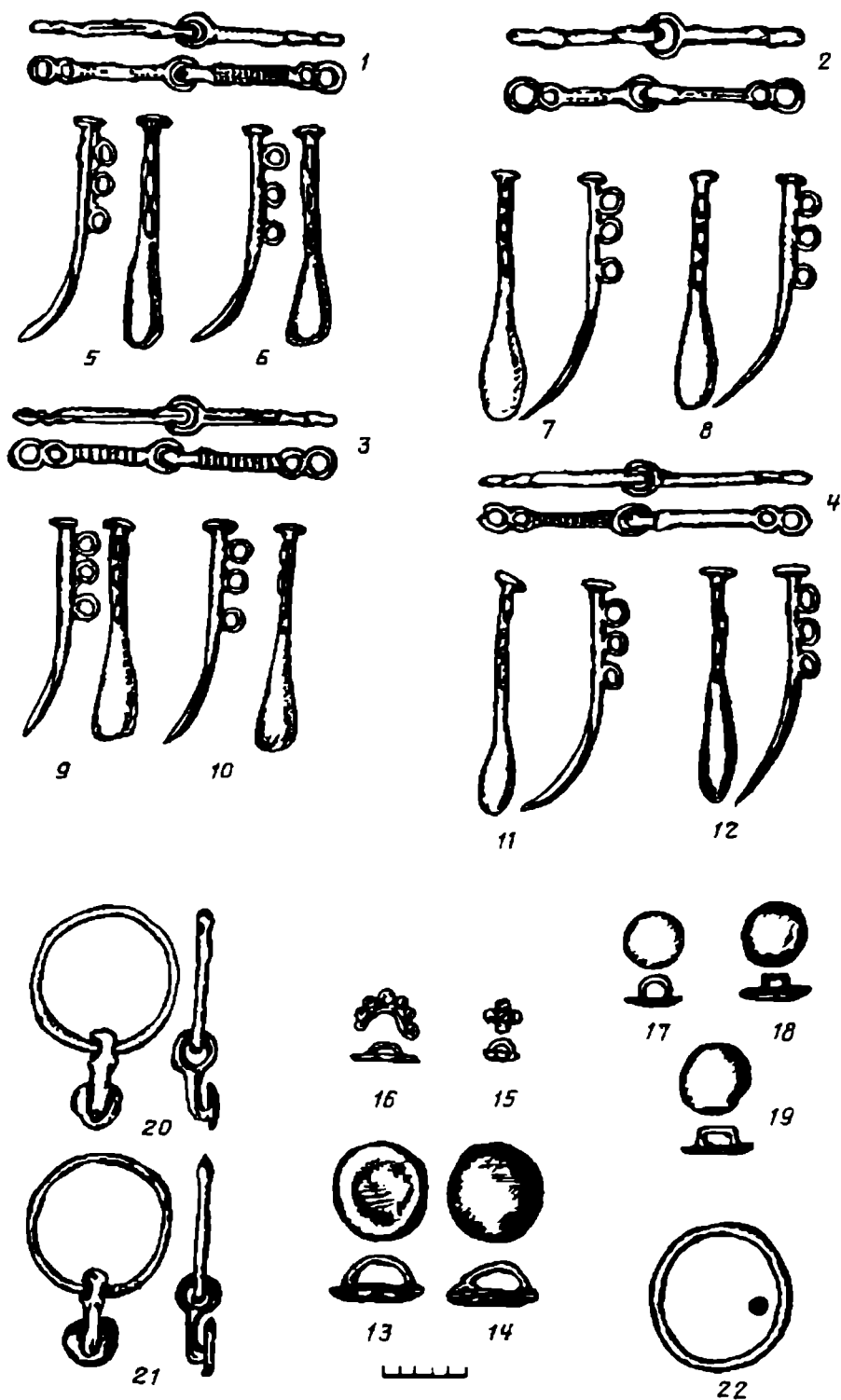

Рис. 4. «Клады», кург. 46. Комплекс погребения

колесниц новочеркасского времени, могли выполнять следующие функции. В случае запряжки колесницы с одним ярмом, который наиболее вероятен, эти кольца, укрепленные на ярме, служили для припряжения коренных лошадей к ярму, что и предполагал А. Н. Мелентьев. Однако нельзя исключить и возможность крепления при помощи этих колец хомутов или грудных ремней хомутов к дышлу — способ, который известен был в Древнем Риме и употреблялся в недавнее время и который предполагает использование в запряжке не одно ярмо [33, с. 60].

Тем не менее, каким бы ни было функциональное назначение колец с подвижными привесками, упряжь кург. Уашхиту документально доказала применение пары этих предметов в запряжке колесницы. Этим и объясняется нахождение этих деталей в комплексах всегда в паре.

После раскопок кург. Уашхиту стала возможна интерпретация еще одного комплекса (также исследованного Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ) как ограбленного погребения с колесницей. Это кург. 46, раскопанный в 1983 г. в урочище «Клады» возле ст-цы Новосвободной Майкопского района Адыгейской АО. Этот небольшой курган высотой 58 см содержал полуразрушенную каменную оградку прямоугольной формы, которая ограничивала погребальную площадку, находившуюся на уровне древнего горизонта. Она была ориентирована длинной осью по линии северо — запад — юго — восток и имела размеры 9,25×4,5 м.

В северо-западной части площадки были обнаружены фрагменты трех черпаков, кости животных (лошадей), бронзовая крестовидная бляшка (рис. 4, 15). В южной части площадки обнаружены кости и черепа четырех коней, лежавших рядом у южной стенки оградки параллельно друг другу. При конских черепах найдена упряжь, пригодная для колесничной упряжки. Она состояла из четырех комплектов бронзовых удил и парных псалиев, пяти бляшек, двух колец с дополнительными привесками, круглого в сечении уздечного кольца и бронзовой бляшки-лунницы. Двукольчатые бронзовые удила, найденные в этом комплексе, однотипны. Внешние их кольца больше внутренних. На грызлах имеется литое одностороннее рифление, у трех пар оно в виде четырех рядов прямоугольных выступов, а у одной в виде двух рядов. Длина удил 19—20,5 см (рис. 4, 1—4).

Четыре пары псалиев, найденные при этих удилах, также однотипны и представляют собой классические трехпетельчатые стержневидные образчики типа Новочеркасского клада. В верхней части они имеют плоские шляпки, нижняя часть уплощена и загнута в виде лопасти. Псалии такого типа получают самое широкое распространение на юге европейской части в предскифское время. Длина псалиев 14—14,5 см (рис. 4, 5—12).

Пара одинаковых бронзовых колец, найденная в описываемом погребении, имеет привески в виде небольшого стерженька, к краю которого крепится плоская бляшка. Диаметр колец 9 см (рис. 4, 20, 21). Подобное этим кольцо происходит из разрушенного погребения 1930 г. Кубанского могильника [6, с. 121, рис. 10]. Бронзовое круглое в сечении кольцо без привески имеет диаметр 8,8 см (рис. 4, 22).

Сильно изогнутая бронзовая лунница имеет на внешней стороне щитка орнамент в виде пяти окружностей. Размеры лунницы 4×3 см (рис. 4, 16).

Имевшиеся в этом комплексе бронзовые бляшки с плоским неорнаментированным щитком аналогичны бляшкам из Уашхиту и представлены двумя размерными вариантами. Пара бляшек имеет диаметр 6 см, а три остальные — 4 см (рис. 4, 13, 14, 17—19).

Набор, относящийся к упряжи колесницы, недавно обнаруженный в Закубанье вместе с костями лошадей, опубликован Майкопским краеведом Асланом Товом. Он происходит из урочища Чишхо на левом берегу Краснодарского водохранилища. В этот набор входило четыре пары удил: две из них являются модификацией типа Енджи, одни двукольчатые и одни стремячкovidные. Две последних пары удил обнаружены в сочетании с трехпетельчатыми псалиями Новочеркасского типа. В этом же наборе имелись два кольца с подвижными муфтами, со сдвоенными бляшками, два плоских браслетообразных кольца с выступами для крепления ремня и две ажурные бляхи [8].

Еще один неполный комплект упряжи, предназначавшийся для запряжки колесницы, был обнаружен в 1988 г. Теучежским отрядом Кавказской экспедиции ГМИНВ под руководством Л. М. Носковой. Он был найден недалеко от урочища Чишхо, в устье р. Пшиш, на месте размываемого одноименного могильника, где уже встречались элементы упряжи колесниц. В этот набор входили три пары двукольчатых удил, два кольца с муфтами, имеющими сдвоенную бляшку,

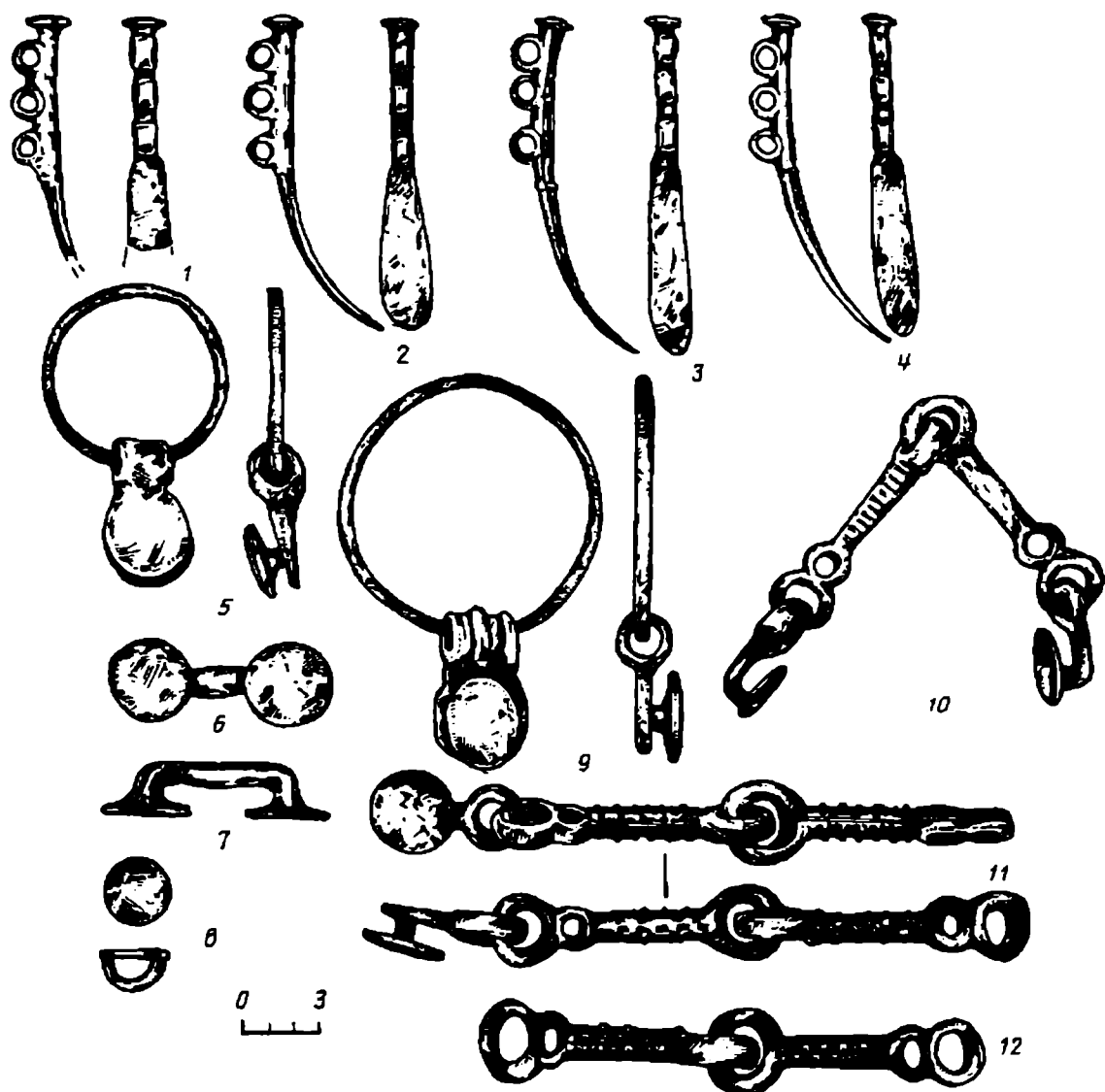

Рис. 5. Пшишский клад

четыре псалия и два петлевидных стержня, к концам которых крепились две бляшки.

Удила этого набора — двукольчатые с большими внешними кольцами. Одна пара имеет одностороннее рифление на грызлах в виде трех рядов круглых в сечении выступов (рис. 5, 12). Другие удила имеют аналогичные строгие выступы, располагающиеся по всей окружности мундштуков, и дополнительное звено для повода (рис. 5, 11). Третья пара удил имеет на грызлах одностороннее рифление в виде прямоугольных рубчиков и два дополнительных поводных звена (рис. 5, 10). Псалии этого набора однотипны — это классические новочеркасские псалии с плоской шляпкой и загнутой уплощенной лопастью в нижней части (рис. 5, 1—4). Кольца с подвижными муфтами этого набора не одинаковы. Одно большое имеет диаметр кольца 10,2 см и ребристую муфту (рис. 5, 9), другое — диаметр кольца 6,8 см и плоскую муфту.

В этом же комплексе находилась пара двойных бляшек, крепящихся к стержневидной петле (рис. 5, 6, 7). Подобные изделия известны в Аксайском кладе (здесь бляшки украшены солярными знаками), в разрушенном погребении 1930 г. Кубанского могильника, в неполном комплексе упряжи колесницы, обнару-

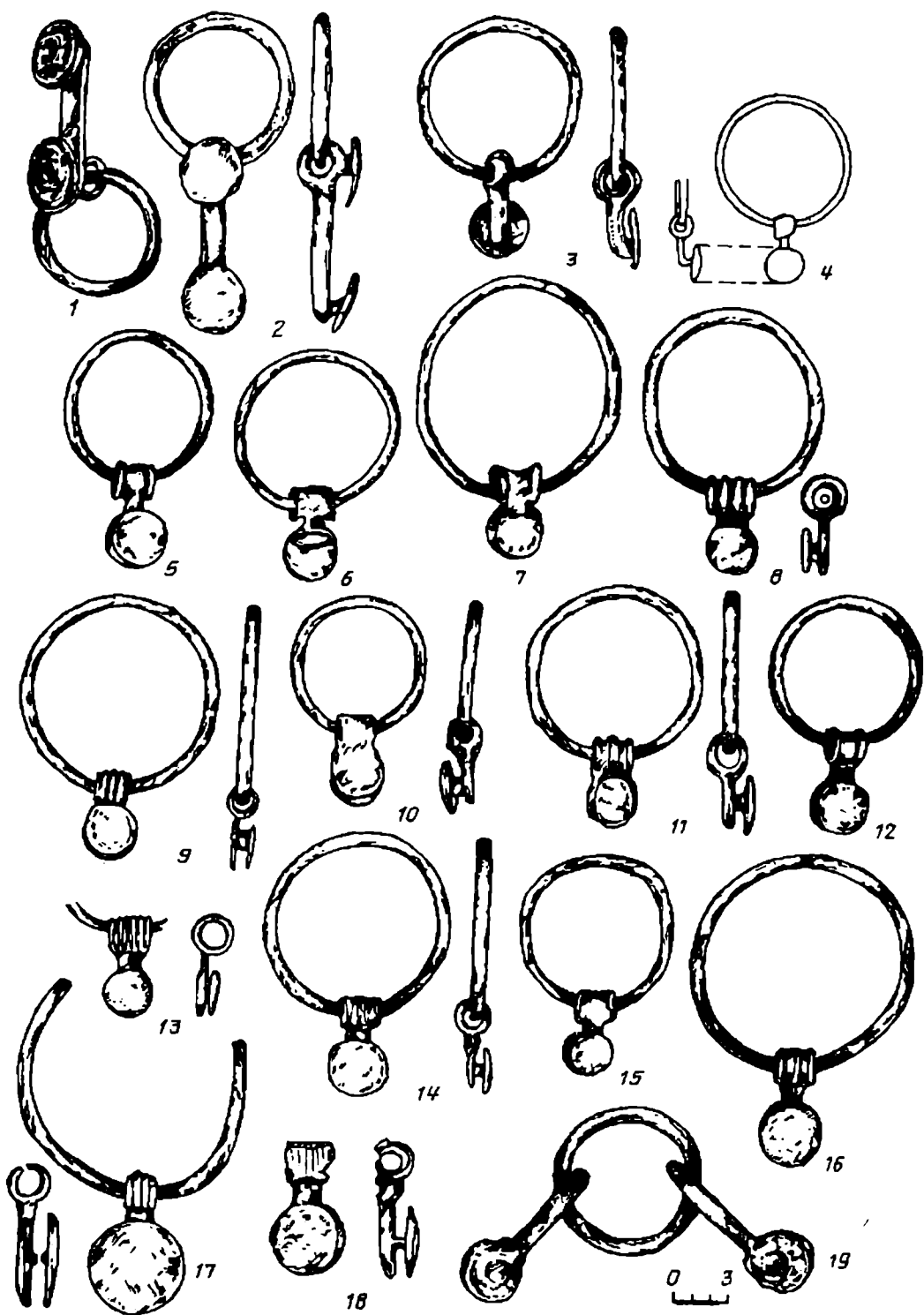

Рис. 6. Кольца с привесками. 1 — Аксайский клад; 2 — Пшиш, случайная находка; 3 — «Клады», кург. 46; 4 — Кубанский могильник, погр. 1930 г.; 5 — Уашхиту 1, кург. 1; 6 — Чишхо; 7 — Кубанский могильник; 8 — Псекупский могильник; 9, 10 — Пшишский клад; 11 — Пшиш, случайная находка; 12 — хут. Алексеевский; 13 — Лермонтовский разъезд; 14 — Баксан; 15 — Алтуд; 16 — Бутенки; 17 — Квитки; 18 — Преображенное; 19 — Халимба (Венгрия)

женном у горы Баксан [6, с. 121, рис. 10; 7, табл. 6, рис. 2; 14 с. 39, рис. 7, 11].

Итак, после открытия в кург. Уашхиту упряжки колесницы мы можем выделить среди комплексов типа Новочеркасского клада комплексы, которые содержат предметы — индикаторы упряжи колесниц.

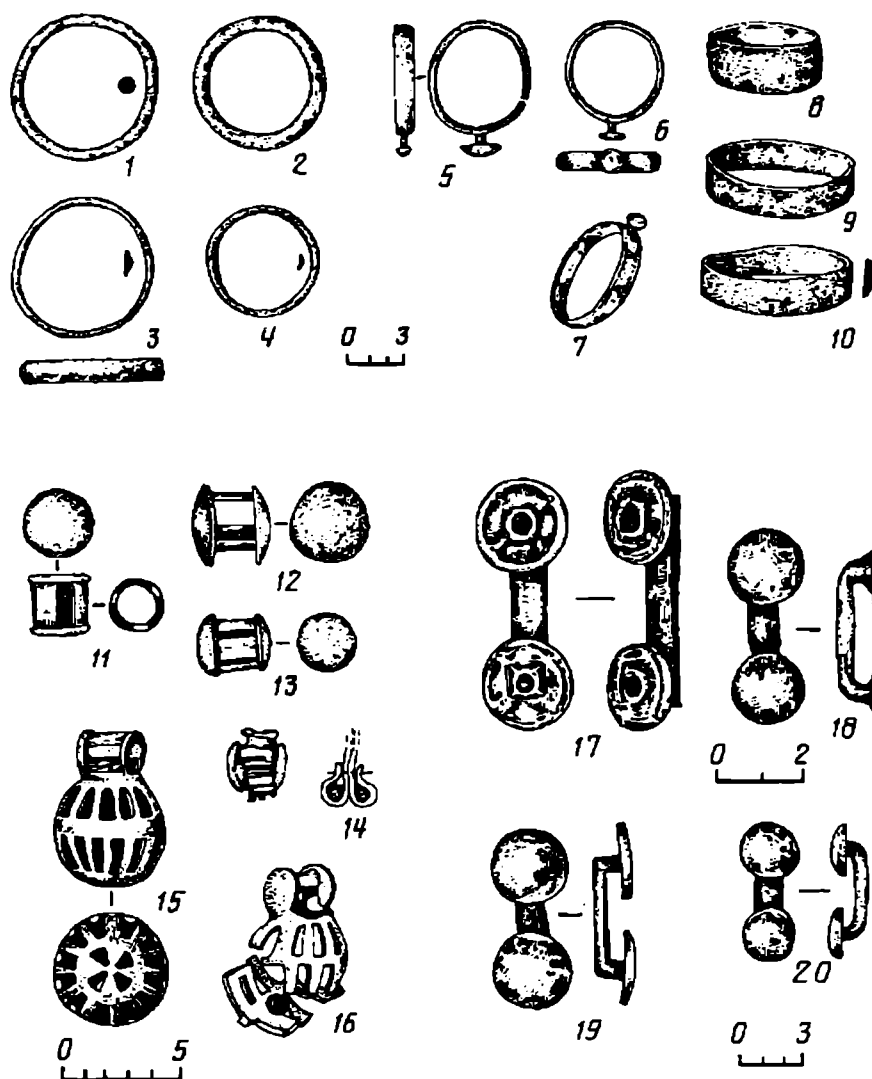

Рис. 7. Детали-индикаторы колесничной упряжи. 1 — «Клады», кург. 46; 2, 17 — Аксайский клад; 3 — Преображенное; 4, 19 — Кубанский могильник, 5 — Чишхо; 6, 20 — Баксан; 7 — Герпегеж; 8, 11 — Уашхиту; 9 — Бутенки; 10, 14—16 — Квитки; 12 — Пшиш, сл. находка, 13 — Комлод; 18 — Пшишский клад

Прежде всего это кольца с подвижными привесками, имеющими приспособление для крепления ремня. Эти предметы А. А. Иессеном и А. И. Тереножкиным были отнесены к конской сбруе, однако их функциональное назначение определено не было¹. Впервые предположение об использовании колец с привесками для колесничной упряжки высказал А. Н. Мелентьев [14], и лишь находка в кург. Уашхиту подтвердила это документально. Местом наибольшей встречаемости этих изделий является Северный Кавказ. В одной только Адыгее кольца с подвижными привесками 5 раз найдены в комплексах и 5 раз вне комплексов. Трижды они встречены в Украинской Лесостепи и дважды в степи. Среди этой категории вещей можно выделить три типа:

- 1) кольца с одной бляшкой, крепящиеся к подвижному стержню («Клады», кург. 46, Кубанский могильник, погр. 1930 г.; рис. 6, 3, 4). К этому же типу можно отнести и недавно найденное кольцо из Казазаво [35, с. 33, рис. 3, 3];
- 2) кольца с двумя бляшками, расположенными в ряд на плоской подвижной

¹ А. И. Тереножкин называл эти детали «кольца от удил», «кольцо для повода» [34, с. 26, 127, 156].

пластине (Аксайский клад, Пшиш, случайная находка; рис. 6, 1, 2). Аналогичные изделия найдены в кладе Комлод в Венгрии [36, табл. XX, рис. 17, 12];

3) кольца со сдвоенными бляшками, крепящимися к подвижным муфтам. Этот наиболее распространенный тип встречен в Бутенках, Квитках — в Лесостепи, в Преображенном — в степи, а также на Северном Кавказе (Уашхиту, Чишхо, Псекупский могильник, Пшишский клад, Лермонтовский разъезд, хут. Алексеевский, г. Баксан, с. Алтуд) (рис. 6, 5—18).

Трудно сказать, как шла эволюция этих деталей колесниц. Однако кольца с подвижными ребристыми муфтами со сдвоенными бляшками, вероятно, завершают эту эволюцию, так как встречаются в комплексах, уже имеющих архаические скифские элементы, — Квитки и Уашхиту.

Возможно, к этой же категории вещей относится и кольцо с двумя подвижными приспособлениями для крепления ремней, найденное в Венгрии в могильниках Халимба и Марошапо. Подобные изделия на нашей территории пока не известны [36, табл. XXXIX; 37, с. 162, рис. 8].

К деталям — индикаторам упряжи колесниц следует относить и бронзовые кольца без привесок диаметром 6—9 см, которые в ненарушенных комплексах встречаются в паре и, судя по их расположению в упряжке Уашхиту на крупах пристяжных лошадей, скорее всего связаны с ремнями постромков. При публикации комплексов из Бутенок и Квиток подобные кольца принимались за браслеты. О. Р. Дубовская, публикуя такие же кольца из клада у с. Преображенное и приняв во внимание аналогичные изделия из Кабардино-Балкарии, отнесла их к конскому снаряжению [13, с. 66]. Известно несколько разновидностей этих деталей упряжи колесниц.

1. Круглые в сечении кольца («Клады», кург. 46, Аксайский клад; рис. 7, 1, 2).

2. Кольца плоские в сечении (Уашхиту; рис. 7, 8).

3. Плоские в сечении с ребром или с одной округлой стороной (Бутенки, Квитки, клад из с. Преображенное; рис. 7, 3, 9, 10).

4. Треугольные в сечении — Кубанский могильник, разрушенное погребение 1930 г. (рис. 7, 4).

5. Плоские в сечении кольца с дополнительным приспособлением для крепления ремней (Чишхо, Баксан, Герпегеж). В Чишхо — это Т-образный выступ, в Герпегеже и Баксане — это выступ, имеющий сверху круглую плоскую бляшку (рис. 7, 5, 6, 7).

Еще ряд деталей, который жестко коррелируется в комплексах с кольцами, имеющими дополнительные привески, — это пластины с двумя бляшками. Их мы также можем отнести в разряд изделий — элементов колесничного набора. Такие пластины происходят из погребения 1930 г. Кубанского могильника, из клада в могильнике Пшиш, из разрушенного погребения у г. Баксан, из Аксайского клада. Все эти предметы однотипны и в целых комплексах встречаются в паре (рис. 7, 17—20).

Деталими упряжки колесницы новочеркасского времени являются и пронизи — распределители ремней, имеющие по три прорези. Вероятно, такие пронизи характерны для наиболее поздних новочеркасских упряжек, так как встречаются уже с упряжью архаических скифских колесниц [38, с. 47], например с колесницей из кург. 1 у хут. Красное знамя [1, с. 47, рис. 27].

Полные аналогии пронизям из кург. Уашхиту найдены вне комплекса в могильнике Пшиш (рис. 7, 12) и в кладе Комлод в Венгрии (рис. 7, 13) [36, табл. XX, рис. 6, 13]. Пронизи из Квиток по форме близки к уашхитовским, но имеют дополнения в виде прорезных бубенцов (рис. 7, 14—16).

Благодаря деталям — индикаторам колесниц, которые выявились в результате исследования упряжки Уашхиту и оказываются лишними в верховой упряжке, мы можем выделить погребения колесничих, а также клады упряжек колесниц среди комплексов новочеркасского времени. Как выясняется, они составляют значительный процент среди этих комплексов, в большинстве своем все же

тяготея к Северному Кавказу. Интересна следующая деталь, которая не прошла мимо исследовательницы комплексов типа Новочеркасского клада О. Р. Дубовской. Комплексы конской упряжи, встреченные в виде кладов, располагаются в южном секторе насыпи [13, с. 68]. Упряжки колесниц, встреченные в погребениях (Уашхиту и «Клады» кург. 46), также тяготеют к южному сектору и находятся к югу от места, где находился погребенный. В юго-западной поле кургана найден и комплекс Чишхо [8, с. 36].

Обращает на себя внимание и устойчивое количество бронзовых предметов там, где упряжь встречена в виде кладов. Как правило, это четыре пары удила и псалиев (лишь в кладе Пшиш их три и две в Аксайском кладе), пара колец с подвижными привесками, пара браслетообразных колец и т. д.

Сталкиваясь с таким однородным и единообразным культурным явлением, как погребения колесничих и кладов упряжи колесниц, распространенных на огромной территории юга европейской части, центром которого, безусловно, является Северный Кавказ, волей-неволей задаешься вопросом о носителях этой культурной традиции. О. Р. Дубовская в своих разработках пришла к выводу, что комплексы упряжи новочеркасского типа, встречаемые в лесостепной и степной зоне, имеют различную этнокультурную принадлежность и являются указателем на социально высокий статус их носителей [13, с. 67, 68]. Если последняя посылка, на наш взгляд, бесспорна, то первая в отношении к комплексам упряжи колесниц представляется сомнительной. Ведь тесная близость проявляется не только в сходстве и составе этих комплексов, но и в особенностях ритуала при предании этих вещей земле. Это — южная ориентировка, шатровая конструкция в курганах Квитки и Уашхиту.

Основными событиями времени, к которому относится хронологический горизонт комплексов колесниц конца VIII — первой половины VII в. до н. э. были военные походы в Переднюю Азию, чему мы получаем теперь все больше свидетельств: это бронзовые чешуйки панцирей, ассирийские шлемы, детали ассирийской упряжки. На первый план, безусловно, в это время выходит военная аристократия.

С другой стороны, колесный транспорт и колесница у индоевропейских народов всегда являлись атрибутами погребений самого высокого уровня. Этот вывод хорошо обобщен в работе Е. Е. Кузьминой [39]. С. Ж. Пустовалов в работе, посвященной социальной стратификации катакомбного общества, пришел к выводу, что колесница является признаком, присущим самому верхнему уровню ингильской группы катакомбных погребений [40, с. 127].

В индоевропейской мифологии колесница всегда является непременной принадлежностью верховных богов: Грозы, Солнца.

С. С. Бессоновой отмечалось, что в степной Скифии повозки и их элементы были обнаружены в наиболее богатых погребениях. По ее мнению, повозка является «социальным символом, символом принадлежности умершего к сословию скифской знати» [34, с. 110].

Ж. Дюмезиль развил гипотезу о традиционном трехсословном делении общества индоевропейцев на жрецов, воинов и непосредственных производителей (земледельцев и скотоводов) [41]. Трехсословным, в соответствии с индоевропейской традицией, выглядит и скифское общество в работах Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского [42, с. 15; 43, с. 145]. Особенно четко проявились у индоиранцев три сословия-касты: индийские варны и древнеиранские *пиштра*. М. М. Дьяконов, опираясь на труд Э. Бенвениста, выделял в обществе древних иранцев три сословия: колесничие, из которых происходил царь, жрецы и крестьяне [44, с. 61].

Все изложенное выше дает возможность предполагать, что носителями комплексов упряжи колесниц вероятнее всего было сословие ираноязычной кочевой аристократии — сословие, сопоставимое с «колесничими» (*rathaēštar*) Авесты. Кто это мог быть — киммерийцы или скифы? На наш взгляд, следует вернуться на

позиции А. А. Иессена, который считал, что у этих родственных иранских народов возможна единая материальная культура, выраженная комплексами типа Новочеркасского клада [6, с. 130]. Рассматривая комплексы упряжи колесниц в целом, независимо от того, где они найдены, мы, вероятно, сталкиваемся с общей североиранской традицией, в соответствии с которой колесница указывает на принадлежность носителя к высшему сословию колесничих, из которого происходит и царь. Эта традиция сохраняется и в раннескифское время, хотя изменяется упряжь колесницы. Подтверждением тому является находка колесницы в I Краснознаменском кургане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе//АСГЭ. 1983. Вып. 23.
2. Махортых С. В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. Омск, 1983.
3. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985.
4. Ловпаче Н. Г. Могильники устья р. Псекупс//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
5. Дмитриев А. В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края//Архив ИА АН СССР, Р-1. 5823а.
6. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе//Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
7. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов//Археологические работы на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.
8. Тов А. А. Протомеотский могильник Чишко близ а. Тауйхабль//Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
9. Кожухов С. П., Эрлих В. Р. Археологические разведки левого берега Краснодарского водохранилища//Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1988.
10. Ковпаненко Г. Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы//КСИА АН УССР. 1962. № 12.
11. Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье//Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
12. Ковпаненко Г. Т. Погребение предскифского времени у с. Ольшана Черкасской области//Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. конф. Баку, 1985.
13. Дубовская О. Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада//СА. 1989. № 2.
14. Мелентьев А. Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени (Аксакайский клад)//КСИА. 1967. Вып. 112.
15. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы//АСГЭ. 1983. № 24.
16. Отчет Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1983 год//Архив ИА АН СССР, Р-1.
17. Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени//МИА. 1965. № 130.
18. Крупнов Е. И. Жемталинский клад//Тр. ГИМ. 1952. Вып. IV.
19. Кондрашев А. В. Отчет о раскопках курганов у пос. Холмского Абинского района Краснодарского края//Архив ИА АН СССР, Р-1. № 12 023.
20. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1984.
21. Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского времени из окрестностей Кисловодска//СА. 1981. № 2.
22. Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья//Археолого-этнографический сборник. 1976. № IV.
23. Генинг В. Ф. Могильник Син-Ташта и проблема ранних индоиранских племен//СА. 1977. № 4.
24. Бессонова С. С. О скифских повозках//Древности степной Скифии. Киев, 1982.
25. Parducz M. Le cimetière hallstien de Szentes-Vekerzug, I—III//ААН. 1952. Т. II; 1954. Т. IV; 1955. Т. VI.
26. Петренко В. Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополе//КСИА. 1980. № 162.
27. Barnett R. D., Forman W. Assyrian palace reliefs. London, n.a.
28. Nagel W. Der mesopotamische Streitwagen und sein Entwicklung im ostmediterranean Berich. Berlin, 1966.
29. Dictionnaire de antiquités. Paris, 1889—1911.
30. Dalton O. M. The treasure at the Oxus. London, 1964.
31. Литература древнего Востока. Тексты. М., 1984.
32. Jnakovich Miklóš. Pferd, Reiter, Völkerversuche. München; Basel; Wien, n.a.
33. Цюрн Ф. А. (Zürn F. A.). Учение об упряжи. СПб, 1904.
34. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
35. Анфимов И. Н. Могильник протомеотской культуры хутора Казазово//Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
36. Gallus S., Horvath T. Un peuple cavalier préskythique en Hongrie. Budapest, 1939.
37. Археология Венгрии. М., 1986.

38. *Петренко В. Г.* Конская упряжь у скифских племен Ставрополья в VII—VI вв. до н. э. // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
39. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
40. *Пустовалов С. Ж.* К проблеме реконструкции социальной структуры носителей катакомбной культуры // Тез. докл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения проф. П. Н. Гракова. Запорожье, 1989.
41. *Dumézil G.* *Mithe et épopée. L'idéologie des trois fonctions dans épopées indo-européennes.* Paris, 1968.
42. *Грантовский Э. А.* Индо-иранские касты у скифов // XXV Междунар. конгр. востоковедов. Материалы делегации СССР. М., 1960.
43. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
44. *Дьяконов М. М.* Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961.

Государственный музей Востока,
Москва

V. R. ERLIKH

CONCERNING THE INTERPRETATION OF SOME ASSEMBLAGES LIKE THE NOVOCHERKASK HOARD

S u m m a r y

The materials of excavations of the first barrow mound in Uashkhitu-1 cemetery (Adygei) are published in the article. The chariot team was found there in the partly robbed burial of the end of the 8th — the first half of the 7th century B. C. This material gives a key to understand the function of several the Novocherkask hoard period assemblages as chariot harness sets. The most part of them come from the North Caucasus, other ones — from the European steppes and forest-steppes. The author distinguishes details indicating the chariot harness found in these assemblages which are unnecessary in the riding horse bridles (fig. 6—9). From his point of view, chariot teams and chariot harness hoards belonged to the military nobility of Middle East campaigns period like the Avesta caste of "charioteers" (rathaestar).

РАННЕСКИФСКИЙ КУРГАН НА ДНЕПРОВСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Южные окраины правобережной приднепровской лесостепи и прилегающие участки степи — интереснейший в археологическом отношении регион. Именно здесь, в верховьях и по водоразделам рек Ингул, Ингулец, Тясмин, Омельник, на пограничье степи и лесостепи исследовано немало важных в этнокультурном отношении памятников раннего железного века, в частности курганов; среди последних широко известны Мельгуновский и Медеровский.

В ближайших окрестностях с. Куцеволовка Онуфриевского р-на Кировоградской обл. (Украина), южнее села, зафиксировано 15 курганных насыпей средней (1—4 м) высоты. Большинство из них (11) входит в состав трех курганных групп, располагающихся в 7—8 км от правого берега р. Днепр¹; группа I насчитывает пять, группы II и III — по три насыпи. Осенью 1984 г. при сооружении местной оросительной системы была разрушена насыпь кург. № 9, входящего в группу I. Останец кургана был доследован весной 1985 г. экспедицией Кировоградского пединститута. Полученные при этом материалы представляют несомненный интерес для скифологов и публикуются ниже.

Кург. № 9 находился в 3,5 км к югу от села, располагаясь в южной части серповидной цепочки из пяти насыпей. Крупнейший в группе, накануне начала мелиоративных работ он представлял собой полого-полусферическую насыпь высотой около 2,5 м и диаметром до 25 м (рис. 1). Насыпь, состоявшая исключительно из чернозема, к моменту доследования была почти полностью снесена мелиораторами до уровня погребенной почвы; останец ее имел вид ориентированной по оси ЮЗ — СВ грунтовой стенки длиной 17,5 м, шириной 1,6 м и высотой 1,5 м (в ходе доследования кургана останец был использован в качестве бровки с зачисткой и фиксацией ее юго-восточного фаса). Кроме того, выявив в центральной части подкурганной площадки скопление гнилой древесины, строители экскаватором выкопали там овальную яму 7×4 м глубиной до 1,2 м. Какие-либо предметы, следы перекопов или кости, по словам очевидцев, в яме отмечены не были. В 5 м к востоку — юго-востоку от геометрического центра насыпи на глубине 1,5 м от вершины бульдозеристами было найдено каменное антропоморфное изваяние, а в 6 м к юго-западу от центра, на глубине 1,5—2 м — железный топор.

Таким образом, к моменту доследования памятник был сильно поврежден: почти полностью снесена насыпь, разрушен центр подкурганной поверхности, где могло находиться погребальное сооружение, хотя следы глинистого материкового выкида в бровке отсутствовали. В ходе зачистки подкурганной поверхности в юго-западном секторе, в 5—6 м от центрального репера, был выявлен отрезок кольцевой траншеи, заполненный грунтом с вкраплениями угля и саж. Судя по найденным в засыпи предметам (винтовочные патроны и гильзы, немецкий штык, пластмассовая артиллерийская линейка и др.), траншея относится к 1943 г., периоду тяжелых боев за освобождение Правобережной Украины от немецко-фашистских захватчиков. Следы воздействия огня вне траншеи полностью отсутствовали. Кольцевой ровик, каменная крепидка, какие-либо ямы (кроме опи-

¹ В настоящее время русло Днепра расширено Днепродзержинским водохранилищем.

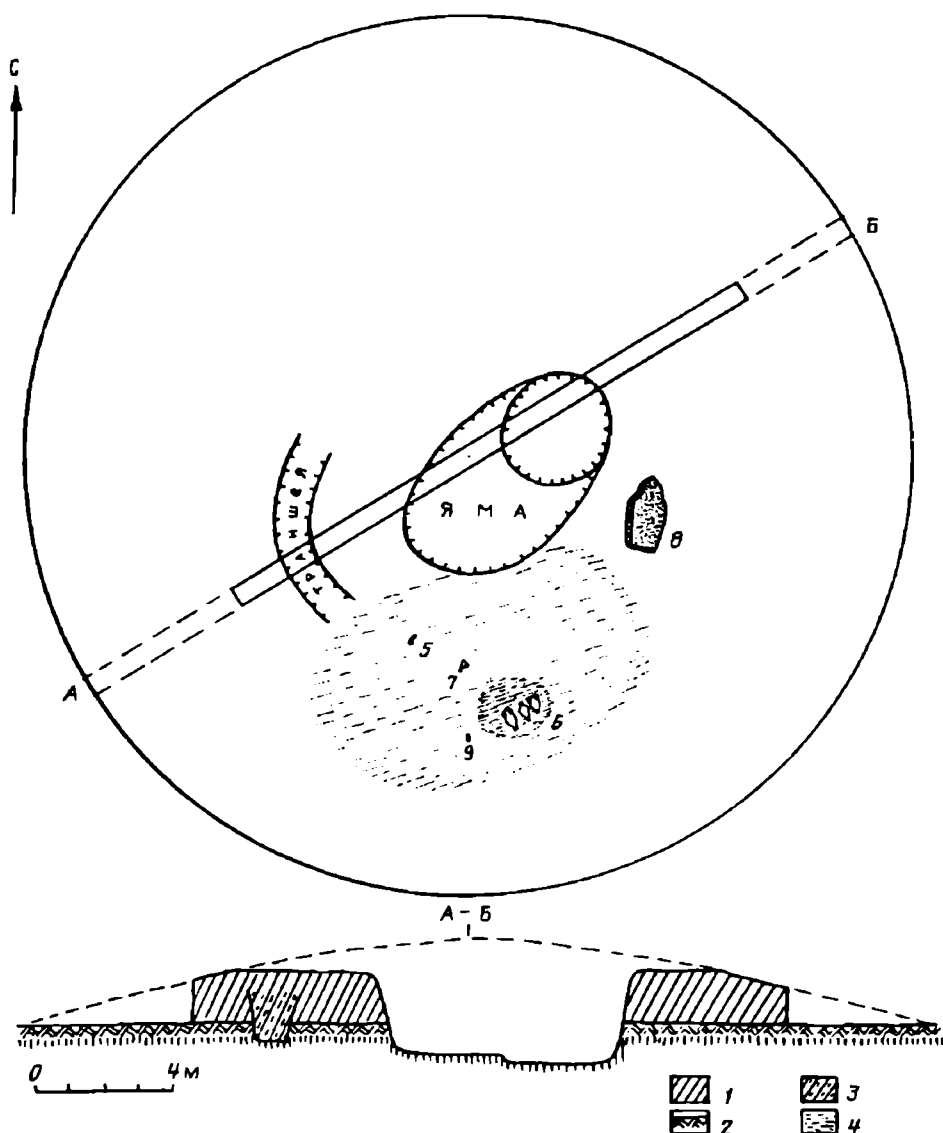

Рис. 1. Кург. № 9 (группа I) у с. Куцеволвка: 1 — черноземная насыпь; 2 — погребенная почва; 3 — засыпь перекопов; 4 — остатки дерева; 5 — топор-молоток; 6, 7 — амфоры; 8 — каменное изваяние; 9 — зубы человека, фрагмент челюсти лошади

санных) в процессе зачистки по древней дневной поверхности и верхней границе материка выявлены не были.

В южном секторе подкурганной поверхности на площади приблизительно 9×7 м зафиксировано скопление истлевших фрагментов дерева. Плохая сохранность не позволила детально проследить ориентировку тонких деревянных стволов и жердей; большая их часть была беспорядочно разбросана и частично перемещена бульдозером. В границах данного скопления, в 6—8 м южнее центрального репера, выявлен участок уцелевшего деревянного настила площадью около 4 м^2 . Настил сооружен из досок или плах шириной 8—12 см, толщиной 3—4 см, залежавших короткими фрагментами и, вероятно, представлявших собой не отдельную конструкцию, а часть весьма обширной деревянной вымостки. На настиле *in situ* сохранились развалы трех амфор, лежавших в ряд горлами на северо-запад. В 1,5 м к северо-западу от данного скопления найдены фрагменты нижней части четвертой амфоры, а в 1,2 м западнее — обломок нижней челюсти лошади, выше которого (на 10—15 см) в слое чернозема обнаружены три человеческих зуба (возможно, перемещены при снятии насыпи бульдозером).

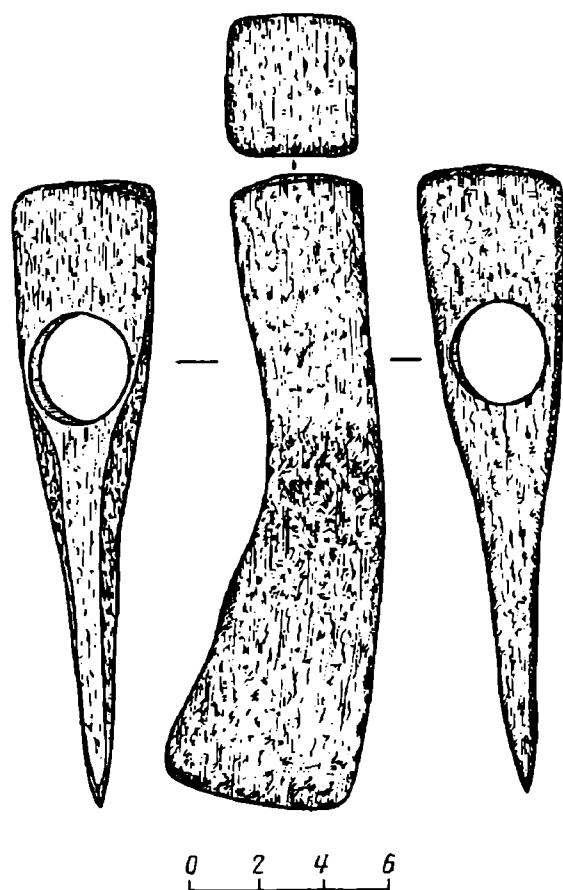

Рис. 2. Железный топор-молоток из кург. № 9

В северо-западном и северо-восточном секторах подкурганной площадки остатки ислевшего дерева в момент исследования полностью отсутствовали; на остальной площади, помимо вышеописанного скопления фрагментов дерева с остатками деревянного настила, они встречались редко и скорее всего были перемещены бульдозером.

Описание и анализ находок.

1. *Железный топор-молоток* (рис. 2) имеет форму изогнутого клина длиной 19,5 см. Плоский обух почти квадратный в сечении — 4,0×4,3 см, проух (отверстие для рукояти) — овал 2,8—3,3 см. Высота обуха (до отверстия) 4,2 см, боевой части (от отверстия) 12,0 см. От рукояти к лезвию боек топора в лобной части резко утоньшается, к лезвию равномерно расширяясь от 3,2 до 5,7 см.

По классификации Е. В. Черненко, данный топор относится к числу клиновидных однолезвийных [1, с. 88], по классификации А. И. Мелюковой более всего сближается с первым типом I отдела боевых топоров [2, с. 66], отличаясь, однако, ясно выраженным изгибом лобной части. Топоры данного типа в Северном Причерноморье встречаются относительно редко; по сводке А. И. Мелюковой, три из них, в том числе из Старшей Могилы, определенно датируются VI в. до н. э., а один — возможно, более поздним временем [2, с. 66]. На Северном Кавказе их известно больше (до 12 экз.), но признать широко распространенными топоры данного типа все же нельзя; они достаточно явно отличаются от длиннобушковых секир и клевцов. Так, топоры, близкие куцеволовскому, с хорошо выраженной изогнутостью корпуса и относительно коротким прямым обухом изредка встречаются в комплексах VI—V вв. до н. э. северного склона Главного Кавказского хребта [3, с. 54]; наиболее близкие морфологически экземпляры происходят из могильников Нестеровского [4, с. 277, рис. 45], Кашкатау (Советское) [4, с. 177, рис. 21, 7], Нижне-Чегемского [5, с. 345, рис. 29, 5, 7] и Лугового [6, с. 180, рис. 26, 12]. По мнению Б. В. Техова, они, по-видимому,

не уходят глубже второй половины VI в. до н. э. [3, с. 54]. Топоры первого типа из некоторых погребений (№ 93, 106, 139) Тлийского могильника в Южной Осетии [7, с. 245] также имеют заметное сходство с куцеволовским топором, но последний отличается более коротким и широким обушком, а также отсутствием расширения в области проуха. По Б. В. Техову, топоры данного типа применялись «в течение VII и VI вв., встречаясь в единичных экземплярах до конца VI в. до н. э.» [7, с. 245].

Куцеволовский топор, согласно классификации М. Н. Погребовой, имеет сходство с топорами-молотками Ia типа [8, с. 179]. Закавказские (в частности, из Восточной Грузии) экземпляры таких топоров датируются VIII—VI вв. до н. э. и встречаются, как правило, с оружием скифских типов [8, с. 181], но в своем большинстве они прямые либо сложноизогнутые наподобие бронзовых кобанских, чем и отличаются от куцеволовского экземпляра. Северокавказские же топоры данного типа относятся С. А. Есаяном и М. Н. Погребовой «в основном к VI или даже V в. до н. э.» [9, с. 86].

По классификации В. А. Ильинской, описываемый топор принадлежит к группе боевых клиновидных, типу простых массивнообушных, бытовавших в степном и лесостепном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э. [10, с. 31]. Однако использованный В. А. Ильинской набор классификационных признаков позволяет сближать куцеволовский экземпляр и с железными топорами-молоточками III типа, отличающимися от II типа лишь небольшими размерами, и с некоторыми рабочими топорами [10, с. 30, рис. 2, 3]. Судя по фактическим результатам, критерием отличия боевых топоров от рабочих при этом выступает горизонтальное сечение обушковой части. Если длинная ось горизонтального сечения обушка перпендикулярна направлению лезвия, такой топор обычно относится к числу рабочих, а если параллельна — к числу боевых; однако данный принцип выдерживается не всегда (ср. [10, с. 30, рис. 2, 3 и с. 33, рис. 4, 1]). Так, массивные топоры с сечением обушка, приближающимся к квадрату, в принципе могли использоваться и как боевые, и как рабочие, что подмечено М. Н. Погребовой [8, с. 179]. Расположение проуха в середине (по длине) корпуса топора вряд ли является бесспорным свидетельством [8, с. 179] боевого назначения топора; в ряде случаев проух заметно смещен к обушку.

Изучение ударных орудий, в частности топоров, обнаружило «в их конструкции интуитивное стремление к возможному увеличению коэффициента полезного действия и рациональному расположению центра удара» [11, с. 141]. Существует методика вычисления КПД топоров, а также длины их рукояти по направлению канала проуха и центру тяжести бойка [11, с. 143]. Использование ее приводит к выводу, что в отличие от типичных рабочих топоров у топоров-молотков центр тяжести лежит на рукояти, а лезвие скошено относительно рукояти не случайно. Эти особенности, предполагающие обязательное использование длинной (75—80 см) и прямой рукояти (о последнем свидетельствует небольшой диаметр проуха), приводят к однозначному заключению, что топором-молотком действовали одной рукой, используя широкий замах. Сочетание перечисленных признаков обеспечивало сравнительно высокий КПД топора именно как оружия, а не орудия труда [11, с. 144]. Судя по изображениям на изваяниях, в том числе и куцеволовском, скифы использовали и топоры-молотки, и секиры как с высоким, так и невысоким, но массивным обушком и длинной рукоятью.

Итак, приведенные аналогии позволяют отнести куцеволовский топор к числу клиновидных боевых топоров-молотков и датировать его в пределах VI в. до н. э. Он принадлежит к весьма редко встречаемому в Северном Причерноморье типу и, возможно, типологически либо фактически связан с северокавказским регионом.

2. *Амфоры.* Из обнаруженных в кургане четырех амфор три лежали на деревянном настиле на боку, вплотную друг к другу, образуя ориентированный по оси СВ — ЮЗ ряд. Описание амфор дается в порядке их залегания с северо-востока на юго-запад ².

² Обмеры, рисунки и хронологические определения амфор выполнены А. П. Абрамовым, за что авторы очень ему признательны.

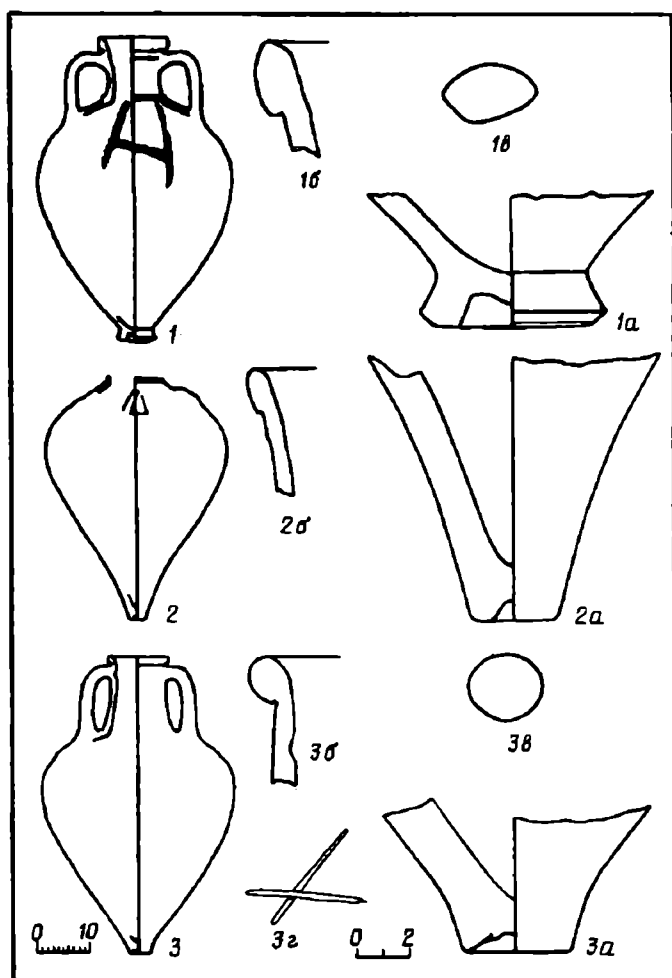

Рис. 3. Амфоры из кург. № 9

Амфора № 1 (рис. 3, 1). Тип «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне», группа А [12, с. 248]. Глина светло-коричневая, плотный светло-желтый ангоб покрывает не только внешнюю поверхность амфоры, но и внутреннюю часть горла. Морфологические признаки: горло суживающейся книзу формы, сдавлено со стороны ручек; корпус округлый с наибольшим расширением в верхней части. Венчик валикообразный (рис. 3, 1б), вытянут по вертикали с наибольшим расширением в верхней части; нижняя образующая линия контура оформлена подрезкой. В 40 мм ниже верхнего края венчика проходит врезной желобок, очевидно, служивший своеобразной разметкой для прикрепления ручек. На месте соединения горла с верхней частью корпуса имеется валик. Верхняя часть корпуса ребристая (следы формовки); одна из ручек прикреплена асимметрично. Необходимо отметить отсутствие пальцевых вдавлений у оснований ручек. Ножка имеет форму расширяющегося книзу кольцевого поддона с четкими гранями (рис. 3, 1а). На плечах амфоры — дипинто, выполненное красной краской. Метрические параметры³ (мм): $H = 570$, $H_1 = 320$, $H_2 = 250$, $H_0 = 550$, $D = 366$, $H_g = 115$, $D_y = 125 \times 140$, $D_n = 72$, $H_v = 28$, ручка (сечение) = 22×36 ; расчетный объем $26\,045\text{ см}^3$.

Амфора № 2 (рис. 3, 2). Тип «с усеченно-конусовидным дном»⁴, горло

³ Принятые сокращения метрических параметров: H — высота амфоры, $H_{\text{сохр.}}$ — сохранившаяся высота амфоры, H_1 — высота нижней части амфоры (ниже точки максимального диаметра), H_2 — высота верхней части амфоры (выше точки максимального диаметра), H_0 — глубина амфоры (от верхнего края венчика до дна внутри), D — максимальный диаметр тулова, H_g — высота горла, H_v — высота венчика, D_y — диаметр устья, D_v — диаметр венчика, D_g — диаметр горла, D_n — диаметр ножки (максимальный).

⁴ По И. Б. Зеест, данный экземпляр, а также амфора № 3 относятся к типу амфор «со стаканообразными доньями» (13, с. 74, 139, табл. III, 9).

отсутствует, сохранился фрагмент венчика. Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими блестками слюды. Морфологические признаки: корпус конусовидной формы, венчик округлый, вытянут по вертикали (рис. 3, 2б). Внутренняя и верхняя образующие линии контура венчика уплощены, внутренняя скошена внутрь; внешняя образующая контура выпуклая, нижняя уплощена. На месте соединения внешней и нижней образующих имеется грань, в 9 мм ниже венчика — уступ. У сохранившегося нижнего основания прикрепления ручки — сужающийся книзу валик. Ножка сужающейся книзу формы с конусовидной выемкой на подошве. В 15—20 мм ниже основания горла имеется граффито по сырой глине — буквы $\Gamma\Delta$. Метрические параметры (мм): $H = 450$, $D = 345$, $H_1 = 330$, H_0 (сохр.) = 430, $H_v = 16$, D_r (в нижней части) = 113, $D_n = 33$.

А м ф о р а № 3 (рис. 3, 3). Тип «с усеченно-конусовидным дном». Глина темно-красная, с включениями золотистых блесток слюды. Поверхность хорошо заглажена и, вероятно, покрыта ангобом цвета глины. Морфологические признаки: горло расширяется книзу, корпус конусовидный. Венчик валикообразный (рис. 3, 3б), уплощенный с внутренней стороны, нижняя образующая линия контура венчика оформлена подрезкой; характерный для амфор данного типа уступ ниже венчика на описываемом экземпляре отсутствует. Ручки в сечении круглые, в месте их нижнего прикрепления — обычный для данного типа амфор налест в виде валика, сужающегося книзу. В месте соединения тулова с горлом, на внешней поверхности, присутствует слабо выраженный валик, на внутренней — желобок (следы сборки?). Асимметрия заметна в размещении ручек, в месте расположения максимального диаметра корпуса и во взаиморасположении центра горла и ножки. Ножка суживающейся книзу формы (рис. 3, 3, а), форму выемки проследить не удалось — до обжига была заполнена налестом глины. На верхней части одной из ручек — граффито по сырой глине в виде креста (рис. 3, 3в). Метрические параметры (мм): $H = 568$, $D = 368$, $H_1 = 302$, $H_2 = 266$, $H_r = 143$, $D_y = 108$, $D_v = 119$, $H_v = 18$, D_r (в нижней части) = 135, $D_n = 42$, $H_0 = 548$, ручка (сечение) = 26×29 ; расчетный объем $24\,389\text{ см}^3$.

А м ф о р а № 4. Сохранившийся фрагмент нижней части корпуса принадлежит амфоре типа «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне» группы А, аналогичной амфоре № 1. Глина розовая, плотная, с блестками слюды, покрыта светлым ангобом.

Таким образом, рассмотренный комплекс включает амфоры двух типов — с усеченно-конусовидным дном (№ 2 и 3) и на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (№ 1 и 4). Производство первых, без сомнения, связано с о-вом Лесбос либо с одним из многочисленных эолийских полисов на побережье Малой Азии. По последней и наиболее полной классификации [12, рис. 3; А-I], они относятся к I типу амфор с усеченно-конусовидным дном. В глубинных степных и лесостепных районах Северного Причерноморья находки таких амфор редки. Так, описанным экземплярам морфологически близка амфора из кург. б у с. Басовки, опубликованная Б. Н. и В. И. Ханенко [14, табл. LIV, 840]; хронологически же она, с учетом динамики изменения диаметра ножки, может оказаться несколько старше наших экземпляров.

Абсолютная хронология амфор с усеченно-конусовидным дном реконструируется следующим образом. Амфоры I типа представлены единственным датированным комплексом из Антиссы, относящимся к концу VII — первой половине VI в. до н. э. [15, с. 266; табл. 69, а — d]; в комплексах третьей четверти VI в. до н. э. до сих пор фиксировались амфоры только III типа [12, с. 253, табл. 2], в комплексах последней четверти VI в. до н. э. — амфоры IV типа [16, с. 149], а в комплексах конца VI — начала V в. до н. э. — амфоры V и VI типов [12, с. 253, табл. 2]. Рассмотренные экземпляры из Куцеволовского кургана, без сомнения, моложе амфор из комплекса Антиссы, о чем свидетельствует заостренная форма их ножек и более развитые метрические параметры, сближающие данные экземпляры с амфорами III типа. Таким образом, относительный период бытования амфор с усеченно-конусовидным дном из Куцеволовского

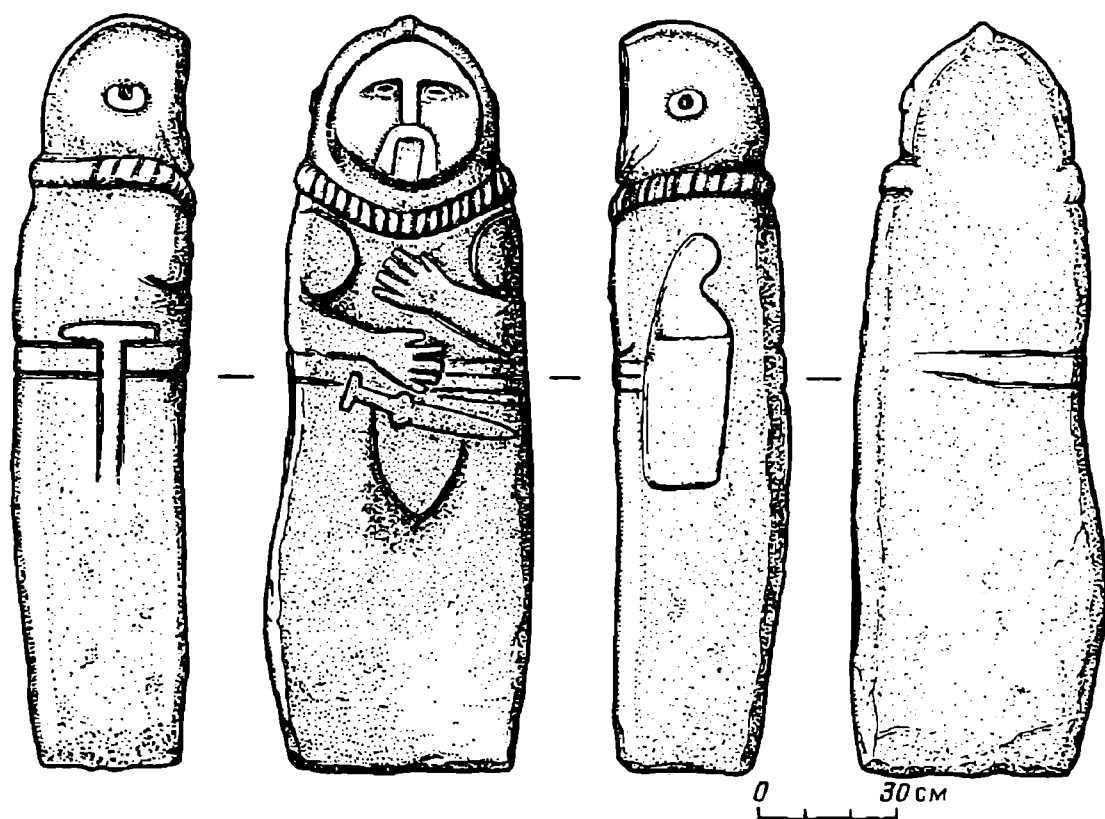

Рис. 4. Каменное изваяние из кург. № 9

кургана можно определить промежутком времени между датой комплекса Антиссы (конец VII — первая половина VI в. до н. э.) и датой комплекса № 1 из затопленной части Патрея (последняя четверть VI в. до н. э.) [16, с. 148—151]. Выводы В. В. Рубана относительно изменения формы горла у амфор рассматриваемого типа, а также отсутствие в комплексах последней четверти VI в. до н. э. амфор с расширяющимся книзу горлом [17, с. 14, рис. 1] позволяют отнести рассмотренные амфоры № 2 и 3 к третьей четверти VI в. до н. э. Форма ножки также свидетельствует о дате не ранее середины VI в. до н. э. Амфоры с усеченно-конусовидным дном I типа, таким образом, производились в течение не менее 70 лет, изменяясь морфологически и какое-то время (третья четверть VI в. до н. э.) сосуществуя с амфорами III типа.

Центры производства различных групп амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, подобных амфорам № 1 и 4 из Куцеволовского кургана, пока точно не установлены [12, с. 248]. Состояние материала также не позволяет провести детальный типолого-хронологический анализ амфор группы А данного типа. Однако ни морфология, ни метрические параметры описанной амфоры № 1 не противоречат, а скорее подтверждают предложенную дату куцеволовского керамического комплекса — третья четверть VI в. до н. э. [18, с. 191 (приложение: № 15, 24, 35, 42, 46, 71)]. Более ранними экземплярами типа, близкого к типу амфоры № 1, следует признать амфоры из Репяховатой Могилы [19, с. 54, рис. 27, 1] и погр. 8 кург. 7 у с. Новоалександровки [20, с. 158, рис. 8]. Наличие такого яркого признака, как рельефные валики и уступы под венчиком, заставляет относить эти амфоры ко времени не позднее середины VI в. до н. э., что, по всей видимости, достаточно определенно подтверждается материалами Ягорлыкского поселения [18, с. 183, рис. 1]. Однако датировать амфоры из Репяховатой Могилы и Новоалександровки временем ранее второй четверти VI в. до н. э. нет никаких оснований.

3. *Антропоморфное изваяние* (рис. 4). Найдено в насыпи, судя по глубине

залегания, в зоне древней грабительской ямы, засыпь которой снесена бульдозером вместе с насыпью кургана. Оно выполнено из массивного прямоугольного в сечении блока мелкозернистого гранита желтовато-коричневого цвета высотой 1,65 м, шириной 0,48—0,55 м, толщиной 0,38 м. Морфологически представляет собой уплощенный антропоморфный столб с четко выраженными четырьмя плоскими сторонами-гранями. Для изваяния характерна монолитность, слабая расчлененность поверхностей; антропоморфные черты и атрибуты проработаны подтеской, рельефом и гравировкой. Рельефные детали отличаются более темным цветом (степной «загар») от более светлых участков, где поверхность блока была углублена подтеской. Из антропоморфных черт на передней грани показан полуовал нижней части лица, слегка изогнутые надбровные дуги, прямой нос, свисающие подковообразные усы, рот и глаза (в виде горизонтальных черточек). Руки показаны согнутыми в локтях: левая прижата к груди, правая — к поясу; пальцы их слегка раздвинуты. На боковых гранях рельефными овалами изображены уши. На всех четырех гранях рельефом обозначена массивная витая гривна и (гравировкой в две-три линии) пояс без украшений. Из предметов вооружения представлен короткий акинак (подвешен к поясу спереди), налучье с луком (подвешено к поясу слева), боевой топор («заткнут» за пояс справа). Судя по проходящему от середины лба через темя к затылку рельефному валику, на голове изваяния показан шлем кубанского типа с характерным валиком — гребнем. Треугольник вершиной вниз, представленный на передней грани изваяния ниже акинака, вероятно, является стилизованным изображением фалла; почти идентичным образом фалл изображен на первом днепропетровском (из с. Любомировка) изваянии V в. до н. э. [21, с. 88, рис. 1]⁵.

Морфологическими аналогиями данному изваянию являются антропоморфы из с. Грушевки, станицы Маньчской, с. Ольховчик [22, с. 299; 23, с. 160, рис. 1, 6; 24, с. 221; 25], датируемые от рубежа VII—VI вв. до н. э. до третьей четверти VI в. до н. э. По набору же атрибутов и характеру их размещения куцеволовскому изваянию наиболее близок антропоморф из станицы Бесскорбной конца VI — начала V в. до н. э. [24, с. 222]. Не столь распространенным оказалось отмеченное на изваянии из Куцеволовского кургана положение рук; аналогичное зафиксировано на изваянии из г. Прохладного второй половины VI в. до н. э. [26, с. 113], сходное — на изваянии из станицы Воровсколесской конца VII—VI в. до н. э. [23, с. 160, рис. 1, 2]. Аналогичным образом мускулатура рук подчеркнута на изваянии из Киевского исторического музея⁶ (конец VII—VI в. до н. э.) [23, с. 162, рис. 4]. Несомненно ранним датирующим признаком являются подковообразные усы, обычные для скифских изваяний конца VII—VI в. до н. э. (Воровсколесская, Ольховчик, Александровское, Маньчская и др.), а также скифоидных изваяний второй половины VI в. до н. э. галайтинского типа [27].

Накопленные к настоящему времени данные по материальной культуре и монументальному искусству ранних скифов допускают их прямое сопоставление, так как почти все категории предметов, изображенных на изваяниях, обнаружены и в ходе раскопок. Типологическое же разнообразие представленных на изваяниях предметов (прежде всего оружия), коррелируемое хронологически, свидетельствует об этнографически точном воспроизведении ваятелями современных им деталей быта. Данное обстоятельство позволяет не только датировать изваяния по изображенным на них предметам (что не всегда легко вследствие естественной огрубляемости форм при ваянии из твердого камня), но и, в свою очередь, использовать изваяния для хронологической привязки отдельных категорий пред-

⁵ В публикации дана не совсем точная прорисовка фалла, в действительности он имеет форму остроугольного треугольника.

⁶ Ныне — Национальный музей истории Украины.

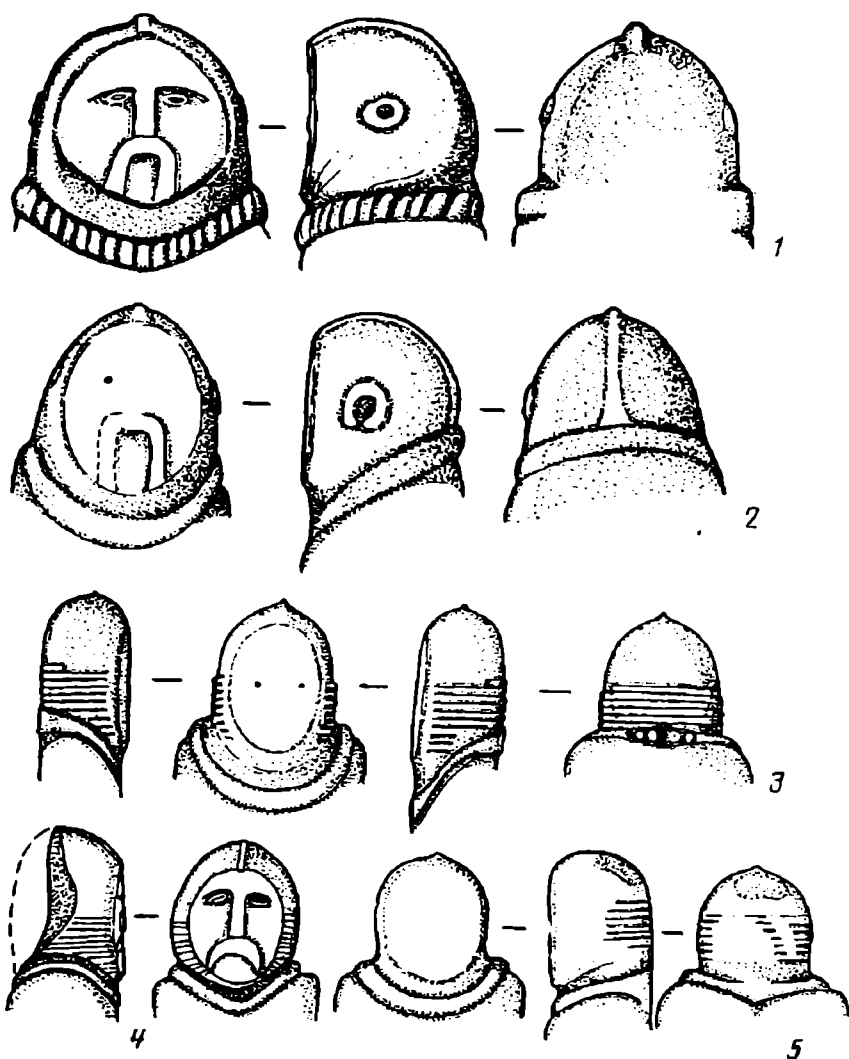

Рис. 5. Изображения «кубанских» шлемов на изваяниях конца VII—VI вв. до н. э.: 1 — Куцеволовка; 2 — Манычская; 3 — Ставропольский музей; 4 — Воровсколеская; 5 — Зеленчук Мостовой

метов, особенно при наличии в комплексах с изваяниями иных, прежде всего хорошо датированных импортных вещей.

К числу весьма редко встречаемых относится изображение на куцеволовском изваянии шлема кубанского типа. Подобные шлемы помимо указанного встречены еще на четырех-пяти изваяниях (рис. 5). В трех случаях (Куцеволовка, Манычская, Сибиора⁷) шлемы выделялись невысоким гладким валиком-гребнем; в остальных случаях (Воровсколеская, Ставропольский музей, Зеленчук Мостовой) они дополнены бармицей из горизонтальных (в натуре, очевидно, металлических на кожаной основе) пластин в шесть — девять рядов, защищающей шею и скулы воина. Судя по наличию на подлинных кубанских шлемах 8—13 отверстий по периметру в нижней части тульи, подобные бармицы применялись достаточно широко; остатки их отмечены и археологически [28, 29, с. 79]. Количество составляющих бармицу пластин зависело от высоты шлема. Бармицы были, вероятно, достаточно эффективны и в качестве прикрытия прямоугольного либо дуговидного выреза в тыльной части тульи, позволявшего достаточно свободно двигать головой и шеей в вертикальной плоскости. Заслуживает внимания тот факт, что кубанские шлемы с бармицами представлены на изваяниях северо-

⁷ Шлем отчетливо показан лишь на прорисовке П. Н. Шульца [24, с. 219, рис. 1, 1], несколько отличающейся от других публикаций.

кавказского региона; севернее и западнее Дона изображения подобных шлемов бармиц не имеют.

Типология, технология, индивидуальные особенности найденных шлемов кубанского типа (14—15 экз.) рассмотрены в ряде работ [28—35]. Предложенная Б. З. Рабиновичем датировка данных шлемов VI в. до н. э. определенное время не подвергалась сомнению и принималась почти всеми исследователями. Попытки расширить период бытования таких шлемов до V [32, с. 124] или IV вв. до н. э. [30, с. 302; 31, с. 62] поддержки не получили. Е. В. Черненко поставил вопрос о более раннем, чем предложил Б. З. Рабинович, времени появления кубанских шлемов — VIII—VII вв. до н. э. [29, с. 81]. Его поддержала Л. К. Галанина, отнеся данные шлемы преимущественно к середине VII — первым десятилетиям VI в. до н. э. и признав возможным спорадическое использование их «на протяжении архаического периода» [34, с. 174, 175]. И наконец, Е. В. Черненко отнес бытование шлемов кубанского типа на Северном Кавказе к VII в. до н. э., не исключая возможного их появления в несколько более раннее время [33, с. 135]. Последняя точка зрения находится в русле общей тенденции удревления памятников раннескифской культуры и опирается на материалы погребальных комплексов (Келермес, Красное Знамя, Нартан), а также, вероятно, иконографические параллели на изваяниях, считающихся древнейшими [36, с. 6]. Однако, если датирование шлемов по материалам погребений в значительной мере оправдано, то использование в тех же целях изваяний требует большей осторожности, ибо почти все раннескифские изваяния найдены вне комплексов, а их датировка опирается на «материальные» аналогии из других погребений. Выход из «порочного круга» причинно-следственных связей обеспечивает датирование изваяний по обнаруживаемым вместе с ними предметам импорта. Так, если бы в куцеволовском погребении отсутствовали амфоры, на основании предложенной Е. В. Черненко датировки кубанских шлемов изваяние, относящееся к этому же погребению, вполне могло быть датировано VII в. до н. э. (так, В. П. Белозор относит его к VII — началу VI в. до н. э. [36, с. 6]); амфоры же удостоверяют гораздо более позднюю дату изваяния — около 550—525 гг. до н. э. Отсюда следует еще один вывод: шлемы кубанского типа использовались скифами на протяжении почти всего VI в. до н. э., хотя появление их, вполне вероятно, относится к более раннему времени.

Заслуживает внимания еще одна особенность куцеволовского изваяния — изображение акинака подвешенным к поясу спереди. Данный способ ношения меча широко представлен на изваяниях V в. до н. э. и значительно реже — на более ранних. Значительное количество последних происходит с Северного Кавказа; это прежде всего галайтинская группа изваяний второй половины VI в. до н. э. [27, 37]. Из причерноморских изваяний этим же временем может датироваться грушевое, на котором меч представлен в аналогичном положении [22, с. 229, рис. 4]. Этнографическую точность изобразительной традиции подтверждают и археологические данные. Так, в степном Причерноморье захоронения с мечом, подвешенным к поясу умершего спереди, характерны для V в. до н. э., появляются же там они не позднее рубежа VI—V вв. до н. э. [38, с. 69, 79, 109]. На Северном Кавказе подобный обычай появляется, вероятно, раньше: он фиксируется, например, в уляпских погребениях второй половины VI в. до н. э. [37, с. 81]. Таким образом, имеющиеся данные по территориально-хронологическому распределению данного обычая в скифской и скифоидной среде не противоречат предлагаемой дате создания куцеволовского изваяния, свидетельствуя в пользу второй половины VI — начала V в. до н. э.

Погребальный обряд по материалам кург. № 9 можно реконструировать, и то лишь сугубо гипотетически, следующим образом.

На уровне древней дневной поверхности (?) была сооружена деревянная гробница каркасного или срубно-каркасного типа [39, с. 84]; по периметру ее окружал горизонтальный (?) деревянный настил (об этом свидетельствует обилие дерева, отсутствие (?) могильной ямы). К сожалению, плохая сохранность дре-

веса и разрушенность комплекса препятствуют точному определению, с чем мы имеем дело — с деревянным коническим шатровым перекрытием — обкладкой погребального сооружения или горизонтальным настилом — вымосткой по периметру гробницы; более вероятен второй вариант. Деревянные перекрытия и обкладки разного устройства, в том числе шатрообразные, известны в погребальных комплексах населения степной и лесостепной Евразии VII—V вв. до н. э., при этом достаточно ярко выражена тенденция отмирания и их, и обычая сожжения деревянных погребальных конструкций к началу IV в. до н. э. [38, с. 151—153]. Подобные конструкции существовали в Причерноморье и в «киммерийское» время [40; 41, с. 14, 26], появляясь там еще в эпоху бронзы [38, с. 42, 43, 152; 42, с. 39]. К тому же именно с этого района, с южного лесостепного пограничья и далее на север, количество деревянных гробниц в скифских могильниках резко возрастает, что в полной мере характерно и для раннего (VII—V вв. до н. э.) периода [39, с. 84—88]. Сравнительно недалеко от Куцеволовского располагались такие курганы с деревянными, но сожженными либо обожженными гробницами, как Мельгуновский [43], показовские [44] и Медеровский [45], причем в последнем помимо деревянной гробницы на древней дневной поверхности отмечен и горизонтальный деревянный настил из досок и бревен по периметру сооружения, а в показовских деревянные сооружения имели радиальную деревянную обкладку. Погребальное сооружение Куцеволовского кургана, вероятно, напоминало медеровское (V в. до н. э.), а также мышковецкое (вторая половина VI в. до н. э.) и аналогичные ему наземные (часто сожженные) конструкции [46]. Используемая в Куцеволовском кургане горизонтальная (?) деревянная обкладка по периметру погребального сооружения имеет определенное сходство с горизонтальной радиальной обкладкой — перекрытием гробницы (в яме) кург. 7 группы X у с. Подгороднее на днепровском Левобережье [47, с. 114], датируемой началом V в. до н. э. Обширная радиальная вымостка-перекрытие известна и в комплексе VI в. до н. э. [48]. Радиальные деревянные обкладки (перекрытия?) отмечены и в курганах с захоронениями в ямах (V в. до н. э.) у с. Мироновка (Переводчиково) и с. Станишино [39, с. 89].

Находку амфор в южной части подкурганного пространства скорее всего следует связывать с жертвенно-поминальным ритуалом, осуществленным на подкурганной поверхности до сооружения насыпи. При совершении подобных ритуалов широко использовались именно амфоры, которые в V — первой половине IV в. до н. э. иногда вкапывались в подкурганную поверхность горлом вверх или вниз [38, с. 76, 79]. Фрагменты амфор на древней дневной поверхности в некоторых случаях образуют крупные скопления, являясь своеобразными «индикаторами» жертвенных площадок, на которых иногда устанавливались каменные жертвенники, совершались жертвоприношения животных и изредка людей [38, с. 77, 124]. О подобных жертвоприношениях, возможно, свидетельствует обнаруженная в куцеволовском кургане неподалеку от амфор челюсть коня.

Завершился обряд захоронения установкой на вершине насыпи антропоморфного йзваяния.

Описанное погребение в кург. № 9 у с. Куцеволовка, относящееся, очевидно, к 550—525 гг. до н. э., является одним из немногих раннескифских погребений, датируемых античной керамикой и позволяющих достоверно судить об эволюции скифского монументального искусства. Особенности погребального обряда, сочетающего «общеевразийские» и более специфические элементы, не противоречат сложившимся представлениям о путях развития скифской культуры, подтверждая существование определенных связей кочевников-скифов как с Северным Кавказом, так и с лесостепным Поднепровьем как отражение процесса этнокультурных миграций в ходе освоения скифами степной причерноморской периферии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черненко Е. В. Скифские боевые топоры (Типология и происхождение)//Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980
2. Мелюкова А. И. Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1—4.
3. Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
4. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
6. Мунчаев Р. М. Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.)//Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1972.
7. Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника)//Скифы и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
8. Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье//СА. 1969. № 2.
9. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985.
10. Іллінська В. А. Скифські сокири//Археологія. 1961. Т. XII.
11. Желиговский В. А. Эволюция топора и находки на Метрострое//ИГАИМК. 1936. Вып. 132.
12. Абрамов А. П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI—V вв. до н. э.//Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука, 1992.
13. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
14. Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Вып. III. Киев, 1900.
15. Clinkenbeard B. G. Lesbian wine and storage amphoras. A progress report on identification//Hesperia. 1982. V. 51. № 2.
16. Абрамов А. П., Сазонов Ю. С. Керамика трех подводных комплексов Патрея//Боспорский сборник. 1. М., 1992.
17. Рубан В. В. О хронологии амфор с коническими ножками VII—V вв. до н. э.//КСИА. 1990. Вып. 197.
18. Рубан В. В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья//СА. 1991. № 2.
19. Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
20. Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона//СА. 1982. № 3.
21. Голубчик Л. Н. Скифские изваяния из коллекции Днепропетровского исторического музея//Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.
22. Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья//Античное общество. М.: Наука, 1967.
23. Петренко В. Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
24. Шульц П. Н. Скифские изваяния//Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
25. Ольховский В. С. Скифское изваяние из с. Ольховчик//Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. областного науч.-практ. семинара. Донецк, 1989.
26. Атабиев Б. Х. Скифское изваяние из Кабардино-Балкарии//Уч. зап. Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и среднего Востока (Археологические источники). М.: Наука, 1989.
27. Багаев М. Х., Ольховский В. С. Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия)//СА. 1989. № 4.
28. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода//Тр. отдела истории первобытной культуры. 1941. Т. I.
29. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
30. Копылов И. И. Находка скифского шлема в Семиречье//Уч. зап. Алма-Атинского ГПИ. Сер. гуманитарных наук. 1957. Т. 14.
31. Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии//КСИИМК. 1955. Вып. 57.
32. Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда//СА. 1958. № 4.
33. Черненко Е. В. Шлемы кубанского типа//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность», «Раннее и позднее средневековье». Омск, 1987.
34. Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения)//Культурное наследие Востока. Л.: Наука, 1985.
35. Виноградов В. Б. Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
36. Белозор В. П. Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
37. Ольховский В. С. О скифоидных изваяниях Северо-Восточного Кавказа//Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. школы. Общественные науки. 1989. № 2 (66).
38. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991.

39. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным//СА. 1978. № 4.
40. *Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
41. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» Днепропетровского сельскохозяйственного института//Курганные древности степного Поднепровья. Вып. 2. Днепропетровск, 1978.
42. *Скорий С. А.* Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя//Археологія. 1987. № 60.
43. *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г.//МАР. 1911. № 31.
44. *Бокий Н. М.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г.//Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971.
45. *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медерово//СА. 1974. № 4.
46. *Малеев Ю. Н.* Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч//Курганы степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1991.
47. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья//Курганные древности степного Поднепровья. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
48. *Ковпаненко Г. Т.* «Червона могила» у с. Флярковка//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.

Кировоградский государственный педагогический
институт
Институт археологии РАН, Москва

N. M. BOKY, V. S. OLKHOVSKY

AN EARLY SCYTHIAN KURGAN ON THE RIGHT BANK OF DNIEPER

S u m m a r y

The results of salvage excavations of the destroyed Scythian kurgan near Kutsevolovka village on the right bank of Dnieper (Ukraine) are published in the article. The burial construction in the mound evidently had a form of wooden cist standing on old ground surface. It was encircled by a wooden construction with no traces of fire. Among the funeral gifts there were an iron hammer-axe, four Lesbian amphorae (or from Aeolian polices of Asia Minor) and a granite sculpture. This burial association can be dated to the third quarter of the 6th century B. C. The analysis of the sculpture's iconography allows the authors to conclude that the helmets of Kuban type were used by the Scythians almost up to the end of the 6th century B. C.

ГРАФФИТИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ У с. МИХАЙЛОВКА

Данная публикация ставит своей целью исследование древнегреческих граффити с городища у с. Михайловка (Приозерский с/с, Ленинский р-н, Крымская обл.), которое изучалось Михайловской экспедицией ИА РАН¹ [1, с. 119—124; 2, с. 117—127; 3, с. 23—27].

В публикациях, посвященных Боспору, Ольвии, Херсонесу и другим античным центрам Северного Причерноморья, граффити широко используются как ценный, а иногда и единственный источник по ряду вопросов, связанных с их историей, экономикой, морским делом [4], этническим составом населения и культурой. Особенно это касается сельских поселений, сведения о которых в других источниках, в трудах античных авторов, лапидарных надписях весьма ограничены. Поэтому справедливо замечание Э. И. Соломоник, что главным видом письменных источников для данного типа поселений становится граффити [5, с. 5].

Автором раскопок Б. Г. Петерсом граффити из поселения у с. Михайловки исследовались на керамических изделиях [3, с. 26, рис. 1, 1—9; 6, с. 212, 213, рис. 2, 2—3], на кости [7, с. 62, рис. 40, 41, с. 63, 171, 174, табл. XII, 24—26, 36, 37, с. 83, 179, 180, табл. XVI, 12, 27, 32], на стенах склепов и могил [8, с. 100, 101, рис. 40, 2, с. 102, 103, рис. 41], исследовались также изображения на инталиях [6, с. 212, 213, рис. 2, 1; 9, с. 292].

Из работ, посвященных граффити с сельских поселений Боспора, необходимо отметить подборку граффити с поселения на мысе Зюк [10, с. 45—53; 11, с. 115—137] и публикацию тамгообразных знаков на амфорах с поселения у д. Семеновка [12, с. 97—100].

Публикуемые граффити² нами расположены в алфавитном порядке по типам керамики: на чернолаковой, краснолаковой, простой гончарной посуде, на кувшинах, амфорах, пифосах, лепной посуде и на черепице. В заключение публикуются инталии. Девятнадцать крестообразных знаков не включены в таблицы из-за их однотипности.

Граффити на чернолаковой посуде

Граффито (рис. 1, 1) внутри поддона ч/л чаши — Δ). Начало имени владельца, также возможно цифровое обозначение, равное 10, или посвящение божеству. Слой конца IV — начала III в. до н. э.

Граффито (рис. 1, 2) с внешней стороны фр. дна ч/л сосуда четыре прямые линии, уходящие в облом. Слой конца IV — начала III в. до н. э.

Граффито (рис. 1, 3). На фр. стенки с ручкой ч/л килика процарапаны буквы ...РК..., уходящие в облом. Часть имени типа Δέ]ρχιος, (КБН № 22). Возможен застольный характер надписи [3, с. 25, 26, рис. 1, 1]. Слой конца IV — начала III в. до н. э.

¹ Начальник Михайловской экспедиции ИА АН СССР в 1963—1975, 1978—1985, 1987 гг. ст. науч. сотрудник ИА РАН, канд. ист. наук Б. Г. Петерс.

² При описании граффити нами приняты следующие условные сокращения: фр. — фрагмент; ч/л — чернолаковая; к/л — краснолаковая; Мих — Михайловская; р. — раскоп; кв. — квадрат; пом. — помещение, шт. — штык; оп. — опись; п. м. — подъемный материал.

Граффито (рис. 1, 4). На фр. стенки ч/л сосуда процарапаны беспорядочно расположенные линии. Вероятно, содержание связано с магией. Ср. [13, № 1764]. Слой конца IV — начала III в. до н. э.

Граффити на краснолаковой посуде

Граффито (рис. 1, 5). С внутренней стороны дна к/л миски штампованный орнамент в виде двух кругов насечек и процарапанный Х-образный знак. С внешней стороны дна буквы АА, соединенные одной чертой. Перекрестие, очевидно, является условной меткой. О возможных значениях подобных знаков см. [10, с. 51]. По мнению издателей Корпуса херсонесских граффити, сокращения типа АА являются посвящениями Аполлону и Артемиде [13, с. 16, № 89—94]. Однако не исключено, что в данном случае перед нами имя и патронимик владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 6) на фр. стенки к/л миски — А. Вероятно, начало имени владельца. Слой I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.

Граффито (рис. 1, 7) на фр. стенки к/л сосуда — А [3, с. 25, 26, рис. 1, 8]. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 8) на фр. стенки к/л сосуда — Z. Начало имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 9) внутри поддона к/л кувшина — Н. Вероятно, начало имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 10) на фр. стенки к/л тарелки три прямые линии. Цифровое обозначение = 3. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 11) на фр. венчика к/л чэши — КА. Возможно, начало имени владельца. Не исключен и посвятительный характер надписи κα[λλω] — «прекрасной». Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 12) на фр. стенки к/л сосуда Λ-образный знак, уходящий в облом. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 13) на фр. стенки к/л сосуда — Λ(?), уходящая в облом. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 14) на фр. внешней стороны дна к/л сосуда Λ?, уходящая в облом. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 15) на фр. внешней стороны дна к/л миски — Λi. Начало имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 16) на фр. внешней стороны дна к/л сосуда на кольцевом поддоне — Λ. Слой второй половины I в. н. э.

Граффито (рис. 1, 17) на фр. стенки к/л сосуда тонко процарапано П. Вероятно, начало имени владельца. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 18) на фр. внешней стороны дна к/л сосуда на кольцевом поддоне — П. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 19) на фр. стенки к/л сосуда — Р. Начало имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 20) на фр. внешней стороны дна открытого к/л сосуда — Ti. Начало имени владельца. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 21) на фр. стенки к/л сосуда Y, уходящая в облом. Вероятно, часть имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 22) на фр. стенки к/л тарелки с внутренней стороны — Y. Возможно, начало имени владельца или аббревиация от ὕψεια. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 23) на фр. венчика к/л блюда условная метка. Слой конца II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 24) на фр. внутренней стороны дна к/л миски окружность в виде лабиринта. Подобные магические знаки и ранее встречались на Боспоре

Рис. 1. Поселение и могильник у с. Михайловка. Граффити на чернолаковых (1—4) и краснолаковых сосудах (5—27). 1 — Мих-1967, р-III, пом. VI, шт. 9; 2 — Мих-1963, р-III, кв. 3, шт. 4, оп. № 42; 3 — Мих-1967, р-III, пом. XV, шт. 11; 4 — Мих-1965, р-III, кв. 16, шт. 9; 5 — Мих-1965, р-III, кв. 544, шт. 7; 6 — Мих-1969, р-IV, кв. 1, шт. 1—6, оп. № 2238; 7 — Мих-1964, р-III, кв. 13, шт. 4, оп. № 163; 8 — Мих-1965, р-III, под вымосткой VIII; 9 — Мих-1979, р-III, кв. 362, шт. 2, оп. № 58; 10 — Мих-1969, р-I, кв. 3, шт. 15, оп. № 267; 11 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 7; 12 — Мих-1968, р-VII, кв. I, шт. 9; 13 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 7; 14 — Мих-1965, р-III, кв. 544, шт. 9; 15 — Мих-1965, р-III, кв. 16, шт. 9; 16 — Мих-1967, р-III, пом. XV, шт. 9; 17 — Мих-1980, р-XVII, кв. 3, шт. 1—3, оп. № 228; 18 — Мих-1965, р-III, кв. 567, шт. 5; 19 — Мих-1968, р-IV, кв. I, шт. 3, 4; 20 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 13, оп. № 392; 21 — Мих-1969, р-III, кв. 575, шт. 2, 3; 22 — Мих-1964, р-III, кв. 15, шт. 4, оп. № 275; 23 — Мих-1968, р-III, кв. 570, шт. 5; 24 — Мих-1967, р-III, кв. 566, шт. 11; 25 — Мих-1965, р-III, кв. 13, шт. 4; 26 — Мих-1980, р-IV, кв. 12, шт. 1; 27 — Мих-1968, р-III, кв. 14, шт. 8

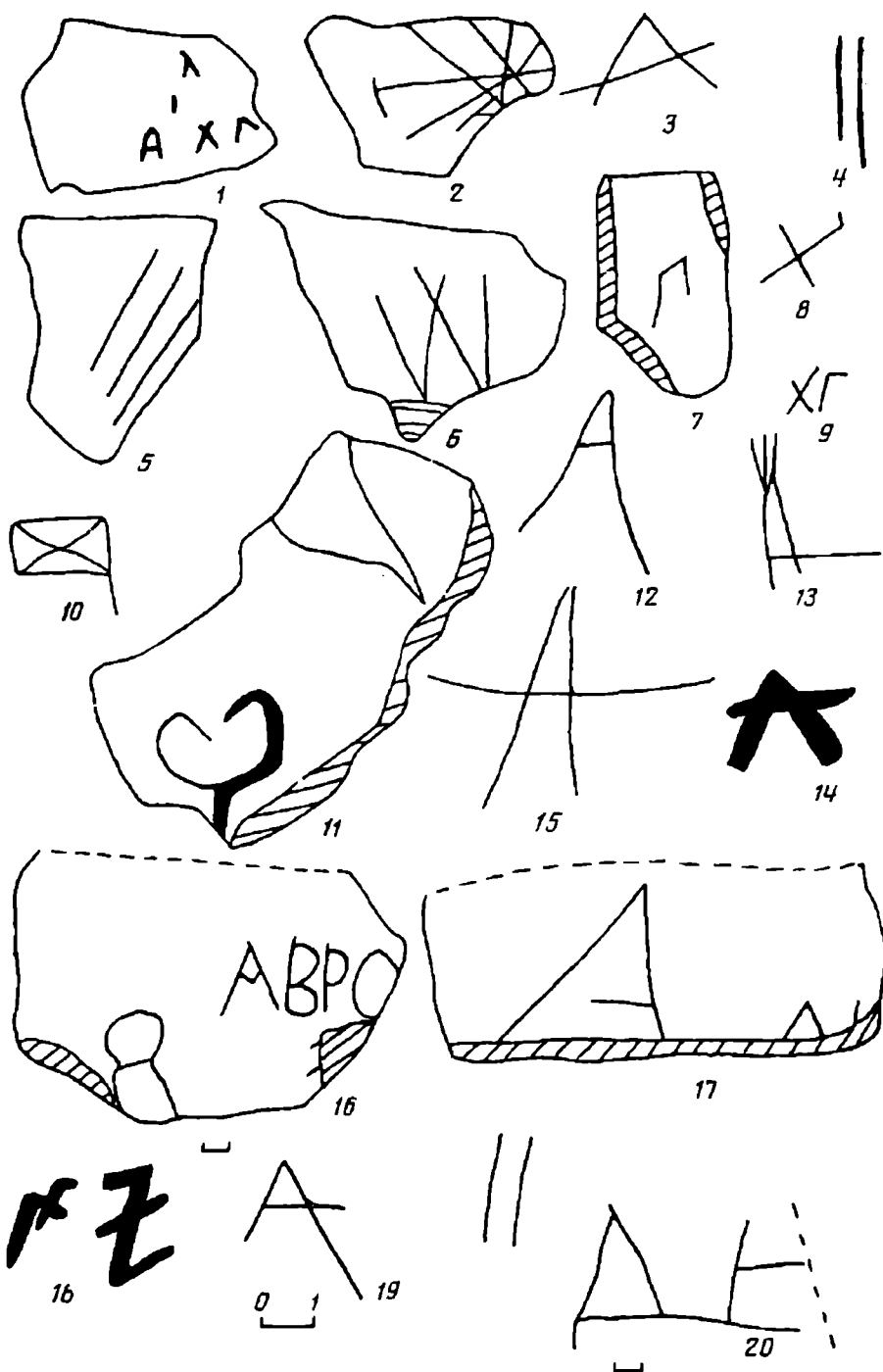

Рис. 2. Последние и могильник у с. Михайловка. Граффити на краснолаковых сосудах (1, 2), на простых гончарных сосудах (3), на кувшинах (4—11), на амфорах (12—20). 1 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 8; 2 — Мих-1970, р-III, кв. 560, шт. 1, 2, оп. № 391; 3 — Мих-1979, р-III, кв. 362, шт. 2, оп. № 55; 4 — Мих-1972, р-III, пом. I, шт. 4, оп. № 49; 5 — Мих-1979, р-III, кв. 364, зачистка, оп. № 501; 6 — Мих-1968, р-III, кв. 569, шт. 6; 7 — Мих-1979, р-III, кв. 362, шт. 2, оп. № 51; 8 — Мих-1984, р-II, п. м.; 9 — Мих-1963, р-III, кв. I, шт. 3, оп. № 67; 10 — Мих-1974, р-XI, кв. 6, шт. 3, 4, оп. № 205; 11 — Мих-1974, р-IV, кв. 8, шт. 12, оп. № 380; 12 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 12, оп. № 373; 13 — Мих-1979, р-III, кв. 385, шт. 2, оп. № 113; 14 — Мих-1984, р-II, кв. I, шт. 5, оп. № 3; 15 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. 5, 6; оп. № 413; 16 — Мих-1964, р-IV, кв. I, шт. 1, оп. № 72; 17 — Мих-1981, р-XIV, кв. I, шт. 1, оп. № 125; 18 — Мих-1972, р-III, кв. 385, шт. 2, оп. № 108; 19 — Мих-1981, р-III, кв. 364, шт. 1, 2; 20 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. I, оп. № 236

[14, с. 135, 136, № 239; 15, с. 139, 140, 152, рис. 5, 47]. Слой I в. до н. э. — I в. н. э.

Граффито (рис. 1, 25) на фр. стенки к/л сосуда тамгообразный знак. Слой конца II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 1, 26) на фр. стенки к/л сосуда тамга. Сходные знаки имеются на надгробиях II в. н. э. из Керченского музея [16, с. 54, 55, № 7, 8]. В. С. Драчук предположительно относит их к тамгам Рескупорида II [17, с. 66, табл. XIII, рис. 1, 21]. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 1, 27) на фр. стенки к/л сосуда — прочерченные линии и буквы, среди которых бесспорно можно выделить только А. Данное граффито предположительно имеет отношение к культу Ахилла, на чем мы остановимся ниже, и могло служить амулетом. Слой последней четверти I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 1) на фр. стенки к/л миски ΑΧΙΛΛ[ΕΩΣ]. Имя Ахилла как бы зашифровано. Возможно, и этот фр. служил амулетом и связан с почитанием культа Ахилла, хотя следует отметить, что в ряде боспорских лапидарных надписей I в. н. э. зафиксировано и личное подобное же имя (КБН № 363, 518). Слой последней четверти I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 2) на фр. стенки к/л сосуда — перекрещивающиеся линии. Вероятно, содержание связано с магией. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффити на простых гончарных сосудах

Граффито (рис. 2, 3) на фр. стенки гончарного открытого сосуда — А. Слой начала III в. н. э.

Граффити на кувшинах

Граффито (рис. 2, 4) на фр. стенки кувшина две прямые параллельные линии. Цифровое обозначение = 2. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 5) на фр. стенки кувшина — три прямые параллельные линии. Цифровое обозначение = 3. Слой I в. н. э.

Граффито (рис. 2, 6) на фр. стенки кувшина — знак в виде перевернутой буквы М. Возможно, Σ или Ω [3, с. 25, 26, рис. 1, 3]. Вероятно, начало имени. Аналогичный знак имеется на стенке амфоры с поселения у д. Семеновка [18, с. 64, рис. 48]. Слой I в. до н. э. — начала I в. н. э.

Граффито (рис. 2, 7) на фр. стенки тонкостенного кувшина — П. Вероятно, начало имени владельца. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 8) — Х-образный знак на стенке сосуда. Слой III—II вв. до н. э.

Граффито (рис. 2, 9) на фр. горла кувшина — ХГ. Возможно, обозначение меры объема — 3 хоя или обозначение стоимости — 3 халка. Ср. [14, с. 15, № 13; 19, с. 93, № 97]. Слой I в. до н. э.

Граффито (рис. 2, 10) на фр. горла кувшина знак в виде флажка. Монограмма ХР, являющаяся началом имени или, возможно, христианской аббревиатурой. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 2, 11) на фр. стенки кувшина часть тамгообразного знака и часть другого знака, уходящего в облом. Слой конца II — первой трети III в. н. э.

Граффити на амфорах

Граффито (рис. 2, 12) на фр. венчика широкогорлой разовоглиняной амфоры [20, табл. XXXIV, 836] — А. О возможных значениях А на амфорах см [5, с. 18]. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

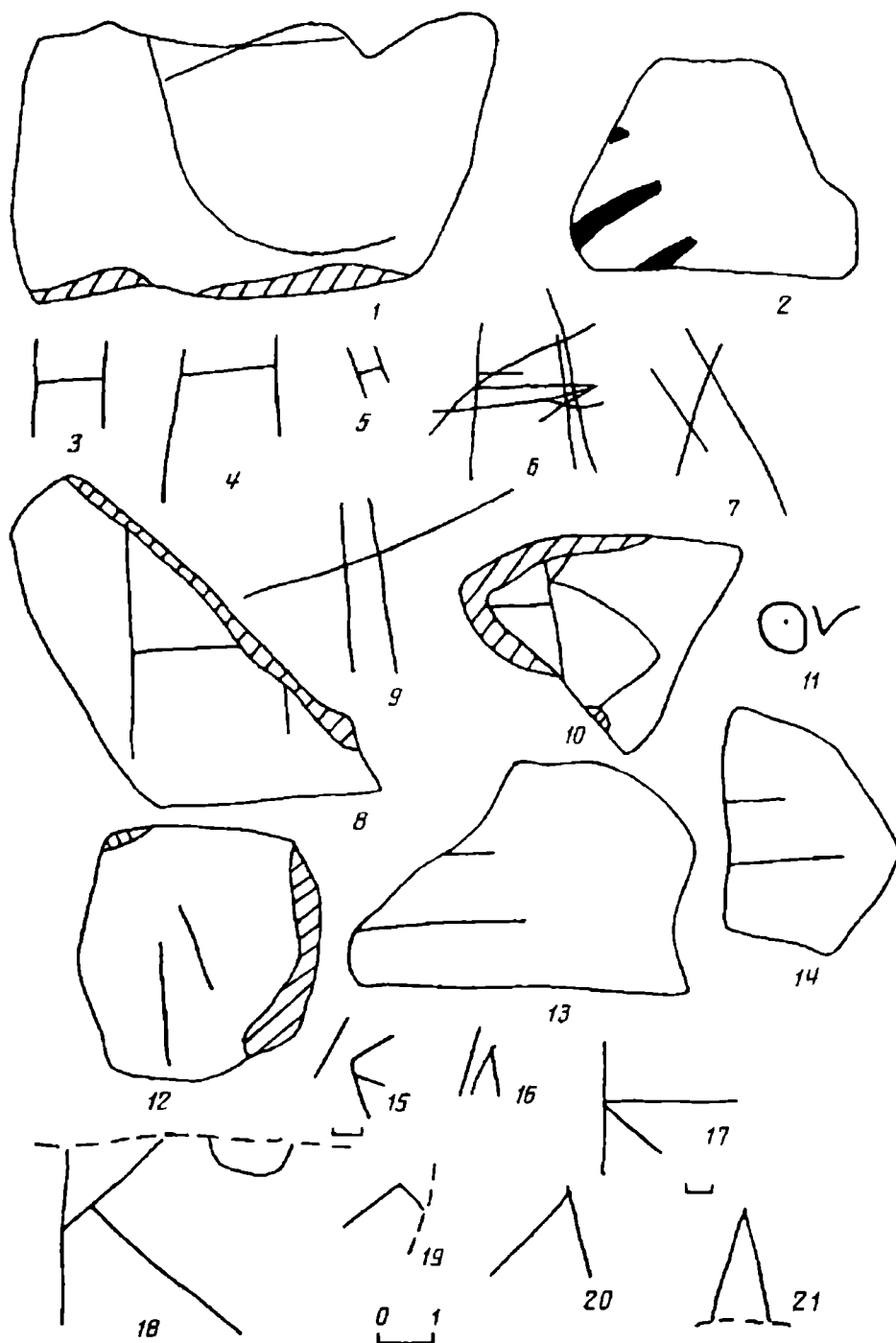

Рис. 3. Поселение и могильник у с. Михайловка. Граффити на амфорах. 1 — Мих-1964, р-III, кв. 10, шт. 3; 2 — Мих-1981, р-XIV, кв. I, шт. 1, оп. № 105; 3 — Мих-1964, р-III, кв. 13, шт. 4—6, оп. № 25; 4 — Мих-1973, р-XI, пом. I, шт. 1, оп. № 452; 5 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 14, оп. № 452; 6 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 12, оп. № 379; 7 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 9, оп. № 337; 8 — Мих-1981, р-III, кв. 364, шт. 3, оп. № 309; 9 — Мих-1980, р-IV, кв. 9, шт. 1, оп. № 476; 10 — Мих-1980, р-IV, кв. 6, шт. 3, оп. № 241; 11 — Мих-1974, р-III, п. м.; 12 — Мих-1970, р-III, кв. 564, шт. 3; 13 — Мих-1969, р-I, кв. 3, шт. 12, оп. № 224; 14 — Мих-1968, р-III, кв. 550, шт. 1; 15 — Мих-1964, р-IV, кв. I, шт. 10, оп. № 83; 16 — Мих-1980, р-XIV, кв. 8, шт. 10, 11, оп. № 411; 17 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. 10, оп. № 456; 18 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 10, оп. № 347; 19 — Мих-1980, р-IV, кв. 9, шт. 2, оп. № 512; 20 — Мих-1965, р-III, пом. XIII, шт. 1, 2; 21 — Мих-1980, р-III, кв. 527, шт. 5, оп. № 28

Граффито (рис. 2, 13) на фр. горла розовоглиняной амфоры [20, табл. XXXV, 85] — А. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 2, 14) на фр. стенки амфоры — А. Глина красная с включениями слюды и известняка. Слой конца I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 15) на фр. стенки амфоры — А. Глина светло-коричневая с включениями известняка, блестками слюды. Слой I—II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 16) на фр. стенки амфоры четким шрифтом, характерным для лапидарных надписей Боспора I—II вв. н. э., процарапано АВРО... и неясный рисунок. Глина светло-коричневая с белыми включениями. Возможно, обозначение напитка — «прелестный», «приятный» — $\alpha\beta\rho\acute{o}\varsigma$ [3, с. 25, 26, рис. 1, 7]. В Северном Причерноморье отмечен также ряд имен с подобной основой: Абромаха на надгробии I в. н. э. из Пантикапея (КБН № 148), Габрозий, сын Аристона на надписи 255 г. н. э. из Танаиса (КБН № 1279), Аброаг, сын Сусуллона на посвяtitельной надписи из Ольвии I — первой половины II в. н. э. (НО № 79). Последнее имя, по мнению Л. Згуста, является иранским [21, с. 61, № 41]. Имеется также фракийское имя Абросем (Хеп. *Αναβ.* VII, 6, 43). Рисунок, возможно, является стилизованным изображением человеческой фигуры или частью тамгообразного знака. Слой начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 17) на фр. горла амфоры — А и неясные буквы, уходящие в облом. Глина светло-коричневая. Слой III в. н. э.

Граффито (рис. 2, 18) на фр. стенки амфоры — Αζ (?). Глина красная с известковыми включениями. Начало имени. На Боспоре отмечен ряд подобных имен: 'Αζαρίων (КБН № 1278, 1287) и 'Αζίας (КБН № 1179, 1295). Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 2, 19) на фр. стенки амфоры — А и две прямые параллельные линии. Глина светло-коричневая с серым запалом, включениями известняка. А и цифровое обозначение = 2. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 2, 20) на фр. стенки широкогорлой розовоглиняной боспорской амфоры II—III вв. н. э. [20, табл. XXXVI, 83] — глубоко процарапано ΔΗ. Возможно, начало имени. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 1) на фр. стенки амфоры — часть буквы Ε. Глина красная. Э. И. Соломоник предполагала, что подобные сокращения являются началом слова ΕΛΑΙΟΝ — «оливковое масло» [5, с. 18]. Но в ряде случаев, как нам представляется, они могли обозначать и начало имени. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 2) на фр. стенки амфоры — часть буквы Ε. Глина оранжевая плотная, с незначительной примесью мелких светлых частиц. Слой III — начала IV в. н. э.

Граффито (рис. 3, 3) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красная с белыми включениями. Подобные аббревиации на амфорах весьма распространены. Об их возможных значениях см. [5, с. 18]. Слой конца II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 4) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красная с белыми включениями. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 5) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красная с редкими блестками слюды. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 6) — на фр. стенки амфоры небрежно процарапано Η. Глина светлая с включениями известняка, авгита. Слой I—II вв. н. э.

Граффито (рис. 3, 7) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красновато-коричневая, светло-зеленый ангоб. Слой I—II вв. н. э.

Граффито (рис. 3, 8) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красная с включениями кварцевого песка, блестками слюды. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 9) на фр. стенки амфоры — Η. Глина красная с блестками слюды. Слой начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 10) на фр. стенки амфоры — буквы ΗΒ в лигатуре. Глина

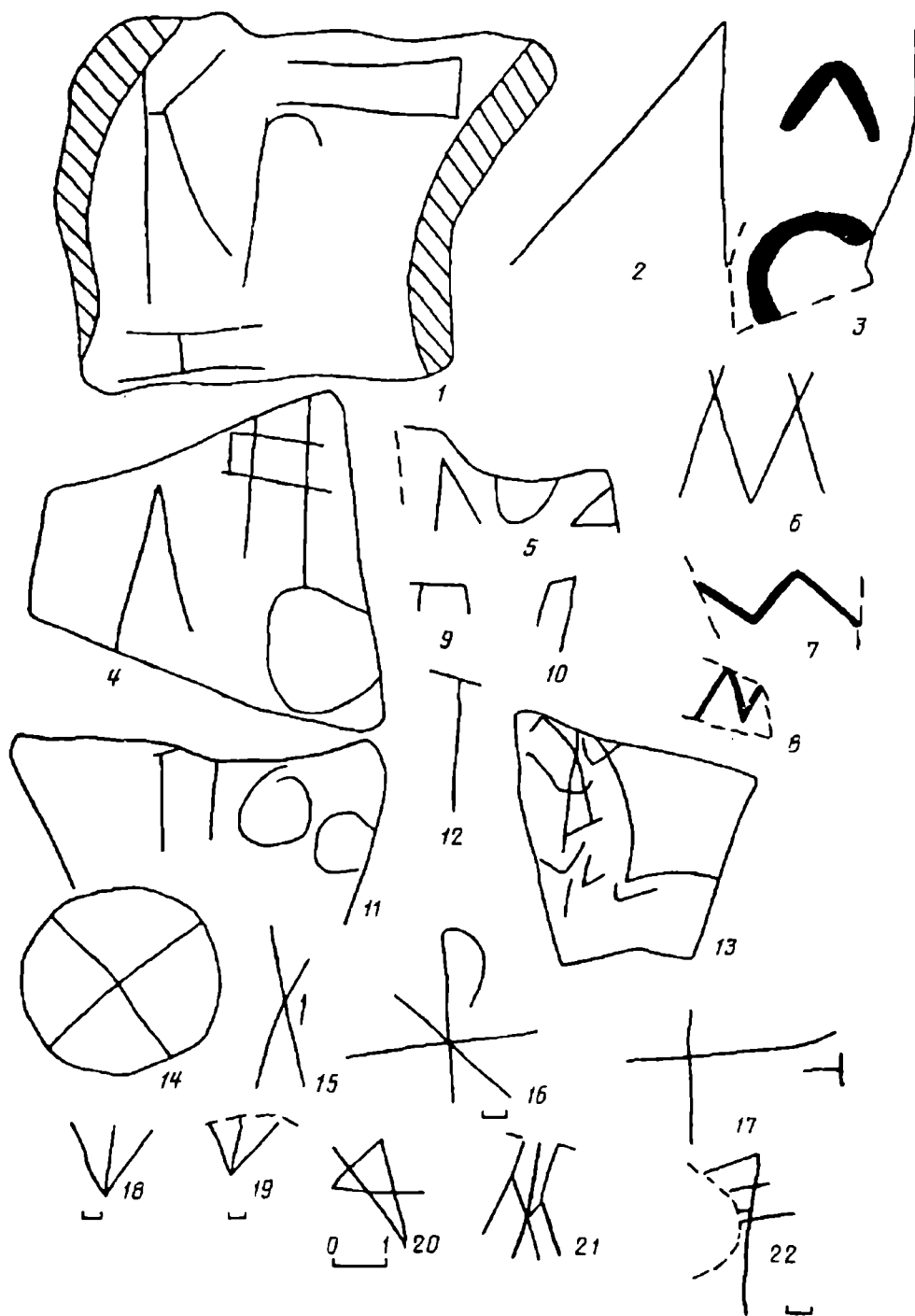

Рис. 4. Поселение и могильник у с. Михайловка. Граффити на амфорах. 1 — Мих-1980, р-IV, кв. 6, шт. 5, оп. № 468; 2 — Мих-1964, р-III, кв. 8, шт. 3, оп. № 219; 3 — Мих-1980, р-IV, кв. 9, шт. I, оп. № 478; 4 — Мих-1980, р-IV, шт. 3, оп. № 489; 5 — Мих-1969, р-IV, кв. 1, шт. 1—6, оп. № 2239; 6 — Мих-1965, р-III, кв. 544, шт. 7; 7 — Мих-1978; р-XVII, кв. I, шт. 3, оп. № 1; 8 — Мих-1981, р-III, кв. 364, шт. I, оп. № 302; 9 — Мих-1968, р-VII, кв. I, шт. 2; 10 — Мих-1974, р-XI, кв. 3, шт. 1; 11 — Мих-1984, р-XV, кв. I, шт. 4, оп. № 221; 12 — Мих-1981, р-XIV, кв. I, шт. 1, оп. № 104; 13 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 5, оп. № 278; 14 — Мих-1968, р-II, кв. 2, шт. 8; 15 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. 9, 10, оп. № 472; 16 — Мих-1980, р-IV, кв. 8, шт. 8, оп. № 240; 17 — Мих-1971, р-III, кв. 2, шт. 4, оп. № 4; 18 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. 10, оп. № 454; 19 — Мих-1980, р-IV, кв. 7, шт. 10, оп. № 466; 20 — Мих-1969, р-I, кв. 3, шт. 12, оп. № 224; 21 — Мих-1963, р-II, кв. I, шт. 2, оп. № 28; 22 — Мих-1968, р-III, кв. 3, шт. 7, 8

красная с редкими блестками слюды, светло-зеленый ангоб. Начало имени. Ср.: [13, № 793—795]. Слой конца II в. н. э.

Граффито (рис. 3, 11) на фр. стенки амфоры — 6V. Глина желтая с темными включениями. Начало имени. Первые века н. э.

Граффито (рис. 3, 12) на фр. стенки амфоры — две прямые линии. Глина красная с черными и белыми включениями. Возможно, цифровое обозначение = 2. Слой конца I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 3, 13) на фр. стенки амфоры — две прямые линии, уходящие в облом. Глина коричневая. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 3, 14) на фр. стенки амфоры — две прямые линии, уходящие в облом. Глина красная с белыми включениями. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 15) на фр. стенки амфоры — IE. Глина коричневая с включениями слюды. В надписи II в. н. э. из Пантикапея отмечено редкое имя 'Ιεραχ(ι)ος (КБН, № 85). Не исключено и цифровое обозначение = 15. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 16) на фр. стенки розовоглиняной боспорской амфоры [20, табл. XXXV, 846] — IΛ. Начало имени. Слой III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 17) на фр. стенки амфоры — K. Глина красная с включениями известняка. Возможно, начало имени или цифровое обозначение. О других возможных значениях см. [5, с. 18]. Слой конца II в. н. э.

Граффито (рис. 3, 18) на фр. стенки боспорской широкогорлой амфоры [20, табл. XXXIV, № 836] — процарапано KO. Начало имени или название товара. По нашим наблюдениям подобные аббревиации очень часто встречаются в Северном Причерноморье, но, к сожалению, они пока не поддаются убедительной интерпретации. Слой конца II в. н. э.

Граффито (рис. 3, 19) на фр. стенки амфоры — Λ(?), уходящая в облом. Глина коричневая с включениями известняка. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 20) на фр. стенки амфоры — Λ. Глина красная. Начало имени или цифровое обозначение = 30. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 3, 21) на фр. стенки амфоры — Λ(?) Глина светло-коричневая плотная. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 1) на фр. стенки амфоры — KР и П, Н. Глина красновато-коричневая. Возможно, обозначение названия товара KPIΘH, KPIΘINOΣ OINOΣ и объем содержимого. Н = 8, затем по мере убывания П = 5 хоям (?). Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 2) на фр. стенки амфоры — Λ. Глина желтая с темными включениями. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 3) на фр. стенки амфоры — ΛO. Надпись уходит в облом. Глина коричневая плотная, с блестками слюды. Начало имени. Слой последней четверти II в. н. э. — первой половины III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 4) на фр. стенки амфоры — ΛO и двойное перекрестие. Глина красная с блестками слюды. Начало имени. Аналогичные двойные перекрестия имеются на стенках амфор из Афин [22, F 303, табл. 26, с. 48] и с поселения Козырка [23, с. 77, рис. IV, 17]. Слой последней четверти II — первой половины III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 5) на фр. стенки амфоры — буквы ΛOΔ, уходящие в облом. Глина коричневая с белыми включениями. Греческого имени на ΛOΔ словари не дают. Но на надгробии I в. н. э. из Пантикапея встречено имя Χοιδρα (КБН № 541), которое Л. Згуста восстанавливает как Λοιδίας [21, с. 312, № 669]. Такое явление, как слияние οι перед согласным, отмечено в боспорской надписи II в. н. э. (КБН № 87). Возможно, такое написание отражает особенности местного произношения. Из близких мужских имен имеется только [24, с. 239], которое, вероятно, и содержит рассматриваемое

граффито. Не исключено, что граффити на рис. 4, 3, 4 также относятся к этому имени. Они все были найдены в зольнике IV, связанном с помещениями III раскопа, слоя IVa цитадели, датируемой последней четвертью II в. н. э. — первой половиной III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 6) на крышке, изготовленной из стенки амфоры, — М или Σ. Глина коричневая. Вероятно, начало имени. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 7) на фр. стенки амфоры — часть буквы М или Σ. Глина красная. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 8) на фр. стенки амфоры — часть буквы Ν (?) Глина красная. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 9) на фр. стенки амфоры — Π. Глина красная. Начало имени или цифровое обозначение = 5. Слой последней четверти II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 10) на фр. стенки амфоры — Π. Глина красная. Слой II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 11) на фр. стенки амфоры — ΠΟC. Глина красная с включениями известняка, светло-зеленый ангоб. Возможно, Ποc(ις) — «питье», «напиток» [9, с. 292]. Слой рубежа II—III вв. н. э.

Граффито (рис. 4, 12) на фр. стенки амфоры — Τ. Глина розовато-красная. Начало имени или название товара, например, τὸ ταρῦχος — «соленая рыба». Слой первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 13) на фр. стенки амфоры — прочерчено множество Y-образных знаков. Глина красная с включениями известняка и авгита. Возможно, буквы V являются сокращениями от слова υγεία «здоровье», а сам фр. представлял собой амулет, который должен был способствовать исцелению. Ср. амулет V в. до н. э. с Березани [25, с. 227, рис. 1316]. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 14) на крышке из стенки амфоры — X-образный знак. Глина розовая. Условная метка [33, с. 25, 26, рис. 1, 5]. Слой I в. до н. э. — I в. н. э.

Граффито (рис. 4, 15) на фр. стенки амфоры — X. Глина коричневая плотная, с редкими включениями известняка. Возможно, начало имени. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 16) на фр. стенки боспорской широкогорлой розовоглиняной амфоры [20, табл. XXXVI, № 89] — монограмма ΧΡ. Начало имени, христианская монограмма или название товара, например, χρυσάτιχον ὀνον (имеются аналогии — дипинто на стенке амфоры из раскопок на афинской агоре [22, 28, с. 92, табл. 57]). Слой последней четверти II — первой половины III в. н. э.

Граффито (рис. 4, 17) на фр. стенки амфоры — перекрестие и Τ. Глина желтая с белыми и темными включениями. Возможно, начало имени или название товара и условная метка. Слой рубежа II—III вв. н. э.

Граффито (рис. 4, 18) на фр. стенки амфоры — Ψ. Глина красная с включениями известняка и слюды. Начало имени или цифровое обозначение = 50. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 19) на фр. стенки амфоры — Ψ. Глина красновато-коричневая. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 4, 20) на фр. стенки амфоры — пентаграмма. Глина коричневая с примесью слюды. Несколько подобных знаков обнаружены при раскопках поселения на о-ве Березань. Э. Р. Штерн считал их метками торговцев [26, с. 28, № 33]. В. П. Яйленко относит их к числу магических [25, с. 297]. Вероятно, пентаграмма, нанесенная на целой амфоре, могла служить и условной меткой, в остальных случаях предпочтение следует отдать пониманию таких знаков как магических, которые до сих пор используются магами в своей практике [27, с. 327 и сл.]. Слой I в. до н. э.

Рис. 5. Поселение и могильник у с. Михайловка. Граффити на амфорах (1—8), на пифосах (9—13), на лепной посуде (14—19), на черепице (20—21). Инталии (22, 23). 1 — Мих-1983, р-III, кв. 420, шт. 3, оп. № 453; 2 — Мих-1968, р-II, кв. 2, шт. 4; 3 — Мих-1972, р-III, яма 4, оп. № 3; 4 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 8; 5 — Мих-1965, р-III, кв. 544, шт. 7; 6 — Мих-1965, р-III, кв. 544, шт. 7; 7 — Мих-1975, р-III, кв. 376, шт. 1—3; 8 — Мих-1981, р-III, кв. 364, шт. 1, оп. № 312; 9 — Мих-1984, р-III, пом. XXI, шт. 7, оп. № 184; 10 — Мих-1979, р-III, кв. 362, шт. 2, оп. № 53; 11 — Мих-1964, р-III, кв. 4, шт. 4, оп. № 125; 12 — Мих-1970, р-III, кв. 575, шт. 3, оп. № 434; 13 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 9; 14 — Мих-1965, р-III, кв. 14, шт. 9; 15 — Мих-1965, р-III, пом. II, шт. 2, оп. № 199; 16 — Мих-1964, р-IV, кв. I, шт. 1, оп. № 190; 17 — Мих-1969, р-VII, кв. I, шт. 13—15; 18 — Мих-1968, р-IV, кв. I, шт. 1; 19 — Мих-1965, р-III, пом. II, шт. 2; 20 — Мих-1973, р-XI, пом. I, шт. 1, 2; 21 — Мих-1965, р-III, кв. 514, шт. 7; 22 — Мих-1984, р-II, склеп, костяк № 4, оп. № 14; 23 — Мих-1984, р-II, склеп, череп № 11

Граффито (рис. 4, 21) на фр. стенки амфоры — часть неясного знака, уходящего в облом. Глина красная с белыми включениями. Возможно, сложная монограмма или часть тамгообразного знака. Слой I в. до н. э. — начала I в. н. э.

Граффито (рис. 4, 22) на фр. стенки амфоры — часть неясного знака, уходящего в облом. Глина красная с белыми включениями. Условная метка или часть тамгообразного знака. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 1) на фр. ручки гераклеийской амфоры — Ф. Отмечая распространенность подобных сокращений на амфорах, Д. Б. Шелов предполагает, что они могут обозначать название какого-нибудь весьма распространенного товара [28, с. 106, 108]. Слой IV в. до н. э.

Граффито (рис. 5, 2) на фр. стенки амфоры часть неясного знака, уходящего в облом. Глина красная с блестками слюды [3, с. 25, 26, рис. 1, 4]. Вероятно, часть тамги. Слой начала I в. н. э.

Граффито (рис. 5, 3) на фр. стенки амфоры с изображением растения. Глина красная с белыми включениями. По мнению Д. Б. Шелова, подобные рисунки обозначают название товара [29, с. 124]. В данном случае растение, вероятно, является оливой, т. е. в амфоре хранилось оливковое масло. Слой середины II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 4) на фр. стенки амфоры — часть тамгообразного знака. Глина желтая с темными включениями. Сохранившаяся часть сходна со знаком на стене склепа Алкима I в. до н. э. — I в. н. э., открытого в 1867 г. на северном склоне горы Митридат [16, с. 77, 78, № 33]. Слой второй половины I — начала II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 5) на фр. стенки амфоры — тамга. Глина красная с белыми включениями. Сохранившаяся часть близка к тамге Тиберия Юлия Евпатора [16, с. 49, № 1—3, 5, 6, 68]. Слой второй половины II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 6) на фр. стенки амфоры — тамга. Глина красная с белыми включениями. Скорее всего знак аналогичен предыдущему. Не исключено, что это может свидетельствовать о родственных связях одного из жителей поселения с царским домом Т. Юлия Евпатора. Слой второй половины II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 7) на фр. стенки амфоры — тамгообразный знак. Глина розовая с черными включениями. Аналогий этому знаку не отмечено. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 8) на фр. стенки амфоры — неясное изображение. Глина красновато-коричневая с мелкими включениями известняка. Возможно, это передняя часть корабля, аналогичная изображению корабля на штукатурке из Пантикапея [4, с. 97, рис. 22; ср. 6, с. 212, рис. 2, 3]. Слой конца II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 9) на фр. стенки амфоры — АХ и неясные знаки. Размёр фр. 3,2—3,7 см. Глина красная с мелкими включениями известняка. Вероятно, это амулет с посвящением Ахиллу, как и № 32, 33. Слой II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 10) на фр. стенки пифоса — А. Глина ярко-красная с многочисленными включениями известняковых частиц, светло-зеленый ангоб. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 11) на фр. стенки пифоса — АΛ. Глина розовая с темными включениями. Скорее всего обозначение названия товара — ἄλφιτα — «ячмень» [28, с. 104, 121, рис. 9, 77]. Слой рубежа II—III вв. н. э.

Граффито (рис. 5, 12) на фр. стенки пифоса — ΙΡΑ. Глина коричневая с белыми включениями. Возможно, начало имени. В надписях из Танаиса зафиксирован ряд подобных имен: Ἰραμβουστός (КБН № 1242), Ἰραναδῖς (КБН № 1279). Возможны и другие имена на Ιε. В надписи II в. н. э. из Гермонассы отмечено слияние ιε>ι (ἱερεα — ἱρεα) (КБН № 1054). Менее вероятным представляется производное от ἱερός. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 13) на фр. стенки пифоса — АВ. Глина красная с темными включениями. Цифровое обозначение = 32. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффити на лепных сосудах

Граффито (рис. 5, 14) на фр. лепной подставки по сырой глине — процарапано Δ. Глина красная. Вероятно, начало имени. Слой конца II — начала III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 15) на фр. стенки лепного сосуда — две прямые линии. Глина коричневая. Вероятно, цифровое обозначение = 2. Слой конца I — первой половины II в. н. э.

Граффито (рис. 5, 16) на фр. стенки лепного сосуда — ΙΑ и две прямые линии. Глина коричневая. Начало имени и цифровое обозначение. Слой последней четверти II — первой трети III в. н. э.

Граффито (рис. 5, 17) на фр. стенки лепной чаши — К. Глина серая. Начало имени. Слой конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.

Граффито (рис. 5, 18) на фр. стенки лепного горшка — ΠН. Глина серая с белыми включениями. Начало имени. На Боспоре отмечено только начало одного подобного имени в надписи 228 г. н. э. из Танаиса Πηριο... (КБН № 1282). Слой рубежа II—III вв. н. э.

Граффито (рис. 5, 19) с внутренней стороны дна лепного горшка — Χ. Глина коричневая с белыми включениями. Слой конца I — начала II в. н. э.

Граффити на черепице

Граффито (рис. 5, 20) на фр. черепицы — Χ. Глина красная. Слой рубежа II—III вв. н. э.

Граффито (рис. 5, 21) на фр. черепицы — Χ. Глина красная. Слой I в. н. э.

Инталии

Инталия (рис. 5, 22), сердолик, формы кабошон, вставка в бронзовый перстень. Одноручный кубок.

Инталия (5, 23), горный хрусталь, форма кабошон, вставка в бронзовый перстень. Женская фигура, Афина. Две другие инталии из этого же комплекса опубликованы [6, с. 212, 213, рис. 2, 1; 9, с. 292].

В заключение отметим, что большинство рассмотренных граффити относится к личным именам и к хозяйственной деятельности жителей поселения. Можно выделить группу граффити в виде тамгообразных знаков, встречающихся в слоях I—III вв. н. э., в том числе и ряд совершенно новых. Некоторые из них, вероятно, свидетельствуют о связях с царским домом Т. Юлия Евпатора.

Интересные данные получены и о культовых представлениях местного населения. Особо можно выделить несколько граффити I—II вв. н. э., которые, вероятно, имеют отношение к культу Ахилла, сведения о почитании которого на Боспоре пока крайне ограничены [30, с. 139]. Тем неожиданнее открытие его следов на степном поселении. Представляется, что, с одной стороны, это может свидетельствовать о связях с морем по реке [6, с. 210—214], а с другой стороны с какими-то особенностями местности, например наличием целебных источников, подобно тому, как это было в Милете (Athen. II, 19).

Во время исследования Михайловского поселения источник ключевой воды был обнаружен севернее городища, в скалах у уреза реки. Были выявлены карстовые пустоты в известняках и выходящие наружу отверстия — коноры в виде вертикальных дыр и трещин в скалах, которые были обнаружены на склонах холмов и под культурными слоями третьего раскопа городища. В эти отверстия на глубину до 2 м опускалась свеча, направление пламени которой на глубине начинало указывать на горизонтальное движение воздуха в пустотах. При сильном

ветре с обратной стороны склона из них довольно сильно сквозил воздух. Все это подтверждает сообщенность карстовых пустот и их развитие в известковых скалах городища. Обычно такие места у древних греков ассоциировались со входом в Аид. В связи с этим уместно вспомнить сообщение Гомера об Ахилле как владыке царства мертвых (*Od.*, XI, 485—495). Кстати, карстовые пещеры были и на о-ве Змеином (Левке), теснейшим образом связанном с почитанием культу Ахилла в Северо-Западном Причерноморье [4, с. 30; 31, с. 62—63; 32, с. 53 и сл.].

В то же время широкое распространение имели различные виды магии. Видимо, это как-то было связано с особенностями быта или с влиянием негреческого населения.

Определенный интерес, на наш взгляд, представляет граффито с монограммой ХР (рис. 2, 10), относимое к последней четверти II — первой трети III в. н. э. Как уже отмечалось, нельзя исключить, что это христианская монограмма, учитывая вышеприведенное свидетельство о находке перстня того же времени с христианскими символами в некрополе около д. Ново-Отрадное [33, с. 195, рис. 3]. Если наше предположение верно, то это одно из самых ранних свидетельств о проникновении христианства на Боспор. Интересно отметить, что все они получены как раз на сельских поселениях, что, очевидно, может свидетельствовать о каких-то гонениях христиан в боспорских городах, что принуждало их скрываться в местах, где влияние центральной администрации, видимо, сказывалось слабее. Об этом же могут говорить и находки в дромосе Царского кургана [34, с. 102] и в Илурате [35, с. 95—97]. Одновременное существование различных верований на поселении у с. Михайловка отражает сложные процессы в религиозной жизни Боспора в первые века н. э.

Необходимо подчеркнуть, что количество граффити и дипинти³ с других сельских поселений как Европейского, так и Азиатского Боспора крайне ограничено [10, с. 45—53; 36, с. 239; 37, с. 20—26]. Это позволяет, на наш взгляд, вновь обратить внимание на место и значение поселения у с. Михайловка [2, с. 117 и сл.; 38, с. 192] среди прочих сельских поселений Европейского Боспора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петерс Б. Г. Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г. // КСИА. 1965. № 103.
2. Петерс Б. Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978.
3. Петерс Б. Г. О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.) // КСИА. 1985. № 182.
4. Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
5. Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонесса. Киев: Наук. думка, 1984.
6. Петерс Б. Г., Авдеев А. Г. Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э. // СА. 1990. № 4.
7. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986.
8. Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА. 1972. № 130.
9. Петерс Б. Г. Раскопки поселения близ с. Михайловка // АО-1984. М., 1986.
10. Масленников А. А. Граффити и дипинти с мыса Зюк // КСИА. 1987. № 191.
11. Блаватская Т. В., Розов В. Н. Граффити зенонитов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.
12. Кругликова И. Т. Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновка // КСИА. 1962. № 89.
13. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1978.
14. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
15. Емец И. А., Петерс Б. Г. Эпиграфические материалы из Патрея // Древности. 1992. № 3.
16. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
17. Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.

³ Дипинти с поселения у с. Михайловка готовятся авторами к печати.

18. Кругликова И. Т. Раскопки поселения у д. Семеновка//МИА. 1970, № 155.
19. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии//ВДИ. 1980. № 3.
20. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
21. Zgusta L. Die Personennamen griechischer städte der nordlichen Schroarzmeerküste. Praha, 1955.
22. Lang M. Graffiti and dipinti//The Athenian agora. V. XXI. Princeton, 1976.
23. Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий н. э. Киев: Наук, думка, 1976.
24. Pape W. Wörterbuch der Griechischen Eigennamen nebst Uebersicht über die der Personennamen. Braunschweig, 1842.
25. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. н. э. М.: Наука, 1982.
26. Штерн Э. Р. Новые эпиграфические материалы, найденные на юге России//ЗООИД. 1901. Т. 23.
27. Папюс Практическая магия. М., 1992.
28. Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов//Н. Э. Т. XV. М.: Наука, 1989.
29. Шелов Д. Б. Экономическая жизнь Танаиса//Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
30. Русаева А. С. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка, 1979.
31. Пятыхева Н. В. Археологическое обследование острова Левки (о-в Змеиный) осенью 1964 г. //Тр. НИМ. 1966. Вып. 40.
32. Хильдебрехт Хоммель Ахилл — бог//ВДИ. 1981. № 1.
33. Арсеньева Т. М. Некрополь римского времени у д. Ново-Отрадное//СА. 1963. № 1.
34. Гайдукевич В. Ф. Работы на Боспоре//АО-1965. М.: Наука, 1966.
35. Кубланов М. М. Новые погребальные сооружения Илурата//КСИА. 1979. № 159.
36. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
37. Емец И. А. Древнегреческие граффити с поселения «Красноармейское»//Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
38. Авдеев А. Г., Абрамов А. П., Петерс Б. Г. Функциональная характеристика керамической тары V—II вв. до н. э. с городища у с. Михайловка//СА. 1989. № 4.

Институт археологии РАН,
Москва

I. A. YEMETS, B. G. PETERS

THE GRAFFITI FROM THE SETTLEMENT NEAR MIHAILOVKA VILLAGE IN THE CRIMEA

Summary

The article deals with 132 graffiti found during the antique settlement excavations near Mihailovka village (Lenin district, Crimea region) in 1963—1984. For the rural settlements graffiti are the main type of narrative sources, because an information about them in other sources (antique authors works, lapidary inscriptions) is very limited. The majority of the studied graffiti belong to personal names and an economical activity of the settlement's inhabitants. The authors distinguish the graffiti group with tamga-shaped symbols. There are some interesting facts about the local population's cult ideas. A very interesting monogram "XP" possibly is an evidence of Christianity penetration to Bosphorus already at the end of the 2nd — the beginning of the 3rd centuries A. D.

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

В 70—80-х годах размах археологических исследований на Нижнем Дону достиг небывалого масштаба. Раскопаны сотни погребений первых веков нашей эры. Их материалы позволяют по-новому взглянуть на процесс генезиса позднесарматской культуры и осветить некоторые вопросы этнополитической истории сарматских племен, населявших этот регион. К числу таких комплексов относятся четыре очень выразительных погребения из могильников Нагавский II и Веселый III, раскопанных в 1988 г. Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского педагогического института под руководством Е. П. Мыськова.

Курганы находились на левом берегу Цимлянского водохранилища, близ ст-цы Нагавская и хут. Веселый Котельниковского р-на Волгоградской обл. Расстояние между курганными группами не превышало 3 км.

Могильник Нагавский II, курган 11. Высота 0,75 м, диаметр 24 м. Погребение находилось в центре кургана, могила подбойная, ориентирована по линии СЗ — ЮВ, подбой в юго-западной стенке. Общая глубина могилы 3,35 м. На дне подбоя лежал скелет женщины 45 лет, головой на СЗ. Череп погребенной имеет следы искусственной лобно-затылочной деформации (рис. 1, 1)¹. В заполнении входной ямы найдены железный трехлопастный наконечник стрелы, обломок лепного сосуда и «жаровня» с углями — придонная часть лепного горшка (рис. 2, 5).

Сопровождающий инвентарь в могиле располагался тремя группами: за черепом, у левого плеча и в ногах погребенной (рис. 1). За головой лежал ритон из прозрачного стекла с накладным орнаментом из нитей бирюзового цвета. Они образуют на тулове ритона круговые зигзаговидные и спиралеобразные линии (рис. 2, 4). Стекло, из которого он изготовлен, довольно низкого качества, с большим количеством пузырьков. Рядом стоял кувшин из зеленоватого стекла с цилиндрическим туловом и плоской ручкой, украшенной рельефными параллельными и пересекающимися линиями (рис. 2, 3). Тут же найден небольшой красноглиняный гончарный сосуд грушевидной формы (рис. 2, 9).

У левого плеча погребенной расчищены остатки деревянной квадратной шкатулки с бронзовыми скрепками (рис. 1, 22). В шкатулке лежали куски мела и пудры, бронзовое зеркало-подвеска с отломанным ушком (рис. 1, 16), бронзовый пинцет (рис. 1, 17), фрагмент красноглиняного гончарного сосуда (миски?), применявшийся в качестве терочника (рис. 2, 7), жаберная крышка осетра, железные пружинные ножницы (рис. 2, 6). У кисти левой руки найден обломок глиняного пряслица усеченно-биконической формы. Рядом со шкатулкой лежал железный кинжал с костяной наборной рукояткой, обернутой тончайшей золотой фольгой. Рукоятка имеет грибовидное навершие, в котором сверху просверлено отверстие, а вокруг него вырезана восьмилепестковая розетка (рис. 2, 11).

Самая многочисленная группа предметов располагалась в ногах погребенной. Здесь обнаружены: 1) лежавший вверх дном бронзовый ковш с отверстием на конце пластинчатой ручки (рис. 2, 8), на дне имеются две заплатки; 2) бронзовый

¹ Антропологические определения А. В. Шевченко.

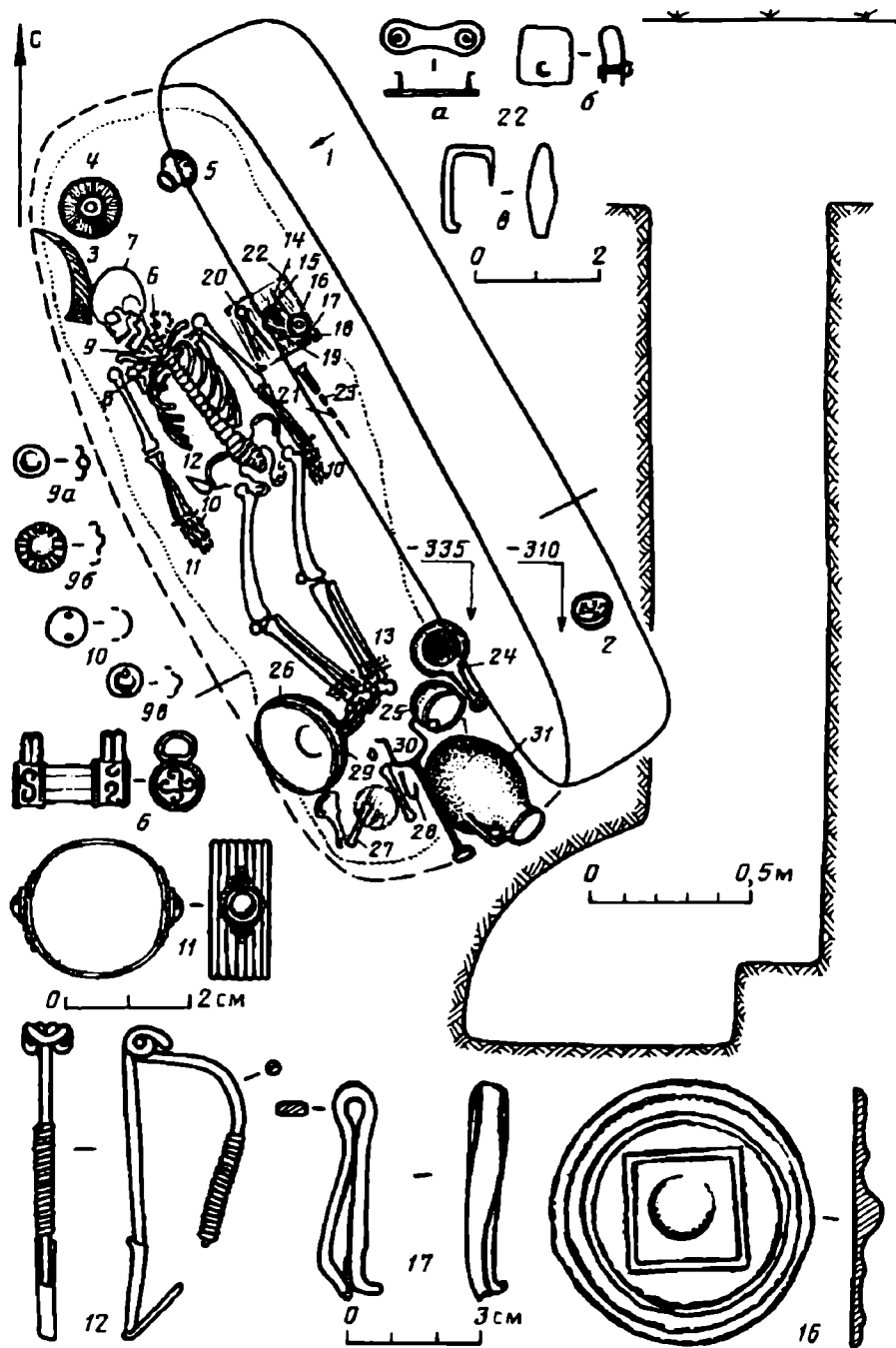

Рис. 1. План погребения и инвентарь из кург. II могильника Нагаевский II: 1 — наконечник стрелы; 2 — глиняная «жаровня»; 3 — стеклянный ритон; 4 — стеклянный кувшин; 5 — красноглиняный сосуд; 6 — золотой кулон; 7 — фрагмент стеклянной бусины; 8 — фрагмент железного предмета; 9, 10 — золотые бляшки; 11 — золотой перстень; 12 — бронзовая фибула; 13 — нефритовый бисер; 14 — мел; 15 — румяна; 16 — бронзовое зеркало; 17 — бронзовый пинцет; 18 — фрагмент красноглиняного сосуда; 19 — жаберная крышка осетра; 20 — железные ножницы; 21 — фрагмент глиняного пряслица; 22 — бронзовые скрепки; 23 — железный кинжал с костяной ручкой; 24 — бронзовый ковш; 25 — бронзовый котел; 26 — глиняная миска; 27 — кости овцы; 28 — железный крюк; 29 — фрагмент бронзового предмета; 30 — железный канделябр; 31 — глиняный кувшин

котелок без поддона с двумя вертикальными ручками (одна отломана, на ее месте приварены пять скрепок — следы починки); по тулову проходит горизонтальный круговой ободок, имитирующий веревочку; на котле имеется заплатка (рис. 2, 12); 3) серолощенная гончарная миска с вогнутыми у дна стенками (рис. 2, 2); 4) кости ноги и таза овцы; 5) железный крюк очень плохой

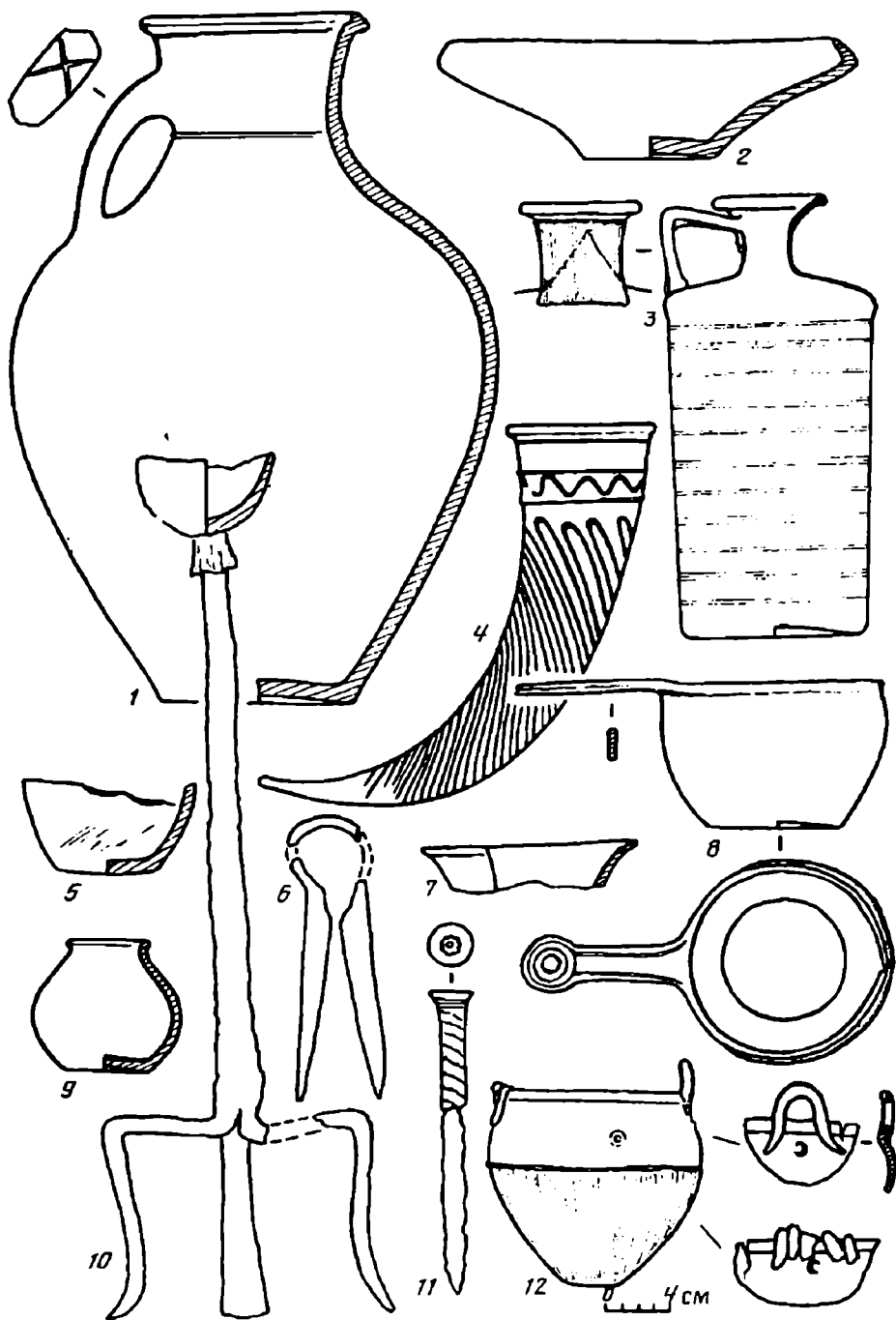

Рис. 2. Вещи из погребения в курге II могильника Нагавский II: 1, 2, 5, 7, 9 — глина; 3, 4 — стекло; 6, 10 — железо; 8, 12 — бронза; 11 — железо и кость с позолотой

сохранности; 6) фрагменты бронзовых пластинок; 7) железный канделябр на трех ножках, увенчанный полусферической чашечкой, общая высота его 56 см (рис. 2, 10); 8) сероглиняный гончарный лощеный кувшин с дуговидной ручкой, на которой вырезан крест; высота сосуда 44 см (рис. 2, 1); 9) под костями овцы расчищены остатки деревянного сосуда усеченно-конической формы.

Помимо этого в погребении были найдены следующие предметы. Золотой кулон с восьмигранной вставкой из горного хрусталя. Оправки кулона украшены S-видным орнаментом из напаянной тонкой проволоочки (рис. 1, 6). Золотые штампованные полусферические бляшки (рис. 1, 10). Общее количество из 77 штук. Судя по расположению, ими был расшит ворот платья. На запястьях лежали золотые фигурные бляшки, которыми были обшиты рукава (рис. 1, 9a — в); всего

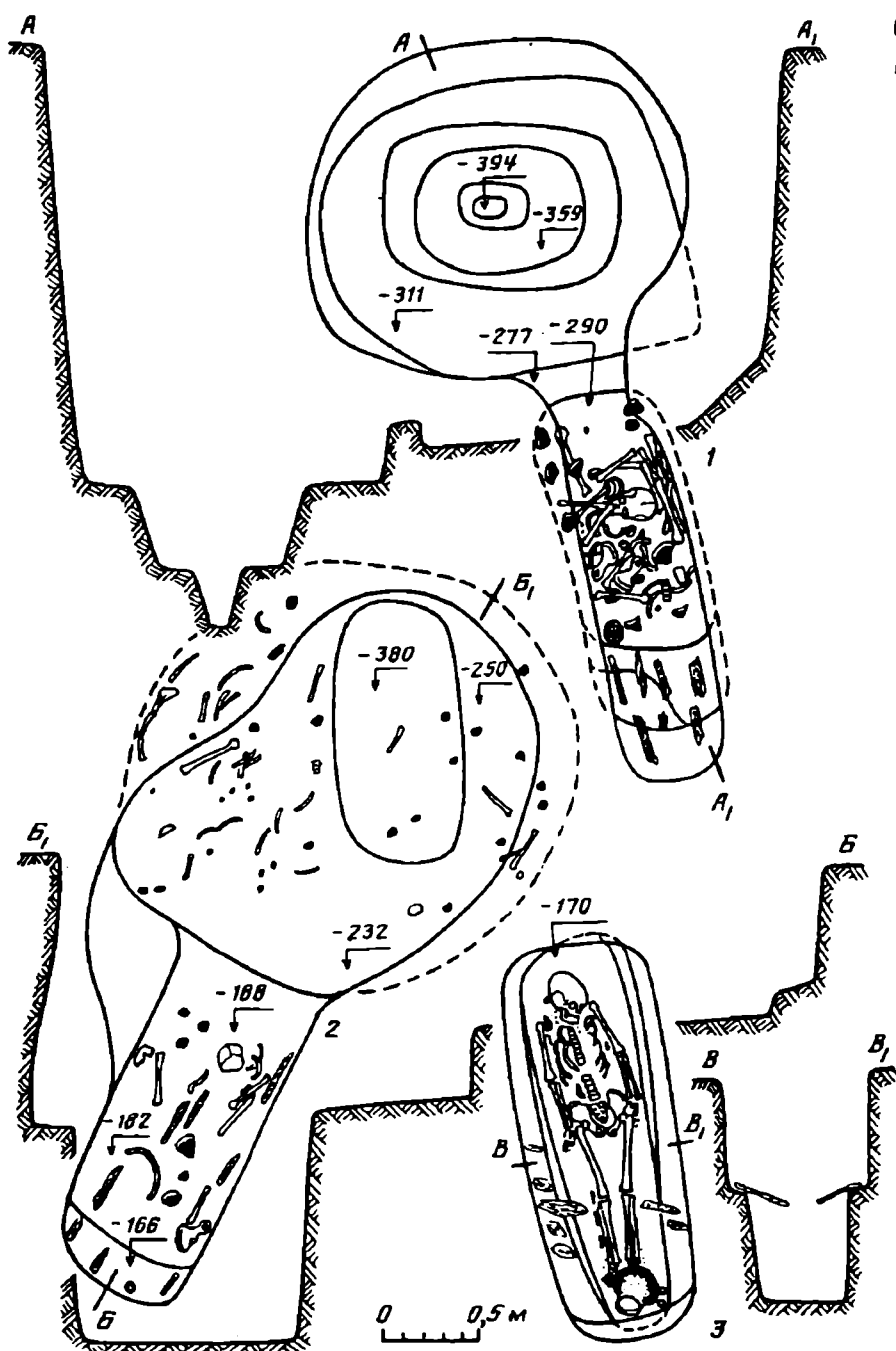

Рис. 3. Планы погребений. 1 — погребение в кург. 1 могильника Веселый III; 2 — погребение в кург. 2 могильника Веселый III; 3 — погребение в кург. 12 могильника Нагавский II

найдена 41 штука. Золотой перстень с двумя вставками из коричневого полупрозрачного стекла. Вставки обрамлены зернью, а на самом перстне имеется семь продольных кольцевых бороздок (рис. 1, 11).

В районе щиколоток собран бисер из зеленоватого нефрита (1105 бусинок). Кроме перечисленных украшений у правого бедра погребенной найдена бронзовая лучковая одночленная фибула. Большая часть спинки фибулы покрыта обмоткой (рис. 1, 12).

Кург. 12. Диаметр 12 м, высота насыпи 0,45 м. Погребение располагалось в центре кургана. Могильная яма прямоугольной формы с заплечиками вдоль длинных сторон, ориентирована по линии ССЗ — ЮЮВ. Отмечены остатки перекрытия, а на дне — органической подстилки. Погребенная (женщина 17—18

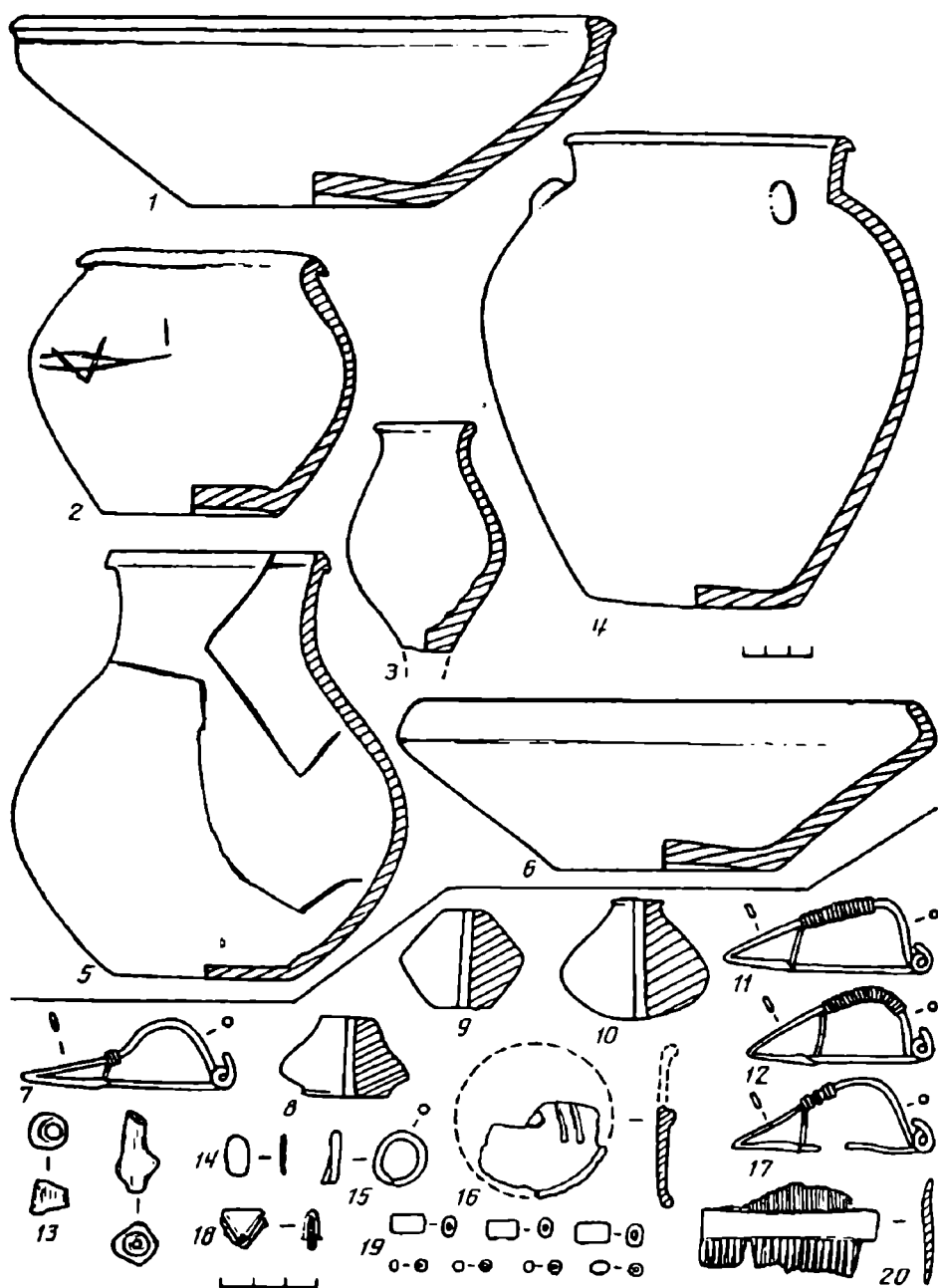

Рис. 4. Вещи из погребений могильников Нагавский II и Веселый III: 1, 6, 13, 14, 18 — из погребения в кург. 1 могильника Веселый III; 2, 3, 5, 7, 8 — из погребения в кург. 2 могильника Веселый III; 4, 9—12, 15—17, 19, 20 — из погребения в кург. 12 могильника Нагавский II (1—6, 10 — глина, 7, 11, 12, 14—17 — бронза, 13 — коралл, 18 — бронза и кожа, 19 — стекло; 20 — дерево)

лет) лежала вытянуто на спине, головой на ССЗ. Череп носит следы искусственной деформации (рис. 3, 3). В погребении обнаружены глиняный лепной горшок с тремя налпами на плечиках (рис. 4, 4); два глиняных пряслица (рис. 4, 9, 10); фрагменты железного предмета; 57 округлых стеклянных бус синего, голубого и желтого цветов (рис. 4, 19) найдены у стоп, а в области шеи — 17 цилиндрических бусин темно-зеленого стекла (рис. 4, 19); деревянный двусторонний гребень (рис. 4, 20); три бронзовых лучковых фибулы (рис. 4, 11, 12, 17); фрагментированное бронзовое зеркало с умбоном, небольшим валиком по краю и рельефным орнаментом из двух параллельных линий (рис. 4, 16) и бронзовая серьга с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами (рис. 4, 15).

Могильники Веселый III, курган 1. Диаметр 23 м, высота насыпи 0,7 м.

Погребение располагалось в центре кургана. Могильное сооружение представляло собой катакомбу с разрушенным грабителями сводом погребальной камеры. Входная яма ориентирована длинной осью по линии ССЗ — ЮЮВ, а погребальная камера, имевшая подквадратную форму, вырыта в ее торцевой, северной стенке. У входа в нее — небольшой порожек. Общая глубина 3,11 м. Все находки и кости скелета взрослого мужчины 40—45 лет были обнаружены во входной яме, куда они были выброшены грабителями из погребальной камеры. Там же отмечены остатки перекрытия, а также угли (рис. 3, 1). Череп погребенного носит следы искусственной деформации, его затылочная часть рассечена мечом или топором.

В погребении обнаружены две гончарные сероглиняные миски (рис. 4, 1, 6), коралловые бусы (рис. 4, 13), бронзовые накладки от пояса или портупей (рис. 4, 14, 18), фрагмент раковины каури, кости овцы (нога и таз), кости рыбы и чешуя, обломок глиняного лепного сосуда, восстановить который невозможно.

Курган 2. Диаметр 29 м, высота насыпи 0,9 м. Погребение располагалось в центре кургана. Могильное сооружение — катакомба, у которой грабителями был разрушен свод погребальной камеры. Входная яма прямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии СВ — ЮЗ, погребальная камера округлой формы устроена в торцевой, северо-восточной стенке. Общая глубина катакомбы 2,32 м. В заполнении входной ямы фиксировались остатки деревянного перекрытия. В дромосе и в погребальной камере встречались разрозненные кости женщины старческого возраста (рис. 3, 2).

В погребении найдены: фрагментированный гончарный красноглиняный флакон (рис. 4, 3); полностью собравшийся из обломков лепной глиняный горшок, на тулове которого прочерчено несколько линий, образующих тамгообразный знак (рис. 4, 2); фрагмент железного предмета; глиняное пряслице (рис. 4, 8); обломки гончарного сероглиняного сосуда грушевидной формы (рис. 4, 5); бронзовая фибула с подвижным приемником (рис. 4, 7); фрагмент лепного глиняного сосуда; кости коровы (ребра и позвонки) и овцы (нога с лопаткой).

Несмотря на различие форм погребальных сооружений, хронологически все четыре кургана близки друг другу. Типы могил и обряд публикуемых погребений позволяют уверенно отнести их к позднесарматской культуре, а вещевой материал, в первую очередь импорт, дает возможность четко датировать их. В могильнике Нагавский II были найдены четыре фибулы: одна в кург. 11 и три в кург. 12 (рис. 1, 12; 4, 11, 12, 17). Все они относятся к четвертому варианту одночленных лучковых фибул и датируются второй половиной II — началом III в. н. э. [1, с. 50, табл. 9, 10; 2, с. 107, рис. 2]. В катакомбе кург. 2 могильника Веселый III обнаружена бронзовая прогнутая подвижная фибула средневропейской серии первого варианта (рис. 4, 7). Такие фибулы в основном датируются концом II — III в. н. э. [1, с. 59, рис. 3, 1, 2].

В состав самого богатого комплекса — кург. 11 могильника Нагавский II — входят бронзовый ковш, стеклянные ритон и кувшин. Эти находки представляют большой интерес в вопросе датировки погребения. Бронзовый ковш, по классификации Х. Эггера, относится к типу 140 и является итальянским по своему происхождению. Дата таких ковшей определена им в пределах периода В1, т. е. I в. н. э. [3, табл. 12, 140]. Сарматы Нижнего Поволжья и Подонья использовали их как в среднесарматское время, так и в более поздний период. В качестве примера можно привести комплекс из Большой Дмитриевки, датированный I — началом II в. н. э. [4, с. 155]. В известном погребении первой половины II в. н. э. из Старицкого могильника найден ковш типа 142, время изготовления которого приходится на вторую половину I — начало II в. н. э. [5, с. 320]. Ковш, идентичный нагавскому, имеется в катакомбе второй половине II — начала III в. н. э. из Ростова-на-Дону [6, рис. 54, 2]. Даже эти немногочисленные примеры свидетельствуют, что время бытования металлической римской посуды в степях Восточной Европы часто длиннее периода ее производства, да и использовалась она кочевниками подчас не по своему прямому назначению.

К числу редких находок принадлежит стеклянный кувшин (рис. 2, 3). По

своим морфологическим признакам: форма горла и венчика, широкая ручка с рифленой поверхностью, зеленоватый цвет стекла — этот сосуд, видимо, является продукцией западноримских мастерских [7, с. 222—228]. Такой тип кувшинов хорошо известен в античных городах Северного Причерноморья, правда, большей популярностью пользовались сосуды с квадратным туловом, но в Танаисе найдены осколки кувшинов цилиндрической формы [7, с. 225, рис. 10, 13]. Хронология их хорошо разработана: появившись в начале I в., они доживают до IV в., при этом пик популярности их приходится на II в. [7, с. 228].

Уникальна находка ритона (рис. 2, 4). В очень небольшом количестве стеклянные ритоны встречаются среди находок в античных памятниках Северного Причерноморья [8, табл. XXI, 44, 160], но ни один из них не составляет полных аналогий сосуду из Нагавского. По способу орнаментации (накладные нити бирюзового цвета) он близок ритону из могильника «Совхоз 10» близ Херсонеса и особенно сосуду из Западной Европы [9, с. 61, рис. 1, 32, 61], но обе аналогии относятся к более позднему времени, чем нагавский ритон. В коллекции стеклянных сосудов из Танаиса имеется обломок кубка (?) с орнаментом, выполненным голубой и одинакового с сосудом цвета нитями, очень близким по характеру орнаменту ритона. Н. П. Сорокина датировала его III в. н. э. [7, с. 224, рис. 4, 2]. Такой способ орнаментации в литературе получил название «серпантинный стиль». Зародившись на Востоке, этот стиль приобрел особую популярность во II—III вв. в западноримских провинциях, в частности в мастерских Кёльна [10, с. 199]. Судя по качеству легкого прозрачного стекла, ритон, найденный в могильнике Нагавский II, вероятно, был изготовлен в одной из стеклодувных мастерских восточных провинций Римской империи, так как стекло западных центров стеклопроизводства иного качества. Впрочем, это лишь предположение, и, не будучи специалистами в этой области, мы оставляем открытым вопрос о месте производства ритона.

Керамика из публикуемых погребений, так же как и импортная посуда, дает хорошую возможность для их датировки. В кург. 11 (Нагавский II) найден сероглиняный гончарный кувшин (рис. 2, 1). Подобные сосуды известны в хорошо датированных комплексах некрополя Кобякова городища [11, рис. 4, 10, 11; 5, 3]. Часть таких кувшинов В. М. Косяненко отнесла ко второй половине II в. [11, с. 12, рис. 12]. Гончарная сероглиняная миска из этого же погребения (рис. 2, 2) — традиционный тип такой посуды для позднесарматского времени. Судя по прогибу стенок у дна, эта миска — северокавказского производства. Хронологические рамки существования этого типа посуды охватывают практически весь позднесарматский период. Там же найден небольшой гончарный сосудик грушевидной формы (рис. 2, 9). По форме он близок кубышке из могилы 11/1959 Кобяковского некрополя, датируемой II — началом III в. [11, рис. 4, 8, с. 33].

В катакомбе кургана 1 (Веселый III) обнаружены две гончарные сероглиняные миски. Одна из них с загнутым внутрь краем и четко выраженным ребром (рис. 4, 6). Такой тип посуды в большой степени характерен для I — первой половины II в. Одним из наиболее крупных центров их изготовления на Нижнем Дону было Подазовское городище. По наблюдениям И. С. Каменецкого, пик их производства падает на вторую половину I в. [12, с. 216—217, рис. 5, 7]. Встречаются они и в памятниках Прикубанья I—II вв. [13, рис. 16, 5]. Однако следует заметить, что время существования этого типа мисок и на Северном Кавказе, и в Подонье не ограничивается указанными хронологическими рамками — они попадают и в гораздо более поздних памятниках [14, рис. 3, 7].

Вторая миска из этого погребения с вогнутым дном и краем, нависающим над бортиком (рис. 4, 1). Миски такого типа на Нижнем Дону датируются II — началом III в. н. э. [11, с. 28—30].

В разрушенной катакомбе кург. 2 (Веселый III) найден гончарный сероглиняный сосуд грушевидной формы (рис. 4, 5). Появившись в I в. н. э., этот тип посуды бытовал и в более позднее время. В Волго-Донском междуречье имеется довольно многочисленная серия таких сосудов, происходящая из позднесарматских курганов

[15, рис. 2, 2, 3, 7]. К приведенному небольшому перечню можно добавить сосуд из погр. 2 кург. 1 могильника Красная Котлубань на р. Иловле². В состав этого же комплекса входит красноглиняный гончарный флакон с отбитой ножкой (рис: 4, 3). К сожалению, фрагментарность не позволяет установить его точную типологическую принадлежность; скорее всего он был веретенообразной формы. Такие сосуды попадаются в античных памятниках Причерноморья первых веков нашей эры [8, табл. XXXIX, 24].

Лепная посуда из публикуемых погребений традиционная для керамического комплекса позднесарматской культуры. Так, горшок с налечами на тулове (рис. 4, 4) из кург. № 12 (Нагавский II) — популярный тип сосудов в позднесарматских древностях [15, рис. 8, 3; 16, рис. 74, 2; 17, табл. XXVII, 3]. Сосуд из кург. 2 могильника Веселый III (рис. 4, 2) также находит близкие аналогии в позднесарматских памятниках [18, рис. 17, 2].

Завершает обзор посуды бронзовый литой котелок из кург. 11 (Нагавский II). Одна из его ручек отломана в древности, и на ее месте видны следы починки (рис. 2, 12). По типологии Н. А. Боковенко, он относится к третьему типу, суммарная дата которого II—III вв. н. э. [19, с. 233—234]. Котлы такой формы традиционны для позднесарматского времени, они известны как в Поволжье [20, с. 54, рис. 29; 21, с. 40, рис. 33], так и на Дону [22, с. 169, рис. 2, 22]³. Бронзовые котлы, как правило, находят в богатых погребениях сарматской знати.

Весьма интересна находка в том же кургане железного канделябра (рис. 2, 10). Целая серия бронзовых и железных канделябров имеется в погребениях «Золотого кладбища» на Кубани, где они датируются I—II вв. н. э. [23, табл. 3; 24, рис. 1, 38; рис. 2, 63]. Обломки железного канделябра есть в составе комплекса богатого погребения кург. 10 Кобяковского курганного могильника, которое относится ко второй половине I — первой половине II в. [25, с. 46, 47].

В кург. 11 Нагавского могильника обнаружен довольно оригинальный железный нож с костяной наборной ручкой, обернутой золотой фольгой (рис. 2, 11). Необычный для сарматского круга технологический прием изготовления рукояти позволяет отнести этот экземпляр к числу редких находок. Близкая аналогия ему нам известна лишь из уже упоминавшегося кург. 10 Кобяковского могильника [24, с. 43].

В Нагавском могильнике в каждом из курганов найдено по бронзовому зеркалу. Хронология сарматских зеркал первых веков нашей эры довольно хорошо разработана. Экземпляр из кург. 11 (рис. 1, 16) по своим морфологическим признакам может быть отнесен ко второму варианту классификации М. П. Абрамовой [26, с. 129] или второму типу по А. С. Скрипкину [15, с. 46]. Оба исследователя датируют такие зеркала II—III вв. н. э. [15, с. 48; 26, с. 129]. Зеркало из кург. 12 (рис. 4, 16), судя по небольшому диаметру, также, вероятно, является обломком зеркальца-подвески. Если это так, то оно тоже должно относиться ко второму типу или варианту и датироваться тем же временем.

Золотые бляшки из кург. 11 (рис. 1, 9, а — в) — хорошо известный тип украшений одежды сарматской знати первых веков нашей эры. Довольно оригинальна подвеска или кулон (рис. 1, б) из горного хрусталя, оправленная золотом. Определенная, хотя и не полная аналогия нагавской находке имеется в кург. 5 некрополя Кобякова городища [22, рис. 2, 4]. Художественный стиль обеих подвесок (орнаментация напаянными проволочками) одинаков. Какой-либо точной или хотя бы близкой аналогии перстню из Нагавского могильника (рис. 1, 11) мы не знаем. Наличие цветных вставок, обрамленных зернью, — одна из характерных особенностей ювелирного искусства античных центров Северного Причерноморья первых веков нашей эры.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют датировать все четыре

² Раскопки И. В. Сергацкова в 1989 г.

³ Аналогичный котел найден в кург. 2 у пос. Желтухин на Дону. Раскопки И. В. Сергацкова в 1990 г.

погребения второй половиной II — первой половиной III в. н. э. Остальные находки не противоречат этой дате. Курганы могильников Нагавский II и Веселый III представляют большой интерес для решения ряда вопросов этнической и социальной истории сарматских племен Нижнего Дона и Поволжья. Так, погребение кург. 11 Нагавского могильника входит в серию богатых позднесарматских захоронений в подбойных могилах. К ней можно отнести кург. 26 Старицкого могильника в Нижнем Поволжье [4, с. 162], кург. 20 у с. Новоалександровки [27, с. 217—220, рис. 3, 4], кург. 5 Кобяковского могильника [21, с. 164—169], погр. 8 кург. 16 могильника Центральный IV [28, с. 103—108] на Нижнем Дону, погр. 4 кург. 4 у с. Олонешты в Молдавии [29, с. 195—208] и ряд других. Одни из них принадлежат мужчинам — представителям военной аристократии, другие — знатым женщинам. В женских погребениях из Нагавской, Новоалександровки и Олонешт состав погребального инвентаря очень близок, в него входят дорогие импортные сосуды из глины, стекла и металла, украшения, в том числе и золотые. По-видимому, погребенные обладали высоким прижизненным социальным статусом. Судя по наличию в нагавском погребении вещей, явно связанных с отправлением каких-то культовых действий: бронзовый котел, ковш, железный канделябр, стеклянный ритон, нож парадного характера, богатый туалетный набор — женщина, захороненная в этом кургане, возможно, была наделена жреческими функциями.

Не меньший интерес представляют катакомбы могильника Веселый III. Основная масса нижнедонских позднесарматских катакомб датируется второй половиной III—IV в. н. э., и лишь очень немногие, как погребение в Ростове-на-Дону [6], относятся к концу II — первой половине III в. Катакомбы из Веселого, типологически идентичные ростовской, пополняют эту немногочисленную серию. В пределах левобережного Подонья они очерчивают северо-восточную границу ареала распространения могил этого типа. На правом берегу Дона такой крайней точкой является кург. 4 могильника Нижний Чир⁴.

Вопрос о происхождении и этнокультурной атрибуции позднесарматских катакомб довольно широко обсуждался в литературе [14, с. 180—182; 15, с. 64, 108; 30; 31]. Пользуясь случаем, нам бы хотелось высказать свою точку зрения по этому поводу. Катакомбные погребальные сооружения в среде позднесарматских памятников Поволжья и Дона представлены двумя видами. Первый из них (вариант А, по А. С. Скрипкину) представляет собой овальную камеру с округлым входом, располагающимся прямо над ней или несколько смещенным в сторону. Он идентичен катакомбам Западной Ферганы, и появление этого типа могил в Волго-донских степях связывается с продвижением сюда отдельных групп кочевников среднеазиатского происхождения [15, с. 64, 100; 32, с. 119—121]. Катакомбы второго типа (вариант В, по А. С. Скрипкину) имеют прямоугольную входную яму и погребальную камеру, устроенную в ее торцовой стенке. Они распространены в основном на Северном Кавказе, Прикубанье и Подонье. Конструктивно они очень близки между собой, хотя среди них можно выделить отдельные варианты. В Подонье катакомбы образуют компактную группу, они сконцентрированы в низовьях Дона, Сала и Маныча. В Нижнем Поволжье сейчас известны две катакомбы — одна у с. Барановка, датированная серединой — второй половиной III в. н. э. [33, с. 57—63; 15, с. 109], вторая — из могильника Большая Дмитриевка I в Саратовской обл. (кург. 24)⁵. В последнем случае отмечена интересная деталь: на краю входной ямы на древнем горизонте обнаружен меч традиционного позднесарматского типа с халцедоновым навершием. В данном случае мы имеем прямую аналогию с кург. 14 могильника Центральный IV на Нижнем Дону [14, с. 171, рис. 1, 1]. Мысль о происхождении позднесарматских катакомб второго типа от очень близких им северокавказских представляется

⁴ Отчет В. И. Мамонтова о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Волгоградского государственного педагогического института в 1978 г. Материал не опубликован.

⁵ Раскопки А. Д. Матюхина (СГУ) 1989 г. Материалы не опубликованы.

нам очень резонной [33, с. 63; 14, с. 181]. Не менее важным представляется вопрос этнокультурной атрибуции этих памятников. Территориальная компактность, относительная хронологическая монолитность донских катакомб, их вероятная связь с северокавказскими наводят на мысль, что этот вид погребений был оставлен одной группой кочевников. Судя по сообщениям позднеантичных авторов, это могли быть аланы-танаиты. Мы не склонны придерживаться принципа «форма могилы — этнос»... бесперспективность такого подхода к интерпретации степных погребальных памятников убедительно показана М. Г. Мошковой [31, с. 29—31], хотя определенная связь в опосредованной форме здесь все же прослеживается. Так, диагональные погребения I — начала II в. в Поволжье составляют 40% от общего количества памятников и определяют «лицо» среднесарматской культуры, в то время как в Приуралье, на Среднем Дону и Украине картина иная, а в Прикубанье их нет совсем. В позднесарматское время, как уже указывалось, на Нижней Волге известно лишь две катакомбы второго типа, а основная их масса сконцентрирована в Нижнем Подонье и на Северном Кавказе. Видимо, это обусловлено тем, что Нижнее Поволжье и Подонье во II—IV вв. контролировались различными этнополитическими группировками сарматских племен, в культурных традициях которых наблюдаются некоторые отличия. Появление же в Поволжье катакомбных погребений у Барановки и Большой Дмитриевки, а также комплекса с горы Можары [34], вероятно, было вызвано политической ситуацией, сложившейся в середине III в. на Нижнем Дону. Между 244 и 247 гг. н. э. под ударами племен готского союза гибнет Танаис [35, с. 301; 36, с. 5; 37, с. 87]. Под натиском готов часть донских сарматов вынуждена была отойти в Заволжье [14, с. 107] и в глубинные районы Волго-Донского междуречья, однако далеко не все, так как Аммиан Марцеллин, повествуя о столкновении гуннов с аланами, помещает последних в Приазовье и нижнедонских степях и именует их танаитами [37, с. 243]. Археологически присутствие их в этом районе документируется наличием погребальных памятников второй половины III—IV в. н. э., представленных различными могильными сооружениями, в том числе и катакомбными, а формирование этнополитического объединения аланов-танаитов началось, по всей вероятности, в конце II в., когда в ономастике Танаиса фиксируется появление новой группы имен, обнаруживающих наиболее близкое сходство с осетинскими корнями и отличающихся от ономастиконов предшествующего времени [35, с. 249]. Это явление совпадает с появлением на Нижнем Дону катакомб типа ростовской, нижнечирской или из могильника Веселый III и с окончательным становлением археологического комплекса позднесарматской культуры.

Когда эта статья была уже подготовлена к печати, вышла в свет работа С. И. Безуглова, посвященная аланам-танаитам и сообщению о них Аммиана Марцеллина [39]. Она касается той же проблемы, что и наша статья, и это обстоятельство не позволяет оставить ее без внимания. Наши точки зрения близки, но не идентичны. Жесткость требований С. И. Безуглова к идентификации памятников Нижнего Дона с аланами, резкое ограничение хронологических рамок существования этого объединения вряд ли оправдано [39, с. 81, 86]. Аланское этнополитическое образование на Нижнем Дону возникло не на пустом месте и не мгновенно, формирование его заняло определенный период времени, и, по всей вероятности, довольно длительный. Представляется излишне категоричным утверждение, что «в середине III в. н. э. в степи резко меняется весь культурно-археологический комплекс...» [39, с. 82]. Безусловно, середина III в. н. э. — это определенный рубеж в развитии позднесарматской культуры. По-видимому, многие новации в позднесарматском археологическом комплексе объясняются политическими событиями того времени — появлением в Приазовье племен готского союза и разгромом Танаиса. Но при этом следует заметить, что линия развития позднесарматской культуры в этом районе не прервалась, погребальный обряд и вещевой материал не подверглись кардинальным переменам и памятники второй половины III—IV вв. н. э., на наш взгляд, верно иденти-

фицированные С. И. Безугловым с аланами-танаитами, генетически связаны с древностями более раннего времени. Погребения из Нагавской и Веселого как раз и служат иллюстрацией этой мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. Д1—30.
2. Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений)//СА. 1977. № 2.
3. Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
4. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
5. Шилов В. П. Позднесарматское погребение у с. Старица//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
6. Volkov I. V., Guguev V. K. A late sarmatian burial in Rostov-on-Don//Raev B. Roman imports in the Lower Don Basin//BAR Internat. Series 278. Oxford, 1986.
7. Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса//МИА. № 127.
8. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
9. Сорокина Н. П. Стекланные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников//КСИА. 1979. Вып. 158.
10. Сорокина Н. П. Позднеантичное стекло из Ольвии//Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
11. Косяненко В. М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956—1962 гг.)//Изв. Ростов. обл. музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д, 1989.
12. Каменецкий И. С. Итоги исследования Подозовского городища//СА. 1974. № 4.
13. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской//МИА. 1951. № 23.
14. Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III—IV вв. на Нижнем Дону//СА. 1989. № 3.
15. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984.
16. Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.//Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977.
17. Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М.: Наука, 1974.
18. Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства калмыцко-астраханской и никольской рисовых оросительных систем//Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989.
19. Боковенко Н. А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе//СА. 1977. № 4.
20. Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
21. Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pskovsk, 1927.
22. Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону//СА. 1990. № 2.
23. Гущина И. И., Засецкая И. П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н. И. Веселовского)//Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
24. Ждановский А. М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
25. Прохорова Т., Гугуев В. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростов-на-Дону//Изв. Ростов. обл. музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988.
26. Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
27. Беспалый Е. И. Погребения позднесарматского времени у г. Азов//СА. 1990. № 1.
28. Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье//СА. 1988. № 4.
29. Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР)//СА. 1962. № 1.
30. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа//СА. 1972. № 1.
31. Мошкова М. Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе//История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
32. Сергачков И. В. Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника//Вопросы археологии Юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
33. Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области//КСИА. 1974. Вып. 140.
34. Берхин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье//АСГЭ. 1961. Вып. 2.

35. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
36. Шелов Д. В. Основные итоги раскопок Танаиса и проблемы древней истории Нижнего Подонья//Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973.
37. Шелов Д. Б. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
38. Аммиан Марцеллин. История/Пер. Ю. А. Кулаковского. Вып. 3. Киев, 1908.
39. Безуглов С. И. Алань-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии//Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Волгоградский государственный педагогический
институт
Волгоградский государственный университет

Ye. P. MYSKOV, L. V. SERGATSKOV

LATE SARMATIAN ASSEMBLAGES AT THE LOWER DON

S u m m a r y

The article is devoted to the publishing of four late sarmatian barrows excavated in Kotelnikovo district Volgograd region on the right bank of the Lower Don. On the base of finds and the custom analysis the burials date back to the second half of the 2nd — the beginning of the 3rd centuries A. D. According to the narrative sources and their comparison with archaeological materials the author put forward hypothesis that sarmatian burials of the end of the 2nd — the 4th centuries A. D. at the Lower Don were left by nomads entering into an ethnic-political union of alanes-tanaïtes.

ФРЕСКИ ц. УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ XII в. в СТАРОЙ ЛАДОГЕ (по материалам раскопок)

Впервые на возможность открытия древней живописи ц. Успения Богородицы в Старой Ладогe указали в 1921 г. Н. И. Репников, А. И. Анисимов и Г. О. Чириков, которые при обследовании памятника отметили уцелевшие на стенах участки с первоначальной тонкой штукатуркой [1, с. 193]. Пробная расчистка масляной живописи, произведенная художниками Г. О. Чириковым и В. О. Кириковым в 1927 г., дала желаемый результат: на восточной плоскости юго-западного столба из-под записи открылось древнее изображение в княжеском одеянии, атрибутированное Н. И. Репниковым как Св. Борис [2, с. 4]. При дальнейших розысках тем же летом по другим местам вскрыты остатки декоративной росписи [1, с. 194].

В следующий реставрационный период, 50-х годов, раскрыты новые фрески в интерьере и сюжетная сцена на северном фасаде между порталом и восточной лопаткой. В 1967 г. во избежание разрушения эта фреска, в первоначальном объеме храма закрытая приделом, снята и передана на хранение в Государственный Русский музей (Ленинград) [3, с. 194].

Архитектурно-археологическое исследование собора 1986—1989 гг., проведенное специалистами ЛФИ «Спецпроектреставрация», показало, что других фресок на стенах не сохранилось, кроме расчищенного небольшого участка с красным колером на внешней стороне откоса центрального алтарного окна.

При последнем замере фресок на стенах ц. Успения общая их площадь составила ~25 м².

Дополнительный материал для изучения стенописи храма поднят из археологических шурфов вокруг памятника и в интерьере. Однако составление коллекции, насчитывающей ныне 12,5 тыс. шт., началось раньше, по следам хозяйственных земляных работ около собора.

Лабораторная работа и визуальное наблюдение фрагментов позволили решить ряд вопросов по истории стенописи; изучить технологию производства штукатурного раствора и выявить особенности техники и стиля древней живописи.

Датирование храма и фресок имеет свою историю.

По результатам изучения памятника в 1924—1925 гг. архитекторами Г. И. Котовым и А. Н. Самохваловым был составлен акт, в котором определено указывалось на древность ц. Успения, близость ее архитектурного облика ц. Георгия в Старой Ладогe, и соответственно храм был датирован XII в. [4, л. 40 об.]. Ко второй половине XII в. ц. Успения относил М. К. Каргер [5, с. 38]. По размерам плинфы П. А. Раппопорт предложил датировать храм временем после сооружения в Ладогe ц. Климента 1153 г., т. е. концом 50-х годов XII в. [3, с. 198, 201].

Атрибуцию и датировку фрески с изображением Бориса (?) привели в телеграмме от 3.08.1927 г. И. Э. Грабарю трое первых исследователей стенописи, отнесшие время ее создания к началу XII в. [2, л. 4]. Вслед за ними дату фрески подтвердил «до первой половины XII в.» Н. П. Сычев в своем отчете о реставрационных работах в Старой Ладогe [6, с. 27]. Исследование позже

открытой фрески с изображением Св. Кирика в медальоне на лопатке жертвенника провел В. Н. Лазарев, уверенно связав признаки живописного решения и палеографию надписей с фресками Нередицы и датировавший фрески ц. Успения концом XII в. [7, с. 81].

Придерживаясь последних конкретных датировок, следует признать, что ц. Успения воздвигнута в конце 50-х годов XII в. и расписана спустя около 40 лет.

Комплекс новых данных по изучению фресок в интерьере и на фрагментах позволяет уточнить дату украшения ц. Успения.

Ни по письменным источникам, ни по результатам архитектурного обследования ц. Успения не удалось установить причины и последовательность разрушения фресок. Упомянутый впервые в 1500 г. Успенский женский монастырь («Пречистые монастырь из Ладоги»), собором которого была ц. Успения, был razорен шведами в начале XVII в., однако возобновлен и освящен в 1617 г. без значительных затрат на ремонт [8, с. 6]. Зато в XIX в. всевозможных поновлений интерьера, вплоть до устройства печей, было достаточно [9, л. 33; 10, л. 11; 11, л. 11]. Но и после побелок фрески постепенно разрушались. Об этом свидетельствуют фрагменты древней живописи с двумя (СЛМ-21719) или тремя (СЛМ-21779) слоями побелок поверх фрески. Однако большая часть фрагментов коллекции совершенно не подвергалась никаким поновлениям и оказалась в строительном мусоре до ремонтов. Визуальный осмотр многочисленных вычинок кладок в интерьере на свободных от обмазок и побелок стенах не дал оснований для более ранних датировок ремонтов. Не обнаружено пока и место скопления основной массы разбитых фресок.

Для определения специфики приготовления штукатурного раствора грунта фресок была проведена серия физико-химических и петрографических исследований в лабораториях Института «Спецпроектреставрация» и ЛОИА АН СССР. По результатам анализа грунта цвет раствора, приготовленного из обычной для ладожских храмов XII в. магнезальной извести, меняется от серовато-кремоватого до розово-кремового [12, с. 3, 6]. Отмечены стабильные добавки цемянки в виде крошки размером до 6 мм и растительные волокна, трубчатые в срезе. Известные «буроватые» зоны в растворе объяснены результатом взаимодействия глинистых добавок с известью [12, с. 3]. В качестве наполнителя использовались промытые зерна кварца размером 0,2—1,3 мм в количестве до 10%. В кладочном растворе кварцевого наполнителя не обнаружено. Прочность раствора грунта от 70 до 75 кг/см² [12, с. 2, 3]. В лаборатории ЛОИА АН СССР были исследованы образцы растворов стен и фундаментов. Между собой они различаются наличием толченого известняка в растворе фундаментов и цемянки в растворе стен, арок и сводов [13, с. 2].

Визуальные наблюдения фрагментов фресок в коллекции показали, что толщина грунта колеблется от 0,5 до 2,5 см. Грунт многослойный: выравнивающий кладку стены, промежуточный — арричиато и намет слоя интонако для живописи от 0,2 до 0,5 см [14, с. 253].

Грунт укреплялся на кладке двумя способами: с помощью ступенчатых насечек на слое обмазки кладки на сводах и обычным соединением гладких поверхностей [15, с. 189]. Необходимо подчеркнуть, что грунт фресок ц. Успения наносился на ровных стенах прямо на кладку, на которой кладочным раствором затирались только промежутки между рядами известняковой плиты, как это наблюдал В. В. Суслов в Софии Новгородской [16, с. 89]. Таким образом, имитацию техники открытой полосатой кладки в интерьере можно принять как строительный прием, призванный создать эффект абсолютной завершенности архитектурного облика храма. В таком виде зодчие предлагали использовать церковь любой срок вплоть до начала росписи. Как показали результаты исследования, этот прием применили строители церковей Климента и Георгия в Старой Ладогe [15, с. 189; 17, с. 182].

Следов граффити или процарапанных рисунков на швах кладки, иногда

встречающихся в виде рельефа на грунте фресок [15, с. 189], ни на одном фрагменте не обнаружено, что косвенно указывает на небольшой промежуток времени между моментом завершения строительства и началом росписи.

Роспись стен производилась по византийскому способу сверху вниз и от середины по сторонам с нахлестом «световых дней».

Графья на фресках ц. Успения использована крайне редко. Одной линией очерчены круги нимбов; двумя линиями намечены два радиуса широких полос медальонов. Единичны случаи применения прямой линии графьи. Повсеместно графья наносилась по сырому грунту. Наблюдение фресок в интерьере показало, что графья здесь применялась в гораздо меньшей степени, чем, например, на фресках церковей Климента и Георгия в Старой Ладогге. В частности, не замечено графьи на панелях «мрамора», без графьи написаны ленты омофора и кресты на двух святителях в проходе между алтарем и жертвенником и на лопатке диаконника.

Отсутствие графьи как видимого контура в «непрочных частях рисунка» объясняется использованием художниками другого способа разметки будущих композиций.

На фрагментах СЛМ-21686, 26668 под частично отмелившимся слоем интонако открылась гладкая поверхность слоя арричиато, на котором хорошо виден рисунок темно-серыми прямыми линиями. На первом фрагменте эти линии приходятся на место нахлеста штукатурки; другие две параллельные линии служили, вероятно, вертикальной разметкой сцены. На втором фрагменте такая же тонкая линия перекрыта слоем интонако с живописью красным цветом. В обоих случаях очевидно использование синопии в качестве подготовительного рисунка для определения общей композиционной схемы стены. Ранее этот технический прием удалось обнаружить на фресках ц. Климента 1153 г. [18, с. 3.].

Древняя живопись ц. Успения исполнена преимущественно в два слоя, в технике фреско-секко. Нижний слой краски местами образует затеки (пропитку) в мельчайшие трещинки и раковины грунта. В затеках цвет краски полностью идентичен цвету на поверхности фрески [15, с. 190]. В пигментах фресок, по данным лаборатории Института «Спецпроектреставрации», содержится в качестве связующего растительный и, возможно, животный клей [12, с. 18].

Характер разрушения красочных слоев на фрагментах и на фресках интерьера обычный: осыпи синего и зеленого колера, проложенных по светло-серой рефти; осыпи моделировочных белил или других высветлений. В интерьере сильно повреждены изображения Св. Бориса (?) и двух упомянутых выше святителей. В наилучшей сохранности находится медальон с Кириком и расположенный над ним фрагмент фигуры в рост в прямоугольной раме, вероятнее всего Улиты, в зеленом платье и в красных сапожках. На столбах и стенах много «мраморов»; сохранились нижние части фигур Святительского чина в алтаре. На окнах северной стены трансепта раскрыты растительные орнаменты.

Первоначальный колорит фресок ц. Успения, судя по фрагментам, был ярким и строился на контрастных отношениях тонов темно-коричневого, красного, зеленого, золотисто-желтого и светло-серого цвета. Тональное варьирование одного цвета незначительно. Синий цвет интенсивный, близок по своей насыщенности синему на фресках ц. Климента 1153 г. в Старой Ладогге.

Техника личного письма мастеров фресок ц. Успения, похоже, была одина для всего памятника и достаточно своеобразна в ряду известных древнерусских росписей, в том числе и ладожских.

На фрагменте СЛМ-21545 изображена верхняя часть лика. Фон лика прокрыт золотистой охрой в один слой. Затем в один-два слоя в тених прокладывался темно-зеленый санкирь. И только на третьем этапе данного метода письма художник приступал к рисунку, очерчивая тонкой темно-красной линией детали лика, внешний контур локонов прически. По рисунку подбородка и шеи на фрагментах СЛМ-21555, 21560 (склеены) очевидно, что контур по всему овалу лика не проходил. Завершалась моделировка графическими и живописными

пробелами. Эффект коричневых теней, например, в лике Св. Кирика, отмеченный А. В. Виннером, возникает на расстоянии в результате оптического смещения темно-красного рисунка и темно-зеленого санкиря [14, с. 236].

Технику личного письма, близкую мастерам ц. Успения, рассматривает как распространенный метод византийской стенописи до XII в. Д. Уинфилд, указывающий на примеры с коричневыми тенями по телесному фону карнации [19, с. 127]. Другой прием, по Д. Уинфилду, характеризуется особыми условиями техники исполнения личного, когда первоначально по чистому (?) грунту рисуется контур головы с последующим прокрытием лика общим зеленым тоном и многослойным вохрением с подрумянкой [19, с. 128]. В этом русле художественных течений мастера фресок ц. Успения, в принципе следуя наиболее традиционному методу стенописи, явно стремятся к освоению живописных концепций техники. Так же свободно фрески ц. Успения укладываются в рамки двух приемов: второго и третьего, раскрытым по своим особенностям в классификации А. И. Яковлевой [20, с. 40—42].

Думается, что сложность в определении параметров каждого приема личного письма может быть упрощена, если принять замечание Д. Уинфилда об одновременном существовании двух принципиальных направлений в развитии техники живописи: простом «романском», или провинциальном, и сложном византийском. Особенность первого заключается в построении объема на контрасте ограниченных в количестве цветов; второго — в максимальной приближенности к реальности изобразительной формы [19, с. 129]. Похоже, на постоянном взаимодействии (или противодействии) провинциального и классического методов оттачивали свое мастерство авторы русских фресок XII в. На этом пути естественнее воспринимаются нередкие совмещения различных манер мастеров в одном памятнике, причем, как правило, лучшие из художников стремятся к постижению живописного многослойного метода [21, с. 176]. Примеров такого соседства индивидуальных манер, сложившихся при освоении того или иного метода, достаточно много, особенно в памятниках Новгорода, Смоленска XII — начала XIII в. [22, с. 252, 253; 23, с. 34—38; 24, с. 144].

Закрашивание по краям карнации под личное колером одежды свидетельствует о последовательности письма личного, а затем доличного.

На одежде фресок ц. Успения не прослеживается предварительная контурная линия в прориси силуэта, основных складок, за исключением фрески «северного фасада» [ГРМ, инв. № 151271]. Вероятно, больше практиковался прием описи контура фигуры широкой кистью колером будущей одежды, как это видно на фрагменте СЛМ-21537. В целом по памятнику можно, вероятно, признать, что способы разметки изображений были разнообразными, но всегда тщательно скрывались.

Стремление к живописной лепке личного в большей степени проявилось в моделировке одежды, где цвет теней складок во всех случаях подбирался в тон одежды, кроме белой, традиционно проработанной в тенях зелеными линиями (Святительский чин). Эту особенность приема важно отметить, ибо уже на фресках ц. Георгия в Старой Ладоге единообразные красные притенения активно вторглись в ткани любого цвета [25, с. 6]. Высветлялись складки одежды фресок ц. Успения белилами, смесью белил с желтой или красной охрой, желтой охрой. Во взаимодействии тени и света разногласий в их ритмике не практиковалось: обе стадии проработки объема выполнялись одним мастером. Однако в пробелах на отдельных участках ансамбля при завершении мазка заметно тяготение к играющей форме рисунка.

Мотивы мраморировок цоколя стен составлены из диагональных и вертикальных (на торцах лопаток) широких и узких прямых параллельных линий, монокромных в рамках одной плоскости «плиты мрамора». Другой тип мотива — комбинированный, составленный из прямых и волнистых полос [26, с. 4]. Третий мотив мрамора наиболее «живой», в виде прожилок со свободно наброшенными пятнами красного и желтого цвета. Этот мотив украшает обноску древней

деревянной связи, скрепляющей северо-восточный столб с межальтарной перемычкой. Как уже упоминалось, графы на «мраморе» нет. Этот нюанс наряду с характером мотивов сближает «мраморы» церквей Успения и Климента 1153 г. в Старой Ладогe [26, с. 5, 6].

Откосы правого окна северной стены тренсепта украшает центричная композиция с мотивом «ременного» плетения. Однако характер «плетенки» лишен жесткой регламентации мотива, как его вычертили мастера ц. Георгия в Старой Ладогe. Два других окна этой же стены заполняют свободные по ритмике стебли красного и зеленого цвета по слою затирки откосов и близки ранним фресковым циклам XII в., в том числе орнаментам Мирожа и церкви прихода Гарда на о. Готланд [27, илл. 2, 3, 23].

Большая в количественном отношении коллекция фресок ц. Успения не дает оснований для суждения о других мотивах декорации. Заметная ограниченность в орнаментации ансамбля, возможно, объясняется и отражением вкуса устроителей храма, и скоростью работы, что в свою очередь могло быть связано с необходимостью завершить роспись сравнительно большого храма в один сезон небольшой артелью.

Без внимания художники оставили широкие полосы медальонов, обычно заполненные имитацией мотива киматиона, а здесь раскрашенные желтым колером [15, с. 195; 21, с. 178, 180]. Редко на фрагментах встречаются побеги желтых стеблей; нет следов живописи в нишах аркосолий, кроме полос разграничительных филенок. Прямо от сидалища начинается регистр со святителями в алтаре: не исключено, что сплошной ковер изображений, не оставляя места декору, господствовал над всеми возможными формами живописи «для усаждения очей», в числе которых видное место занимал орнамент [28, с. 402].

Не менее двух образцов почерка можно выделить в сопроводительных надписях на фрагментах и в интерьере. Изящному рисунку титла на фрагменте СЛМ-23406 близка надпись на свитке с рисунком такого же титла на фрагменте СЛМ-85568 (рисунок). Несколько проще исполнена надпись в медальоне с Кириком, что,

Фрески ц. Успения XII в., Старая Ладога
(фрагменты СЛМ-23406, 85568, копия Т. А. Козьминой)

кстати, позволило В. Н. Лазареву рассмотреть ее палеографию как типичную для поздних росписей [7, с. 81. илл.]. Среди особенностей этой полной надписи интересно проследить замену «О» омегой в начале формулы «Оагиос» и повторение этого приема как декоративного значка в формуле и над именем Св. Анфима в медальоне ц. Георгия [29, с. 136]. Омега в начале формулы, похоже, была популярна у мастеров каменной мелкой пластики начала XIII в., относимой Т. В. Николаевой к группе южнорусских памятников [30, с. 54—56, табл. V].

Признаки палеографии в надписи медальона: чуть приподнятая над серединой перекладина у «Н»(иже) и «Ю»; маленькие петли у «Р» и «Ъ», достаточно устойчивые для XII в., а высокая середина и округлые петли в омеге — дань традиции XI в., что ранее отмечалось характерным только для граффити и берестяных грамот [31, с. 112—114; 32, с. 118].

Колебания в почерках на фресках ц. Успения незначительны. Это может

быть связано как с меньшим количеством художников, подписывавших изображения, так и с формирующейся, очевидно, традицией подписей в русской стенописи, похоже, значительно упрощенной в сравнении с каллиграфией византийской традиции. Отсюда происходит заметная близость не только в палеографии, но и в общих принципах почерка. Отсюда, видимо, вытекает и то сходство в надписях церквей Успения и Нередицы, которое отметил В. Н. Лазарев и которое можно наблюдать в ряде других памятников, в том числе и в ц. Георгия в Старой Ладогe [29, с. 129; 33, с. 191; 34, с. 23].

Граффити и рисунков на фресках ц. Успения сравнительно немного. Среди них особого внимания заслуживает полная двустрочная надпись по затирке шва между рядами кладки на восточном откосе южного портала храма, открытая из-под поздних обмазок экспедицией 1986—1989 гг.

Роль храма в истории Ладogi сегодня стала более понятной благодаря данным археологических исследований. Н. К. Стеценко в ходе раскопок выяснила, что ц. Успения воздвигнута на ранее незаселенной территории, т. е. в пригороде Ладogi XII в. [35, с. 26]. Встречающиеся в XVI в. названия Успенского женского монастыря как «Пречистые» и «Богородицкий» и упоминание в то же время Богородицкого конца городского посада давали равное основание считать его первоначально и приходским, и монастырским [36, с. 55; 37, с. 144]. Однако строительство приходского храма вне жилой зоны сомнительно, и, скорее, эту часть города освоили в процессе жизни монастыря с XII по XV в. Не исключено, что так же, но в более раннее время возник монастырь Симеона Богоприимца, бывший в XVI в. центром «Семеновского» конца Ладogi и располагавшийся ближе к древнейшей зоне ладожского поселения, чем Успенский [36, с. 463].

Таким образом, программа стенописи ц. Успения должна быть сориентирована на вкусы строителя зарождавшейся обители.

Реконструировать отдельные участки росписи интерьера можно только по уцелевшим на стенах фрескам с незначительными дополнениями по материалам коллекции фрагментов.

Фрески интерьера основного объема храма свидетельствуют об общей симметрии композиционной схемы росписи и об архитектонике взаимодействия изображений со стенами.

Нижний регистр алтаря, судя по уцелевшим на стенах фрескам, занимал Святительский чин, включавший не менее 12 фигур. Следующий пояс алтаря прерывался тремя окнами, поставленными в ряд. Высота апсиды позволяла и здесь продолжить Святительский чин, оставляя достаточно места для Евхаристии и для композиции конхи. Другая группа поясных и погрудных святителей в прямоугольных рамах и в медальонах располагалась в проходах из алтаря, на лопатке диаконника. На лопатке жертвенника — Кирик и Улита; на юго-западном столбе — воин-средовек с округлой бородкой и с крестом мученика в руке, атрибутированный как Св. Борис.

На фрагментах коллекции встречены медальоны меньших размеров, чем на лопатках. На фресках СЛМ-92463, 92466 сохранился рисунок рыболовной сети, приходившийся на место нахлеста, т. е. на нижний край сцены, вероятно, «Явление Христа на море Тивериадском». Неизвестному сюжету принадлежал фрагмент СЛМ-21693 с рисунком красными линиями по желтому фону крупного по масштабу зверя с когтистыми лапами и тонким хвостом, сидящего в спокойной позе на узкой зеленой полосе позема.

К светскому циклу программы росписи относится сцена «северного фасада», первоначально закрытая северным приделом храма. Здесь над цоколем «мрамора» располагался сюжет с изображением аркады дворца или открытой галереи храма, под сводами которого видны контуры трех фигур в подпоясанных одеждах, без нимбов; под левой аркой на красном фоне нарисован высокий цветок [38, № 28]. Иконные размеры персонажей соответствуют камерному характеру помещения придела храма.

Крайне мало материала, чтобы судить о характере типажей фресок, однако

той степени византинизации персонажей, которая определена, например, для росписей Мирожа и Георгия, здесь выявить невозможно.

Для датировки фресок, помимо отмеченных художественных признаков, определяющее значение могут иметь особенности техники живописи ц. Успения. Они проявились в следовании сложившимся традициям метода немногослойной «чистой» фрески и в одновременном активном освоении художниками новаторских для Руси византийских или — быть может, точнее — иконописных приемов, проникавших сюда с памятниками, подобными Владимирской Богоматери [40, с. 91]. Обновленный живописный прием представили мастера Деисуса 1144 г. Мартирьевской паперти Новгородской Софии, ц. Климента 1153 г. В разной степени его пробовали отдельные мастера других храмов Новгорода, Ладоги, Смоленска XII — начала XIII в., а с 1160-х годов прием был прочно освоен художниками ансамблей Владимира, затем в XIII в. — Суздаля; к этому же периоду относится и применение данного приема в живописи личного фресок ц. Пантелеймона в Нерези [41, с. 65, 66; 42, с. 155; 43, с. 38, илл. 173]. Однако на необходимость более внимательного изучения этого вопроса указывают примеры применения санкирных оттушевок на фресках одного из мастеров Антониева монастыря в Новгороде, а в другом регионе и в более раннее время — в росписях храмов X—XI вв. комплекса Тао Клареджи [44, с. 10]. Особого внимания заслуживает эволюция техники письма доличного.

В этой предлагаемой схеме мастера фресок ц. Успения со своей спецификой метода стенного письма в большей степени выступают носителями художественных концепций второй четверти XII в. и несомненно предвосхищают достижения в развитии техники живописи личного, известные для середины этого столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репников Н. И. Предварительные сообщения о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладогe//Вопр. реставрации. 1928. Вып. 2.
2. Архив ГТГ. Д. 67/364.
3. Раппопорт П. А. Археологическое исследование памятников древнего Новгородского зодчества//Новгородский истор. сб. № 1/11. Л.: Наука, 1982.
4. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. 1925 г. № 28.
5. Каргер М. К. Новгородское зодчество//История русского искусства. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
6. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. № 19.
7. Лазарев В. Н. Новые фрагменты росписей из Старой Ладоги//Культура и искусство Древней Руси. Л.: Наука, 1967.
8. Третьеклассный Староладожский Успенский женский монастырь. СПб., 1871.
9. ЦГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3011.
10. ЛГИА. Ф. 19. Оп. 48. № 33.
11. ЛГИА. Ф. 1883. Оп. 1. № 323.
12. Зверева Л. А., Коршунова Л. Н., Кулешова И. А. Успенский собор в Старой Ладогe//Архив Ин-та «Спецпроектреставрация». 1986. № 5326/702.
13. Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К. Изучение растворов архитектурных памятников Старой Ладоги. Л., 1988.
14. Виннер А. В. Материалы и техника монументально-декоративной живописи. М., 1953.
15. Васильев Б. Г. Фрески церкви Климента 1153 г. в Старой Ладогe//СА. 1988. № 1.
16. Суслов В. В. Краткое изложение исследований Новгородского Софийского собора//Зодчий. 1894. Вып. XI.
17. Васильев Б. Г. К истории фресок церкви Георгия в Старой Ладогe//СА. 1988. № 4.
18. Васильев Б. Г. Прием живописи одежды мастеров фресок ц. Климента 1153 г. в Старой Ладогe. Старая Ладога, 1990//Архив СЛМ. № 231.
19. Winfield D. C. Byzantine wall painting methods//Dumbarton Oaks Papers, XXII. Washington, 1968.
20. Яковлева А. И. Приемы личного письма в русской живописи конца XII — начала XIII в.//Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М.: Наука, 1980.
21. Васильев Б. Г. Манеры мастеров фресок церкви Георгия XII в. Старой Ладоги//Византия и Русь. М.: Наука, 1989.
22. Батхель Г. С. Новые данные о фресках ц. Благовещения на Мячине//Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972.
23. Артамонов М. И. Мастера Нередицы//Новгородский истор. сб. 1939. Вып. 5.
24. Воронин Н. Н. Смоленская живопись XII—XIII веков. М.: Искусство, 1977.

25. *Васильев Б. Г.* Прием моделирования одежды фресок ц. Георгия XII в. в Старой Ладогe. Старая Ладога, 1989//Архив СЛМ. № 173.
26. *Васильев Б. Г.* Декорация фресок ц. Климента 1153 г. в Старой Ладогe. Старая Ладога, 1988//Архив СЛМ. № 61.
27. *Piltz E.* La Suede. Corpus de la peinture monumentale Byzantine. Upsal, 1988.
28. *Бычков В. В.* Эстетика//Культура Византии VII—XII вв. М.: Наука, 1989.
29. *Салько Н. В.* Живопись Древней Руси XI — начала XIII века. Л.: Художник РСФСР, 1982.
30. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. М.: Наука, 1983.
31. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
32. *Рождественская Т. В.* О некоторых графико-палеографических особенностях новгородских надписей-граффити//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985.
33. *Овчинников А. Н.* Надписи в Георгиевской церкви Старой Ладоги//ПК НО, 1977. М.: Наука, 1978.
34. *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М.: Искусство, 1960.
35. *Стеценко Н. К.* Памятник архитектуры XII в. Церковь Успения в Старой Ладогe. Л., 1988. Т. III. Кн. 8. Ч. 3//Архив СЛМ. № 221.
36. Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года//Временник Имп. моск. о-ва истории и древностей российских. К. XI. М., 1851.
37. Книга Обонежской пятины... 7091 г.//Зап. Имп. русск. геогр. о-ва. Кн. VII. СПб., 1853.
38. Старая Ладога. Проект реставрации ц. Успения. Фотофиксация. Л., 1965//Архив ЛФИ «Спецпроектреставрация». № 297.
39. *Соболева М. И.* Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове//Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 1968.
40. *Перцев Н. В.* О некоторых приемах изображения лица в древнерусской станковой живописи XII—XIII вв.//Сообщ. ГРМ. Вып. VIII. Л., 1964.
41. *Балыгина Л. П., Некрасов А. П., Скворцов А. И.* Вновь открытые фрагменты живописи в Успенском соборе во Владимире//Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М.: Наука, 1980.
42. *Сычев Н. П.* К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире//Памятники культуры. Исследование и реставрация. Т. I. М., 1959.
43. *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. М.: Искусство, 1973.
44. *Вирсаладзе Т.* Основные этапы развития грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1977.

Историко-археологический
и архитектурно-художественный
музей-заповедник «Старая Ладога»,
с. Старая Ладога, Ленинградская обл.

B. G. VASILJEV

THE FRESCOES FROM THE VIRGIN ASSUMPTION CHURCH OF THE 12TH CENTURY IN STARAYA LADOGA (by the excavation materials)

S u m m a r y

The great number of ancient frescoes fragments were collected during excavations in the Church of Assumption in Staraya Ladoga in 1986—89. The investigations of these fragments show the technology of plaster mortar preparation and peculiarities of technique and painting style of this church. Analogies for priming preparation technology are known in Novgorod and Staraya Ladoga churches of the 12th century. The preliminarily drawing on the low plaster layer was noted there. The investigation of painting images technique showed that ancient artists used provincial methods of the wall paintings. At the same time they actively assimilated classical Bisantium traditions. The renovation of Russian fresco method was based on green shadows using. The icons bringing in Russia from Bisantium exerted certain influence on development of the wall painting technique. According to plaster for painting preparation technology, technique peculiarities and style of frescoes the Virgin Assumption Cathedral's decoration was dated back to the second quarter of the 12th century.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК ВЪЕЗДА НА ИЗБОРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Археологическое изучение жилой территории Изборского (Труворова) городища VIII—XIII вв. было завершено экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В. В. Седова в 1982 г. [1—3]. С тех пор экспедицией исследуются оборонительные сооружения городища и въезды. В 1986 г. юго-западная оконечность подковообразного вала городища была разрезана траншеей [4, 5]. Расширение этой траншеи привело в 1987 г. к открытию въезда на городище [6], следы которого в этой части вала прослеживались еще в 70-х годах прошлого столетия [7].

В 1988—1989 гг. раскопки сооружений въезда были продолжены. Среди 300 вещевых находок, обнаруженных там, были обломки керамических сосудов, бытовые железные предметы, стеклянные бусы, бронзовые украшения и предметы вооружения [8, 9]. Особый интерес представляют последние, поскольку в их числе присутствует обломок железного наносника от шлема — весьма редкая находка защитного приспособления такого типа в Северной Руси. Помимо наносника встречены три наконечника арбалетных стрел и обломок шпоры. Все они найдены в двух верхних слоях насыпи вала. Первый из них представляет собой развал каменной крепостной стены, стоявшей на гребне вала до перенесения крепости Изборска на новое место. Как недавно было установлено, это событие произошло в 1330 г. [10, с. 133, 134]. Ввиду этого слой 1 можно датировать XIII — началом XIV в. В нем обнаружены два наконечника арбалетных стрел. Первый из них — пирамидальный квадратного сечения с остролистной гранью черешковый наконечник (рис. 1, 1) типа 12 по классификации А. Ф. Медведева [11, с. 95]. Наконечники этого типа встречены на городище в слоях второй половины XII — начала XIV вв. в наибольшем количестве, вместе с этим экземпляром их уже 16 [12, с. 70]. Другой наконечник, втульчатый квадратного сечения с коротким пирамидальным острием (рис. 1, 2) типа 3 по А. Ф. Медведеву [11, с. 94], стал третьим таким наконечником на городище, где они встречены в напластованиях XII—XIII вв. [12, с. 70].

Все остальные предметы найдены во втором слое насыпи вала. Он является остатками укреплений, состоящими из глины, обугленного дерева и камней, которые датируются серединой XII—XIII вв. [8, 9]. Наконечник арбалетной стрелы, найденный в слое, пирамидальный квадратного сечения с треугольной гранью (рис. 1, 3) типа 10 по А. Ф. Медведеву [11, с. 95]. Надо отметить, что отличия наконечников этого типа (всего их найдено семь) от описанных выше экземпляров типа 12 очень незначительны, а датировка та же и, по-видимому, А. Н. Кирпичников совершенно прав, объединив их в тип I своей классификации [13, с. 71, рис. 30].

Шпора, обломок которой обнаружен в слое 2 (рис. 1, 5), относится к типу IV A по А. Н. Кирпичникову. Она имеет характерный для экземпляров этого типа полуциркульный изгиб и прямоугольную однопрорезную петлю (тип 5), по которой датируется 1150—1250 гг. [14, с. 66, 67; табл. 25].

Обломок железного наносника от шлема (рис. 1, 4) до недавнего времени мог стать вообще первым фрагментом защитного наголовья в Северной Руси.

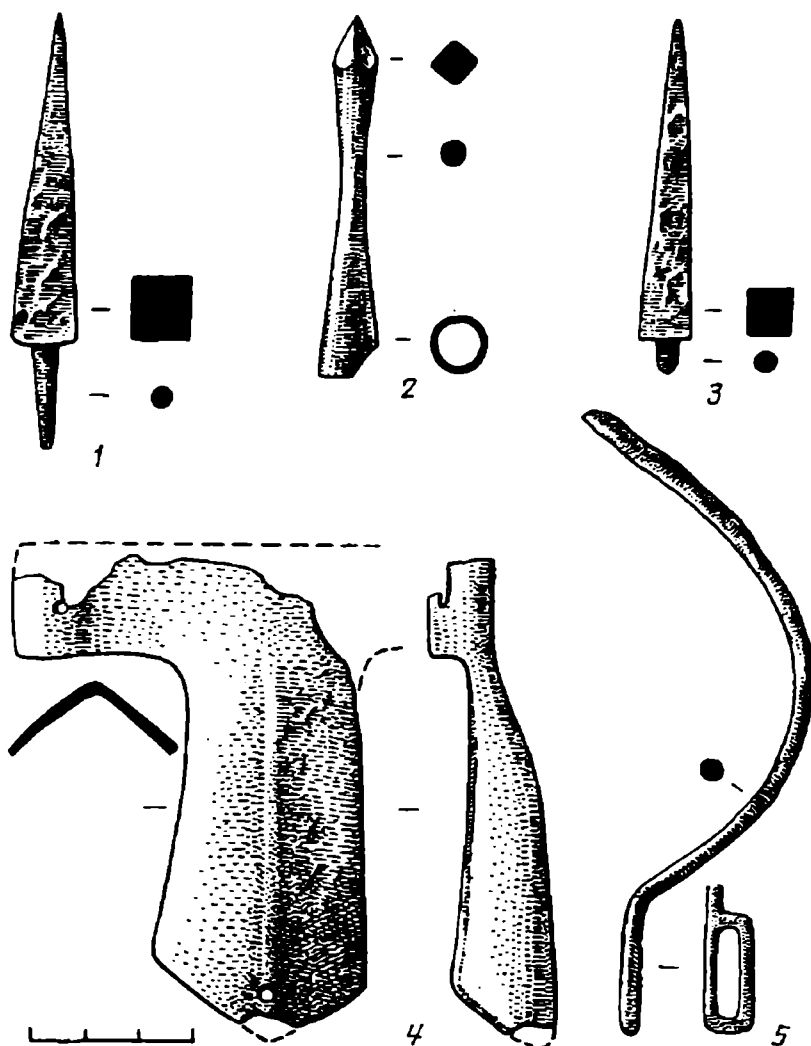

Рис. 1. 1—3 — наконечники арбалетных стрел; 4 — железный наносник от шлема; 5 — шпора

Однако несколькими годами ранее в Новгороде на Троицком VIII раскопе был также встречен обломок наносника шлема¹. До этого севернее Гнездова никаких подобных находок известно не было [15, рис. 7], за исключением шлема Ярослава Всеволодовича, найденного на месте Липицкой битвы 1216 г. вблизи Юрьева-Польского (Владимирская обл.). Изборский наносник дошел до нас с обломанной верхней частью. Отверстия на его левой части и нижнем конце, по-видимому, предназначались для крепления бармицы. Оформление нижнего края сохранившейся левой стороны изборского наносника совсем иное, чем у повторяющих контур надбровий цельнокovaných экземпляров типа II Б по А. Н. Кирпичникову [15, табл. XII, 1; XIII, 1]. Тем не менее, судя по его профилю (рис. 1, 4), «переносица» под ним находилась значительно ниже перекладины, которая, надо полагать, проходила над бровями. Что касается толщины изборского наносника, то, по-видимому, его значительно меньшая по сравнению с новгородским экземпляром толщина компенсировалась наличием ребра жесткости. Это ребро, а также отверстия для крепления бармицы, сближают наш наносник с наиболее совершенными защитными приспособлениями второй половины XII — первой половины XIII в. в форме полумаски, типа найденных в Киеве, Никольском и Вщиже [15, табл. XVI, 1, 2; 16, с. 90, 91, рис. 14; 17, с. 104]. Однако считать изборский наносник обломком полумаски нет оснований.

Таким образом, временной диапазон находок из слоя 2 находится между

¹ Устное сообщение П. Г. Гайдукова.

1150 и 1250 гг. и может быть еще более ограничен. Как известно, в 1233 г. немецкие рыцари вместе с бывшим псковским князем Ярославом Владимировичем и группой бояр, бежавших из Новгорода, ненадолго захватили Изборск. В 1240 г. нападение повторилось, и вплоть до разгрома рыцарей на Чудском озере Александром и Андреем Ярославичами в 1242 г. Изборск был оккупирован [18, с. 13; 19, с. 21, 79; 20, с. 72, 77, 282, 294, 449]. Ввиду этого можно с большой долей вероятности предположить, что предметы вооружения из слоя 2 попали в культурный слой именно в ходе этих боевых действий. По-видимому, недалеко во времени от них отстоят и два наконечника арбалетных стрел из верхнего слоя, который мог отложиться в 1269 г., когда, по данным Рифмованной хроники, Изборск был вновь осажден и взят прибалтийскими немцами [21, с. 653, 654].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов В. В. Изборск — город-крепость XII—XIII вв.//Древнерусский город: Матер. Всесоюз. археол. конф., посвященной 1500-летию города Киева. Киев: Наук. думка, 1984.
2. Седов В. В. Исследования Изборска//АО-1982. М.: Наука, 1984.
3. Седов В. В. Итоги археологического изучения Изборска//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1983.
4. Седов В. В., Артемьев А. Р. Работы в Изборске в 1986 г.//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1987.
5. Седов В. В., Артемьев А. Р. Исследования Изборска//АО-1986. М.: Наука, 1988.
6. Седов В. В., Артемьев А. Р., Лопатин Н. В. Работы в Изборске//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1988.
7. Евлентьев К. Г. Изборск//Псковские Губернские Ведомости. 1878. № 47.
8. Седов В. В., Лопатин Н. В. Продолжение раскопок в Изборске//Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1989.
9. Лопатин Н. В., Яковлев А. В. Исследования вала Изборского городища//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1990.
10. Артемьев А. Р. Стратиграфия и хронология Изборской крепости//СА. 1985. № 2.
11. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
12. Артемьев А. Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска//КСИА. 1978. Вып. 155.
13. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
14. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. 1973. Вып. Е1-36.
15. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.//САИ. 1971. Вып. Е1-36.
16. Ленц Э. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда//ИАК. 1962. Вып. 2.
17. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж//По следам древних культур: Древняя Русь. М.: Госкультпросветиздат, 1953.
18. Псковские летописи. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
19. Псковские летописи. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
20. Новгородская Первая летопись. Старшего и Младшего изводов. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
21. *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd. I. Riga; Leipzig, 1853.

Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН, Владивосток
Институт археологии РАН, Москва

A. R. ARTEMJEV, N. V. LOPATIN

ARMING ARTEFACTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE IZBORSK HILLFORT APPROACH

Summary

Five arming artefacts are published in the article. They were found in 1988—1989 during ancient Russian layers investigations of the Izborsk hillfort approach and the bordering upon it part of a bank. Among the finds there are three arbalest arrow-heads, a spur fragment and very uncommon one — a helmet nosepiece. According to a typological analysis and cronicles information these finds can be dated back to the period of German knights attacks in 1233—1269.

История науки

С. А. ВАСИЛЬЕВ

Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ И СОВРЕМЕННОЕ ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЕ *

В 1990 г. научная общественность нашей страны отметила 100-летний юбилей одного из наиболее ярких представителей отечественной археологии — Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890—1943). Трагично сложилась судьба этого талантливого человека, не менее печальной оказалась и участь его идей. В истории каждой науки известен феномен так называемого «преждевременного открытия», когда ученый, намного опередивший свое время, оказывается непонятым современниками. И лишь спустя долгое время другие исследователи независимо приходят к аналогичным выводам, а имя подлинного первооткрывателя остается в тени. Новаторские разработки Г. А. Бонч-Осмоловского, столь созвучные духу современного палеолитоведения, не могли быть поняты в той атмосфере, которая сложилась в стенах ГАИМКа в 30-е годы, и он стал мишенью для беспощадной и несправедливой критики. «Буржуазный эволюционизм», «биологизация», «формальное изучение материала» — вот лишь краткий перечень тех ярлыков, которые наклеивали на труды Г. А. Бонч-Осмоловского его оппоненты. Между тем ученый, по сути дела, явился непосредственным предшественником Ф. Борда (напомним, что «система Борда» сложилась в начале 50-х годов в виде отдельных статей [1—3], суммированных в 1961 г. в капитальном труде по типологии древнего и среднего палеолита [4]) и даже в кое-каких существенных моментах предвосхитил теоретические концепции англо-американской «новой археологии» 60-х годов.

В рамках данной статьи, разумеется, невозможно осветить все стороны многогранной деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского как археолога-палеолитика и тем более коснуться других областей его разносторонних научных интересов (палеоантропология, этнография, физиология человека). Мы сосредоточимся только на методических и методологических сторонах его творчества, не затрагивая вопросы изучения палеолита Крыма, разработки приемов раскопок пещерных стоянок, выявления функций палеолитических орудий и т. д. [5—9].

Основной вклад Г. А. Бонч-Осмоловского в палеолитоведение можно кратко определить как введение в науку понятия о комплексе каменной индустрии, необходимости анализа не только отдельных «выразительных», «типичных» вещей, а всей совокупности артефактов как неразрывного целого. Еще в 1928 г. в статье «К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий» он призывал «рассматривать индустрии не как собрания отдельных орудий, а как комплексы, отражающие соответствующие стадии культурного развития» [10, с. 149]. Отсюда ясен тот интерес, который проявлял исследователь к статистическим методам,

* Доклад на Научных чтениях памяти Г. А. Бонч-Осмоловского (Ленинград, ЛОИА АН СССР, 1990 г.).

позволяющим на количественной основе вести сопоставление памятников. «Статистика должна, как мне кажется, стать для советских ученых основным правилом интерпретации археологических фактов» [11, с. 14]. В основу сравнения памятников Г. А. Бонч-Осмоловский положил «количественный учет различных типов орудий». Таким образом, в теоретическом плане здесь содержалась база для бордовского подхода к изучению инвентаря. Г. А. Бонч-Осмоловский остановился «за полшага» до Ф. Борда, следующие усовершенствования (создание тип-листов, построение системы индексов и кумулятивных графиков как метода наглядного представления результатов) на этом пути уже являются заслугой французского исследователя.

Рассмотрим теперь, следуя за мыслью Г. А. Бонч-Осмоловского, этапы анализа комплекса изделий из камня, столь блестяще продемонстрированного им на примере инвентаря Киик-Кобы. Начнем с вопроса о соотношении сырья и техники. Исследователь в целом утверждал тезис о приоритете технических приемов над характером сырья. Он писал: «Достигнув известных усовершенствований в обработке кремня как основного материала, человек — при его отсутствии — переносил выработавшиеся приемы и на другие породы камня» [10, с. 150]. Подобное утверждение, по сути дела, аналогично высказанному много позже Ф. Бордом мнению: «Всегда можно из любого первичного материала... получить форму какую пожелаешь, применив подходящую технику» [4, с. 11]. Вместе с тем Г. А. Бонч-Осмоловский отмечал, что сырье накладывает отпечаток на облик индустрии. Так, величина отдельностей камня обусловила, по его мнению, миниатюрность размеров орудий из Киик-Кобы и Ильской стоянки [10, с. 151].

Особенно заметен вклад Г. А. Бонч-Осмоловского в область методики изучения первичного расщепления. Для материалов Киик-Кобы исследователь дал общую схему раскалывания, провел анализ формы бугорка и ударных площадок, угла скалывания [11, с. 75, 76]. При членении заготовок Г. А. Бонч-Осмоловский отметил группы сколов (отщепов), примитивных пластин и пластинок, введя правила измерения длины заготовки (по направлению скалывающего удара) и ширины (перпендикулярно к длине [11, с. 74]). Классификация Г. А. Бонч-Осмоловским типов ударных площадок, по сути дела, аналогична бордовской. Он выделил изделия со «сбитой площадкой», площадки, покрытые коркой, площадки без следов подправки (гладкие), площадки «с ребром» (двугранные), а также площадки с признаками грубой и тонкой подправки.

Другой аспект изучения каменного инвентаря — вторичная обработка. Здесь Г. А. Бонч-Осмоловский задолго до Ф. Борда провел статистический анализ типов ретуши. При этом он подразделил ретушь на отделку, формирующую рабочее лезвие, и ретушь как средство приспособления для захвата или укрепления изделия в рукоятке (аккомодационная обработка). Среди выделенных исследователем видов вторичной отделки — ретушь противоположащая (нанесенная на брюшке), грубая зубчатая отделка, ретушь с заломами, ретушь со слабо выраженными заломами, тонкая отделка без заломов [11, с. 81—85, 107—110, табл. 8].

Рассматривая третий аспект анализа комплекса изделий из камня — типологию, Г. А. Бонч-Осмоловский применил иерархически организованную трехуровневую систему описания, которая иллюстрируется таблицей процентного соотношения типов в верхнем слое Киик-Кобы [11, табл. 9]. На первом, верхнем уровне анализа орудия подразделяются на группы, соответствующие современному понятию «категория». Это остроконечники, скребла, ручные рубила, резцы, орудия неопределенной формы. Отдельно отмечаются осколки со следами ретуши и употребления. Далее в пределах категорий орудия делятся на одно- и двусторонние. Затем, на третьей ступени, определяются разновидности изделий, наиболее близкие понятию «типа» (в смысле Ф. Борда). В области собственно выделения типов исследователь предложил методически четкую процедуру классификации, установив закономерности формообразования каменных орудий [11,

с. 110]. По мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, в основу выделения типа следует положить сочетание определенных рабочих элементов, формы заготовки и характера оформления рукоятки (там, где это явление прослеживается). Очень важным представляется введенное им понятие «типологического ядра», вокруг которого распределяются сходные формы, необходимое для типовыделения [11, с. 87, 88].

Что касается конкретных моментов типологии, то Г. А. Бонч-Осмоловский разработал типологическое членение группы скребел, исходя из формы и количества рабочих краев, а также отнес так называемые «тупые остроконечники» в число скребел (задолго до Ф. Борда, определившего данные вещи как «конвергентные скребла» [4, с. 27]).

Интересно, что наряду с типом Г. А. Бонч-Осмоловский обратил внимание на характер «рабочих элементов» орудий, выделив три разновидности таковых — режущий край, острие и выемку [11, с. 86, 87]. Данное направление классификации, ставящее во главу угла морфологические элементы орудий, а не целостные формы, получило дальнейшее развитие в отечественной науке в работах И. И. Коробкова [12] и А. А. Синицына [13].

Г. А. Бонч-Осмоловский по праву может считаться одним из основоположников технологического подхода к изучению каменной индустрии, т. е. рассмотрению комплексов инвентаря не в плане типологической статистики, а в динамике изготовления, использования и выбрасывания орудий из камня. Подобный аспект анализа археологических остатков явился следствием уже упомянутого представления о комплексности изучения индустрии. Эти теоретические посылки сближают позицию Г. А. Бонч-Осмоловского с «новой», или «процессуальной», археологией 60—70-х годов. Он писал: «Если центром тяжести археологического исследования становится выявление процессов, а не только вещей, то и бросовые осколки приобретают известное значение» [11, с. 77]; «В палеолите нет бросового материала» [11, с. 12]. Ярким образцом такого подхода, позволяющего задействовать для научного анализа всю сумму археологических остатков, явилось его описание индустрии грота Киик-Коба. Г. А. Бонч-Осмоловский рассматривал каменный инвентарь, вычленив звенья технологической цепочки действий, производившихся древним человеком с камнем, прослеживая сложные причинно-следственные взаимосвязи между приносом и доставкой сырьевого материала, расщеплением, вторичной отделкой и использованием орудий.

Вновь к вопросам технологического анализа зарубежные археологи обращаются в 60—80-е годы, когда была разработана классификация стоянок в зависимости от характера производственного цикла обработки камня [14, 15], а исследование индустрии привело к построению условных графических моделей с изображением последовательности операций [16, 17].

Хотя первый опыт ремонта изделий из камня и относится к столь раннему времени, как 1886 г. [18], но до Г. А. Бонч-Осмоловского эти исследования носили характер единичных разрозненных опытов, своего рода курьезов, и по большей части не служили в качестве основы для реконструкции системы расщепления. Г. А. Бонч-Осмоловский же поставил задачу «восстановить по возможности детальнее весь процесс, все технические приемы и навыки раскалывания камня» [11, с. 78].

Наряду с ремонтом Г. А. Бонч-Осмоловский активно занимался планиграфическим анализом, хотя ограниченные по площади пещерные памятники, с материалами которых он имел дело, не представляют собой наилучшего места для опытов подобного рода. Г. А. Бонч-Осмоловский указывал на «исключительное значение, которое придается советскими археологами изучению поверхностного распределения находок на площади палеолитических стоянок» [11, с. 94]. В своей книге он привел схемы количественного анализа распределения кремневых изделий и кости по квадратам, соотношения костных и кремневых остатков [11, рис. 25, 26].

Таким образом, Г. А. Бонч-Осмоловский применял практически весь тот арсенал методов современного изучения палеолитических культурных слоев, сложение которого оформилось в результате блестящих работ А. Леруа-Гурана в Пенсеване в 60-е годы [19, 20]. Вместе с тем в трудах Г. А. Бонч-Осмоловского не было еще предпринято попытки сочетания ремонта, планиграфии и прослеживания «связей», которые составляют основу для целостной реконструкции памятника.

Не менее важен вклад Г. А. Бонч-Осмоловского в такой специфический раздел исследования, как оформившаяся ныне на западе «археозоология» [21, 22, 23]. Вслед за А. Мартеном, Г. А. Бонч-Осмоловский выступает непосредственным предшественником этого перспективного научного направления. Исследователь провел тщательное изучение следов нарезок на костях животных из культурных слоев Киик-Кобы. На основе точной детальной фиксации следов воздействия древнего человека на кости Г. А. Бонч-Осмоловский реконструировал характер разделки охотничьей добычи. Им выделены такие операции, как сдирание кожи, потрошение, расчленение туши, отделение мяса от костей, раскалывание костей для извлечения костного мозга и т. д. Особо исследователь отмечал следы воздействия зубов хищников (пещерных гиен), посещавших стоянку после ее оставления человеком. Он указывал на отличия подобных меток от антропогенного воздействия [11, с. 92, 93, 123—125; 24]. В настоящее время всем этим сюжетам посвящена обширная литература. Сравнивая современные труды по археозоологии с работами Г. А. Бонч-Осмоловского, можно отметить, что исследователь не применял только распространенных ныне графических схем фиксации нарезок на костях.

Значительный интерес представляют идеи Г. А. Бонч-Осмоловского, касающиеся другой области палеолитоведения, а именно экологического аспекта, связи развития древнейшего общества и природной среды. Задолго до нынешней «экологизации» науки и бурного развития междисциплинарных штудий исследователем во главу угла был поставлен тезис о неразрывности изучения человека и палеосреды. По мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, «изучение четвертичного периода занимает промежуточное положение между естествознанием и обществоведением» [25, с. 44]. Это с необходимостью заставило поднять вопрос и о новых организационных формах научного поиска. В статье 1931 г. «Изучение четвертичного периода» Г. А. Бонч-Осмоловский выдвигает идею создания «Четвертичного института», где бы представители всех специальностей, как естественники, так и гуманитарии, могли практически взаимодействовать [26]. К сожалению, данный проект остался до сих пор так и не реализованным в нашей стране (неминуемое следствие проведенного в системе АН СССР четкого деления на отрасли научного знания) и воплотился в жизнь лишь за рубежом в практике работы лучших мировых лабораторий.

Г. А. Бонч-Осмоловский указывал: «Для успешного продвижения вперед совершенно необходимо внедрение новых методов коллективной работы... эти новые методы исследовательской работы могут быть осуществлены только в новых организационных формах. Всякие попытки заменить действительную коллективность исследовательской работы комиссионными совещаниями, на которых обсуждаются результаты самостоятельно проведенных исследований, или спорадическими консультациями в условиях четвертичного периода приобретают характер признания необходимости коллективных методов работы только на словах, а не на деле и объясняются консервативной боязнью новых начинаний или непониманием специфики условий переходных областей знания» [25, с. 45].

По сути, у Г. А. Бонч-Осмоловского речь идет о переходе от «сопряженного» исследования палеолита к подлинно комплексному. Мы используем здесь термины современного науковедения; в археологии эти понятия, к сожалению, часто путают. Сопряженное исследование характеризуется параллельным изучением объекта представителями различных специальностей со своими собственными

исследовательскими установками и задачами. Действительная комплексность заключается в анализе объекта с целью получения единого исследовательского продукта, в данном случае как можно более полной реконструкции древнего общества в его взаимосвязи с природной средой.

И по сей день не утратили актуальности замечания Г. А. Бонч-Осмоловского о том, что «в результате наших поверхностных консультаций, так широко практикуемых у четвертичников вообще и археологов-четвертичников в частности, мы все страдаем стремлением к обобщениям в таких областях знания, которые довольно значительно удалены от наших специальностей» [25, с. 49].

Идеи неразрывности общества и природной среды Г. А. Бонч-Осмоловский конкретизировал, анализируя ряд узловых эпизодов процесса становления человека. Так, касаясь начальных этапов антропогенеза, он указывал, что «наиболее вероятные импульсы очеловечения лежат в крупных геологических катаклизмах конца третичного — начала четвертичного периода» [25, с. 47]. Такие взгляды во многом совпадают с современными представлениями, связывающими древнейшие следы человеческой культуры с зоной Восточно-Африканского рифта [27]. Другой момент, на котором хотелось бы остановиться, относиться к проблеме хозяйственной перестройки общества на рубеже плейстоцен — голоцен, в финально-палеолитическую эпоху, когда закладывались основы для перехода к производящему хозяйству. Касаясь этих процессов, Г. А. Бонч-Осмоловский строит следующую модель. По его мнению, улучшение условий существования, связанное с изменениями природной среды, привело к относительной перенаселенности и ограничению передвижений. В то же время появление богатой и разнообразной растительности создало предпосылки для развития собирательства, а затем и земледелия. Именно в совпадении двух моментов — внутренних противоречий развития охотничьего общества и благоприятных сдвигов природной среды — Г. А. Бонч-Осмоловский видел необходимые условия изменений в хозяйственной жизни человечества. Выражаясь языком современных археологических сочинений, эта модель основывалась на понятии «демографического взрыва», связанного с экологией. Подобная концепция в кое-каких существенных моментах совпадает с гипотезой Л. Бинфорда о «постплейстоценовых адаптациях» [28]. Этот автор при анализе процесса становления производящей экономики придает первостепенное значение демографическому фактору (плотность и оседлость населения), в свою очередь теснейшим образом связанному с экологическими условиями.

В заключение отметим, что Г. А. Бонч-Осмоловский по очень многим позициям опередил развитие мирового палеолитоведения на 20—25 лет. Листая пожелтевшие от времени страницы его необычайно емких по содержанию и богатых по мысли работ, не перестаешь удивляться прозорливости этого удивительного автора, занимающего особое место в истории отечественной археологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bordes F. Principes d'une methode d'etude des technique de debitage et de la typologie du paleolithique ancien et moyen//Anthropologie. 1950. Т. 54. № 1—2.
2. Bordes F., Bourgon M. Le complexe mousterien: Mousterien, Levelloisien et Tayacien//Anthropologie. 1951. Т. 55. № 1—2.
3. Bordes F. Essai de classification des industries «mousteriennes»//BSPF. 1958. Т. L. Fasc. 7—8.
4. Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Publ. Ins. Prehistoire Univ. Bordeaux. Mem 1. Bordeaux: Delmas, 1961.
5. Векилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы//МИА. 1971. № 173.
6. Векилова Е. А. К столетию открытия палеолита в Крыму (1879—1979)//Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
7. Бібіков С. М. Гліб Анатолійович Бонч-Осмоловський (1890—1943). До 100-річчя з дня народження//Археологія, 1990. № 1.
8. Бибигов С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский//СА. 1990. № 1.

9. Смирнов С. В. Г. А. Бонч-Осмоловский і сучасна археологія//Археологія, 1990. № 1.
10. Бонч-Осмоловский Г. А. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий//Человек. 1928. № 2—4.
11. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
12. Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий//МИА. 1972. № 185.
13. Синицын А. А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря//Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
14. Binford L. R., Quimby D. Indian sites and chipped stone materials in the Northern Lake Michigan area//Fieldiana — Anthropology. 1963. V. 36.
15. Schild R. Introduction to dynamic technological analysis of chipped stone assemblages//Unconventional archaeology. Wrocław: Zakł. im Ossolinskikh, 1980.
16. Sheets P. D. Behavioural analysis of the structure of a prehistoric industry//CAN. 1976. V. 16. № 3.
17. Pigeot N. Magdaleniens d'Écholles XXVe Suppl. a «Gallia Préhistoire». P.: Ed. CNRS, 1987.
18. Hofman J. L. The refitting of chipped stone artifacts as an analytical and interpretive tool//CAN. 1981. V. 22. № 6.
19. Leroi-Gourhan A., Brézillen M. L'habitation magdalénienne № 1. de lincevent pres de Montereau (Seine-et-Marne)//Gallia Préhistoire. 1966. T. IX. Fasc. 2.
20. Leroi-Gourhan A., Brezillon Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien (La section 36 de Pincevent). VIIe Suppl. a «Gallia Préhistoire». P.: Ed. CNRS, 1972.
21. Binford R. Bones. Ancient men and modern myths. N. Y.: Acad. Press. 1981.
22. Grayson D. Quantitative zooarchaeology. N. Y.: Acad. Press, 1984.
23. Spiess A. E. Reindeer and caribou hunters. An archaeological study. N. Y.: Acad. Press, 1979.
24. Бонч-Осмоловский Г. А. О нарезках на палеолитических костях//СГАИМК. 1931. № 8.
25. Бонч-Осмоловский Г. А. К проблеме комплексного изучения четвертичного периода//СГАИМК. 1932. № 2—4.
26. Бонч-Осмоловский Г. А. Изучение четвертичного периода//Вестн. АН СССР. 1931. № 7.
27. Иванова И. К. Роль геолого-тектонических и палеогеографических факторов в становлении гоминид//Первобытный человек и его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.
28. Binford L. R. Post-Pleistocene adaptations//New Perspectives in archaeology. Chicago: Aldine, 1968.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Н. Я. МЕРПЕРТ

В. А. ГОРОДЦОВ ОБ ЭНЕОЛИТЕ БОЛГАРИИ

В 1923 г. в журнале «Новый Восток» была опубликована статья В. А. Городцова «Нижнедунайская культура в Болгарии» [1, с. 303—312]. Мало кто вспоминает ее сейчас. Полузабыт и сам журнал. В сборниках, посвященных научному наследию нашего выдающегося соотечественника, его вкладу в археологическую науку, эта статья отмечается лишь в общей библиографии ученого¹, научная же проблематика, которой она посвящена, ни разу в связи с его именем не рассматривалась. В определенной мере это закономерно: при всей многогранности творчества В. А. Городцова, статья эта стоит в нем особняком и не может претендовать на причастность к кругу основных проблем, непосредственно разрабатывавшихся исследователем. На первый взгляд она носит чисто информационный характер, и само заглавие ее сопровождается подзаголовком «Предварительное сообщение». Сразу же отмечу, что статья отнюдь не ограничивается информацией, в ней достаточно силен интерпретационный момент, что присуще

¹ Отмечу, что даже подобное упоминание в последнем издании справочника С. Георгиевой и В. Велкова «Библиография на българската археология (1879—1966)» (София, 1974) не точно: в тексте (с. 38) ошибочно указан номер журнала (3 вместо 4), а в именном индексе (с. 418) искажены фамилия и инициалы автора: В. Л. Горцов вместо В. А. Городцов.

всем без исключения работам В. А. Городцова, в том числе и вводящим в научный оборот новые материалы и ограничивавшимся, казалось бы, лишь первичным сообщением о вновь открытых комплексах. Таких работ достаточно много, но почти все они посвящены отечественным материалам, в значительной мере добытым самим автором. Постоянный и глубокий интерес В. А. Городцова к зарубежным исследованиям хорошо известен. Он широко использовал их результаты в своих обобщающих работах и лекциях ² [2]. Но лишь в рассматриваемой статье специально разбираются материалы проведенных за рубежом раскопок конкретных памятников и ставится вопрос о выделении новой значительной археологической культуры, индикатором которой они являются. И в этом плане статья необычна для В. А. Городцова ³, что и побуждает рассмотреть вопрос о том, случайна ли она для его творчества и заслуживает ли она забвения?

Прежде чем перейти к самой статье, подчеркну, что речь здесь идет о первых исследованных памятниках знаменитого ныне балкано-дунайского (а конкретно болгарского) энеолита — одного из ярчайших феноменов раннеземледельческой ойкумены древнейшей Европы. А проблема раннеземледельческих культур привлекала пристальное внимание В. А. Городцова с момента открытия трипольской культуры и известной дискуссии о назначении ее глиняных площадок, в которой он принял активное участие, одним из первых предложив правильное направление в разработке указанного вопроса [3]. Развернутая характеристика триполья, а также обзор энеолитических раннеземледельческих культур Переднего Востока, Ирана, Малой Азии, Эгейи и Венгрии представлены им в «Бытовой археологии», изданной в 1910 г. [2, с. 133—150]. И интерес к этой проблематике ученый сохранил до конца жизни: последний его доклад, прочитанный в начале 1944 г., был посвящен росписи керамики и глиняным моделям жилищ трипольской культуры (автор этих строк имел счастье быть одним из слушателей этого интереснейшего, но, к сожалению, так и не изданного доклада).

Поэтому внимание В. А. Городцова к открытию на территории Болгарии поразительных по яркости и информативности раннеземледельческих энеолитических поселений, посвящение их материалам специальной статьи отнюдь не могут считаться случайными. Они вполне соответствуют широте его интересов, скорости реакции на новые открытия и умению выделять вновь возникающие стержневые направления археологических исследований, сразу же активно включаясь в их развитие.

И еще одно обстоятельство, немаловажное для подлинной оценки статьи и понимания условий ее появления.

Несмотря на то что первые раскопки энеолитических поселений на территории Болгарии начались еще на рубеже нашего века [4, 5], подлинное их значение было осознано далеко не сразу. Даже ярчайшие материалы знаменитого ныне поселения Коджадермен в г. Шумене, положившие начало исследованию одной из самых крупных и развитых культурных общностей энеолита Юго-Восточной Европы, не получили должной оценки ни у их первооткрывателя — патриарха болгарской праисторической археологии Р. Попова, исследовавшего памятник начиная с 1908 г. [6, 7], ни у его современников. Это привело к парадоксальной ситуации: культура была «переоткрыта» в 1923 г. румынским археологом Д. Росетти, начавшим раскопки поселения Гумельница, и получила соответствующее наименование [8, 9], к которому лишь значительно позднее стали добавлять название фактически эпонимного памятника — поселения Коджадермен

² Весьма показательно в этом плане сообщение, что в первый свой приезд в Ростов-на-Дону В. А. Городцов выступил с публичной лекцией о раскопках Леонарда Вулли в Уре (Южная Месопотамия) (см. *Лукин Б. В. Из воспоминаний о В. А. Городцове*//Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука, 1991).

³ В определенной мере рядом с ней может быть поставлена статья В. А. Городцова «Археологические проблемы Афганистана» в сборнике «Афганистан» (Ч. II. М., 1923), но последняя носит в основном обзорный характер.

[10], которое за много лет до этого одним из первых по достоинству оценил В. А. Городцов в рассматриваемой ныне статье.

Ко времени же ее написания, т. е. к началу 20-х годов, ни эти материалы, ни результаты раскопок прочих, единичных еще пока энеолитических объектов Болгарии, таких как Салманово близ Шумена [11, 12], Султан близ Торговища [13] и др., не были еще включены в основной фонд археологических источников древнейшей истории нашего континента. Единичными были исследования соответствующих объектов и на смежных территориях. С открытыми в начале века нео- и энеолитическими комплексами более южных районов Балканского полуострова, прежде всего Фессалии [14, 15], на севере его могли быть сопоставлены лишь немногочисленные еще и разрозненные памятники Югославии и Румынии, прежде всего Бутмирский комплекс в Боснии и Кукутени в Молдове и Мунтении, исследования которых начались соответственно в 1893 и 1909 гг. [16—19], а восточнее — трипольские поселения Днестро-Днепровского междуречья. Не были еще открыты такие ключевые культуры неолита и энеолита Балкано-Дунайского региона и Карпатского бассейна, как Старчево (раскопки эпонимного памятника близ Белграда начались в 1928 г.) [20], Боян (открыта в 1924 г.) [21], Бюкк, Тисса [22], Бодрогкерештур [23], не говоря уже о Каранове, первые сведения о котором появились лишь в 30-х годах. И даже открытая еще в 1908 г. Винча была еще очень далека от удовлетворительной публикации [24] и еще дальше от удовлетворительного осмысления. То же следует сказать о культуре линейно-ленточной керамики, которая начиная с 1903 г. включалась в весьма расплывчатое понятие *Bandkeramik* и к началу 20-х годов оставалась еще очень слабо исследованной.

Естественно, не было еще и попыток синтеза данных нео- и энеолитических памятников указанных выше территорий. Лишь в 1928 г. И. Нестор опубликовал первую работу такого рода для территории Румынии [25], а его же известная сводная работа по этой проблеме появилась лишь в 1934 г. [26]. В 1933 г., т. е. через 10 лет после публикации статьи В. А. Городцова, была издана первая сводка праисторических поселений и находок, известных к тому времени на территории Болгарии [27], и лишь через четверть века была сделана первая попытка общей систематизации их материалов [28].

Таково было состояние изученности праисторических культур Балкано-Дунайского и Карпатского регионов, и прежде всего Болгарии, к моменту публикации статьи В. А. Городцова. Добавлю к этому, что конкретные культуры соответствующих периодов не были здесь ни выделены, ни обозначены определенными наименованиями. Лишь двумя годами позже, в 1925 г., в классической работе В. Г. Чайлда «У истоков европейской цивилизации» [29] был предложен термин «дунайская культура», который нельзя признать удачным, поскольку под ним фактически подразумевается целый ряд культур от V до III тыс. до н. э. [30].

И значительно более конкретное понятие вложил почти в тот же термин В. А. Городцов, который в самом начале своей статьи отмечает, что раскопками поселений Коджадермен и Салманово «вызваны в свет остатки оригинальной культуры, остатки которой прослеживаются и в других пунктах болгарского берега р. Дуная, а также и в Румынии. Очевидно, эта культура имела широкое распространение на обоих берегах Нижнего Дуная, поэтому будет вполне справедливым именовать ее нижнедунайскою. Культура характеризуется присутствием признаков металлургии, земледелия, скотоводства и оседлости» [1, с. 303].

Сразу же отмечу, что, несмотря на крайнюю ограниченность материалов и фактическое отсутствие эталонов, приведенное определение как ареала культуры, так и основных ее параметров совершенно справедливо и сформулировано впервые. Для времени написания статьи вполне логичным и оправданным представляется и предложенное ее наименование. В дальнейшем, как известно, оно не привилось, очевидно, потому, что в Нижнем Подунавье впоследствии было открыто несколько родственных энеолитических культур. При современном же состоянии исследо-

ваний следует учитывать и распространение памятников этих культур далеко к югу от Дуная вплоть до центральнобалканских областей, Македонии, эгейского побережья и турецкой Фракии. Конкретно культура, привлекающая к себе внимание В. А. Городцова, именуется сейчас Гумельница — Коджадермен — Караново VI. Это громоздкое наименование соответствует основным памятникам действительно единообразной культуры к северу и к югу от Дуная — вплоть до Верхнефракийской долины. Но, повторю, для начала 20-х годов впервые предложенный термин «нижнедунайская культура» был закономерен и по-городцовски четок.

То же следует сказать об определении как относительной, так и абсолютной хронологической позиции культуры. Подчеркнув, что «датирующими памятниками являются не пережиточные формы каменных орудий, хотя бы они встречались и в изобилии, а новые формы металлических (медных) орудий», исследователь пишет: «...по своему типу все они свидетельствуют о принадлежности их к началу металлического периода, именно к его ранней поре палеометаллической эпохи, совпадающей со временем между пятым и третьим тысячелетиями до Р. Хр.» [1, с. 303, 304].

Прошло 70 лет. Во много десятков раз увеличилось число исследованных памятников рассматриваемого ареала, и прежде всего Болгарии [10, с. 96—133, карта 12]. Появились блестящие стратиграфические эталоны, подобные знаменитому Каранову [31]. Разработаны новые методы абсолютного датирования. Для энеолитических памятников Балкано-Дунайского региона получены десятки радиоуглеродных дат [32, 33]. Возможности хронологических определений принципиально изменились. Но даты, предложенные В. А. Городцовым для рассматриваемой им культуры, нуждаются ныне лишь в самой незначительной коррективке, и то лишь с точки зрения сторонников безоговорочного принятия калиброванных дат и максимально долгой хронологии болгарского энеолита [10, с. 230]. И можно лишь поражаться интуиции и научной прозорливости ученого.

Глубоко продуманным и отнюдь не только информационным представляется и рассмотрение В. А. Городцовым и основных параметров новой для того времени культуры. Он начинает с данных, документирующих экономическую основу жизни ее создателей, и особенно подчеркивает конкретные показатели производящих отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, позволяющие, по его заключению, отнести рассматриваемый феномен к числу «наиболее развитых культур изучаемого времени», поскольку подобные же показатели «известны в более или менее полном виде в Иране, Передней и Малой Азии, Египте, Эгейском мире, Западной, Средней и Восточной Европе» [1, с. 304].

В связи с этим заключением хотел бы подчеркнуть три момента. Во-первых, здесь совершенно явно постулируется определяющая роль производящей экономики в общем уровне культурного развития, причем постулируется за 2 года до обоснования В. Г. Чайлдом понятия «неолитической революции» — перехода от присваивающей к производящей экономике как переломного момента в истории человечества [30, с. 38 сл.]. Во-вторых, указан чрезвычайно широкий ареал уже весьма высокоразвитых раннеземледельческих культур, что предполагает начало перехода к производящему хозяйству в более ранний период — в неолите. В-третьих, впервые этот тезис распространен на памятники болгарской территории, что в дальнейшем блестяще развито в трудах того же В. Г. Чайлда и последующих исследователей [10, с. 8 сл.; 30, с. 121—195].

Вообще следует подчеркнуть, что два выдающихся ученых — В. Г. Чайлд и В. А. Городцов — в ряде случаев полностью самостоятельно, своими путями приходят к весьма близким заключениям, касающимся основы, характера и путей формирования древнейших культур Евразии, к чему я еще вернусь несколько позже.

Сейчас же отмечу также впервые произведенное В. А. Городцовым сопоставление материалов болгарских энеолитических поселений с материалами трипольской культуры. Им в целом справедливо отмечены как сходные черты, так и различия в экономике создателей обеих культурных групп, планировке их по-

селков, домостроительстве и ряде категорий изделий. И даже при дискуссионности или ошибочности ряда приведенных здесь положений они имеют безусловный интерес и свидетельствуют о постоянном стремлении автора вникать в суть явлений, определить обуславливавшие их моменты. Так, различия между свободным расположением трипольских построек, которые «планировались по окружности круга» и «стремились, очевидно, занять наибольшую площадь», и предельной скученностью домов внутри нижнедунайских поселений, которые «теснились в компактную массу» и «стремились занять наименьшую площадь», он связывает со спецификой природного окружения и хозяйственных систем обеих культурных групп. При этом имеются в виду прежде всего более значительная доля скотоводства в хозяйстве пограничных со степными областями трипольцев, что предполагало необходимость наличия свободных от застройки площадей для загона животных и абсолютно доминирующую роль земледелия в экономике болгарских энеолитических поселков, поразительную их долговременность и распространение «вверх» — на верхние площадки образовавшихся теллей, что сразу же ограничивало их площадь и обуславливало отмеченную выше чрезвычайную компактность в расположении жилых и хозяйственных сооружений при практически полном отсутствии свободных площадей.

Вместе с тем В. А. Городцов связывал эту компактность и с нуждами обороны [1, с. 304, 305].

Еще раз следует подчеркнуть крайнюю ограниченность материалов, на которых сделаны эти заключения: в обоих сличаемых регионах лишь единичные поселения позволяли судить об отдельных элементах планировки, поселений же, вскрытых полностью и на должном методическом уровне, почти не было. За истекшие же 70 лет число широко исследованных памятников достигло многих десятков, причем многие как трипольские, так и болгарские энеолитические поселения раскопаны полностью. Это позволило уже на гораздо более прочном фактологическом основании судить об особенностях планировки тех и других, учитывая особенности и локальных их групп. На трипольских поселениях фактически всех этапов развития культуры зафиксированы и гнездообразное расположение домов, и линейное — в один или несколько рядов вдоль берега реки или вдоль радиальных, параллельных, крестообразно пересекающихся улиц, и плотное, и достаточно разреженное и хаотичное [34, с. 181, 186, 187, 220, 224 сл.]. Но также на всех этапах наиболее характерна «циркулярная планировка поселений, при которой дома располагались одним или несколькими кругами, а центр зачастую не застраивался» [34, с. 236]. Четкая круговая планировка представлена уже на наиболее раннем этапе существования культуры (поселение Бернашовка на Днестре [35, с. 60]), позже она развивается и усложняется на среднем и позднем этапах [34, с. 194, 216, 222, 224] (на поселении Гарбузное и ряде других жилища образуют два концентрических круга, а на таком большом памятнике, как Владимировка, — пять кругов [36, с. 148]). И именно эта планировка может быть признана специфичной и традиционной для триполья, что полностью подтверждает справедливость давнего, но столь прозорливого заключения В. А. Городцова.

Определенное подтверждение получил и приведенный выше тезис его о значительной роли скотоводства в хозяйственной системе создателей трипольской культуры. Для конкретных локальных их групп ныне выделяются по меньшей мере пять вариантов хозяйственной системы с доминантой одной или двух отраслей. Для ряда поселений постулируется хозяйство скотоводческо-земледельческого типа с доминантой скотоводства, что подтверждается и особенно высоким процентом орудий для разделки туш и обработки шкур животных [37, с. 20]. И вполне закономерно утверждать связь между спецификой хозяйства определенных территориальных групп трипольского населения и характером, в том числе и планировкой, их поселков.

Что же касается энеолитических поселений Болгарии, то безусловная доминанта земледелия, связанная с экологическими особенностями их ареала в целом,

документируется ныне для всех их групп при применении последними различных видов агротехники в соответствии с характером почв и водного режима конкретных областей [10, с. 133—139]. Поселения носят специфически земледельческий облик. Ныне исследователями выделяются следующие основные их черты [10, с. 167].

1. Наличие строгой внутренней организации поселков с господством линейной планировки при расположении домов правильными рядами внутри кварталов, разделенных одной или двумя прямыми улицами, ориентированными по странам света.

2. Предельная густота застройки вплоть до общих стен смежных домов.

3. Стремление к предельной защищенности поселений, выраженное как в создании фортификационных сооружений, так и в учете интересов обороны при выборе места и выработке планировки поселков.

Перечисленные пункты определены основным исследователем болгарского энеолита Х. Тодоровой на основании огромных материалов полевых работ последних двух десятилетий. В связи с этим достаточно примечательно, что два из них были задолго до этого намечены В. А. Городцовым, писавшим о поселениях с теснившимися в компактную массу постройками, что сокращало периметры оборонительных сооружений. Возражение вызывает лишь его замечание о том, что дома «располагались без какого-либо определенного порядка», но здесь следует еще раз вспомнить, что в начале 20-х годов ни один полный план рассматриваемых поселений известен не был.

Впервые были сопоставлены В. А. Городцовым и жилые постройки трипольских и нижнедунайских поселений, отмечены как сходство их строительных приемов, планов, основных компонентов интерьера, так и различия в размерах, внутренней структуре, конструкции полов и перекрытий, форме окон, элементах оформления. Попытался он наметить и этнографические параллели этим сооружениям, используя прежде всего данные деревенских домов восточных и южных славян (планировку, общие формы, конструкцию, круглые окна, наружную роспись стен и пр.) [1, с. 305, 306]. Подобное сличение приводит его к предположению о генетической связи «современного славянства с древними носителями нижнедунайской культуры» [1, с. 307]. Ныне последнее представляется неприемлемым: речь может идти лишь о близких традициях, развившихся в различные периоды и у различных этнических групп, живших в близких экологических нишах и весьма сходных по характеру хозяйственной деятельности. Но в целом и здесь В. А. Городцов положил начало сравнительному изучению такой важной этнографической категории, как трипольские и нижнедунайские энеолитические жилища с выяснением общего и особенного в основных их характеристиках. В дальнейшем разработка этой проблемы привела к достаточно интересным и научно значительным результатам, позволив определить не только специфику домостроительных и поселенческих традиций конкретных групп населения обеих культур, но и взаимовлияния этих традиций [38—43].

Кратко рассмотрев отдельные формы керамики болгарского энеолита, В. А. Городцов подчеркнул их «довольно своеобразный характер с чертами влияния юга и востока» [1, с. 307], а также отличия от керамики как трипольской культуры, так и энеолитической бутмирской культуры Центральных Балкан. Относя вместе с тем все эти три феномена к кругу раннеземледельческих культур с расписной керамикой, он ищет общие их истоки далеко на востоке — в Иране. «Весьма возможно, — пишет он, — что... трипольцы могли выйти с Западного, а нижнедунайцы с крайнего Северного Ирана или даже из Южного Турана, причем между этими в основе, несомненно, родственными племенами уже там, в первородине, совершилась почти полная дифференциация» [1, с. 309].

Легко заметить, что автор следует здесь традиции поисков южных и восточных корней трипольской культуры, возникшей в русской археологической науке еще на грани XIX и XX вв. [44—46] и развитой им самим в более ранних работах [2, с. 149, 150]. В данном случае он распространяет эту традицию и на

Балкано-Дунайский регион, т. е. фактически на весь ареал энеолитических культур с расписной керамикой Юго-Восточной Европы. Ныне, после открытия, прежде всего на Балканах, ряда предшествующих ступеней развития раннеземледельческих культур, связанных безусловной преемственностью начиная с раннего неолита [31, с. 45—100], «иранская гипотеза» происхождения этих общностей полностью пересмотрена и проблема разрабатывается с учетом прежде всего местного развития для самого Балкано-Дунайского региона и воздействия последнего на Северо-Западное Причерноморье для трипольской культуры. И последняя, и энеолит Болгарии представляются сейчас апогеем, а в конце своем и финалом развития восточноевропейской раннеземледельческой ойкумены.

Но 70 лет тому назад, в период создания рассматриваемой статьи, соответствующих материалов не было. С упомянутыми выше культурами связывалось само появление в Юго-Восточной Европе как древнейшего земледелия, так и расписной керамики. А высокоразвитый их характер побуждал искать предшествующие этапы развития этих феноменов вне нашего континента. Отсюда особое внимание В. А. Городцова к передне- и средневосточным раннеземледельческим очагам. Там же в то время ярчайшие комплексы энеолитической расписной керамики были известны прежде всего в Западном Иране (Сузы) и в Южной Туркмении (Анау). С ними и сопоставляет он соответственно трипольскую (вместе с бутмирской) и нижнедунайскую культуры.

Еще раз отмечу, что такое сопоставление при разработке вопроса о происхождении упомянутых восточноевропейских энеолитических культур не может сейчас считаться приемлемым. Но в аспекте общей проблемы формирования древнейшего в Европе балкано-дунайского раннеземледельческого очага и появления здесь расписной керамики, да и керамики вообще, утверждение В. А. Городцова о наличии ранних связей этого региона с Ближним Востоком и решающих культурных воздействий со стороны последнего безусловно логично и в основе своей совершенно справедливо. К роли этих воздействий ученый возвращался не раз, еще в 1910 г. указав пути их распространения из Ирана и Малой Азии «через Боспор и Дарданеллы на Балканы, а оттуда на юг в Пелопоннес и к северу к долине Дуная и к устью Днепра» [2, с. 187]. Особо отмечу внимание В. А. Городцова к механике этого процесса, основу которой он видел не в прямой миграции, а в «соединении культурных очагов», каждый из которых «высылал лучи культурных влияний, пересечения которых образовывали вторичные очаги, в свою очередь вызывавшие к жизни третьи» [2, с. 160, 161]. В определенной мере здесь можно говорить о предвосхищении «теории диффузий» В. Г. Чайлда, сыгравшей столь значительную роль в осмыслении культурного прогресса и древнейшей истории человечества в целом. И характерно, что, обосновывая эту теорию, ее автор особое место отводил диффузии культурных достижений с Ближнего Востока на Балканы.

Исследования последних десятилетий многократно увеличили документацию балкано-передневосточного взаимодействия, позволили значительно углубить его хронологически, определить его этапы и конкретные формы [47—50]. Тем самым подтверждена правильность самого направления исследования, которое еще на минимальных, только что открытых материалах наметил В. А. Городцов.

В полной мере это касается и прочих отмеченных выше направлений исследования одного из основных раннеземледельческих центров нашего континента. Все они активно и плодотворно развиваются и поныне. Энеолит Болгарии получил сейчас всеобщее признание как особо значительный феномен древнейшей истории Европы. И не заслуживает забвения провидческая работа крупнейшего русского археолога, одним из первых осознавшего подлинное значение и бескрайнюю перспективность его исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Нижнедунайская культура в Болгарии. (Предварительное сообщение)//Новый Восток. 1923. № 4. М.
2. *Городцов В. А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
3. *Городцов В. А.* Назначение глиняных площадок в доисторической культуре Трипольского типа//Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. Т. 7. № 11/12. М., 1900.
4. *Jerome P.* L'époque néolithique dans la vallée du Tonsus (Thrace)//Rev. archeol. 1901. № 11.
5. *Seure G., Degrand A.* Exploration de quelques sites de la Thrace//Bull. correspondance Hellénique. 1906. V. XXX.
6. *Попов Р.* Коджадерменската могила//Периодично списание. XXI-70. София, 1909.
7. *Попов Р.* Коджадерменската могила при гр. Шумен//Изв. Българск. археол. дружество. VI. София, 1918.
8. *Rosetti D. V.* Săpăturile de la Vidra. Raport preliminar sur les fouilles de Vidra//Publ. Muzelui Munteniei. I. 1934.
9. *Dimitrescu V.* Fouilles de Gumelnita//Dacia. Bucuresti, 1925. II.
10. *Тодорова Х.* Каменномедната епоха в България. София, 1986.
11. *Попов Р.* Принос към предисторията на България: могила Бакаджи при с. Салманово, Шуменски окръг//Периодично списание. XX-69. София, 1908.
12. *Попов Р.* Предисторическата Денева могила при Салманово//Изв. Българск. археол. дружество. IV. София, 1914.
13. *Чилингиров А. О.* Стъпални костни идоли от праисторическото селище в с. Султан, Поповско//Изв. Българск. археол. дружество. I. София, 1910.
14. *Tsountas Ch.* Dimini kai Sesclo. Athene, 1908.
15. *Wace A. J. B., Thompson M. S.* Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912.
16. *Radimsky W., Moernes M., Fiala F.* Die neolithische Station von Butmir. Tl. 1—2. Wien — Holzhausen, 1895—1898.
17. *Benac A.* Prehistorijsko naselje Nebo i problem butmirske kulture. Ljiblana, 1952.
18. *Butzureano Gr.* Notes sur Coucuteni et plusieurs autres stations de la Moldavie de nord//Congr. Internat. anthropol. et archeol. préhistoriques Comptes-rendus dixième sess. P., 1889.
19. *Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumanien. Berlin; Leipzig, 1932.
20. *Grbic M.* Bemalte Keramik aus Starčevo in Banater Donaugelände Jugoslawien//Ksiega Pamietkoi prof. V. Demetrikiewiczza. Poznań, 1930.
21. *Christescou V.* Les statons préhistoriques du lac de Bojan//Dacia. 1975. T. II.
22. *Tompa F.* Die Bandkeramik in Ungarn. Die Bukker und die Theisskultur//Archaeol. Hungarica. 1928. № 5—6.
23. *Tompa F.* A neolithikum Bodrogkeresztur//Archaeol. Ertesito. 1927. № 41.
24. *Vasić M.* Praistoriska Vinča. I—IV. Beograd, 1932—1936.
25. *Nestor J.* Zur Chronologie der Rumanischen Steinkupferzeit//Prahistorische Z. 1928. 19.
26. *Nestor J.* Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumanien//Ber. Romisch-German. Komis. Dtsch. Arch. Inst. Frankfurt/M. 1934. № 22.
27. *Миков В.* Предисторически селища и находки в България. София, 1933.
28. *Gaul J. H.* The Neolithic Period in Bulgaria//Bull. Amer. School Prehistoric Res. 1948. № 16. Old Lyme, Conn.
29. *Childe V. G.* Dawn of European Civilization. L., 1925. (1 Edit.).
30. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
31. *Georgiev G. I.* Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Sudbulgarien)//L'Europe a la fin de l'Age de la pierre. Praha, 1961.
32. *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода)//Проблемы абсолютного датирования. М., 1972.
33. *Breunig P.* 14-C-Chronologie des vorderasiatischen, sudost- und mitteleuropaischen Neolithikums. Köln; Wien; Bolau, 1987.
34. *Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. М., 1982.
35. *Збеневич В. Г.* Поселение Бернашовка на Днестре. Киев, 1980.
36. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений//МИА. 1949. № 10.
37. *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ//Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972.
38. *Тодорова Х.* Енеолитна архитектура в България//Изв. Българск. истор. дружество. XXX. София, 1976.
39. *Todorova H.* Die Kupferzeitliche Siedlungen in Nordostbulgarien//Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. 13. München, 1982.
40. *Археология Украинской ССР. Т. 1.* Киев, 1985.
41. *Зиньковский К. В.* Новые данные о реконструкции трипольских наземных жилищ//СА. 1973. № 1.
42. *Цвек Е. В.* Домостроительство и планировка трипольских поселений//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.

43. Черныш Е. К. Глинобитные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье//Новое в советской археологии. М., 1965.
44. Археологическая летопись Южной России. 1899. Т. 1.
45. Спицын А. А. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ.//ИАК. 1904. Вып. 12.
46. Штерн Э. Р. Доисторическая греческая культура на Юге России//Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе в 1905 г. Т. 1. М., 1906.
47. Титов В. С. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на Юге Средней Европы//КСИА. 1984. Вып. 180.
48. Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э. в Циркумпонтийской зоне//Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
49. Todorova H. Kulturblocke und Kulturkomplexe im Neolithikum und in der Kupferzeit auf der Balkan Halbinsel//Paleobalkanska plemena izmedu Jardanscog i Crnog mora od eneolita do helenističkog doba. Sarajevo; Beograd, 1991.
50. Nicolov V. Das Flusstal der Struma an der frunelithischen Strasse von Anatolien nach Mitteleuropa//Die ersten Bauern. B. 2. Zurich, 1990.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

Т. Н. ДМИТРИЕВА

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

За последние два-три десятилетия усилился интерес к палеолитическому искусству и появились новые подходы к его изучению. В первой половине XX в. «понять» палеолитическое искусство означало для всех примерно одно: это значило соотнести его с какой-либо идеологической системой, известной у ныне живущих первобытных людей, — магией, тотемизмом, культом предков или культом плодородия и т. п. Сейчас вопросы к материалу более разнообразны. М. Конки датирует это «сейчас» начиная с 60-х годов, когда возникает новый «дух времени», которому «было предназначено произвести драматический эффект на все изучение палеолитического искусства» [1, с. 22]. Как она отмечает, к этому привели такие тенденции в научной мысли, как развитие структурализма (в лингвистике и экспансии его в другие науки), оживление этнографического изучения первобытного искусства и символического поведения, новые интерпретации образа жизни охотников и собирателей [1, с. 22]. Значительно усилилось внимание к чисто источниковедческим задачам: географическое и топографическое изучение, связь с особенностями ландшафта, животного мира и охотничьей добычи; внимание к особенностям композиции; взаимосвязь изображения и той поверхности, на которой оно сделано; способ нанесения изображения; идентификация автора; связь проявлений изобразительной деятельности с особенностями социальной структуры и хозяйства и многие другие внутренние корреляции как в пределах изобразительного массива, так и в пределах всей доступной по археологическим материалам культуры. При выходе на интерпретационный уровень вопросы, которые ставятся к материалу, стали тоже более многообразными. Для одних «понять» палеолитическое искусство — значит выяснить глубинные структуры ума, которые его породили; для других — выяснить, является ли искусство выражением какой-либо мифологической системы и если да, то какой; для третьих важно выяснить социальную функцию искусства, понять его как средство и выражение социальной адаптации и т. п. Ясно, что хотя источниковедческие и интерпретационные подходы взаимно обуславливают друг друга, они все же относительно независимы.

На мой взгляд, можно выделить несколько направлений, или подходов, к изучению палеолитического искусства: структурно-семиотический, «когнитивная археология» А. Маршака, нейропсихологический, социоэкономический. Попробую очертить каждый из них на отдельных примерах.

Структурно-семиотический подход. Для этого подхода характерно понимание исследуемого массива как знаковой системы. Эта мысль неявно лежит в основе исследований А. Ляминь-Ампрер и А. Леруа-Гурана. Освободить изучение палеолитического искусства от шор прямых этнографических параллелей и дать слово самому источнику — вот их задача. «... Начиная с верхнего палеолита открывается новый этап для человечества — графические изображения. Человек лошади и бизона оставил множество изображений, которые явились если не текстами, то, по крайней мере, остатками устной литературы, и с ними так и следует обращаться. Если кто-то хочет проследить речь палеолита, следует отказаться от искусственного жаргона, сложенного из австралийских, эскимосских слов или слов банту с европейским произношением. Таким образом мы потеряем много болтливости, но приобретем внятность и разумность» [2, с. 7, 8]. Таким образом, усомнившись в плодотворности и теоретической правильности прямой этнографической расшифровки настенного искусства, А. Ляминь-Ампрер и А. Леруа-Гуран поставили на первое место источниковедческие исследования, изучение сюжетов, их количественное распределение, связь с топографией пещеры. Эти исследования выявили внутреннюю упорядоченность пещерного изобразительного массива, которая позволила А. Леруа-Гу-

рану предположить за ней сложную мифологическую систему, в основе которой лежит противопоставленность мужского и женского начала [2, 3 и др.]. И хотя работы А. Леруа-Гурана подвергались критике как в методической, так и в интерпретационной части (см., например, [4]), они имеют огромное значение как первые и классические, положившие начало целому направлению. Но сейчас мы не будем на них останавливаться, так как они широко известны и обсуждались, в том числе и в литературе на русском языке [5, 6 и др.]. Рассмотрим некоторые работы, которые продолжают направление А. Леруа-Гурана.

По мнению Ж. Совэ, прогресс в исследованиях палеолитического искусства идет посредством углубления структурного анализа, основы которого заложил А. Леруа-Гуран [7, с. 4]. Подход Ж. и С. Совэ базируется на идее о том, что палеолитическое искусство представляет собой знаковую систему, своего рода язык. Они считают, что коллективная, связанная мысль структурировала расположение наскальных манифестаций в гrotтох и навесах [7, с. 4]. Подробное статистическое изучение с применением факторного анализа анималистических изображений и идеоморфов [8] было направлено на подтверждение этой исходной мысли. Были исследованы анималистические изображения в 54 французских и 26 испанских пещерах с точки зрения количества сюжетов, их взаимной встречаемости и способов связи друг с другом. Через 10 лет анализ был повторен на расширенном корпусе данных [7]. Как утверждают авторы, «большая часть пунктов, выделенных статистическим анализом, подтверждает, что мы имеем в наличии настоящую семиологическую систему. Каждая анималистическая тема должна быть рассмотрена как знак в сосюрровском смысле слова; она обладает собственным значением, определенным теми отношениями, которые она имеет с другими» [8, с. 349]. Но изучение взаимной встречаемости на уровне видов животных не исчерпывает всех возможностей проявления системы. «... Как и в языке, смысл фразы не является суммой смыслов слов — значение настенных изображений гrotто не должно сводиться к простому сложению символических значений изображенных животных» [8, с. 349]. Смысл целого появляется тогда, когда есть правила связи элементов между собой, т. е. синтаксис. Синтаксис, по мнению авторов, проявляется не только в конструкции панно, но также в их топографическом распределении.

Значение может иметь также морфологию элементов: каждая тема (вид животного) может проявляться в разных формах — полное животное, отдельно голова («протома»), туловище без головы, составная фигура и пр. Авторы обратили внимание на то, что эти морфологические вариации использовались древними художниками с определенным намерением. Так, на довольно крупных панно (где не стоит проблема нехватки места) могут встретиться животные, изображенные полностью, и другие, изображенные в разрезанном виде, например туловище без головы. Иногда огромная голова сопровождается целыми животными меньших размеров. Возможны и другие вариации.

Видимо, определенное смысловое значение должны иметь сочетание в одном рисунке двух и более фигур, особенно когда одно и то же сочетание повторяется в различных местонахождениях. Например, сочетание целого животного и «протомы», когда голова как бы выходит из задней части целого животного или противопоставлена голове целого по принципу двуликого Януса [8, с. 350]. Не менее ярким в этом смысле оказывается еще один тип сочетания — «сплавление» разных видов, например лошадь с бизоньим рогом из Комбарелль, медведь с бизоньим хвостом из пещеры Трех Братьев и гибридное существо из той же пещеры.

Ж. и С. Совэ вслед за А. Леруа-Гураном считают, что в наскальном искусстве палеолита можно выделить намеренную пространственную организацию сюжетов, т. е. композицию, а также — последний аспект в поисках синтаксических правил — можно показать неслучайность отношений между изображениями и самой пещерой.

В результате своих анализов авторы приходят к выводу, что пещерная живопись является системой значений, языком, который служит для установления коммуникации между людьми посредством иного канала, чем обычная речь. Они задают вопрос: какого рода сообщения эта система коммуникации предназначена передавать? Присоединяясь к уже высказанной рядом исследователей точке зрения и в соответствии с результатами этнографического изучения наскального искусства современных бесписьменных народов, Ж. и С. Совэ связывают наскальное искусство палеолита с мифологией. «Миф и настенное искусство, используя разные средства, отвечают одной цели. (...) Возможно, что видимые изображения лучше годятся, чем слова, для необходимого эзотеризма и раскрытия священного, содержащегося в мифе» [8, с. 352]. Однако, пытаясь дать более конкретную интерпретацию изображений как выражения универсальных структур мышления, по Леви-Стросу, авторы осознают, что попадают на зыбкую почву, «где воображение рискует дополнить бедность установленных фактов» [8, с. 353].

Итак, представив настенное искусство как систему коммуникации и соотнеся ее с чувством священного, Ж. и С. Совэ приходят к выводу, аналогичному мнению А. Леруа-Гурана, что настенное искусство и рассказ мифа являются двумя аспектами одной идеи: настенное искусство является формой записи мифа, мифографией.

Другие французские исследователи, придерживающиеся методических и теоретических взглядов А. Леруа-Гурана, также концентрируют свое внимание на наблюдаемых вариациях и сходствах в пределах целостного изобразительного массива, ограниченного хронологически или территориально. Исследования Д. Виалю в Арьеже показали, что широкая паттернизация, установленная А. Леруа-Гураном, есть, видимо, результат общих социоэкономических реалий, но сходство между пещерами относительно редко. Он назвал эти сходные по символической структуре пещеры «символическими парами» и утверждал, что они выделяются на основании строгого изучения фигуративных и абстрактных изображений и их комбинаций (см. [9, с. 78]). М. Лорбланше [10, цит. по: 9, с. 78] исследовал региональную вариативность и региональный стиль посредством анализа стилистических деталей, тенденций к разным уровням абстракции или реализма и повторяющихся композиционных принципов.

Также осознанно-структурным, но по ряду существенных моментов иным, чем изложенные, является подход американской исследовательницы М. Конки [11]. А. Леруа-Гуран и его последователи искали систематичность, регулярность во всем изобразительном массиве наскального искусства палеолита, считая его единым и соответственно беря его как целое. Соответственно за структурой сюжетов, за регулярностью изобразительного массива, взятого в целом, виделась единая в общих чертах мифологическая система, в основе которой предполагалась противоположность женского и мужского начал, выраженная разными способами [2, с. 85, 86]. Но сейчас многие исследователи склонны к дифференцированному подходу: «... никакое единое объяснение не будет достаточным для объяснения всех аспектов искусства, которое имеет широкое разнообразие форм и длилось тысячи лет» [12, с. 125]; «нельзя объяснять все искусство за 20 000 лет как единое» [1, с. 24]; «пространственно-временная растяженность, различие средств, контекстов делает монолитный подход ошибочным» [1, с. 121].

Поэтому объект анализа у М. Конки иной, чем у А. Леруа-Гурана. Она рассматривает структурные отношения в пределах каждого отдельного изображения, в том числе отношения между изображенным сюжетом и той поверхностью, на которой он сделан. Структурный метод А. Леруа-Гурана, пишет М. Конки, основан на различиях мужского и женского начал, топографической дифференциации внутри пещеры и т. п. Сама же она считает, что структура палеолитического искусства проистекает и основывается на сходствах, на непрерывности [11, с. 121]. Автор исходит из того, что в основе всех сфер человеческого поведения лежат глубинные структуры, причем матрицу для воплощения в обыденной жизни образуют культурные и когнитивные структуры. Поэтому «неудивительно открыть, что структурные резонансы, соответствия могут быть получены в разных доменах культурного поведения, хотя артикуляция этих соответствий и их частные манифестации, естественно, различны. Есть и несоответствия, нерезонирующие структуры» [11, с. 117]. Структурные соответствия могут наблюдаться в пределах одной культуры и в особенностях орудий труда, технологической системы, планировки поселения и пр. — все это, как предполагается, является формами выражения глубинных культурных и когнитивных матриц. Не менее ясно должны эти матрицы выражаться в изобразительном искусстве. М. Конки хочет понять доисторическую жизнь в целом и считает, что искусство — особенно приемлемая база данных для этого. У человека современного вида «есть потребность устанавливать прерывности в природе и культуре для того, чтобы сегментировать и организовывать опыт, как и потребность в усреднении, снятии (медиации) этих прерывностей. В основе их лежат структурные принципы, и, видимо, у всех них есть единый, фундаментальный источник. Возможно, что в палеолитических формах искусства мы можем найти хотя бы эти фундаментальные принципы, если не их выработку» [11, с. 117, 118].

М. Конки поставила себе цель через анализ структуры форм предметов палеолитического искусства выйти на интерпретацию (понимание) восприятия доисторическим человеком пространства и времени. «Мы можем вывести ряд признаков или черт использования пространства теми, кто произвел палеолитическое искусство. Эти признаки, видимо, могут повлечь за собой то, что может быть структурными частями операциональных и, возможно, концептуальных систем, подстилающих искусство» [11, с. 121].

Особенностями изобразительной системы палеолита, по М. Конки, являются следующие черты. Во-первых, это высокая степень изобразительности — «иконичности», которая есть ведущий принцип, подстилающий все верхнепалеолитическое искусство, и, более того, базис для расцвета и развития

всех систем материальной культуры человека. Образ (icon) есть знак, который означает посредством разделения свойств того, что он означает [11, с. 118]. Важно внешнее сходство, подражание, прямое соответствие того, что изображается, в изображенном. Во-вторых — и как следствие высокой степени иконичности, — это отсутствие дифференциации уровней в пределах произведения искусства — уровня средства (стена, артефакт и пр.) и уровня изображения (рисунка, декорации). Имеет место «иконическая конгруэнтность» — «иконическое соответствие» между изображением и материалом, на котором или из которого оно сделано. Примеры таких соответствий многочисленны (лошадь из Пеш-Мерль, бизоны плафона Альтамиры и многое другое как в пещерах, так и в мобильном искусстве).

Далее, поразительным является также отсутствие поля рисунка, рамок, кадрировки. «Изображаемое пространство почти никогда не ограничено, и явные линии земли редки. Если параметры рисунка вообще заданы, то обычно — формой кости, артефакта или морфологией стены» [1, с. 21]. Выделение зон орнаментации, как на керамике, отсутствует на палеолитических орудиях, и даже натуральные границы, подсказанные краями артефакта, часто не учитываются, и рисунок часто как бы «переливается через» или окружает артефакт [11, с. 121].

Автор считает, что отношение между полем и рисунком — это важнейший показатель восприятия пространства создателями искусства. Разные варианты такого отношения могут быть представлены в виде континуума, на одном конце которого — неограниченный, «плывущий» рисунок; затем, образ, изоморфный медиуму; далее, образ, обведенный границей, повторяющей его форму, и, наконец, рисунок, заключенный в жесткую раму, граница предшествует рисунку, предопределяет его. На открытом конце этого континуума — палеолитическое искусство. Рисунок не отделен от окружающего поля, он тесно связан со средством, медиумом — изображение или «тонет», или «возникает» из материала. Эта неотделенность образа от поля, неразграничение уровней — уровня рисунка и уровня медиума — ведет к суперпозициям, наложениям, повторениям, что очень распространено в искусстве палеолита [11, с. 121]. «Соблазнительно думать, — пишет М. Конки, — что именно аспекты непрерывности — между средством и сообщением, между признаками натурального и культурного мира — лежат в основе деятельности верхнепалеолитических людей, если вообще не являются источниками значения для них» [11, с. 122].

При отсутствии ограниченности рисунка теряются некоторые свойства отношений между образами: выше/ниже, горизонтально/вертикально, направление движения, горизонтальная / вертикальная связь композиции. Такие особенности изобразительной системы палеолита интерпретируются М. Конки как аспект вневременности изображений, а отсутствие границ, рамок рисунка усиливает аспект непрерывности.

Само расположение рисунков в труднодоступных местах, в местах, которые нам кажутся удивительными и странными, где рисунки могут быть увидены из неестественных положений наблюдателя (припав к земле, стоя вверх ногами, из-за угла, через щель и пр.), как бы добавляет смысл «в другом месте», «не здесь» структурным принципам рисунка, которые также воплощают непрерывность, относительную безвременность и постоянство [11, с. 124].

Итак, анализ структуры палеолитических изображений, особенности изобразительной системы палеолита привели М. Конки к мысли о том, что в них выражаются особенности восприятия и мыслительной системы доисторических людей — непрерывность, отсутствие четких границ и противопоставлений, вневременность. С одной стороны, эти выводы согласуются с выделенными еще Л. Леви-Брюлем особенностями архаического мышления — текучести и недифференцированности, отсутствием резких границ между тем, что мы воспринимаем как противоположности. Подход М. Конки — это еще одна попытка «дать слово самим источникам», попытка максимально снять нашу современную систему восприятия, не навязывать рамок, границ и определенности там, где их нет, увидеть палеолитические рисунки такими, как они были задуманы. Несмотря на явную склонность автора к структурализму К. Леви-Строса, который предполагает четкую дискретность оппозиций, результаты анализа в ее интерпретации показали непрерывность, отсутствие границ. С другой стороны, возможна критика автора как по линии строгости анализа, поскольку выводы очень глобальны и существенны, так и по линии интерпретации. В части процедурной вызывает некоторое неудобство то, что провозглашенный самим автором принцип дифференцированного подхода (к наскальному искусству, с одной стороны, и к искусству малых форм — с другой, и т. п.) здесь не соблюдается. Далеко не все искусство в пещерах находится в местах, «предполагающих деятельность в состоянии лиминальности»¹. Видимо, здесь, как и в других сферах, нужен полный анализ всего

¹ Лиминальность — это «пороговое», промежуточное состояние человека в ритуале перехода, когда он уже лишился своего прежнего статуса, но еще не приобрел новый [13, с. 168 сл.].

изобразительного массива для того, чтобы выводы не вызывали вопросов. В части интерпретационной самое интересное то, что те же данные (об иконической конгруэнтности, например) могут допускать и иное истолкование. Автор считает, что нет различия между средством и сообщением, сырьевой материал и образ нераздельны. Возможно, это так, но что мешает те же факты воспринимать как доминирование образа, подавляющего, идущего наперекор материалу в одних случаях, или узнавание образа в материале — в других? «Плывущие» фигуры, перекрывающие друг друга рисунки — разве это не доминирование образа над средством его воплощения?

«Когнитивная археология» А. Маршака. Попыткой проникнуть в мыслительную систему палеолитических людей является также подход А. Маршака, который В. Р. Кабо назвал «когнитивной археологией» [14, с. 9], так как автор во многих работах пытается связать деятельность и развитие мозга первобытного человека, развитие языка и мышления с дошедшими до нас результатами этой деятельности в виде орудий труда, но главным образом — в виде произведений искусства. В его задачу относительно произведений искусства входит попытка «установить мыслительную, концептуальную систему, в которой функционируют образы, и те персональные или культурные стратегии или модели, которые были включены в изготовление или использование образа» [15, с. 287]. Метод достижения этого — при изучении древних изображений, произведений искусства не пытаться видеть то, что видит современный глаз, или то, о чем пишут историки культуры. Необходим интенсивный внутренний анализ символов, изучение способа, которым они сделаны, — это дает, по мнению А. Маршака, больше информации, чем воспринимаемый нами образ или композиция. Он интересуется мыслительными процессами, которые включены в производство образа, последовательностью «делания» образа, т. е. последовательностью аккумуляции образа на поверхности [15, с. 287]. Для этой цели он использует микроскопический анализ изображений, как правило, относящихся к искусству малых форм.

Так, А. Маршак применил этот анализ для выявления особенностей нанесения гравированных меток на костяных пластинках из двух ориньякских памятников Франции — Абри Лартэ и Абри Бланшар. Изучив под микроскопом гравировки на этих пластинках, он пришел к выводу, что они имеют разную форму, следовательно, они делались разными орудиями, а это значит, что их наносили в течение длительного времени.

Пластинки с гравированными метками имеют небольшие размеры. Если бы они использовались как орудия, то скорее всего орнамент был бы нанесен сразу и одним орудием. Поскольку это не так, можно предположить, что метки представляют собой фиксацию каких-то событий. А. Маршак на основе подсчетов всех гравированных следов на разных объектах пришел к выводу о том, что это фиксация появления Луны на небе и разных ее фаз и что гравированные линии и выемки соответствуют порядку месячного цикла Луны, т. е. костяные пластинки есть не что иное, как лунный календарь.

Придя к выводу о значимости временного фактора в жизни палеолитических людей и о существовании временной упорядоченности (сезонности) их жизни, А. Маршак продолжил поиск следов этой упорядоченности. Он предположил, что сезонные смены флоры и фауны имели столь большое влияние на палеолитических людей, что можно ожидать отражения этих смен в их искусстве. И он нашел подтверждение этому и в искусстве малых форм, и в искусстве наскальном. На «железе начальника» из Монгодье (Шаранта) изображена серия животных: рыба, два тюленя, две змеи, голова каменного барана, а также растительные формы и другое. Набор изображенных видов и пол животных (рыба — самец лосося) свидетельствуют об определенном времени года, когда эти животные появляются в районе Шаранты, а именно конец зимы — начало лета. Таким образом «желез начальника» с этими изображениями может быть связан не с охотничьей магией, а с определенной формой сезонного ритуала [16; 17, с. 3—6].

А. Маршак, изучив настенную живопись и гравировки в разных пещерах, также пришел к выводу о том, что разные части рисунка в пределах одного и того же панно или даже сюжета могли быть сделаны последовательно, в течение длительного времени. То есть и здесь могла быть отражена сезонность, временная организованность палеолитического искусства.

А. Маршак попытался также расшифровать такие загадочные изображения, как меандры или «макароны». Он связывает их с образом змеи — воды — дождя — реки. Такая связь наблюдается очень широко в европейском неолите, в Древнем Египте, в традиционном искусстве различных ныне живущих народов, и, по его мнению, это не диффузия образа, а результат сходных когнитивных процессов. Он считает также, что изображение воды, реки в виде меандра — это не «топографическое» изображение, а скорее иконографический акт соучастия, партиципации, в котором символ воды или

мифология воды играла роль. Это могло быть и изображение процесса, последовательности, отношения в мифологическом рассказе [15, с. 315].

Что касается открытия А. Маршаком системы меток, интерпретируемых как лунные календари, то открытие это встретило разное отношение, в том числе вполне обоснованную критику. Ядром аргументации Маршака о календарном значении меток было его утверждение о последовательном использовании разных орудий, что выявлено им посредством микроскопического анализа. М. Лорбланше [18 по 15] проанализировал под микроскопом гравировки из грота Сан-Элали (Ло). Эти гравировки были сделаны разными типами линий — разными по глубине, профилю и т. д. Различия такого рода интерпретировались А. Маршаком как следы разных орудий. Но экспериментальные данные Лорбланше показали, что возможна другая интерпретация, а именно то, что орудия изнашивались в процессе работы и их приходилось либо менять, либо подправлять, так что различия следов, замеченные Маршаком, не обязательно формировались в длительный, растянутый период времени. К такому же выводу пришел Фр. д'Эррико на основании изучения камней с гравировками [19].

Ценным в подходе А. Маршака является то, что он рассматривает производство графических символов как часть более комплексной системы, в которую с необходимостью должен входить язык. Язык нужен для порождения и поддержания символической системы. «Именно лингвистическое объяснение очерчивает и описывает когнитивные последовательные процессы, стратегии. Именно только после таких объяснений система меандров может быть увидена. Не визуальное распознавание устанавливает иконографические или символическое значение образа, но словесный компонент» [15, с. 300].

Идея о необходимости словесного языка для придания значения символическим артефактам² вместе с наличием следов символической деятельности в более раннее, чем верхний палеолит, время заставляет Маршака заняться вопросом происхождения языка. Возникновение звукового языка, как он считает, произошло не в контексте охоты или изготовления орудий, а в культурном контексте в целом [20, с. 280]. При этом он затрагивает вопросы, касающиеся изменений в структуре человеческого мозга, в частности возникновения его функциональной асимметрии.

Нейропсихологический подход. Попытки объяснения форм палеолитического искусства особенностями работы головного мозга и нервной системы человека делались в последнее время исследователями, основной сферой деятельности которых является изучение наскального искусства традиционных обществ: Р. Беднарик [21; по 22], занимающийся австралийскими петроглифами, писал, что, поскольку некоторые особенности зрительной системы филогенетически долговечны, они являются нашим главным средством познания палеолитического ума. Д. Льюис-Вильямс и Т. Доусон, исследующие наскальное искусство бушменов, также развивают идеи о связи наскальных изображений с явлениями «внутреннего зрения» и галлюцинациями, возникающими как в нормальных, так и в измененных состояниях сознания.

Д. Льюис-Вильямс и Т. Доусон [23] как основной массив данных, требующих объяснения, взяли палеолитические знаки. Как и многие другие, эти исследователи настроены скептически в отношении традиционных методов раскрытия значения — прямые этнографические аналогии, с одной стороны, и, с другой стороны, попытки открыть внутренний порядок в самом материале и индуцировать значение из статистически выделенных схем. Последний подход встречает препятствия при переходе к индукции значения, поскольку значение не зависит от формы означающего. Льюис-Вильямс и Доусон пытаются избежать и того и другого тупика. А именно: они предлагают нейропсихологическое объяснение форм некоторых палеолитических изображений, как они пишут, «нейропсихологический мост может достичь некоторых успехов в верхнем палеолите».

Как и некоторые другие авторы (В. Р. Кабо, П. Бэн), Льюис-Вильямс и Доусон ищут универсалии, т. е. как бы общие знаменатели, вневременные константы, которые объединили бы все возможные проявления человеческой культуры.

Одной из таких констант, по их мнению, является организация нервной системы человека. Что же касается некоторых измененных форм восприятия, галлюцинаций, то в последнее время получены данные о том, что они свойственны не только человеку, но и вообще млекопитающим. Есть экспериментальные данные по кошкам, собакам, шимпанзе, бабуинам, мартышкам и пр. Естественно,

² Производственная деятельность требует научения и определенной мыслительной способности, но не требует с необходимостью комплексного использования языка. Символические артефакты, с другой стороны, не могут быть оценены или объяснены по их использованию в естественном или феноменологическом мире, даже если они происходят из реального мира или направлены на него. Они жизнеспособны только в искусственной среде, в культурном контексте [20, с. 279, 280].

авторы понимают, что содержание образности, воображения связано с культурным контекстом, и поэтому они стараются вычленил ту часть, которая подотчетна только нервной системе [23, с. 202].

В определенных условиях наша зрительная система вырабатывает ряд светящихся перцептов, независимых от света из внешних источников. Лабораторные исследования показали, что эти перцепты имеют определенную геометрическую форму: решетки, зигзаги, точки, спирали, цепи. Все они переживаются как раскаленные, движущиеся, крутящиеся, иногда расширяющиеся, переходящие друг в друга. Они происходят из свойств самой нервной системы, поэтому не зависят от культурных основ того или иного человека. Эти явления называются «энтоптическими» (греч. «внутреннее зрение»). Они возникают в самом глазу и в зрительной системе за глазом и отличаются от галлюцинаций, которые не имеют оснований в структуре зрительной системы и включают культурно контролируемые иконические образы.

Льюис-Вильямс и Доусон предположили, что палеолитические знаки, встречающиеся на стенах пещер и на предметах мелкой пластики, могут быть фиксацией этих энтоптических явлений.

Проверка гипотезы заключалась в следующем. На основе лабораторных данных об измененных состояниях сознания (с использованием мескалина и ЛСД) была построена нейропсихологическая модель.

Эта модель была проверена на изобразительных системах разных народов, разделенных пространством (разные континенты), что исключает культурные влияния: бушмены Сан в Южной Африке и индейцы Косо в Калифорнии.

Искусство Сан ныне признано как шаманистское, связанное с измененным состоянием сознания, вхождением в транс. Художники Сан рисовали и сам танец, во время которого входили в транс, и символы сверхъестественной мощи, и переживаемые галлюцинации, и энтоптические явления. Видимо, рисовали они не в трансе, а после, по памяти.

Искусство Косо также признано как шаманистское. «Доктора рисуют своих духов на скалах, чтобы их показать, позволить людям видеть, что они делают».

И у Сан, и у Косо присутствуют все разновидности форм энтоптиков. Эти же формы имеют место и в верхнепалеолитическом европейском искусстве. Но они не включают определенную и довольно значительную часть палеолитических знаков: клавиформы, тектиформы, копьевидные формы.

В искусстве Сан, Косо и верхнепалеолитическом прослеживаются также отражения трех последовательных стадий измененных состояний сознания. После видения энтоптиков наступает стадия, когда человек пытается угадать смысл ментальных образов. Это угадывание ограничено культурной традицией — человек видит то, что ждет и хочет видеть. Иногда нужна очень небольшая манипуляция образом, чтобы довести его до иконического содержания: у Сан зигзаг превращается в ушастую змею, пятна вокруг танцора воспринимаются как переполнение шамана сверхъестественной силой. В финальной стадии транса иконические элементы скорее являются спонтанными, чем интерпретируемыми.

Если к первой стадии измененных состояний сознания авторы относят некоторые типы палеолитических знаков, то ко второй стадии — стадии истолкования — они относят анималистические изображения с элементами, кажущимися им энтоптической основой, например каменный баран из Нио с преувеличенно изогнутыми рогами, имеющими зигзагообразный внешний край, или мамонты из Руффиньяка с огромными дугами бивней. К третьей стадии они относят комбинацию энтоптика с животным, например бизона из точек в Марсулас. Сюда же относят комбинированные изображения, антропоморфов, считая их именно персонажами галлюцинаций, а не замаскированными людьми.

Итак, по мнению Льюис-Вильямса и Доусона, по крайней мере часть верхнепалеолитического изобразительного массива может быть связана с измененными состояниями сознания и шаманизмом. Приняв это допущение как истинное, они делают далеко идущие выводы, например объясняют не только местоположение изображений в труднодоступных местах пещер — потому что там, при ограниченности внешних чувственных восприятий, облегчается вхождение в транс, — но и само происхождение искусства. Вопрос о происхождении они формулируют следующим образом: как люди пришли к тому, что двумерные знаки могут изображать трехмерные объекты? И отвечают на него так: энтоптики и галлюцинации кажутся локализованными на плоскостях стен и потолка. Наверняка люди делали попытки как-то их закрепить, например прослеживали пальцем на песке или на мягкой стене пещеры, чтобы воспринять их более полно, — это и было первым шагом в истории искусства.

Идеи Д. Льюис-Вильямса и Т. Доусона интересны. Возможно, что при более строгом методе исследования: если будут предложены критерии проверки гипотезы относительно верхнепалеолитического

материала, если будут предложены критерии, позволяющие ограничить массив материала, отражающего именно энтоптические явления и состояние транса, т. е. сказать, что и почему не является отражением этих явлений и состояний (одно из наиболее существенных возражений, которое было высказано в обсуждении рассматриваемой статьи Р. Лейтоном [24]), — эти идеи могут оказаться плодотворными для понимания палеолитических знаков.

Как уже говорилось, сейчас усилилось внимание к психофизиологии, к работе нервной системы человека, особенности которой обуславливают особенности человеческой культуры. В статье Уитни Дэвиса «Происхождение делания образов» [25] рассматриваются психофизиологические основы зрительного восприятия и осознания линии контура как изображения. Автор считает, что производство образов «может быть логически выведено из простых и архаических процессов восприятия и мышления» [25, с. 193]. Он считает, что производство образов возникло из открытия изобразительной способности линий, меток, пятен краски, которые сами по себе не всегда и не обязательно имели цель что-то изобразить. Линии, цветовые пятна являются намного более древними в человеческой истории, чем производство образов, возникшее в ориньяке. Автор отталкивается от идей Э. Гомбриха, считавшего, что «образы возникли, когда человек приписал семантику природным формам — таким, как трещины на старой стене». И в доистории «форма животного была открыта в скале» [26, с. 107—109, цит. по: 25, с. 199]. «Проекции были скопированы, сверены с реальностью и инкорпорированы в художественные традиции» [25, с. 199]. То есть Э. Гомбрих объясняет возникновение изображений с позиций, описанных у А. Д. Столяра как «гипотеза простого этапа» или «подсказка природы». У. Дэвис считает этот подход в целом неприемлемым из-за его «идеалистичности», поскольку предполагается, что у человека в мозгу уже есть образы, изображения, которые он проецирует на внешнюю поверхность, мозг находит формы для уже готовых значений. По Э. Гомбриху, ум воспринимает объекты, природные или сделанные человеком, как образы и находит средства для обозначения этого восприятия. У. Дэвис утверждает, что это не решение проблемы, поскольку оно тавтологично: производство образов — это то, что ум современного человека способен производить. Дэвис считает, что «полезно перевернуть стандартное идеалистическое утверждение: объекты не являются видимыми как образы: скорее образы являются видимыми как объекты» [25, с. 199]. Для распознавания, восприятия образа как вещи нужны, во-первых, способность воспринимать сходство и тождество между двумя метками (marks) или двумя объектами, что существовало уже длительное время и было свойственно всем приматам (стереоскопическое зрение), — история изготовления орудий, сходство и идентичность изготовленных человеком орудий подтверждает эту способность. Во-вторых, нужна практика производства искусственных меток — линий, цветовых пятен — опыт такого рода был накоплен, видимо, в достаточном количестве в доориньякское время. «Вероятность видения меток как объектов — marks as things — варьирует сильно с количеством доступных меток. Чем больше делать меток, тем более вероятно, что сделаешь такую, которую вы или кто-либо примет за вещь. Это наблюдение следует непосредственно связать с физикой света и визуальным восприятием. Визуальное восприятие имеет уровень неопределенности, двойственности; особенно двусмысленно передается информация о гранях и глубинах. Если метка, линия „увидена как“ вещь, то в обыденной жизни ошибка может быть исправлена перефокусировкой, движением головы. Хотя „иллюзия“ исчезает и двусмысленность разрешается, человек уже научается тому, что находящаяся рядом метка на поверхности может оказаться вместо отдаленной вещи или качества» [25, с. 201].

Автор подчеркивает, что он заинтересован только в исследовании формирования самого канала визуальной изобразительной информации и отделяет от него проблему семантики палеолитических изображений. «„Значение“ образов, — пишет он, — не может, по логике вещей, сказать нам что-либо об устройстве и происхождении образного канала как такового; „значение“ существует только внутри информационного канала. Сначала возник сам канал, а потом он наполнился информацией». Автор выступает против предсуществования значений или того, что организм «знает», что он изобразит, до того, как он способен изобразить это [25, с. 201].

Как видно, гипотеза Дэвиса имеет много общего с только что рассмотренной гипотезой Льюис-Вильямса и Доусона. Это общее заключается в том, что процесс формирования канала визуальной информации рассматривается отдельно от содержания этой информации. Канал восприятия зрительной, как и другой, информации обусловлен, с одной стороны, физикой среды, а с другой — особенностями нервной системы. Само по себе это тривиально. Льюис-Вильямс дает больше конкретизации, считая, что изображения связаны с измененными состояниями сознания. В любом случае попытки решить сложную проблему простыми средствами, сведя ее к действию какого-либо одного или двух факторов, не являются удовлетворительными. Об этом хорошо написал в другом месте сам Льюис-Вильямс:

«... что касается человеческого начала, как мне кажется, чем более сложно объяснение, тем более вероятно, что оно верно» [27, с. 9].

Одним из наиболее перспективных направлений изучения искусства палеолита является изучение его как одного из элементов социальной системы, изучение его в социоэкономическом контексте. Работы в этом направлении ведутся Р. Уайтом, М. Конки, К. Гэмблом и др. Оно наиболее удалено от непроверенных и непроверяемых гипотез и прочно коренится в фактологической почве. Здесь основной вопрос к предмету ставится не в плане смысла и мифологического соотнесения изображений, а в плане функциональном: какую роль изобразительная деятельность играла в социальной жизни палеолитических охотников и собирателей, каким образом формы этой деятельности коррелируются с другими проявлениями хозяйственной и социальной жизни?

Так, по мнению Р. Уайта [28], появление в раннем ориньяке Германии скульптуры с нанесенными на ней абстрактными знаками связано с возросшей способностью мыслить специфическими визуальными образами и включать их в систему социальной коммуникации, а появление индивидуальных украшений — с возникновением социальной стратификации.

К. Гэмбл рассматривает появление искусства, в частности женских статуэток [29, 30], как одно из выражений социальных изменений. С ухудшением природных условий начиная с 30 тыс. лет т. н. в жизни охотников-собирателей также должны были произойти перемены, а именно, видимо, группы их стали более открытыми и межгрупповые связи — более интенсивными. Это потребовало дополнительных средств кодирования и передачи информации, в том числе и визуальных средств, к которым относится стилистическое оформление материальной культуры и в особенности категорий неутилитарных предметов: украшений, произведений мелкой пластики, в частности женских статуэток, которые, как считает К. Гэмбл, были предназначены для общего показа (в противоположность пещерной живописи, доступной, по его мнению, лишь избранным) [29, с. 98].

М. Джохим [31] коррелирует ряд социальных и хозяйственных изменений, потребовавших большей мобильности и гибкости коммуникаций, с климатическими изменениями начиная с 25 тыс. лет т. н. Эти изменения отразились в появлении предметов портативного искусства и украшений, для символизации и усиления через их обмен широких линий коммуникации и аффилиации, и в выработке погребальной практики, включающей большие затраты энергии, говорящей о вовлечении больших групп и об определенном уровне ролевой дифференциации.

М. Конки [32, 33] считала, что палеолитическое искусство является связанным с ритуальной коммуникацией, которая в свою очередь вызвана к жизни возросшей сложностью социальной структуры охотников-собирателей. На основе анализа варибельности элементов и стилистических особенностей геометрических гравировок, встречающихся в кантабрийском мадлене, и их распределения в местонахождениях было высказано предположение в соотнесении этой варибельности с деятельностью различных социальных групп. Изучено поразительное разнообразие гравировок в Альтамире: многие элементы рисунков и принципы их организации известны только в ней и не встречаются ни в каких других стоянках раннего мадлена в регионе; с другой стороны, в Альтамире встречена уникальная комбинация элементов и принципов организации рисунков, которые можно найти среди других памятников. Такой тип разнообразия гравировок в Альтамире позволил предположить, что это — место агрегации, сезонного соединения групп охотников и собирателей (по модели вариаций численности коллективов охотников-собирателей в зависимости от сезона: в неблагоприятные периоды, когда пищи мало и она труднодоступна, коллектив разбивается на ряд малочисленных групп, а в сезоны, изобилующие пищей, группы сходятся, объединяются для совершения публичных церемоний и ритуалов).

М. Джохим [31] и П. Мелларс [34] заинтересованы проблемой необыкновенного пика пространственно-хронологического распределения искусства в мадленское время на юго-западе Европы — для объяснения этого явления они рассматривают искусство в связи с экологическим и демографическим контекстом. Вследствие ухудшения климата возрастает плотность населения в рефугиуме с относительно более мягкими колебаниями климата — в Юго-Западной Европе. Концентрации населения в этих местах соответствует появление большого количества декорированных пещер и гротов, которые, по мнению М. Джохима, могли быть «территориально базируемыми ритуальными местами как закрепление прав земельной собственности» [31, с. 217]. Хронологические и территориальные изменения стилей пещерного искусства, расположение и характер изображений, изменение количественных пропорций между пещерным и мобильным искусством к концу верхнего палеолита отражают изменения в социальных структурах и типах хозяйственной деятельности, изменения характера и плотности коммуникационных сетей коллективов охотников-собирателей того времени.

Такое рассмотрение палеолитического искусства во всех возможных его связях и отношениях — пространственных, хронологических, культурных, стилистических, хозяйственных, социальных, демографических — может послужить надежной базой для дальнейших попыток проникновения в его смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Conkey M. A Century of Palaeolithic Cave Art//Archaeology. 1981. V. 34. № 4.
2. Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire paléolithique. 3e ed. P.: Presses Univ. de France, 1976.
3. Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. P.: Mazenod, 1965.
4. Mora J. F. Animaux idéologiques dans l'art paleolithique//Prehistoire Ariègeoise. Bull. Soc. Prehistor. Ariège. 1982. T. XXXVII.
5. Леруа-Гуран А. Религии доистории//Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971.
6. Абрамова З. А. Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства)//Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972.
7. Sauvet G. La communication graphique paléolithique (De l'analyse quantitative d'un corpus de données à son interpretation semiologique)//Anthropologie. 1988. T. 92. № 1.
8. Sauvet G., Sauvet S. Fonction semiologique de l'art pariétal animalier franco-cantabrique//Bull. Soc. préhistor. français. 1979. T. 76. F. 10—12.
9. Frost R. Comment on J. Halverson//Current Anthropology. 1987. V. 28. № 1.
10. Lorblanchet M. L'art préhistorique en Quercy; La grotte des Escabasses (Thémines-Lot). Morlaas, Spain: Ed. P. G. P., 1974.
11. Conkey M. Boundedness in art and society//Symbolic and Structural Archaeology//Ed. Hodder I. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1982.
12. Bahn P. Water mythology and the distribution of paleolithic parietal art//Proc. Prehistor. Soc. 1978. V. 44.
13. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
14. Кабо В. Р. Реконструкция древних верований: проблемы методологии//Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель». Тез. докладов. Л., 1990.
15. Marshack A. The meander as a system: the analysis and recognition of iconographic units in Upper Palaeolithic compositions//Form in indigenous art. Canberra, 1977.
16. Marshack A. The roots of civilisation: The cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. N. Y.: McCraw-Hill, 1972.
17. Holdaway S., Johnston S. Upper Palaeolithic Notation Systems in Prehistoric Europe//Expedition, 1989. V. 31. № 1.
18. Lorblanchet M. La Grotte de Sainte-Eulalie, Espagnac (Lot)//Gallia préhistoire. 1973. T. 16.
19. d'Errico F. Palaeolithic Lunar calendars: A case of wishful thinking?//Current Anthropology. 1989. V. 30. № 1.
20. Marshack A. Some implications of the Paleolithic symbolic evidence for the origin of language//Current Anthropology. 1976. V. 17. № 2.
21. Bednarik R. On the nature of psychograms//The Artefact. 1984. № 8.
22. Bednarik A. Comment on Lewis-Williams and Dowson//Current Anthropology. 1988. V. 29. № 2.
23. Lewis-Williams J., Dowson T. The signs of all times: Entoptic phenomena in Upper Palaeolithic art//Current Anthropology. 1988. V. 29. № 2.
24. Layton R. Comment on Lewis-Williams and Dowson//Current Anthropology. 1988. V. 29. № 2.
25. Davis W. The origin of image making//Current Anthropology. 1986. V. 27. № 3.
26. Gombrich E. Art and illusion. 2d ed. Princeton: Bollingen Series. 1961.
27. Lewis-Williams J. Comment on Halverson//Current Anthropology. 1987. V. 28. № 1.
28. Уайт П. Образное мышление в ледниковую эпоху//В мире науки, 1989. № 9.
29. Gamble C. Interaction and alliance in Palaeolithic society//Man, N. S. 1982. V. 17.
30. Gamble C. Culture and society in Upper Palaeolithic of Europe//Hunter-gatherer economy in Prehistory. A European perspective/Ed. Bailey G. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1983.
31. Jochim M. Palaeolithic cave art in ecological perspective//Hunter-gatherer economy in Prehistory. A European perspective/Ed. Bailey J. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1983.
32. Conkey M. The identification of prehistoric hunter-gatherer aggregation sites: the case of Altamira//Current Anthropology. 1980. V. 21. № 5.
33. Conkey M. Ritual communication, social elaboration and the variable trajectories of Palaeolithic material culture//Prehistoric Hunter-gatherers. The emergence of cultural complexity. Acad. Press, 1985.
34. Mellars P. The ecological basis of social complexity in the Upper Palaeolithic of Southwestern France//Prehistoric Hunter-gatherers. The emergence of cultural complexity. Acad. Press, 1985.

Государственный музей истории религии,
Санкт-Петербург

Рецензируемая книга является итогом многолетнего изучения автором археологических памятников на территории Марий Эл, относящихся к кругу нео- и энеолитических культур лесной зоны Восточной Европы с пористой керамикой и обоснованно выделяемых им в средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности.

Книга построена по традиционной схеме. В кратком (в полстраницы) введении определяются основные задачи исследования, затем идет история изучения памятников указанного региона и изложение основных точек зрения на проблему происхождения волосовской общности, далее дается характеристика материальной культуры и ее периодизация, рассматриваются вопросы, связанные с мировоззрением населения середины III — начала II тыс. до н. э., и этническая история края в древности. Завершается книга кратким заключением и блоком из 65 таблиц графических иллюстраций.

Не пересказывая содержание исследования, в основу которого положены многочисленные публикации автора в периферийных сборниках, главным образом в «Археологии и этнографии Марийского края» (и уже знакомые специалистам), остановлюсь на некоторых узловых моментах монографии. Центральное место в ней уделено проблемам периодизации материальной культуры. В Марийском Поволжье на сей день отсутствуют хорошо стратифицированные памятники и серии радиоуглеродных датировок, поэтому основу периодизации составляет типология керамики, отчасти каменный инвентарь и изделия из металла. Автором подробно и вместе с тем лаконично, без лишних описаний рассмотрены керамические комплексы большинства опорных стоянок, проведен их сравнительный анализ и сопоставление с материалами синхронных поселений сопредельных территорий. В результате этой скрупулезной работы выделено четыре этапа: ранний, развитый, поздний и завершающий. Столь дробная периодизация выглядит чересчур громоздко и отражает скорее не основные фазы развития культуры, а схему эволюции керамической посуды. Так, если формальные различия между керамикой первого и второго этапов, с одной стороны, и третьего и четвертого — с другой, достаточно четкие, то между вторым и третьим этапами они носят явно количественный характер («больше — меньше» плоскостной посуды, разреженных орнаментальных композиций, использования того или иного элемента орнамента и т. п.). То же можно сказать и о данных металлообработки. По моему мнению, было бы более оправдано трехчленное деление (в котором объединены второй и третий этапы). В этом случае периодизация получает внутреннюю логику, где каждый из периодов обладает определенной динамикой и отражает качественные изменения культуры: первый период — развитие ее в сугубо неолитических традициях; второй — изменение облика материальной культуры (главным образом форм керамической посуды), возникновение и развитие примитивной металлообработки меди; третий, завершающий — утрата самостоятельного развития культуры и ее интеграция как одного из компонентов в качественно новое культурное образование, относящееся уже к эпохе бронзы.

Датировка этапов и всей культуры в целом построена на аналогиях с соседних территорий и ограничивается серединой III — началом II тыс. до н. э. Правда, в осторожной форме допускается, что начало ее формирования «возможно отодвинуть к первой половине III тыс. до н. э.» (с. 68). Если финал культуры установлен более-менее точно на основании совместного залегания пористой и балановской посуды на ряде поселений в жилищных котлованах, один из которых на стоянке Удельный Шумец VII датирован по древесному углю 3710 ± 30 (КИ-3149) л. н., то хронология начальных этапов в какой-то мере условна и требует дальнейшего уточнения, особенно с помощью независимых естественнонаучных методов датирования.

Вопрос происхождения средневожского варианта, как и всей волосовской культурно-исторической общности, наиболее сложный и противоречивый. В. В. Никитин считает, что культура пористой керамики Марийского Поволжья автохтонна и являет собой прямое продолжение развития финально-неолитического культурного образования с особой гребенчато-ямочной керамикой красноостовского типа. К сожалению, в книге характеристика этих материалов, даже краткая, отсутствует; о них можно судить только по шести таблицам схем композиций орнамента и реконструкций форм сосудов, названных в подрисовочных подписях протоважскими (рис. 36—41). В свою очередь, образование красноостовского керамического типа он видит в частичном смешении волго-камской (гребенчатой)

и балахнинской культур, где первая являлась доминантой. Другими словами, В. В. Никитин, работая с местными материалами, приходит к той же схеме механизма автохтонного образования культур пористой керамики, согласно которой Д. А. Крайнов объясняет происхождение волосова в Волго-Окском междуречье, археологи Балтии — культур типа Пиестиня и Тамула, А. Виккула — возникновение керамического комплекса стиля Пюхеенсилта в Финляндии и т. д. Подобное совпадение взглядов на происхождение «волосовского феномена», однако, еще не означает, что проблема решена окончательно. Остается пока много вопросов, которые с помощью предложенной схемы трудноразрешимы. Скорее всего, это означает предел наших возможностей в понимании и интерпретации массива археологических материалов; дальнейшее решение проблемы, очевидно, должно будет строиться на качественно новом уровне источниковедческой базы и методики.

Касаясь хозяйства древнего населения, В. В. Никитин справедливо отмечает его комплексный характер — охота, рыболовство и собирательство, о чем свидетельствует многочисленный и разнообразный каменный инвентарь, отпечатки ячеек рыболовных сетей на керамике и плохо сохраняющийся в песчаном грунте остеологический материал. Кроме того, автор предполагает, что «в это время предпринимались какие-то попытки одомашнивания лося» (с. 40) и «зародилось примитивное земледелие» (с. 43). Находки редких костей молодых лосей в возрасте от 1 до 5 лет в культурных слоях стоянок и ссылки на совместные изображения человека и лосей на наскальных рисунках Карелии, Урала, Сибири и Дальнего Востока вряд ли могут рассматриваться в качестве серьезных аргументов в пользу первого предположения.

Прямые доказательства второго предположения — находки зерен культурных злаков на энеолитических поселениях Марийского Поволжья — отсутствуют. Косвенными же свидетельствами, по мнению автора, являются терочки, терочные плиты и мотыги, что также сомнительно. Указанные категории изделий могли иметь и иное назначение. В частности, давая характеристику каменным орудиям, В. В. Никитин отмечает развитую технику шлифовки в обработке некоторых типов рубящих орудий, однако ни в монографии, ни в отдельных статьях упоминаний о находках шлифовальных плит или их обломков, столь многочисленных и типичных для культур с пористой керамикой, нет. Поэтому не исключено, что автором к зернотеркам ошибочно отнесены обычные шлифовальные плиты; по крайней мере, приводимые им описания первых совпадают с морфологическими характеристиками вторых. Говорить о каменных мотыгах как о специализированных сельскохозяйственных орудиях для обработки почвы (с. 42), думается, преждевременно. Во-первых, они могли использоваться в качестве простых землеройных инструментов (что более правдоподобно). Во-вторых, количество найденных мотыгообразных орудий, несмотря на широко раскопанные площади поселений, ничтожно мало — всего 7 экз. [1, с. 38, табл. 3]. Некоторые из них — это грубо оббитые заготовки, а обломок шлифованной ромбической мотыги со сквозным двусторонне сверленным отверстием в центре с Майданской стоянки [1, с. 37, рис. 10] следует связывать не с энеолитическим, а с балахнинским комплексом. Абсолютно аналогичные орудия в достаточно большом количестве встречены в надежно стратифицированных льяловских горизонтах многослойных поселений Волго-Клязьминского междуречья.

Особо следует отметить небольшой раздел монографии о металлообработке меди — наиболее ярком признаке средневолжского варианта волосовской общности. Автором рассматриваются все находки, связанные с меднолитейным производством (наковальня, каменные молоты, обломки многочисленных керамических тиглей), приводится подробное описание готовых изделий и подтверждается высказанное ранее С. В. Кузьминых мнение о самостоятельном возникновении металлообработки в регионе.

Наиболее спорным моментом исследования является раздел, посвященный погребальному обряду, поэтому на нем необходимо остановиться более подробно. В. В. Никитин считает, что у волосовцев изначально существовал особый способ погребения, не связанный с захоронением трупа в землю. Многочисленные же грунтовые погребения, атрибутированные многими исследователями как волосовские, по его мнению, таковыми не являются, а представляют собой достаточно позднее явление, возникшее в среде аборигенов только «с появлением в лесной зоне Восточной Европы... населения с производящими формами хозяйства и другими представлениями о загробной жизни...» (с. 81). Аргументация этих выводов сводится к следующему: во всех известных на сей день энеолитических захоронениях «нет керамики, основного признака, позволяющего бесспорно считать их волосовскими»; «все погребения несут черты более поздних образований и скорее могли отражать структуру... срубной, балановской, фатьяновской, прибалтийской и других культур раннего металла»; погребения отсутствуют на исследованных энеолитических поселениях Средней Волги.

Приведенная сумма доказательств малоубедительна и недостаточна для столь категоричных суждений. Во-первых, отсутствие волосовской керамики в ингумациях вовсе не свидетельствует, что

культурная принадлежность последних истолкована ошибочно. Специально поставленной посуды в энеолитических (как и в более ранних неолитических) погребениях лесной зоны Восточной Европы и не должно быть, так как обычай помещать посуду в могилу с покойником на указанной территории появляется только с возникновением производящего хозяйства, изменившего коренным образом и жизненный уклад, и мировоззрение людей. Поэтому основным критерием для определения культурной принадлежности энеолитических погребений является их стратиграфическое положение в культурных слоях многослойных стоянок, на которых обнаружена основная масса известных на сегодня погребений, а также украшения и крайне редкие, преднамеренно положенные в могилу орудия труда.

Во-вторых, тезис В. В. Никитина, что все относимые к волосову погребению несут черты более поздних культурных образований, явно несостоятелен. Для волосовских захоронений характерен свой, очень самобытный и сложный для нашего понимания погребальный обряд, имевший к тому же местные вариации и изменявшийся во времени, порой существенно. Внешние воздействия на него были незначительны и только в самом конце развития общности, но они не изменили внутренней сути и логики самого обряда, а лишь частично коснулись его внешней стороны. Наиболее показательным и фактически единственным примером этого воздействия являются единичные скорченные захоронения, появившиеся у волосовцев под влиянием фатьяновцев.

Нет среди волосовского погребального инвентаря и вещей, которые можно бы с уверенностью считать типичными для культур эпохи бронзы. В. В. Никитина смущает, с одной стороны, обилие янтарных украшений в волосовских захоронениях, особенно на Верхней Волге, а с другой — их единичные находки в заполнении жилищ и в культурных слоях поселений вообще. Странного здесь нет ничего. Янтарь очень ценился, и к украшениям относились бережно, старались их не терять, сломавшиеся предпочитали ремонтировать, а не выбрасывать. Кроме того, основная масса янтарных подвесок использовалась, по-видимому, только в качестве украшений парадной одежды. По крайней мере, богато расшитые янтарем костюмы из некоторых погребений в Верхнем Поволжье были явно не повседневными.

Не является янтарь и показателем позднего времени. Наоборот, большинство волосовских захоронений Центральной России с обилием украшений из этого материала, по данным стратиграфии (и радиоуглеродным датировкам ряда костяков со стоянки Сахтыш IА), имеют узкие хронологические рамки и относятся к середине III тыс. до н. э. В поздних же погребениях украшения из янтаря встречаются эпизодически, в небольшом количестве и не отличаются разнообразием типов. Их постепенно вытесняют подвески из местных материалов: зубов животных, кости и камня, в том числе из серпентинов и филлитов. Кстати, последние встречены не только в Тенишевском могильнике на Средней Волге, но и в некоторых сахтышских погребениях.

Массовое появление янтаря во внутренних районах лесной зоны Восточной Европы на рубеже неолита — энеолита фиксирует интенсивные связи местных коллективов с населением Восточной Прибалтики. Это способствовало взаимообогащению культур, выработке общих закономерностей и сходных моделей развития, что в конечном счете привело к возникновению громадной культурно-исторической общности с пористой керамикой. Находки кварцитовых орудий в могилах Тенишевского некрополя свидетельствуют, по-видимому, о связях в другом направлении — с энеолитическим населением лесостепи. Однако о характере этих связей и степени их интенсивности сейчас говорить трудно — слишком мала источниковедческая база.

В-третьих, отсутствие погребений на раскопанных энеолитических поселениях Марийского Поволжья — аргумент в пользу отрицания грунтовых захоронений у местного населения достаточный, и оспорить его, исходя из формальной логики, трудно. Но и делать вывод об ином погребальном обряде в регионе, думается, преждевременно, так как, кроме самого факта отсутствия грунтовых могил и приводимых В. В. Никитиным этнографических параллелей из погребальной обрядности средневековых марийцев, других данных нет. Поэтому при рассмотрении вопроса об энеолитических захоронениях Марийского Поволжья, как мне кажется, нельзя исключить следующих предположений. 1. Возможно, население хоронило своих покойников на обособленных кладбищах, которые до сих пор не обнаружены. Так, известные могильники поздневолосовского времени в сопредельных регионах — в Татарии (Тенишевский) и на Нижней Оке (Малоокуловский, Угольниковский и Велетьминский) — позволяют предполагать наличие подобных и на территории Марийского Поволжья. 2. Возможно, энеолитическое население практиковало захоронения непосредственно и на жилых площадках средневолжских поселений, но в сильно опесоченных культурных отложениях ни костяки, ни украшения из органических материалов, включая и янтарь, не сохранились. Это предположение не будет выглядеть лишенным смысла, если обратиться к волосовским погребениям Верхнего Поволжья. Большинство последних обнаружено в культурных слоях стоянок, могильные

ямы зафиксированы лишь в единичных случаях, захоронения с охрой немногочисленны и, наконец, основная масса погребенных лишена какого-либо инвентаря, а на ряде памятников (Сахтыш I, Рыбино — Стрелка I, Водыш, Федоровская) все вскрытые ингумации безынвентарны. Другими словами, если бы эти погребения залегали в песчаном грунте, не сохраняющем органику, то от большинства их не осталось бы и следа.

В. В. Никитин, как уже было отмечено выше, полагает, что у энеолитических коллективов Среднего Поволжья существовал «своеобразный, наземный обряд погребения» (с. 54), материальное выражение которого он видит в волосовских ритуальных «кладах». Однако эти «клады», строго говоря, самостоятельными захоронениями не являются (и их не следует называть «кенотафами»). Они представляют собой всего лишь часть сложного ритуала, совершавшегося непосредственно в процессе захоронения трупа, т. е. «клады» не подменяли самого покойника, а только сопутствовали ему. Массовое распространение «кладов», составленных из орудий труда, заготовок, отщепов (иногда и украшений), приходится на поздневолосовское время. По крайней мере, многочисленные и широко известные ныне «клады», обнаруженные на ритуальных площадках близ погребений на стоянках Володары, Владычинская — Береговая II и Сахтыш II, датируются рубежом III—II — началом II тыс. до н. э. Одновременны им, скорее всего, и «клады вещей», найденные на некоторых средневолжских поселениях (сведения о составе последних и их стратиграфических привязках в литературе, к сожалению, до сих пор очень скупы). «Клады», достоверно относящихся к раннему волосову, не известно. По-видимому, этот элемент погребального ритуала возникает только в период развитой фазы волосовской культуры, и первоначальные «клады» состояли исключительно из янтарных украшений, которые зафиксированы пока всего в двух случаях — на могильниках Сахтыш VIII и Языково I.

Последняя глава монографии посвящена этнической истории Марийского края, начиная с древнейших времен и вплоть до раннежелезного века. Она написана сжато, в тезисной форме, внимание читателя фокусируется на самых узловых, во многом трудноразрешимых вопросах этой проблемы региона. Несколько подробнее автор касается этнической ситуации на территории Среднего Поволжья в энеолите. В. В. Никитин считает, что средневолжские волосовцы относились к древнему финно-угорскому этносу, но истоки его он видит не в традиционных «культурах уральского круга» (с. 93), а в балахнинской неолитической культуре, являвшейся одним из компонентов в сложении местного варианта волосовской общности. Полностью согласиться с этим выводом или полностью опровергнуть его в настоящее время невозможно — необходима более широкая база источников и более глубокие теоретические изыскания по проблемам формирования и исчезновения древних этносов.

В целом рецензируемая книга марийского археолога представляет собой краткое, но достаточно целостное исследование по энеолиту одного из регионов лесной зоны Восточной Европы, построенное на обширном фактическом материале, и является, несмотря на ряд спорных выводов и отдельных мелких недочетов, весомым вкладом в изучение проблемы «волосовского феномена».

Комитет по культуре и искусству,
Иваново

А. В. Уткин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин В. В. О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1979. Вып. 4.

Frühgeschichte der europäischen Stadt // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. B. 44. B., 1991. 326 S.

Тема истории ранних городов стала направляющей в средневековой европейской археологии с 1970-х годов. Рецензируемый сборник содержит материалы международной конференции, посвященной 750-летию Берлина, и продолжает серию публикаций по сравнительно-историческому и археологическому анализу раннего города (см., например, [1]); отечественные исследователи все

более интенсивно подключаются к этому анализу [2]. Издатели сборника — Х. Брахман и Й. Херрманн, чья научная деятельность во многом посвящена широким сравнительно-типологическим исследованиям в области раннесредневековой истории и археологии. Специфика сборника в том, что он посвящен по преимуществу проблеме происхождения столичных городов, практически на всем пространстве Европы с запада на восток, от Дублина до Москвы; исключение составляют собственно античные города Южной Европы — в сборнике рассматривается археология столиц контактной зоны (или зоны синтеза), где города возникали на месте римских поселений, а также Восточной и Северной Европы, где античных городов не было. Особое значение для сравнительных исследований по раннегородской проблематике имеют топографические карты и планы, сопровождающие большую часть статей.

Первый раздел сборника — статьи Й. Херрманна, Х. Зайера, Р. Бартеля — посвящен археологии Берлина. Проблема формирования города рассматривается в контексте социально-экономического и политического развития междуречья Эльбы и Одера (Й. Херрманн): немецкие города Берлин и Кельн (Cölln) возникли в зоне особой концентрации сельского населения (первоначально славянского, с. 11, 12) на противоположных берегах Шпрее. Видимо, основной функцией первоначальных поселений рубежа XII—XIII вв. была торговая (местный рынок — Зейер, с. 22, 23). Предыстория Берлина, как явствует из прочих разделов книги, достаточно характерна для ранних этапов городского развития.

Этапам и типам развития города посвящен второй раздел. В его первой части помещены статьи, рассматривающие историю городов между эпохами античности и средневековья. Она открывается статьей Р. д'Ожурду о развитии Базеля от кельтского оппидума к городу позднего средневековья. Историю Базеля можно считать классическим примером эволюции города в контактной зоне — от племенного поселения через римский *кастеллум* к торговому городу раннего средневековья и т. д. Сходную историю имел Париж-Лютеция (ср. статью Ф. Велая, с. 85—91). Менее очевидна подобная эволюция в англосаксонской Англии (статья Х. Кларк), но и там новая городская жизнь часто сосредоточивается у стен старых римских городов. Интересна (в том числе и для археологии Руси) прослеженная археологами дифференциация функций англосаксонских раннегородских поселений: торгово-ремесленные поселения, названия которых включали суффикс (или префикс) *вик* (*wic*, *wich*), располагались поблизости от столиц англосаксонских королевств — Хамвик в 18 км от Винчестера, Ипсвич в 14 км от Рендлтама и т. п., выполняя функции торговых портов. Порт Лондона — Лунденвик в VIII в. также находился, видимо, вне стен римского города (с. 52—54); специально раннесредневековому Лондону посвящена статья Дж. Шофилда (с. 80—84). В целом статьи второго раздела свидетельствуют о том, что эволюция («континуитет») городского развития отнюдь не была непрерывной даже в тех случаях, когда хорошо известен античный предшественник средневекового города (см., например, статью Х. Эбнера о Вене — Виндобоне, В. Велкова о Софии — Сердике); наряду с ними возникали новые города (ср. статьи о бельгийских городах — Фр. Ферхегхе, с. 97—114, и др.).

Вторая часть того же раздела посвящена разным типам поселений — крепостям-бургам (*Burgstadte*) и морским торговым поселениям (*Seehandelsplatze*) в Средней и Восточной Европе. В статье Х. Брахманна рассматривается традиционная для раннесредневековой проблематики роль рынков как начальной формы урбанизации на примере восточнофранкских пограничных городов; важным аспектом «рыночной» проблемы является формирование сети поселений не только в отдельном франкском регионе, но и в бассейнах Северного и Балтийского морей (с. 124, 125). Одним из показателей формирования такой сети оказывается развитие навигации, в том числе внутриконтинентальной по рекам (ср. статью Д. Элмерса, с. 137—147). Происхождение западнославянских городов в Померании — славянском Поморье — также связывается с формированием сети морских центров (Волин, Щецин и др.) и внутриконтинентальных торговых поселений на речных путях (статья В. Филиповяка, с. 148—158); в эту городскую сеть безусловно вписываются южнобалтийские торгово-ремесленные центры в Ральсвике (о. Рюген), Менцлине на р. Пеене и недавно открытое поселение в Диркове на р. Варнов (у Ростока), в число жителей которых входили скандинавы (статья Д. Варнке, с. 200—206). Истории «столичных» бургов посвящены статьи Б. Хроповского о Нитре, М. Рихтера о Праге и др.: бургы развивались не изолированно от окружи, но в пределах сети ближайших, в том числе сельских, поселений. В широком контексте формирования восточнославянских городов рассматривает раннюю историю Москвы В. В. Седов (с. 180—190).

В третьей части второго раздела помещены статьи, характеризующие те же типы раннегородских поселений в Скандинавии и Ирландии. Традиционной для предыстории Стокгольма стала схема развития: Бирка (IX—X вв.) — Сигтуна (XI—XII вв.) — Стокгольм; в статье Б. Амброзиани исто-

рическая цепочка углубляется: в районе оз. Меларен, где расположены упомянутые раннегородские центры, исследовано еще более раннее поселение Хельге, а целую сеть поселений VII—VIII вв. позволяют обнаружить и погребальные памятники, расположенные на речных путях (с. 207—210). Возникновение столицы — Стокгольма «венчает» развитие всей системы поселений в Средней Швеции. Развитие сети поселений в районах Риббе и Хедебю в X — середине XIII вв. прослеживает и М. Мюллер-Вилле (с. 226—236). Вместе с тем сеть раннегородских поселений в Швеции, как показал Х. Андерсен (с. 216—225), сильно трансформируется с переходом от эпохи викингов к средневековью, так что проблема континуитета и здесь остается открытой: многие раннегородские поселения прекращают существование в X в.

В статье, посвященной развитию города в Норвегии (П. Молауг) и Ирландии (см. статьи о Дублине А. Смиса и П. Уоллес), рассматривается относительно более поздний материал (X—XIII вв. и позднее): история формирования Дублина начинается с «морского» торгового поселения эпохи викингов и завершается обретением городского права в англо-норманнский период.

В целом с развитым средневековьем связана проблематика статей третьего раздела. Раннесредневековые славянские и «викингские» города на южном побережье Балтийского моря сменяют новые немецкие (в том числе будущий главный город Ганзы — Любек, возникший в XII в. в 6 км от Старого Любека, славянского Любиче — см. статьи Г. Феринга, К. Фритце). Города Финляндии (статья К. Я. Гардберга) и Копенгаген (Р. Г. Вермох) развиваются уже в рамках сформировавшегося в Европе городского права. В XII—XIII вв. возникает так называемая купеческая Ганза (статья Х. Вернике). Эти процессы изучаются преимущественно историками, в частности дискутируется роль немецких и скандинавских купцов в становлении ганзейской торговли и т. п. (ср. из новейшей литературы [3]). Археология существенно дополняет известные исторические факты об участии в ганзейской торговле, в частности, русских городов, в том числе Новгорода и Смоленска, где обнаружены очевидные свидетельства пребывания скандинавских общин — «варяжские» церкви, рунические берестяные грамоты и т. п. С другой стороны, на Готланде интенсивно исследуется древнерусское культурное влияние («русские» церкви); готландцы и русские имели торговые привилегии в Шлезвиге (см. в рецензируемом сборнике с. 310).

Эти связи развиваются уже в границах формирующейся трансевропейской городской сети развитого средневековья, которая оказывается во многом итогом предшествующего развития городов.

Итоги подводятся в четвертом, заключительном разделе сборника Й. Херрманном в статье: «Развитие города в сравнительно-историческом освещении. К итогам и постановке вопросов» (с. 315—325). Им выделяются три зоны городского развития в Европе: внутренняя (Средиземноморье), средняя — «синтезная» зоны, основными осями которой являются Дунай и Рейн, и внешняя зона — к северо-востоку от средней (включающая также Ирландию). В средней зоне наблюдаются разные формы континуитета/дисконтинуитета средневековых поселений и античных городов: от простого соседства с руинами укреплений и древних построек до прямого наследования некоторых институтов и ремесленных традиций. Во внешней зоне, которая наиболее интересна для российской археологии, Херрманн выделяет несколько типов городского развития: 1) возникновение города на основе агломерации поселений: к этому типу относятся Братислава, Нитра и другие центры, а также Киев и Новгород; 2) тип (который, впрочем, не может не соотноситься с первым) предполагает исходный дуализм бурга, крепости, где сидит правитель (светский или церковный), и подчиненного ему предградья (ср. рус. детинец — посад): к этому типу относятся Любек, Вроцлав, Москва; 3) «морские» торговые поселения, к которым традиционно относятся Хедебю, Бирка, Дорестад, уже упоминавшиеся Хамвик и Ипсвич, а также Ральсвик, Менцлин и др. При этом торговые поселения переживают расцвет и упадок за короткий период (IX—XI вв.), а бурги развиваются в настоящие города; столичными городами становятся также некоторые племенные центры (Прага, Гнезно, Киев и др.).

Рецензируемый сборник интересен не только «итогами», прослеженными тенденциями развития ранних городов, но и тем, что он дает возможности для дальнейших историко-типологических (и даже «генетических») изысканий. Для современной археологии древней Руси противопоставление бургов — городов с детинцами — торгово-ремесленным поселением стало вполне традиционным, хотя очевидно, что оно более чем условно: и Гнездово на Руси, и Бирка в Швеции, будучи «классическими» торгово-ремесленными поселениями, имели свои укрепленные центры, поиски же раннего детинца в Смоленске, не менее «классическом» русском городе и столице княжества, пока не увенчались успехом. На Руси известно и сочетание торгово-ремесленного центра с «племенным» городом в единой агломерации: это Городище и Новгород. Возникновение Городища в IX в. в ареале концентрации славянских поселений в Поволжье и его запустение в конце X—XI в., когда стал интенсивно

развиваться собственно Новгород [4], находит параллели в топографических «сдвигах» при формировании других центров. Скорее следует говорить не о «типах», а о тенденциях градообразования, прослеженных Й. Херрманном и другими авторами в отношении торговых поселений и бургов. Ранняя история Новгорода (и не только Новгорода) представляет, очевидно, синтез «типов» городского развития, выделенных Херрманном: близкой параллелью можно считать, видимо, не только Киев с Самбатасом, но и Смоленск с Гнездовом. При этом функции поселений внутри агломерации могут быть различны — «племенной» центр мог противостоять центрам государственной (княжеской) власти — погостам: синтез всех функций осуществляется в собственно древнерусских городах (во второй половине X—XI в.), поглощающих агломерацию. Очевидно, что происхождение столиц, которому по преимуществу посвящен рецензируемый сборник, дает образец такого синтеза: столицы максимально концентрируют все городские функции и становятся центрами городской сети в пределах целого государства и частью трансконтинентальной сети — ср. участие столиц в ганзейском союзе городов и т. п.

Обращает на себя внимание еще одна особенность процесса возникновения столиц в средние века: они появляются не в глубине этнической территории того или иного народа, а в пограничных зонах, где встречаются разные этносы и культуры. Наиболее очевиден этот процесс в истории Берлина и «столичного» ганзейского города Любека, возникших в немецко-славянском пограничье. Но не менее характерным в этом смысле представляется и положение Москвы, возникшей в зоне вятичско-кривичского пограничья (с достаточно сильным балтским анклавом — голядью), а также Киева, появившегося в зоне контакта правобережных и левобережных культур поднепровской лесостепи.

Сравнительные историко-археологические материалы, представленные в сборнике, выявляют внутренние («местные») и внешние связи городов, т. е. систему градообразования в целом. Такой подход актуален и дает богатые возможности не только для историко-археологических разысканий, но и для понимания современных проблем городского развития.

Институт славяноведения и балканистики РАН,
Москва

В. Я. Петрухин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vor- und Frühgeschichte der Stadt. Neumünster, 1975.
2. Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev//Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. 69. 1988.
3. Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992.
4. Носов Е. Н. Новгородское «Рюриково» Городище. Л., 1991.

Greek colonists and native populations//Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A. D. Trendall/Ed. by J.-P. Discoeurdres. Oxford: Clarendar Press, 1990. P. 663. Pl. 64

Состоявшийся в 1985 г. в Сиднее первый австралийский конгресс по классической археологии был посвящен главным образом проблемам греческой колонизации и даже уже — теме «Греческие колонисты и местное население». Как указывал организатор конгресса Ж.-П. Дискёрдрис во «Введении» к «Трудам» данного конгресса, тема колонизации и взаимоотношения между колонистами и местным населением наиболее близка из всей проблематики классической археологии австралийцам, поскольку сама их страна возникла в результате европейской колонизации и проблема взаимоотношения колонистов с местным населением всегда была и остается актуальной для Австралии. В соответствии с этим на конгрессе было прочитано и несколько докладов, посвященных европейской колонизации Австралии и Океании, которые, по мысли организаторов конгресса, могли дать сравнительный материал для исследователей древнегреческой колонизации, для лучшего понимания самого феномена ее.

Цель конгресса, как определяет Ж.-П. Дискёрдрис, состояла в следующем: 1) организовать международный и междисциплинарный форум для дискуссий о взаимоотношениях между «колони-

зоторами» и «колонизируемыми» в ходе древнегреческой экспансии; 2) исследовать те процессы, которые в древнегреческих колониях вели к появлению новых культурных форм, и в частности выяснить роль, которую играла местная культура и местная ситуация в этом процессе; 3) помочь в разработке определения древнегреческой колонизации посредством выявления тех черт, которые являются специфическими (или наиболее характерными) только для нее, а также тех черт, которые являются общими как для древнегреческой, так и современной колонизации; 4) продолжить и углубить дискуссию (начатую уже ранее) относительно имеющихся семантических проблем, исследуя те пределы, в которых современные термины (такие как «торговля», «давление народонаселения», даже «колонизация») действуют как своеобразные фильтры, которые скорее мешают, чем помогают, нашему пониманию древней колонизации.

Основное содержание «Трудов» разделено на четыре тематических раздела, хотя, в общем, это деление достаточно условно и целый ряд докладов очень легко мог бы быть перемещен в другие разделы.

Первый раздел носит название «Доколониальные контакты и основание колоний». В соответствии с замыслом организаторов конгресса, в этом разделе два первых доклада посвящены европейской колонизации нового времени. Интересен для археологов-классиков доклад Б. С м и т а «Греция и европейская колонизация в Тихом океане». Интерес заключается в том, что сам автор так ориентирует изложение материала, что он действительно привлекает внимание антиковедов, ибо он обращает внимание на проблемы, общие как для той, так и для другой колонизации. Рассказывая о плаваниях Дж. Кука в Тихом океане, Б. Смит особо акцентирует ряд вопросов, интересных и для антиковедов. К числу их относится, например, вопрос о том, как возникает «рыночный язык», необходимый для общения мореплавателей с местным населением, у которого необходимо приобрести воду, провиант и т. д. Другой вопрос — сложности проблемы «открытого рынка». В одних местах весь местный добавочный продукт, который мог быть продан (обменен) экипажам, находился под контролем местных вождей, в других местах (Австралия, Тасмания) уровень развития местного населения был столь низок, что не только не могло быть речи о прибавочном продукте, но и самые желанные в других местах подарки (например, железные орудия труда) не вызывали никакого интереса у аборигенов. Наконец, особо Б. Смит останавливается на проблеме того, как сказались появление европейцев на местном населении Океании. Он отмечает, что даже самые первые контакты привели к очень большим изменениям во многих сферах жизни. Особенно важно было появление железных орудий труда. Следствием этого был не только подъем культуры, но и резкое усиление конфликтов между аристократическими родами, войны между политическими образованиями.

Кроме того, автор обращает внимание на влияние открытия Океании на развитие европейской науки и искусства. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что благодаря этому открытию усилились позиции тех ученых, которые предполагали наличие общей эволюции всего человеческого общества, проходящего через ряд последовательных стадий (сравнение жителей Океании с греками).

При всей важности многих наблюдений Б. Смита тем не менее необходимо подчеркнуть, что целый ряд выводов имеет ограниченное значение, поскольку в период греческой колонизации не существовало столь разительных различий между уровнем развития «колонистов» и «колонизируемых», и ссылка автора на ихтиофагов античной традиции не может иметь особой ценности, ибо район их обитания не входил в зону греческой колонизации.

Доклад А. Ф р о с т а посвящен началу колонизации Нового Южного Уэльса (1786—1788 гг.). Однако думается, что он имеет весьма ограниченное значение для понимания феномена древнегреческой колонизации в силу целого ряда причин: крайне низкий уровень развития культуры аборигенного населения Австралии (что не наблюдалось в зонах греческой колонизации), совершенно незнакомые природные условия Австралии (греческая колонизация проходила в рамках Средиземноморья, где природные условия достаточно близкие), организатором колонизации выступила Англия, самое развитое и могущественное государство этого времени (в отличие от маленьких греческих полисов), совершенно иной контингент колонистов (греческие полисы не использовали в качестве колонистов преступников, а среди первых английских колонистов в Австралии значительный процент составляли каторжники) и т. д.

Вместе с тем некоторые наблюдения А. Фроста, почерпнутые не только из опыта английской колонизации, но и других колониальных предприятий нового времени, бесспорно заслуживают интереса: высокая смертность первых поселенцев; психологические травмы, вызванные отдаленностью родины; тот факт, что массовая колонизация начинается только тогда, когда «пионеры» завершат первичное освоение территории; наличие среди колонистов определенного процента людей, которые уезжают на новые земли не в силу социальных, политических или иных причин этого плана, а просто в силу психологических особенностей своей натуры, и т. д.

Остальные доклады этого раздела имеют более непосредственную связь с проблематикой древнегреческой колонизации. Особое место среди них занимает доклад Э. Д. Ж. Грэхэма «Доколониальные контакты: вопросы и проблемы». Автор исходит из того, что собственно колонизации должен предшествовать период доколониционных контактов. Отражением этой ситуации в древнегреческой традиции является рассказ Геродота о плавании фокеян в Испанию и об их контактах с царем Тартесса Аргантоном. Однако доказать наличие таких контактов могут только археологические материалы. С целью проверки своей гипотезы он исследует археологические материалы трех регионов: Сицилии и Южной Италии, Понта и бассейна р. Роны. В первых двух регионах вследствие больших сложностей с датировками ранней греческой керамики и местного археологического материала нет бесспорных ответов на этот вопрос. Напротив, бассейн р. Роны дает точный ответ: периоду колонизации предшествовали иные контакты, в том числе и торговые.

К близким, хотя и не полностью идентичным выводам приходит и Д. Риджуэй в докладе, носящем название «Первые западные греки и их соседи: 1935—1985 гг.». Автор рассматривает те новые археологические материалы, которые были получены за последние 50 лет и которые могут быть использованы для решения этой проблемы. Он исходит из того, что, в сущности, нельзя говорить о прекращении связей между восточным и западным Средиземноморьем в «темные века». Самые ясные доказательства этому дает Сардиния. Роль эвбейцев как «пионеров» в плаваниях на запад в VIII в. до н. э. он объясняет тем, что именно на Эвбее началось «греческое возрождение». Кроме того, им подчеркивается роль финикийцев в освоении Запада и наличие постоянных контактов между греками и финикийцами. В связи с этим находится и его конечный вывод: «Не все западные греки были греками, но все они способствовали эллинизации варваров».

Доклад Б. Д'Агостино посвящен более локальному сюжету: взаимоотношениям Кампании, Южной Этрурии с Эгейским миром в VIII в. до н. э. Автор, как и предыдущий докладчик, подчеркивает резкое возрастание объема археологических материалов по исследуемой проблеме в последние годы. Кроме того, замечен серьезный прогресс в изучении самого археологического материала, что позволяет более точно датировать отдельные комплексы.

Выбор данного региона для исследования объясняется тем, что здесь имелось несколько различных этнополитических образований, и поэтому при относительно одинаковом воздействии со стороны греков они реагировали на это воздействие по-разному. Первыми греками, вошедшими в контакты с населением Кампании и Южной Этрурии, были эвбейцы. Один из вариантов взаимодействия демонстрируют «протоэтруски». К моменту появления греков (вторая четверть VIII в. до н. э.) в этой области уже замечен был значительный социальный прогресс, существовали достаточно сильные политические связи, население жило в больших агломерациях, сельскохозяйственная территория была достаточно хорошо организована, началась социальная стратификация и появилась собственная элита. Греки ускорили этот процесс.

В области расселения осков ситуация была иной. Оски находились на более низком уровне развития. Поэтому появление греков, ускоривших процессы социально-экономического развития, привело в конечном счете к кризису общества. Если вывод относительно Этрурии кажется вполне справедливым и обоснованным, то вывод относительно общества осков, с нашей точки зрения, при всей правдоподобности рисуемой картины, не выглядит вполне обоснованным, поскольку основан на достаточно ограниченном материале источников.

Название доклада И. Стрем «Взаимоотношения между Этрурией и Кампанией около 700 г. до н. э.» несколько шире его содержания. Автор стремится опровергнуть точку зрения И. Бюхнера о том, что золотые украшения «ориентализирующего стиля» из Центральной Италии были произведены эвбейскими ремесленниками — колонистами на о-ве Питекуссы. С ее точки зрения, местом производства их была Южная Этрурия, где работали ремесленники — мигранты из Северной Сирии, сотрудничавшие с местными мастерами. Вывод автора представляется несколько преждевременным, поскольку прямых свидетельств переселения ремесленников именно из этого района на запад Средиземноморья еще нет. Традиционная точка зрения кажется более предпочтительной.

В докладе Д. Кнэпфера на основании анализа календаря, использовавшегося в Оменфе, доказывається, что первыми греческими колонистами на Халкидике были выходцы с. Эвбеи.

Пафос доклада П. Лонди «Греческие колонисты и Дельфы» — в критике концепции Дж. Фонтенроуза¹, который, как видимо, справедливо доказывает автор, гиперкритически подошел к

¹ Fontenrose J. The Delphic Oracle. 1978.

свидетельствам источников относительно тех оракулов, которые давались в связи с намерением основать колонии.

Следующий раздел книги носит название «Развитие колонии и взаимоотношения между колонистами и местным населением». Открывает этот раздел доклад П. Дж. Гуццо «Миф и археология в Южной Италии». Подобно ряду других авторов П. Дж. Гуццо считает, что возникшие в микенское время связи Греции с Италией не прерывались и в «темные века», хотя, конечно, резко уменьшились. Важнейшим доказательством является, с его точки зрения, то, что технология производства железа пришла в Италию из Греции. В Италии не происходило спонтанного рождения этой новой технологии.

Греческое влияние на местное общество в архаическую эпоху приводило к усложнению его структуры, в частности необходима была «рационализация» их контактов с греками, которые появились в этом районе с VIII в. до н. э. Новый этап во взаимоотношениях с местным населением наступал с момента основания колонии, когда колонисты «осваивали» земли местных народов. Кроме того, иногда они стремились использовать местное население в качестве рабочей силы на этой земле. Все это приводило к конфликтам, и к середине VI в. до н. э. местные общества уже могли заставить греков считаться с собой. Это проявлялось, в частности, в том, что между греками и местным населением заключались договоры в соответствии с нормами международного права.

Греческая мифологическая традиция о западе, в частности об Италии, с точки зрения автора, никакой ценности не имеет. Она — чистая фикция, придуманная для легализации «прав» греков на землю в Италии.

Близка проблематика и следующего доклада — Д. Адаместеану «Греки и местное население в Базиликате». Рассматривая взаимоотношения греков и местного населения в этом районе Италии, автор особое внимание уделяет скорости распространения греческих влияний (экономических и культурных) по речным долинам от морского побережья в глубь полуострова. В VIII в. до н. э. во многих местах возникли крупные населенные пункты — центры местного населения. В VII в. до н. э. в связи с созданием греческих городов происходит серьезная трансформация части их. Некоторые под влиянием греков превращаются в настоящие протогорода, другие же исчезают. Постоянная нужда греков в росте городского пространства и сельскохозяйственной территории приводила в движение местное население все в больших масштабах и на все большем пространстве.

Второй период такой трансформации приходится на V в. до н. э. Тогда во многих местных центрах появилась регулярная планировка, монументальная архитектура с сильными греческими влияниями и т. д. В это же время часть местных центров гибнет: как в VII в. до н. э., снова начинается движение местных народов.

Но самый главный исторический рубеж — IV в. до н. э. (особенно вторая половина). С этого момента начинается обратное движение: луканы теперь осуществляют давление на территорию греческих городов.

Как можно видеть, доклад Д. Адаместеану весьма интересен, однако думается, что в нем не хватает некоторой терминологической четкости, в результате чего не всегда ясен смысл описываемых им процессов. Например: какая разница между «агломерацией» и «протогородом»?

Х. Дано в представил очень краткий доклад, в котором весьма суммарно рассказал о судьбах греческих городов, основанных на территории Фракии. Несколько более пространственный характер имел доклад М. Кожан, посвященный греческим городам Добруджи, но ядром его была информация о раскопках Истрии (период от VII в. до н. э. вплоть до прихода римлян).

Взаимоотношения греков и ливийцев в Киренаике в классический и эллинистический периоды были объектом исследования в докладе А. Лабронда. Автор указывает, что все ливийское население этого региона делилось на две части. Одна, жившая в непосредственной близости от греческих городов, занималась как сельским хозяйством, так и скотоводством. Эта часть ливийцев составляла вместе с греками единую хозяйственную аграрно-пасторальную систему, два элемента которой взаимно дополняли друг друга. Вследствие этого между ними существовали постоянные взаимные контакты, конфликты были редки и возникали только тогда, когда равновесие между ними нарушалось.

Иной была картина взаимоотношений с большими южными племенами ливийцев. Здесь состояние конфликта постоянно. Оно определялось тем, что созданная греками хозяйственная система означала лишение этих племен части их территории. Дополнительной причиной являлась борьба за контроль над транссахарскими путями.

Наконец, два доклада в этой части «Трудов» конгресса посвящены проблемам колонизации в новое время: М. Вильямс «Колонизация Австралии с точки зрения аборигена» и Б. Михен

«Внутри колониального процесса: местное население, малайцы и европейцы в земле Арнхем (Северная Австралия)». Оба эти доклада не имеют сколько-нибудь существенного значения для понимания древнегреческой колонизации.

Следующий раздел книги носит название «Появление новых культурных форм». Этот раздел также открывается докладом на австралийском материале: Ж. К р о у л и «Наследие и колонизация: иконографический анализ». Доклад также неинтересен для специалистов по классической археологии. Собственно античная тематика начинается с доклада А. Д. Т р е н д о л а «Отличие южноиталийской краснофигурной вазописи». Автор оспаривает старую концепцию, согласно которой производство краснофигурных ваз в Южной Италии началось в середине третьей четверти V в. до н. э., после основания Фурий. Он указывает, что раскопки Фурий не дали материала в поддержку этого тезиса. С другой стороны, появились доказательства развития этой техники в Метапонте и других центрах. Если в V в. до н. э. южноиталийская вазопись была очень близка аттической, то в IV в. до н. э. они уже сильно различаются. Развитие местного италийского керамического производства привело к тому, что аттическая продукция здесь перестала пользоваться популярностью. Афинские мастера были вынуждены искать новые рынки (Северная Африка, Боспор Киммерийский). Южноиталийская вазопись была ориентирована на местные рынки.

Выводы автора представляются интересными, однако при современном состоянии изученности проблемы возможны и прямо противоположные объяснения: Афины перестали экспортировать свои расписные вазы в Италию потому, что все их производство было ориентировано на Северное Причерноморье.

Доклад К. В. Д и р д е н а носит название «Драма IV в. до н. э. в Сицилии: афинская или сицилийская?». На основании письменных источников и отражения театральных сюжетов в вазописи он доказывает, что по крайней мере первые 75 лет IV в. до н. э. драматическое искусство в Сицилии продолжало существовать. Некоторое влияние исходило из Афин, но нельзя недооценивать и местных авторов. Позднее многие драматурги, родившиеся в Сицилии, жили все-таки в Афинах.

В докладе М. Д и с е н т о р ф ф - Н и л ь с е н а «Две южноиталийские вазы, расписанные аттическим художником» рассматриваются две южноиталийские по форме вазы, но изготовленные и расписанные в Аттике. Автор видит в них пример продукции, специально произведенной на экспорт.

О расписанных вазах группы Ксенона говорится в докладе Э. Р о б и н с о н. Эта группа датируется IV в. до н. э., большинство ваз было найдено в районе г. Бари. Обычно считается, что вазы этой группы — результат деятельности местной мастерской, находившейся под влиянием Тарента. Автор же доказывает, что вазы этой группы впервые стали производиться в одной из мастерских Метапонта, однако вопрос о соотношении греческого и местного элементов остается еще неясным.

.П. и Р. Х а н н а исследуют вопрос о контактах между греками и местным населением (кампанскими общинами Сицилии и Южной Италии) на примере оборонительного доспеха (в классический период). Источником для них служит вазопись и монументальная живопись. Итог их исследования: часть доспехов — греческие, другая часть и одежда — италийские. Авторы так и не отвечают на последний вопрос: кто представлен в этой живописи — эллинизированные самниты или самнитизированные греки?

Доклад Ф. Д'А н д р и а носит название «Греческое влияние в Адриатике: 50 лет после Бомона». В 1935 г. появились две статьи Бомона, в которых впервые ставилась эта проблема. Докладчик стремится обобщить все те новые материалы, которые появились с того времени. Географические границы исследуемого региона — побережье Адриатического моря (Италия, Югославия, Албания, Греция). Бесспорно, с точки зрения автора, что микенские греки плавали в этот район. Начало вторичного проникновения греков — IX в. до н. э. Сначала здесь появились эвбейцы, затем коринфяне. Ими двигали коммерческие интересы. В VII в. до н. э. происходит резкое изменение ситуации: весь регион оказался включенным в систему связей, имеющих два полюса — Тарент и Керкиру. Позднее важную роль играл импорт из Афин и Южной Италии. В IV в. до н. э. Сиракузы стремились включить весь этот район в сферу своего политического и экономического влияния.

Большой доклад Б. К и р и г и н а называется «Греки в Центральной Далмации: несколько новых свидетельств». Как указывает автор, давно уже было замечено, что Далмация играла второстепенную роль в греческой колонизации. Это объясняется как недостатком земли здесь, так и либурнийской талассократией. В докладе рассматриваются материалы по всем известным пунктам Центральной Далмации.

Два доклада посвящены проблемам культуры эллинистического Востока. В докладе М. А. К о л л е д ж а «Некоторые наблюдения над греческим искусством в Западной Азии после завоеваний

Александра» выражены те идеи, которые автор уже неоднократно высказывал: в I в. до н. э. возникает новое искусство, условно называемое парфянским. В сущности, это восточное искусство, но сильно эллинизированное. Первые шаги на пути создания его были сделаны в период Александра Македонского и Селевка I. К. Р а п э н в докладе «Греки в Афганистане: Ай-ханум» дает обобщающую картину по результатам раскопок городища Ай-ханум. Культура города, по его мнению, была греческой, но подвергалась влиянию Востока. Особо им подчеркивается то обстоятельство, что при минимальных экономических связях со Средиземноморьем культурные связи были весьма активны.

В докладе А. Д е В и т а сообщаются материалы по системе городской планировки в Сицилии с самого начала греческой колонизации вплоть до IV в. до н. э. включительно.

Исследованиям Элеи посвящен доклад К. Б. Т р и л л м и х «Элея: проблема взаимоотношения между городом и территорией и городская организация в архаический период». Город был типичной фокейской колонией, т. е. его экономика была более ориентирована на торговлю, чем на земледелие. Хора города была пригодна только для выращивания оливок и винограда и поэтому была слабо заселена. Фиксируется несколько крепостей, защищающих городскую территорию. Уже очень скоро после своего основания Элея была укреплена стенами, охватившими гораздо большую территорию, чем та, которая была заселена. Несколько позднее был создан акрополь. Город никогда не приобрел «гипподамовой системы» планировки.

В докладе Д. М е р т е н с а, носящем название «Несколько важных особенностей западногреческой колониальной архитектуры», сделана попытка дать синтетический очерк истории развития архитектуры этого региона. Прежде всего автор подчеркивает два важные, с его точки зрения, обстоятельства. Во-первых, создание греческих городов на западе происходило в то время, когда в собственно Греции еще не устоялась архитектурная традиция. Во-вторых, несколько иными были природные условия (например, отсутствие хорошего строительного камня, наподобие греческого пороса). Западногреческая архитектура имеет ряд особенностей по сравнению с архитектурой собственно Греции. Например, по-иному иногда располагались храмы. В ряде мест могли они обозначать границы хоры того или иного полиса. Политические режимы, существовавшие в различных городах, находили свое отражение в архитектуре. В период тиранического правления, как правило, строились огромные храмы, для демократических режимов было характерно наличие нескольких храмов меньших размеров.

Для западногреческой архитектуры были характерны монументальность, обилие пышного декора. Западные греки видоизменили некоторые из типичных греческих сооружений и создали новые типы. Для храмов этого региона типичным было наличие обширного внутреннего пространства, что даже предполагает какое-то своеобразие ритуала. Значительной трансформации подверглись театры, превратившиеся в отдельно стоящие здания. Абсолютно новым типом здания стали открытые сооружения, предназначенные для проведения народных собраний и заседаний Совета.

«Особой чертой западногреческой архитектуры была ее «открытость». Здесь на равных основаниях существовали традиции как дорики, так и ионики, наблюдается готовность принять внешние влияния.

Результатом раскопок г. Береника в Киренаике (совр. Бенгази) посвящен доклад Ф. С и р а. Город был основан в 245 г. до н. э. и просуществовал приблизительно до 1000 г. н. э. В ходе раскопок, проводимых с 1971 г., был получен материал, характеризующий эллинистический и римский периоды его жизни.

Большой интерес представляет доклад Д. ж. К а р т е р а «Метапонт — земля, богатство и население». Доклад построен на базе анализа материалов, полученных в результате детального обследования части хоры Метапонта, осуществлявшегося с 1981 по 1984 г. Это участок прямоугольной формы площадью 42 м². Здесь были зафиксированы все следы человеческой деятельности. В результате этого стало ясно, что территория была наиболее заселена в период 500—450 гг. до н. э. (116 отдельных хозяйств) и особенно в период 350—300 гг. до н. э. (128 хозяйств). После этого проводились раскопки отдельных ферм и палеоботанические исследования. Конечные выводы автора сводятся к следующему. В IV в. до н. э. основа хозяйства — производство зерна. После 275 г. до н. э. зерно уже практически не выращивалось. В IV в. до н. э. средний размер одного хозяйства — 21,2 га, из них обрабатывались 16,6 га. Одно хозяйство могло дать от 8,3 до 18,2 метрической тонны зерна. Потребление зерна в хозяйстве — 1,3 т (5 человек) или 2,6 т (10 человек). При реализации на рынке оставшегося зерна минимальная прибыль — 918 драхм, максимальная — 2736 драхм. Следовательно, каждое хозяйство могло дать хороший доход. На основании нескольких соображений исследуется вопрос о распределении богатства среди жителей города. С точки зрения владения землей выделяется шесть групп: от 6,6 до 59,9 га. Самая большая группа (49%) — владельцы

участков в 13,2 га, вторая по размерам группа (26%) — владельцы участков в 26,2 га. Владельцев наименьших участков — 16%.

При исследовании некрополей стремились подсчитать стоимость погребения. Всего было выделено восемь групп: от 3 до 1000 оболов. Среди них 28% — две группы (от 12 до 24 оболов).

Основной вывод автора: хора Метапонта принадлежала главным образом крестьянам-собственникам. Упадок общества начиная с III в. до н. э. — не результат классовой борьбы или внешних политических событий, а результат каких-то изменений, связанных с внутренней эволюцией сельского хозяйства Италии.

Все выводы автора представляются достаточно интересными и, видимо, в какой-то степени обоснованными. Однако за пределами рассмотрения остался один из самых важных вопросов: кто обрабатывал земли? Для небольших участков земли ответ, в общем, однозначен — это крестьянская семья, но можно ли силами такой семьи обрабатывать участок размером в 26,2 га?

Последний раздел книги называется «Экспансия и диффузия: к определению древнегреческой колонизации». Открывает этот раздел доклад К. К и л и а н а «Микенская колонизация: норма и варианты». Автор исходит из того, что не существовало единой системы микенской колонизации, действовавшей во всех районах и во все времена. Начиная с додворцового периода экономические контакты на западе производились в рамках модели «свободного обмена», осуществляемого купцами. Но в районах Дуная и Закавказья, видимо, функционировала «царская торговля». Троя включилась в обмен по западной модели общины: колонии, созданные на территории Македонии, Италии, на Кипре и в Трое, были элементами общей системы «дворцовой экономики», возникшей и развивавшейся в Греции. Эти колонии оказывали сильное влияние на народы, с которыми они контактировали. Интенсивные экономические связи с Востоком базировались на «восточной модели» обмена. Связи с Египтом — это система обмена царскими дарами. Обмен с Анатолией был незначителен.

Очень интересен, прежде всего с теоретической точки зрения, доклад Х. Г. Н и м е й е р а «Финикийцы в Средиземноморье: негреческая модель экспансии и поселений в древности». Автор начинает свое исследование с утверждения, что столетие интенсивных исследований привело к выводу, что данные древней традиции об очень ранних датах основания финикийских колоний неверны. Практически все финикийские поселения на западе возникли в период 750—650 гг. до н. э. Таким образом, финикийская колонизация примерно совпадала по времени с древнегреческой колонизацией. Естественно должен быть поставлен вопрос: есть ли что-то общее в этих двух колонизационных процессах? Греческая колонизация осуществлялась путем создания полисов. Одной из основных особенностей полиса является то, что он владеет сельскохозяйственной территорией. Финикийская колонизация в ряде своих черт совпадает с греческой, но с одним, правда очень важным, отличием — финикийские колонии не владели сельскохозяйственной территорией (единственное исключение — Карфаген). Это объясняется тем, что общество финикийцев было древневосточным, традиционным, и в начале I тыс. до н. э. они использовали ту систему, которая сложилась в эпоху бронзового века — систему торговых факторий — карумов. В силу этого же торговые поселения, которые основывали финикийцы, с социологической точки зрения являлись (по терминологии К. Поляньи) «ports of trade», т. е. специальными пунктами, в которых осуществлялись операции обмена между обществами с рыночной и нерыночной экономикой.

Разница между греческой и финикийской моделями колонизации определялась также тем, что греки начали свою колонизацию в тот момент, когда греческое общество еще было очень архаическим, экономика была основана на сельском хозяйстве и поэтому потребность в земле была главным стимулом для греческой колонизации.

Доклад П. Б р е н а н а «Рим вне Рима: ветераны-колонисты и римская колонизация в период после Августа» достаточно далеко выходит за рамки намеченной программы конгресса.

Доклад П. К у р б з н а «Бассит-Посидайон в раннем железном веке» обращен к проблемам проникновения греков на Восток. Одним из таких пунктов на Левантийском побережье, где фиксируется присутствие греков, является Бассит, возникший в XVI в. до н. э. и просуществовавший до VII в. до н. э. История его в раннем железном веке выглядит следующим образом: до конца VIII в. до н. э. Бассит представлял собой обычный сирийский порт, принадлежавший царству г. Хамы. Ситуация стала другой позднее, когда он последовательно принадлежал Ассирии, Вавилону, Ахеменидам. Центры этих государств были далеко, контроль центральной власти ослабел, и Бассит в силу этого стал чем-то вроде «свободного порта», ориентированного в своих связях в первую очередь в сторону Финикии и Кипра. Сначала греки здесь бывали только эпизодически, но со второй половины VII в. до н. э. отношения с Восточной Грецией интенсифицировались, затем пришла пора связей

и с собственно Грецией, а через нее и с Италией. В Бассите поселилось некоторое количество ионийцев, затем к ним присоединились афиняне, которые в конце концов полностью вытеснили ионийцев. Бассит, однако, никогда не был греческим эмпорием в собственном смысле этого слова. Группа греков жила в местном населенном пункте, но занимала в нем весьма важное место.

Доклад Ф. Р. Серра Риджуэй представляет собой достаточно подробную информацию об основных результатах раскопок в Пирге.

Доклад «Эллинизм в Ликии» представлен Т. Р. Брайсом. Вначале дается общий очерк политической истории Ликии в ахеменидский период, затем рассматривается вопрос о греко-ликийских контактах, которые начались со второй половины VI в. до н. э. Вхождение Ликии в состав Ахеменидской державы не мешало росту торговых связей с Афинами, проникновению греческой культуры, появлению среди населения греков. После завоевания Александра Македонского резко возросло количество греческих поселенцев. Греческое население и греческая культура, однако, были преобладающими только в городах, особенно торговых.

Доклад Д. С. Баретта носит название «Эллинизм и евреи: исследование проблемы взаимоотношений и аккультурации». Автор указывает, что влияние эллинизма на еврейскую культуру было достаточно сильным, но не всеобъемлющим и коснулось только нескольких сфер жизни. Два обстоятельства препятствовали широкому внедрению эллинистической культуры: внутренняя замкнутость еврейских общин в эллинистических городах и монотеизм евреев.

Доклад В. Дисоблинга «Эллинизм в Северной Аравии: новая эпиграфическая находка» представляет собой публикацию одной из набатейских наскальных надписей, датируемой II в. н. э., интересной тем, что автор ее носит греческое имя.

М. Л. Навав в своем докладе «Греческое и адриатическое влияние в Даунии в раннем железном веке» исследует проблемы общества Северной Апулии. В раннем железном веке здесь наблюдается быстрая и радикальная трансформация, одной из причин которой были усилившиеся внешние контакты, осуществлявшиеся через портовые центры Адриатического побережья. В результате этого наблюдается быстрый и прогрессирующий упадок в производстве двух характерных категорий предметов — стел и керамики. Резкое усиление контактов с Грецией приходится на V в. до н. э., и Северная Апулия в это время уже «созрела» для того, чтобы принять «греческую модель» культуры.

В. Трилмих в докладе «Ранняя скульптура Иберии и фокейская колонизация» стремится доказать, что рождение искусства скульптуры в Иберии не является результатом влияния греков, а результатом спонтанного развития искусства Иберии. Этот тезис мог бы выглядеть убедительным, если бы автор показал предшествующие стадии развития, приведшие к появлению скульптуры в столь ярко выраженных формах.

П. А. Лилло Карпо и М. Дж. Волкер публикуют обнаруженный в ходе раскопок в Эльпрадо (Мурсия, Испания) коммеморативный или погребальный памятник середины IV в. до н. э.

В сущности, никакого отношения к проблематике конгресса не имеет доклад Г. Тарранта «Распределение ранних греческих мыслителей и вопрос об иностранном влиянии». В докладе же С. Р. Пиперинга дается информация о нескольких египетских папирусах эллинистического времени. «Эпилогом» к «Трудам» конгресса является доклад Ю. Бирмингэма «Археология колонизации. Наблюдение на “Terra Australis”», посвященной вопросам «колониальной археологии» в применении к Австралии. Никаких серьезных точек соприкосновения с тематикой конгресса он также не имеет.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на наличие докладов, не имеющих вообще отношения к теме конгресса, и ряда докладов, посвященных очень узким вопросам, в целом этот очень большой том безусловно заслуживает самой высокой оценки. В нем представлен ряд докладов очень высокой научной ценности, в которых рассматриваются как общие проблемы греческой колонизации, так и иные типы колонизационного движения, позволяющие более полно выявить специфику именно греческой колонизации. Кроме того, в большом числе докладов рассматриваются проблемы взаимоотношения греков с местным населением в различных регионах, на различных этапах исторического развития. Для археологов, исследующих проблемы греческой колонизации в Причерноморье, знакомство с этим будет весьма полезно. Здесь собран огромный новый материал и представлен ряд новых концепций, которые помогут лучше понять и соответствующие проблемы Причерноморья.

Хроника

РАБОЧИЕ СОВЕЩАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ И МЕЗОЛИТУ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ В 1990—1992 гг.

Рабочие совещания проводятся региональными палеолитической и мезолитической творческими группами. Обе группы были созданы в 1989 г. на XI Уральском археологическом совещании (г. Сыктывкар). Они объединили археологов, занимающихся палеолитом и мезолитом Урало-Поволжского региона. Основная задача творческих групп — координация исследовательской деятельности. В числе участников специалисты из Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Перми, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Саранска, Сыктывкара, Ульяновска, Йошкар-Олы, Казани, Кудымкара.

Решение о проведении совместных рабочих совещаний двух групп было обусловлено тем, что ряд участников занимается изучением памятников обеих эпох, а главное тем, что проблематика исследований по палеолиту и мезолиту чрезвычайно близка. Прошедшие совещания показали плодотворность объединения двух групп.

Сложился определенный стиль работы совещаний. Они проводятся раз в году, в ноябре, т. е. в то время, когда уже обработаны полевые материалы и могут быть представлены результаты очередного полевого сезона. Значительная часть времени на совещаниях отведена именно знакомству с новыми материалами. Наиболее важные открытия этих лет — памятники Непряхино (Заволжье), Гарчи I (Прикамье), грот Бобылек (Урал), Ураков Бугор (Волга), Лбище (Волга). Все они детально рассматривались на совещаниях. Рабочие совещания проводятся в различных городах региона — Самаре (1990 г.), Казани (1991 г.), Саратове (1992 г.) — с тем, чтобы участники могли изучить интересующие их коллекции в археологических центрах этих городов.

Как правило, развернутые дискуссии о результатах полевых исследований касаются проблем хронологии и периодизации памятников, их культурной принадлежности. Наиболее характерны в этом отношении дискуссии, возникшие на всех трех совещаниях, по поводу усть-камской культуры. Памятники данной культуры, по мнению выделившего ее М. Г. Косменко (1977), отнесены к трем этапам, первый из которых (стоянка Сюкеевский Взвоз) датирован финальным палеолитом, а последующие — мезолитом. Вместе с тем в настоящее время получены новые данные (в том числе находки трапещей) по стоянке Сюкеевский Взвоз (М. Ш. Галимова), раскопан ряд новых памятников данной культуры (Камское Устье II, Беганчик). На сопредельных территориях выявился ряд памятников, таких как Горная Талица, Усть-Сылва, близких по возрасту Сюкеевскому Взвозу и сходных с ним по технико-типологическим характеристикам. Возникла необходимость осмыслить эти материалы. В этой связи обсуждались проблемы происхождения мезолитических индустрий, вопросы критериев, исходя из которых можно было бы относить те или иные индустрии к палеолиту или мезолиту, а также говорить о преемственности палеолитических и мезолитических индустрий. Дискуссия по усть-камской культуре далека от завершения, поэтому преждевременно излагать результаты обсуждений, но представление о ней должно быть существенно уточнено.

Необходимо отметить, что по проблемам периодизации чрезвычайно важными являются представленные на совещаниях разработки петербургских исследователей (П. Е. Нехорошев, Е. Ю. Гиря) по технике скола. Предлагаемые критерии (технологические) позволяют исключить хронологический подход к периодизации памятников каменного века, а метрические показатели для определения мезолитических техник и индустрий должны существенно помочь в определении границы палеолит — мезолит также и на материалах Урало-Поволжского региона. Помимо общих докладов по технологии расщепления камня рассматривалась технология расщепления мастерской-стоянки переходного от мустье к верхнему палеолиту типа (стоянка Шлях в Волгоградской обл., П. Е. Нехорошев), пункта по изготовлению бифасов (Непряхино Саратовской обл., А. П. Захариков).

На совещаниях рассматривались также доклады, проанализировавшие современное состояние исследований памятников отдельных территорий региона: Камско-Вятского междуречья (Т. М. Гусенцова), Среднего Поволжья (М. Ш. Галимова), Северного Прикаспия (А. М. Комаров).

Чрезвычайно интересной представляется наметившаяся тенденция анализа какого-либо типа источников или даже орудий на обширной территории. В качестве первого приведем анализ мезолитических жилищ (и поселков) Средней Волги (В. В. Никитин), в качестве второго — анализ геометрических микролитов Среднего Зауралья (Ю. Б. Сериков). Отметим также, что в настоящее время подготовлен к публикации «Каталог мезолитических жилищ Урало-Поволжского региона», начата работа по составлению каталога геометрических микролитов в мезолите региона.

По итогам совещаний подготовлены и находятся в печати сборники: «Палеолит Урало-Поволжского

региона» (ред. А. В. Волокитин, Л. В. Кузнецова), «Материалы и исследования по мезолиту Урала и Поволжья» (ред. А. В. Волокитин).

Перед совещанием в Саратове опубликован сборник тезисов «Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья» (Тезисы регионального совещания. Изд-во Саратов. ун-та, 1992).

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург
Нижнетагильский государственный
педагогический институт,
Нижний Тагил

А. В. Волокитин, Ю. Б. Сериков

ПЯТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ»

(Калуга, 1993)

Конференция проходила 3—4 марта 1993 г. в Калуге. Организаторы — Калужский областной краеведческий музей и региональная научно-исследовательская ассоциация «Верхнее Поочье». Участниками конференции были археологи Москвы, Калуги, Брянска, Рязани, Курска и других городов, представившие 21 доклад.

Заседание секции археологии открыл А. С. Фролов (Москва), отметивший актуальные проблемы в изучении памятников археологии Верхнего Поочья и их место в культурном наследии России. Им же был дан анализ итогов археологических исследований в Калужской области за последние 5 лет.

Серия докладов была посвящена теме изучения каменного века в бассейне Оки. Ее открыл обобщающий доклад А. А. Чубура (Курск) «Четвертичная мегофауна Верхней Оки (некоторые итоги изучения)». Докладчик сообщил о сделанных в последние годы находках остатков животных четвертичной эпохи и выделил два наиболее перспективных района поисков палеолитических местонахождений — участки долины р. Оки от д. Шахово до г. Орла и от устья р. Зуши до устья р. Нугрь в Орловской обл. Общих вопросов изучения мезолита коснулся доклад А. Н. Сорокина (Москва) «Мезолит Калужской земли», где автор охарактеризовал памятники трех культур — рессетинской, бутовской и иеневской в пределах Калужской обл. Выделена группа стоянок (типа Красное 1 — «Вася» и Красное 8 — «Пенешки» на р. Рессете), хронология и культурная принадлежность которых окончательно не установлена и требует дальнейшего исследования. М. Р. Зотков (Москва) в выступлении на тему «Технологический подход к классификации нуклеусов» представил разработанную им систему описания мезолитических и неолитических нуклеусов по приемам их расщепления. Учитывая количество фазов нуклеусов и их взаимное расположение, по мнению автора, можно создать более четкую и стройную классификацию данных артефактов. К теме мезолита — неолита относился и доклад А. Е. Ефимова (Киров) «Стоянка Нагорное I» (бассейн Верхней Десны), в котором он дал анализ кремневого инвентаря (595 предметов) и керамики, найденных в результате раскопок стоянки в 1992 г. (вскрыто 16 м³). Мезолитический материал (пластины, одноплощадочные подпризматические, подконические, карандашевидный нуклеусы, подокруглые на отщепках скребки и т. п.) он отнес к кругу древностей песочноровской и иеневской культур, неолитический (фрагменты посуды с лапчатым и круглоямочным орнаментом) — к деснинской культуре. Б. В. Грудник (Калуга) выступил с докладом «Геоморфология Калужско-Алексинского каньона и памятники археологии», в котором показал взаимосвязь археологических памятников с геоморфологией узкой долины р. Оки в пределах от г. Калуги до г. Алексина. Временем заселения каньона автор определил эпоху раннего мезолита, а территорией, откуда оно могло идти, — притоки р. Оки (р. Жиздра и др.) южнее Калуги.

С эпохой бронзы был непосредственно связан доклад В. П. Челяпова и В. М. Буланкина (Рязань) «Поздняковский могильник у д. Лебяжий Бор на р. Мокше», где они наглядно показали погребальный обряд племен поздняковской культуры в рязанском течении Оки в третьей четверти II тыс. до н. э.: наличие фрагментов керамики и кремневых изделий в насыпях, наполненные углем и золой ровики и ямки, могильные ямы с погребальным инвентарем. Найденную посуду — лепные горшки остроресберной и баночной форм, орнаментированные нарезкой, зубчатым штампом и веревкой, — авторы считают «веским аргументом в пользу мнения о генетических связях поздняковцев и срубников».

Большой интерес вызвал доклад Г. А. Массалитиной (Калуга) «Древнейший слой городища

Серенск». Анализ материала нижнего слоя городища (остатки построек, лепная, в том числе лощеная, керамика, окские фибулы с кнопкой на ножке, пронизка из синего фаянса и др.) позволил докладчице сделать вывод о существовании здесь крупного укрепленного поселения не только в эпоху Древней Руси, но и в предшествующий период (III—V вв.).

Несколько докладов было посвящено древнерусской эпохе. О. Л. Прошкин (Калуга) в докладе «Древнерусский слой Мощинского городища» охарактеризовал комплекс древнерусских находок, полученных в результате многократных раскопок городища, проводившихся с конца XIX в. На основании анализа остатков построек, предметов быта, оружия, украшений автор датировал древнерусский этап существования городища в пределах XII—XIII вв. и отнес его к остаткам владельческого замка, вероятно, выполнявшего и функции сторожевой крепости на границе Смоленского и Черниговского княжеств. Е. А. Шинаков и Т. Л. Сарычева (Брянск) представили историко-географическую характеристику региона, где следует проводить границы племенных объединений кривичей, вятичей и радимичей, — Верхнедеснинско-Рославльское предполье. Кроме того, Е. А. Шинаков в сообщении «Курганный группа у с. Пеклино» подтвердил выводы предыдущего доклада на основании анализа раскопок Пеклинских курганов, оставленных радимичами в бассейне Верхней Десны и датирующихся концом X — началом XII в. В докладе Г. В. Кропачева (Киров) «Новое в расселении вятичей и кривичей» был также дан анализ материалов XI — середины XIII в. (семилопастные и браслетообразные завязанные височные кольца, решетчатые перстни, сердоликовые, хрустальные и золотостеклянные бусы, остатки трупоположений в грунтовой яме и на материке на кострище и т. п.) из раскопок курганных могильников 1 и 2 у д. Прудки на р. Неручь в бассейне Верхней Десны. Сделан вывод, что могильники оставлены представителями двух племенных объединений — вятичами и кривичами. В. Н. Непомнящая (Брянск) рассмотрела предметы западноевропейского импорта X — первой половины XIII в., найденные на территории Брянского Подесенья. В их числе: денарии Оттона III (983—1002 гг.) и Генриха III (1039—1059 гг.) из курганного могильника у с. Кветунь под Трубчевском; норманнский меч типа Т-1 (X — начало XI в.), по классификации А. Н. Кирпичникова, — случайная находка близ с. Любозицы Трубчевского р-на; водолей в виде птицы с мужской головой (XIII в.) из Саксонии, найденный на Вщижском городище, и многие другие. Сводка интереснейших изделий древнерусской и позднесредневековой металлопластики из собрания Брянского музея представлена в сообщении Г. П. Полякова (Брянск) и В. Г. Пуцко (Калуга). В основном речь шла о предметах христианского культа — амулете-змеевике XII в. из г. Карачева, крестах-тельниках XI—XII вв. из Брянска и Вщижа, одностороннем образке-иконке XV в. из Стародубского района и других произведениях. Важные и интересные данные о ювелирном ремесле на территории вятичей привела И. Е. Зайцева (Москва) в докладе «Медные сплавы Серенска». Выделив металлургические группы в коллекции металлических изделий, она отнесла Серенск к «вятической» зоне распространения древнерусских сплавов XII в.

Архитектурно-археологическим исследованиям был посвящен доклад А. А. Зайцева (Москва) «Археологические исследования Свято-Пафнутьев-Боровского монастыря: предварительные итоги (1961—1991 гг.)». За 30 лет была изучена большая часть монастырской территории — собор Рождества Богородицы конца XVI в., церковь Пафнутия начала XVI в., остатки древнейших деревянных сооружений XV в. и др. Выявлен культурный слой мощностью до 2 м, содержащий большое количество фрагментов гончарной посуды, архитектурных деталей, изразцов и других предметов XV—XIX вв. Результатам изучения другого монастырского комплекса посвящался доклад Л. А. Беляева (Москва) «Спасский на Усть-Угры монастырь. История, археология, архитектура».

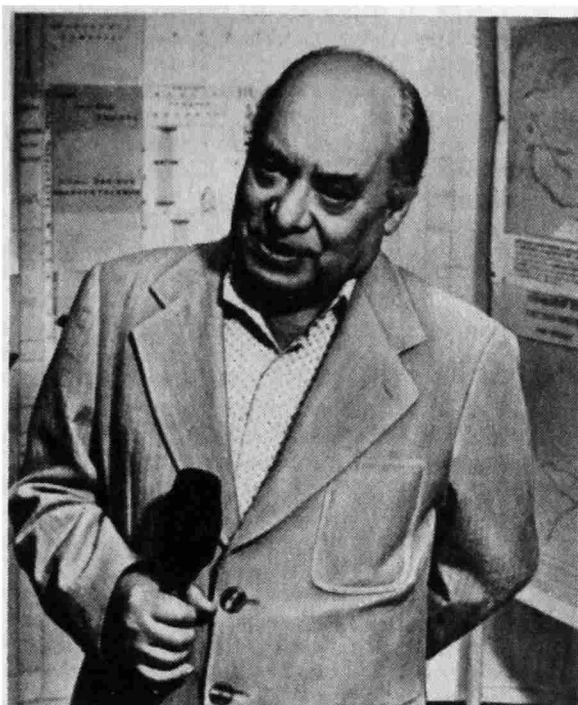
Совместное выступление Р. А. Нигматуллина, М. Е. Смирновой (Москва) и Т. М. Хохловой (Калуга) «Стоянка и селище Дешевки I» касалось стратиграфии и датировки археологического материала из раскопок поселения. Авторы вычленили три комплекса находок и сооружений, датируемых эпохами камня, Древней Руси и позднего средневековья.

В докладе А. И. Ульянова (Жуково), имевшем больше научно-популярный характер, шла речь об истории изучения, судьбе и значимости археологических памятников в бассейне нижнего течения р. Протвы («Угодский край в древности»). Докладчик указал на варварское уничтожение в последние годы таких известных в науке памятников, как Огубское городище, поселение и курганный могильник эпохи бронзы в урочище Михалева Гора.

О практическом применении вычислительной техники в археологии и новых теоретических разработках по данной теме рассказал А. С. Смирнов (Москва) в сообщении «Компьютерные программы в археологии». На примере AutoCAD и других программ он показал возможность быстрого создания необходимых баз данных с последующим анализом и реконструкцией материала (автоматизация чертежно-графических работ, создание трехмерной модели для показа изменения облика сооружения в разные строительные периоды и т. п.).

Сообщение В. А. Тарасова (Обнинск) «Работа по изучению археологических памятников в историко-краеведческом клубе „Аркас“ г. Обнинска» завершило работу археологической секции конференции в Калуге.

В конце были подведены итоги и намечены дальнейшие задачи исследований археологических памятников в бассейне Верхней Оки и на сопредельных территориях. Признано необходимым наиболее полно публиковать результаты исследований в журналах и сборниках.

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА ШЕЛОВА

(1919—1993)

19 ноября 1993 г. после тяжелой болезни скончался Дмитрий Борисович Шелов — крупнейший исследователь в области античной истории и археологии Северного Причерноморья и тесно с ними связанной археологии скифо-сарматского мира. Благодаря многосторонним интересам, Д. Б. Шелов занимался самым широким кругом вопросов, от искусствоведческих разработок античных памятников до теоретических проблем, связанных с греческой колонизацией и греко-варварскими взаимоотношениями. Им написано больше 200 статей, книг и монографий, часть из них издана на иностранных языках.

Д. Б. Шелов родился 1 марта 1919 г. в Москве. В 1936 г. он поступает в Московский институт философии, литературы и истории им. Чернышевского (ИФЛИ), который и заканчивает в 1941 г. Из-за плохого зрения в армию во время Отечественной войны его не призвали, но он принимает участие в строительстве оборонных укреплений в составе саперных армий под Вязьмой, Ростовом, в районе Элисты и Астрахани.

В 1944 г. Д. Б. Шелов поступает в аспирантуру, сначала в МГПИ им. В. П. Потемкина на кафедру древнего мира, а затем в 1945 г. переходит в аспирантуру ИИМК АН СССР, которую заканчивает в 1948 г., защитив кандидатскую диссертацию «Монетное дело Боспора VI—IV вв. до н. э.». В том же году он начинает работать в ИИМК (ныне ИА РАН) в должности младшего научного сотрудника (до 1952 г.), затем старшего (до 1953 г.), потом Ученого секретаря Института (до 1956 г.) и заместителя директора (до 1968 г.). В 1968 г. Д. Б. Шелов защищает докторскую диссертацию «Танаис и Нижний Дон в III в. до н. э.— IV в. н. э.» и переходит работать в Сектор античной археологии. С 1975 г. он возглавляет Отдел полевых исследований, а в последние два года работает главным научным сотрудником-консультантом.

Постоянная тема, разрабатывавшаяся Д. Б. Шеловым на протяжении всей творческой жизни, связана с вопросами античной нумизматики, изучение которой он возглавил после смерти А. Н. Зографа. Вместе с Б. Н. Граковым им было осуществлено издание труда А. Н. Зографа «Античные монеты» (М.—Л., 1951 г.). В 1956 г. издана его книга «Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.». В 1960 г. под его редакцией выходит I том «Нумизматики и эпиграфики», бессменным редактором которой он был до конца своей жизни. В этом издании нашли свое отражение исследования многих ученых Европы и Азии. Представленный ими материал охватывает широкие хронологические рамки (VII в. до н. э.— XVIII в. н. э.) и такой же широкий круг проблем нумизматики, эпиграфики и сфрагистики. В последнем, XV томе есть составленная Д. Б. Шеловым библиография пятнадцати томов, где он подводит итог своей работы в этом издании. До последних дней жизни Д. Б. Шелов занимался монетным делом Боспора. Им, совместно с Н. А. Фроловой, подготовлена к печати книга

«Чеканка Боспора IV в. до н. э.— IV в. н. э.» Д. Б. Шелов считал, что издание общего очерка монетного дела Боспора с перечислением максимально полного числа монетных типов, зафиксированных на таблицах, просто необходимо. Эта книга будет служить главным пособием для определения всех боспорских монет, находимых при раскопках и хранящихся в коллекциях.

Также постоянно Д. Б. Шелов занимался древнегреческой керамической эпиграфикой, продолжая разрабатывать тему своего учителя Б. Н. Гракова. Он обработал клейма Пантикапея, Фанагории и Танаиса. На основании их изучения сделаны важные выводы о торговых путях, экономических связях этих городов и о датировке клейм.

Д. Б. Шелов исследовал и другой вид керамической эпиграфики — надписи, выполненные красной краской на амфорах и реже на столовой посуде, открытых в Танаисе. Этой теме посвящено несколько статей и подготовлена совместно с Б. Беттгером к печати в Германии большая работа «Дипинти на амфорах Танаиса».

Д. Б. Шелов участвовал в многочисленных археологических экспедициях, а в 1955 г. им была создана систематически работающая Нижне-Донская экспедиция, главной задачей которой стало исследование древнего Танаиса и его некрополя. Особо следует отметить огромный труд Д. Б. Шелова, вложенный в создание музея-заповедника, где сохраняются для показа строительные остатки, а в музее хранятся и экспонируются разнообразные добытые материалы. Благодаря работам Д. Б. Шелова, Танаис предстает теперь перед нами как важный экономический, культурный и производственный центр на протяжении почти семи веков своего существования. В двух блестяще написанных монографиях «Танаис и Нижний Дон III—I вв. до н. э.» и «Танаис и Нижний Дон в первые века н. э.» всесторонне освещена жизнь города, его этнический состав, взаимоотношения с кочевым миром, с окрестными племенами и Боспорским царством.

Большое место в работе Д. Б. Шелова занимала редакционно-издательская деятельность. Под его редакторством вышли в свет многочисленные монографии и сборники, работал он тщательно и скрупулезно, не жалея ни времени, ни сил. Он являлся членом редколлегии КСИА, СА, международного журнала «Эйрене», ответственным редактором издания «Нумизматика и эпиграфика», редактором-консультантом издательства «Советская энциклопедия» и многих других изданий.

Огромное значение имеет просветительская деятельность Д. Б. Шелова, им написано несколько книг и журнальных статей для широкого круга читателей. Среди них «Античный мир в Северном Причерноморье», «Древний город Танаис», «Танаис — потерянный и найденный город» и др. Он неоднократно выступал по центральному телевидению и радио, был консультантом нескольких популярных фильмов, читал лекции.

Большое внимание Д. Б. Шелов уделял и педагогической деятельности в разных учебных заведениях (Исторический факультет МГУ, Пединституты Москвы, Воронежа, Элисты и др.), руководил работой многих аспирантов, выступил оппонентом на защитах 31 кандидатской и 15 докторских диссертаций.

Выступления Д. Б. Шелова на научных конференциях всегда были яркими и интересными, он многократно представлял российскую археологическую науку и на международных конгрессах. Имя его за рубежом хорошо известно. Он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, членом Венгерского общества исследователей древности, почетным членом Румынского нумизматического общества.

Заведую Отделом полевых исследований, а до этого назначения являясь многолетним его сотрудником, Д. Б. Шелов прочитывал и просматривал все поступающие отчеты о раскопках, скрупулезно отмечая их недостатки. При нем разрабатывались и издавались новые методические инструкции к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок. Повышение требований к отчетам, как надеялся Д. Б. Шелов, будет способствовать дальнейшему совершенствованию деятельности археологов и сохранению археологических сокровищ.

Д. Б. Шелов был широко образованным человеком, обладал большой работоспособностью и ответственностью, его смело можно поставить в один ряд с представителями уже ушедшего поколения антиковедов-классиков, обладавших недостижимо высокой культурой и знаниями.

В памяти людей, работавших с Дмитрием Борисовичем Шеловым, он останется человеком необыкновенных душевных качеств, высокой порядочности, доброжелательности, воспитанности и истинной интеллигентности.

Институт археологии РАН,
Москва

Т. М. Арсеньева

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Д. Б. ШЕЛОВА

1. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г. // ВДИ. 1947. № 1.
2. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. 1949. № 1.
3. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2.
4. Полевые археологические исследования в 1948 г. // ВДИ. 1949. № 2.
5. Рец. на книгу Т. Н. Книпович «Танаис» // ВДИ. 1949. № 4.
6. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в VI—IV вв. до н. э. (тезисы дисс.) // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX.
7. Монеты синдов // КСИИМК. 1949. Вып. XXX.
8. Рец. на книгу В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» // ВДИ. 1949. № 10.

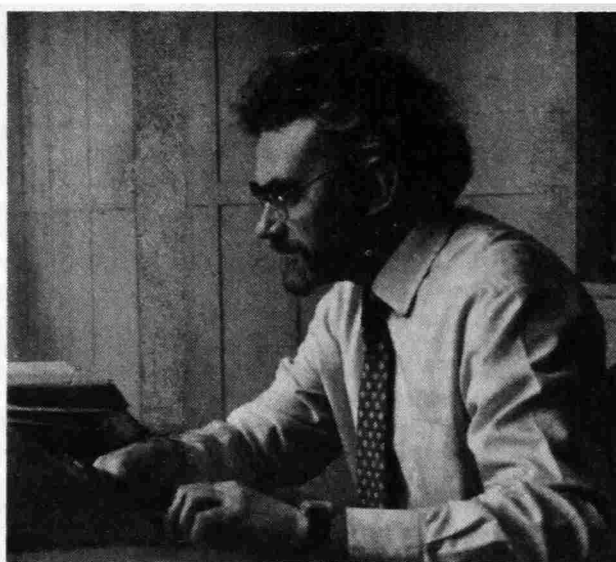
9. Феодосийский клад боспорских «статеров» // ВДИ. 1950. № 2.
10. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3.
11. Сессия ОИФ и пленум ИИМК, посвященные итогам полевых работ в 1949 г. // ВДИ. 1950. № 3.
12. Рец. на книгу Б. В. Лунина «Очерки истории Придонья—Приазовья» // ВИ. 1950. № 1.
13. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.
14. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
15. К опубликованию двух кладов из Нимфея // ВДИ. 1951. № 1.
16. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.
17. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. // МИА. 1951. № 19.
18. Итоги археологических исследований в 1946—1950 гг. // ВАН. 1951. № 8.
19. Пантикапейские монеты 3-ей четверти III в. до н. э. с надчеканками // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII.
20. Автономные монеты боспорских городов как исторический источник // Археология и история Боспора. Ч. I. Симферополь, 1952.
21. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1.
22. Рец. на книгу Д. П. Каллистова «Северное Причерноморье в античную эпоху» // ВДИ. 1953. № 1.
23. Сухо-Чалтырское городище // ВДИ. 1953. № 2.
24. О работе сектора древней истории Института истории АН СССР // ВДИ. 1953. № 2.
25. Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС (передовая) // СА. 1953. Т. XVIII.
26. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
27. Археологические экспедиции ИИМК в 1953 году // ВИ. 1953. № 9.
28. К истории керамического производства на Боспоре // СА. 1954. Т. XXI.
29. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // МИА. 1954. № 33.
30. Рец. на книгу С. А. Жебелева «Северное Причерноморье» // ВИ. 1954. № 2.
31. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 году // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
32. Разведки и раскопки на Керченском полуострове в 1952 г. (совместно с В. Д. Блаватским) // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
33. В Институте истории материальной культуры // ВАН. 1955. № 2.
34. Современное состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи // Тезисы докладов на сессии ОИИ и пленуме ИИМК. М., 1955.
35. Греческие монеты VI—V вв. до н. э. // Древняя Греция. М., 1956.
36. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956.
37. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи // КСИИМК. 1956. Вып. 66.
38. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. 1956. № 57.
39. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья (тезисы) (совместно с Н. И. Сокольским) // Научная конференция, посвященная истории и археологии Сев. Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956.
40. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
41. Программа курса «Основы археологии» для истфаков педагогических институтов. М., 1956.
42. Программа курса «Основы археологии» для истфаков педагогических институтов. Ташкент, 1957.
43. Раскопки средневекового поселения в Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
44. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // МИА. 1957. № 56.
45. Возникновение Феодосии // Тр. ГИМ. 1957. Т. XXVI.
46. Предисловие // Тр. ГИМ. 1957. Т. XXVI.
47. Древний город Танаис // Наука и жизнь. 1957. № 12.
48. Новые данные о древнем Танаисе // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Вып. 1. Таганрог, 1957.
49. Статьи в Большой сов. энциклопедии. ТТ. 20—40. М., 1953—1957.
50. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом // СА. 1958. Т. XXVIII.
51. Раскопки Танаиса // Дон. 1958. № 6.
52. Новые данные по истории Танаиса // Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1957 г. М., 1958.
53. Раскопки Танаиса в 1955 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
54. Археологическая экспозиция Пражского Национального музея // СА. 1959. № 2.
55. К истории Танаиса // ВДИ. 1959. № 1.
56. Раскопки Танаиса в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 77.
57. Создание Одесского археологического общества // СА. 1959. № 3.
58. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья (совместно с Н. И. Сокольским) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
59. Руины Танаиса // Известия Ростовского областного краеведческого музея. 1959. № 1 (3).
60. Вторая конференция ученых-антиковедов социалистических стран // ВАН. 1959. № 4.
61. Рец. на книгу «Боспорские города», т. II (МИА. № 85) // СА. 1960. № 2.
62. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Вып. 1.

63. Денежный рынок Танаиса // ЗОАО. 1960. Вып. 1 (34).
64. Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных // *Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes*. Berlin, 1961.
65. Древности нашей земли (совместно с Н. Я. Мерпертом). М., 1961.
66. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
67. Древний город Танаиса. Одесса, 1961.
68. Soviet archaeological expeditions in 1961 (совместно с Н. Я. Мерпертом) // *Archaeology*. 1961. Septemb. (V. 14. N. 3).
69. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83.
70. Отчет о командировке в Болгарию. М., 1961.
71. Древний мир в иллюстрациях (альбом) (в коллективе авторов). М., 1961.
72. Античные города в Северном Причерноморье // СИЭ. 1961. Т. I.
73. Археология и историческая наука (совместно с Н. Я. Мерпертом) // ВИ. 1961. № 12.
74. Археология и историческая наука (совместно с Н. Я. Мерпертом) (на румынском языке) // *Analele romino-sovietice*. 1962. N 2.
75. Новые данные о Танаисе (по раскопкам 1955—1961 гг.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов-Дон, 1962.
76. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 91.
77. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2.
78. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. // НЭ. 1962. Т. III.
79. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. (совместно с К. В. Голенко) // Новгородский исторический сборник. 1963. Т. I.
80. Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. М., 1963.
81. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV.
82. Исследования Танаиса в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95.
83. Итоги археологического исследования Танаиса // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964.
84. Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху // Тезисы конференции по изучению проблем античности. М., 1964.
85. Итоги археологического изучения Танаиса // КСИА. 1965. Вып. 100.
86. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. // НЭ. 1965. Т. V.
87. Археологические исследования Танаиса // *Eirene*. 1965. IV.
88. Римский экспорт в Нижнем Подонье в первые века н. э. // Конгресс классической филологии. Тезисы докладов. Будапешт, 1965.
89. Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг. (совместно с Н. А. Фроловой) // Новгородский исторический сборник. 1965. Т. 2.
90. Царь Атей // Новгородский исторический сборник. 1965. Т. 2.
91. Недвижимое городище. История и задачи исследования // Древности Нижнего Дона. М., 1965.
92. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957) (совместно с Т. М. Арсеньевой) // Древности Нижнего Дона. М., 1965.
93. Раскопки северно-восточного участка Танаиса (1955—1957) // Древности Нижнего Дона. М., 1965.
94. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1965—1957) (совместно с А. К. Коровиной) // Древности Нижнего Дона. М., 1965.
95. Из истории денежного обращения Азиатского Боспора // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР в 1964 г. (тезисы). Баку, 1965.
96. В. Д. Блаватский // ВИ. 1965. № 2.
97. Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР // ВИ. 1965. № 11.
98. Глиняные штампы из Танаиса // Новое в советской археологии. М., 1965.
99. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // *Acta archaeologica Hungarica*. 1965. XVII.
100. Рабовладельческие государства Северного Причерноморья // История СССР. Т. I. М., 1966.
101. Новгородская мирница и сарматские флаконы // Культура древней Руси. М., 1966.
102. Исследования Танаиса // АО 1965. М., 1966.
103. В. Д. Блаватский — исследователь античного мира // Культура античного мира. М., 1966.
104. Тамга Риметалка // Культура античного мира. М., 1966.
105. Из тьмы веков // Дон. 1966. № 2.
106. Нижне-Донская экспедиция в 1962—1963 годах // КСИА. 1966. Вып. 107.
107. Греческая надпись из Танаиса // Наука и жизнь. 1966. № 1.
108. Отчет о командировке в Италию (совместно с И. Т. Кругликовой и В. Д. Блаватским). М., 1966.
109. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг. // НЭ. 1966. Т. VI.
110. На раскопках древнего Танаиса // Знание — сила. 1966. № 9.
111. Дополнительные клейма на родосских амфорах // *Mélanges offerts à K. Michalowski*. Warszawa. 1966.

112. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // Тезисы докладов на конференции по вопросам скифо-самарской археологии. М., 1966.
113. Рельефные эллинистические чаши из Танаиса // *Sbornik Narodniho Muzea v Praze*. V. XX. N 1—2. Praha, 1965.
114. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э. // *ЗООА*. 1967. Т. II.
115. Раскопки Танаиса в 1964—1965 гг. // *КСИА*. 1967. Вып. 109.
116. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967.
117. Нумизматика // *СИЭ*. 1967. Т. X.
118. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // *Античное общество*. М., 1967.
119. Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э. // *ВДИ*. 1967. № 4.
120. Из истории международных отношений на Балканах. Филипп II и Атей // Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности. М., 1968.
121. О времени основания Танаиса. // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968.
122. Раскопки Танаиса // *АО* 1967. М., 1968.
123. Танаис и Нижний Дон // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968.
124. Der römische Import in Unterdon- und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. z. // *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest, 1968.
125. Находки «мегарских» чаш в Танаисе // *Античные древности Подонья—Приазовья*. М., 1969.
126. От редактора // *Античные древности Подонья—Приазовья*. М., 1969.
127. Полемон и Танаис. // *КСИА*. 1969. Вып. 116.
128. Рец. на книгу В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (совместно с И. Б. Брашинским) // *ВДИ*. 1969. № 3.
129. К 70-летию Бориса Николаевича Гракова (совместно с А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирновым) // *СА*. 1969. № 4.
130. Ольвийские монеты в Поволжье // *Древности Восточной Европы*. М., 1969.
131. Russische opgravingen naar griekse stad // *Spiegel historiael*. 1970. N 1.
132. Рец. на книгу Хр. Данова «Древна Тракия» (совместно с Т. Д. Златковской) // *ВДИ*. 1970. № 2.
133. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
134. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // *Проблемы скифской археологии*. М., 1970.
135. Памяти А. Д. Бертъе-Делагарда (совм. с В. В. Кропоткиным) // *СА*. 1971. № 1.
136. Нефть в Восточной Европе в древности и в средние века // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований в 1970 г. Тезисы пленарных докладов. Тбилиси, 1971.
137. Работы в Танаисе (совместно с Т. М. Арсеньевой) // *АО* 1970 г. М., 1971.
138. Фибулы Фракции VII—V вв. до н. э. (совместно с Т. Д. Златковской) // *СА*. 1971. № 4.
139. Der skythen-makedonier Konflikt in der Geschichte der Antike // *Eirene*. 1971. V. IX.
140. Нефть в античных амфорах // *Природа*. 1971. № 8.
141. Социально-экономические и этнические процессы в Северном Причерноморье во II в. // XII-e Conference internationale du Comité «Eirene». Cluj. 1972.
142. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
143. Исследования Танаиса (совместно с Т. М. Арсеньевой) // *АО* 1971 г. М., 1972.
144. Нефть в Танаисе // *Новое в археологии*. М., 1972.
145. Социальное развитие скифского общества // *ВИ*. 1972. № 3.
146. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг. (совместно с Т. М. Арсеньевой) // *КСИА*. 1972. Вып. 130.
147. Торговля и денежное обращение (в Древней Греции) // *Античная цивилизация*. М., 1973.
148. Торговля и денежное обращение (в Древнем Риме) // *Античная цивилизация*. М., 1973.
149. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М., 1973.
150. Основные итоги раскопок Танаиса и проблемы древней истории Нижнего Подонья // *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-Дон, 1973.
151. Экспозиция памятников археологии в условиях городской застройки // *Методические основы приспособления и использования памятников культуры*. М., 1973.
152. Статьи в Советской исторической энциклопедии. ТТ. I—XIV. М., 1961—1973.
153. К этнической истории Танаиса и Нижнего Дона // Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.
154. Исследования Танаиса (совместно с Т. М. Арсеньевой) // *АО* 1973 г. М., 1974.
155. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // *ВДИ*. 1974. № 1.
156. Рец. на книгу Е. С. Голубцовой «Сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э.» // *СЭ*. 1974. № 2.
157. Опыт организации археологического заповедника «Танаис» // *Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры*. VII. М., 1974.
158. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века н. э. // III Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии и восточных республик РСФСР. Тезисы докладов. М., 1974.

159. Новые материалы к истории Нижнего Подонья (совместно с М. Н. Мошковой) // Археологические памятники Нижнего Дона. Т. I. М., 1974.
160. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972) (Совместно с Т. М. Арсеньевой) // Археологические памятники Нижнего Дона. Ч. I. М., 1974.
161. От редактора // Формозов А. А. Археологические путешествия. М., 1974.
162. Кочевники волго-донских степей и античный мир во II—IV вв. н. э. // XIII-e Congrès international du Comité «Eirene». Resumes des communications. Skopje 1974.
163. К этнической истории Нижнего Подонья // Известия Северо-Кавказского научного центра. Серия общ. наук. 1974. № 3.
164. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975.
165. Двадцатый год раскопок Танаиса (Совместно с Т. М. Арсеньевой) // АО 1974 г. М., 1975.
166. Первобытные древности Европы // Наука и жизнь. 1975. № 7.
167. Понтийская держава Митридата VI и Колхида // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья» Тезисы. Тбилиси, 1975.
168. Степи Нижнего Дона в гуннское время // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975.
169. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг. (Совместно с Т. М. Арсеньевой) // КСИА. 1975. Вып. 143.
170. Социально-экономические, этические и политические процессы в Северном Причерноморье во II в. н. э. // Actes de la XII-e Conférence internationale d'études classique «Eirene». Bucaresti—Amsterdam, 1975.
171. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975.
172. Рец. на кн. А. И. Мартынова «Археология СССР». М., 1973 // СА. 1976. № 1.
173. Новейшие исследования советских археологов в области античной культуры (Совместно с И. Т. Кругликовой) // XIV международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976.
174. Исследования в Танаисе (Совместно с Т. М. Арсеньевой) // АО 1975 г. М., 1976.
175. Скульптурное надгробие из Танаиса // КСИА. 1976. Вып. 145.
176. Кочевники Волго-Донских степей и античный мир во II—IV вв. н. э. // Жива антика. 1975. Т. XXV.
177. XIV Междугородная конференция «Эйрене» (Совместно с Е. С. Голубцовой) // ВДИ. 1977. № 1.
178. Из античной литературной традиции о митридатских войнах (Посидоний и Цицерон) // История и культура античного мира. М., 1977.
179. Исчезнувшие народы. Скифы. // Природа. 1977. № 3.
180. Монетные находки в Танаисе в 1965—1972 гг. // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977.
181. Scythians, Sarmatians and Greeks: Recent Works // Recent archaeolog. excavations in Europe. London-Boston, 1975.
182. Б. Н. Граков и развитие античной эпиграфики в СССР (Совместно с Ю. Г. Виноградовым) // Б. Н. Граков. «Ранний железный век». М., 1977.
183. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1.
184. Coinage of the Bosphorus VI—II Centuries B. C. Oxford, 1978.
185. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
186. К вопросу о происхождении восточнославянского обряда русалий (совместно с Т. Д. Златковской) // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
187. Личные имена на амфорах из Танаиса // НЭ. 1978. Т. XII.
188. Die römische Bronzegefäße in Ost. Europa // XI International Congress of Classical Archaeology. Final Programm. London, 1978.
189. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
190. Сарматы и гунны в Нижнем Подонье // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. V. XXVI. № 1—2.
191. Die XIV International Eirene-Konferenz (совместно с Е. С. Голубцовой) // Eirene. 1978. V. XIV.
192. Сосуд жреца Фана (совместно с Ф. В. Шеловым-Коведяевым) // ВДИ. 1979. № 1.
193. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. 1979.
194. Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // КСИА. 1979. Вып. 159.
195. Археологические раскопки античных памятников Северного Причерноморья (совместно с И. Т. Кругликовой) // Проблемы античной истории и культуры. Т. II. Ереван, 1979.
196. Рим и Северное Причерноморье в II в. н. э. // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980.
197. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3.
198. От редактора // Воронов Н. Н. «Диоскуриада—Себастополис—Цхум» М., 1980.
199. Первый международный симпозиум «Понтийская Фракия» // ВДИ. 1980. № 4.
200. Статьи по археологии и истории материальной культуры // Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
201. Der nordliche Schwarzmeerraum in der Antike // Die Geschichte des Altertums im Spiegel der Sowjetischen Forschung. Darmstadt, 1980.

202. За высокое качество полевых археологических исследований // СА. 1981. № 1.
203. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. 1981. № 2.
204. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
205. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. 1981. № 4.
206. К истории обращения пантикапийских медных монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
207. Понтийская держава Митридата Евпатора // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тезисы. Тбилиси, 1988.
208. *Römische Bronzegefäße in Osteuropa* // *Eirene*. 1982. V. XVIII.
209. Синды Прикубанья и греческая колонизация // *Tracia Pontica I*. Sofia, 1982.
210. Рец. на книгу В. Б. Виноградова «Судьбы древних монет». Грозный, 1982. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1983. № 4.
211. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.
212. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4.
213. Полевая археология и проблемы охраны археологических памятников // Всесоюзная конференция. Советская археология в XI пятилетке. М., 1983.
214. Полевая археология и охрана археологических памятников // СА. 1984. № 1.
215. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
216. Ремесленное производство // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
217. *Le Royaume Pontique de Mithridate Eupator* // *Journal des Savants*. Paris, 1984.
218. Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг. (совместно с А. И. Анисимовым) // НЭ. 1984. Т. XIV.
219. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифосарматское время. М., 1984.
220. Римские бронзовые сосуды в Восточной Европе // *Thracia*. 1985. V. 7.
221. Монеты-стрелки в Ольвии // Проблемы исследований Ольвии. Парутино, 1985.
222. Античная археология // Учебные программы МГУ. Археология. М., 1985.
223. *Les cites antiques de la Mer Noire* // *Fonilles et recherches archéologiques en URSS*. Moscou, 1985.
224. *Les Scythes* // *Fonilles et recherches archéologiques en URSS*. Moscou, 1985.
225. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
226. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1.
227. *Les amphores d'argile claire des premiers siècles de notre ère en Mer Noire* // *Recherches sur les amphores grecques*. Athenes, 1986.
228. К методике полевых археологических исследований (новая инструкция к открытым листам) // СА. 1986. № 2.
229. Аппиан — историк Митридатовых войн // Проблемы античной культуры. М., 1986.
230. Рец. на книгу Z. Sztetyllo «Les timbres ceramiques dans les collections du Muzée National de Varsovie». Varsovie, 1983 // *Archeologia*. Warszawa. 1986. V. XXXVII.
231. Терракоты и античная культура // Тайны терракоты. Краснодар, 1987.
232. Сохранность памятников археологии и полевые археологические исследования // Методические основы охраны и исследования памятников археологии. М., 1987.
233. Монеты-стрелки в Нижнем Побужье // ВДИ. 1987. № 4.
234. *Das antike Tanais. Forschungen und Geschichte* (совместно с Т. М. Арсеньевой) // *Klio*, 1988. № 70.
235. Скифы // Исчезнувшие народы. М., 1988.
236. Танаис — эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3.
237. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ. 1989. Т. XV.
238. Предисловие // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989.
239. Предисловие // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». I. М., 1991.
240. Василий Алексеевич Городцов и полевая археология // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
241. Семьдесят лет Института археологии // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Т. I. М., 1991.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА МИКЛЯЕВА

(1934—1993)

А. М. Микляев трагически погиб 29 января, через 10 дней после блестящей защиты докторской диссертации.

Ушел из жизни в расцвете творческих сил ученый-археолог.

Александр Михайлович Микляев родился 9 сентября 1934 г. в Ленинграде. В 1953 г. поступил на исторический факультет Ленинградского университета. Уже на первом курсе он выбрал свой путь — изучение древнейшей истории нашей родины. Интерес к этой тематике, в первую очередь к истории древних славян, пробудили занятия и личное общение с замечательным историком В. В. Мавродиным, а также с тогдашним заведующим кафедрой археологии М. И. Артамоновым.

Вскоре после окончания университета в 1960 г. А. М. Микляев начинает работать в Эрмитаже под руководством Г. П. Гроздилова. В это же время они обсуждали возможность проследить в каком-либо регионе всю цепочку развития материальной культуры от появления человека после вюрмского оледенения до образования древнерусского государства. И при таком движении «снизу вверх» попытаться ответить на ряд сложнейших вопросов: действительно ли культура восточных славян в том виде, в котором она известна, является чужеродной на Северо-Западе? Развивалась ли материальная культура с конца плейстоцена непрерывно или же были разные смены традиций?

Для решения этих задач в 1962 г. в составе Псковской археологической экспедиции организовывается неолитический отряд с целью поиска и изучения до тех пор не известных памятников каменного века на территории Ловатско-Двинского междуречья. С тех пор, в течение 31 полевого сезона Северо-Западной археологической экспедиции, бессменным руководителем которой был А. М. Микляев, было открыто и описано более 2 тыс. памятников каменного — железного веков. Впервые были найдены памятники позднего палеолита, торфяниковые стоянки раннего неолита, свайные поселения среднего и позднего неолита, стоянки начального железного века, мастерские по добыче железа, его переработке, изготовлению керамики раннего железного века, а также железодобывающая мастерская, селища и городища культуры длинных курганов. Со второй половины 70-х годов впервые начинаются подводные исследования неолитических поселений, затопленных водами озер и рек. Для исследования торфяниковых памятников А. М. Микляевым были разработаны оригинальные методики поиска и раскопок. Изучение накопленных материалов позволило Александру Михайловичу ликвидировать «белое пятно» на археологической карте памятников каменного века северо-запада Европейской равнины и выделить ряд новых археологических культур. Для выявления временного развития материальной культуры А. М. Микляевым был предложен в 1972 г. комплексный метод датирования, основанный на сочетании традиционных типологических методов и данных естественных наук (спорово-пыльцевого анализа, климатологии, геоморфологии, радиоуглеродного датирования).

Сопоставления данных исследований, проводимых специалистами в различных областях знаний (истории, лингвистике, палеогеографии, почвоведении, палеозоологии и археологии), привели А. М. Микляева к созданию новой научной дисциплины — «археологической географии». Археологическая география позволила взглянуть на историю человека и Земли не в отрыве друг от друга, а как на

единый процесс, в котором материальная культура выступала как механизм приспособления человека к постоянно изменяющейся географической среде.

Итогом научной работы А. М. Микляева стало около 100 научных публикаций. В своей докторской диссертации «Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати» Александр Михайлович подвел итоги многолетних исследований, показав динамику развития материальной культуры от позднего плейстоцена до времени образования древнерусского государства, наметил пути решения многих проблем археологии каменного — железного веков.

Творческая биография Александра Михайловича Микляева — это нелегкий путь первооткрывателя. Не многие сразу соглашались и поддерживали идеи и образ мысли А. М. Микляева, его нетрадиционные взгляды на трактовки многих проблем.

В его экспедиции царила творческая, доброжелательная и спокойная обстановка. Рядом с А. М. Микляевым всегда работали его ученики и единомышленники из Санкт-Петербурга, Москвы, Минска, Пскова, Вильнюса. Им была создана своя особая школа исследователей. А. М. Микляев всегда поддерживал тесные контакты с местными музеями, краеведами, оказывал им посильную помощь. Всюду, где он бывал, его глубоко уважали и ценили.

Человек аккуратный и обязательный, А. М. Микляев все делал добросовестно, тщательно, без спешки, спокойно и своевременно. Только с защитой докторской диссертации он не торопился, хотя давно заслужил звание доктора наук. Карьера его мало интересовала. Влекли новые идеи и поиски. К тому же много времени занимало огромное хранение — четверть миллиона единиц, экспозиционная, редакторская работа.

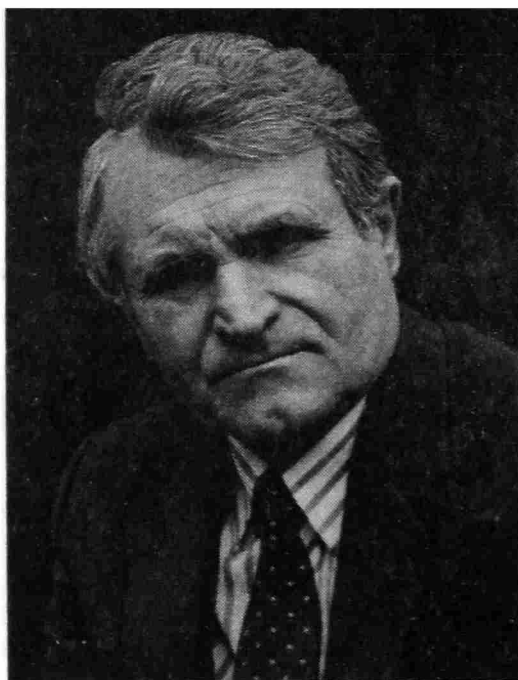
В последние годы Александр Михайлович с большим интересом и увлечением готовил и читал курсы «Поздний неолит — энеолит Европы», «Археологическая география» на кафедре археологии С.-Петербургского университета. Много уделял внимания он и работе со студентами.

А. М. Микляев был не только талантливым, но и очень трудолюбивым человеком. Он поражал своим глубоким знанием специальной литературы, широкой эрудицией, уважительным отношением к предшественникам в науке. Особенно трепетно он относился к памяти своего учителя Григория Павловича Гроздилова.

Беспредельно преданный науке, талантливый ученый, интеллигентный и деликатный человек, доброжелательный и готовый прийти на помощь — таким всегда останется в памяти всех, кто его знал, Александр Михайлович Микляев.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

О. И. Давидан, А. Н. Мазуркевич, Б. С. Короткевич

ПАМЯТИ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА МОЗОЛЕВСКОГО

(1936—1993)

13 сентября 1993 г. умер Борис Николаевич Мозолевский — талантливый ученый-скифолог, поэт, духовно и душевно богатый человек. Когда умирают такие люди, мир становится беднее. И пишущим эти строки, и друзьям, и коллегам Б. Мозолевого мучительно трудно осознать это: молодым, энергичным, полным творческих планов был он.

Имя Б. Н. Мозолевого было известно украинской общественности как имя поэта (первая поэтическая книжка вышла в 1963 г.), но прогремело оно в 1971 г., когда он подарил миру шедевр скифской культуры — золотую пектораль. Однако путь к этому, впрочем, как и вся жизнь Бориса Николаевича, был не простым, его биография во многом сходна с биографией предвоенного поколения.

Родился Борис Николаевич Мозолевский 4 февраля 1936 г. на Украине, в с. Николаевка Николаевской обл. Во время войны погиб его отец, и на плечи мальчика легли трудности сельской жизни военного и послевоенного времени. Детство, мама, родное село — тема многих его стихов. Именно в эти годы, видимо, сформировались черты характера Бориса Николаевича, так рельефно выделявшие этого человека, — трудолюбие, сила воли, напористость в достижении цели.

Пятнадцати лет Б. Мозолевский поступил в Одесскую спецшколу военно-воздушных сил, а позже продолжил учебу в Военно-морском авиационном училище г. Ейска. Здесь он встретился с будущими космонавтами Георгием Шониным и Георгием Добровольским. Но мечта о небе не сбылась: сокращение вооруженных сил пало и на него.

В 1956 г. Борис Николаевич приезжает в Киев и начинает работать кочегаром в строительно-монтажном управлении. Однако его творческая натура не может удовлетвориться этим, и он поступает на заочное отделение историко-философского факультета Киевского университета. Именно в это время серьезно начинает заниматься поэзией (стихи писал с детства). В начале 60-х годов он знакомится с А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской. Это знакомство переросло в тесную дружбу и основывалось, безусловно, на большой духовной близости этих людей. К этому времени относится и знакомство Бориса Николаевича с полевой археологией (Южно-украинская экспедиция 1962 г.). Отныне две Музы — поэзии и археологии — сопровождали жизнь Бориса Николаевича. Будучи человеком одаренным, он оставил яркий след и в поэзии, и в археологии.

Несколько лет (1965—1968 гг.) Б. Мозолевский работал редактором в издательстве «Наукова думка», где еще ближе познакомился с археологией и археологами. С 1968 г. он в Институте археологии АН Украины, сначала внештатным, а с 1971 г. штатным сотрудником Отдела археологии раннего железного века. В 1969 г. участвовал в раскопках Гаймановой Могины. Уже первая

самостоятельная экспедиция принесла Борису Николаевичу огромный успех — известный комплекс Толстой Могила со знаменитой пекторалью. На этом комплексе выросла не только слава Мозолевого: проработка материала на фоне известных царских курганов сделала его ученым. В 1979 г. он издал фундаментальную монографию «Товста Могила», а в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Последующие годы были временем напряженной работы — полевой и кабинетной. Под его руководством исследован ряд интереснейших скифских памятников Никопольщины: Бабина и Водяна Могила, Желтокаменка, в последние годы — Соболева Могила и др. Борис Николаевич уделял особое внимание исследованию курганов скифской знати. В этом он был, пожалуй, лучшим специалистом, хотя им раскопано немало и рядовых курганов. Работавшие с ним коллеги знают, что он обладал не только профессиональным мастерством, но и удивительной интуицией.

В 1982 г. Борис Мозолевский издал чудесную научно-популярную книжку «Скіфський степ», в которой органически соединился его талант археолога и поэта. Прекрасно иллюстрированное изложение истории исследования курганов скифской элиты гармонично дополнено здесь поэтическим видением истории Скифии, ее героев и образов — реальных и мифологических. В эти же годы он активно работает над комплексом Мелитопольского кургана. Раскопанный А. И. Тереножкиным в 1954 г., этот памятник открыл новый этап в изучении захоронений скифской знати. Обращение к этому материалу было вызвано не только профессиональным интересом Бориса Николаевича. Он рассматривал эту работу и как духовное завещание Учителя. Эта книга (1988 г.) отражает и новые научные интересы Б. Мозолевого — этногеография Скифии.

В последнее время, возглавляя Сектор скифской археологии, Борис Николаевич успешно работал над этой темой, надеясь воплотить ее в докторской диссертации и в книге. Именно в это время выходят его обобщающие статьи по истории Скифии, выдвигаются оригинальные гипотезы. Не все они однозначно воспринимались коллегами, но Борис Николаевич по-научному относился к критике, иногда он шутил: «Я пишу для XXI века».

Работая с ним, посещая его гостеприимный дом, мы всегда ощущали, что рядом с нами — яркая личность. В наше сложное время он оставался самим собой — свободным в своих суждениях и твердым в убеждениях.

Борис Николаевич умирал долго и мучительно, повторяя одну фразу: «Не успел». Но и успел он, придя в археологию достаточно поздно, очень много: более 60 научных работ, много популярных, 8 поэтических сборников.

15 сентября, когда писались эти скорбные строки, по радио звучали стихи Бориса Николаевича, его живой страстный голос:

«Коли і я за караваном
Піду, згорнувши днів сувій,
Я скіфським золотом курганним
Залишусь в пам'яті твоїй...»

Говорят, когда умирает человек, падает звезда. Звезда Бориса Мозолевого не упала: она по-прежнему горит и всегда будет ярко гореть не небосклоне скифской археологии и украинской поэзии.

Институт археологии
АН Украины, Киев

Е. П. Бунятян, С. А. Скорый

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии РАН
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения РАН
ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, Москва
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Санкт-Петербург
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Salt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les céramiques de la Crée de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin
JHS — J. of Hellenic Studies. London
MSW — Materialy starożytne i wczesnosre d nioweczne
PZ — Prahistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archéologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.01.94 Подписано к печати 18.02.94 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 39,1 тыс. Уч.-изд. л. 26,5 Бум. л. 8,0
Тираж 1861 экз. Заказ 769 Цена 90 р.

Московская типография № 2 ВО «Наука», Москва, 121099, Шубинский пер., 6